

З. О. Вахтёрова

В. П. ВАХТЕРОВ

**ЕГО ЖИЗНЬ
И РАБОТА**

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Э. О. Вахтерова

В. П. ВАХТЕРОВ,
ЕГО ЖИЗНЬ
И РАБОТА

Под редакцией Ф. Ф. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
МОСКВА 1961

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии педагогических наук РСФСР*

ОТ РЕДАКЦИИ

Э. О. Вахтерова — жена, ближайший помощник и друг В. П. Вахтерова. Вместе с ним она плодотворно трудилась на ниве народного просвещения. С ее помощью В. П. Вахтеров создал замечательные книги для классного чтения — «Мир в рассказах для детей», по которым учились многие поколения нашей страны. Э. О. Вахтерова относилась к той части демократической интеллигенции, которая все свои силы отдавала делу народного просвещения, полагая, что только оно является надежным средством улучшения жизни народа. Она разделяла общественные и педагогические взгляды В. П. Вахтерова, его народнические иллюзии, заблуждения и ошибки. Она не понимала, что только революционным путем можно покончить с самодержавием и капитализмом. Далекая от марксизма, она и после Октябрьской социалистической революции сохранила многие черты своего старого мировоззрения, которые отразились и в написанной ею книге.

Предлагаемая вниманию читателей ее книга «В. П. Вахтеров, его жизнь и работа» рисует яркую картину жизни и деятельности выдающегося русского педагога, талантливого методиста начального обучения, автора хорошо известных учебных книг для народной школы. В этой книге собран и систематизирован большой и ценный фактический материал о В. П. Вахтерове. В ней содержится малоизвестный или вовсе не известный материал по истории народного образования, имеются меткие характеристики и оценки деятелей просвещения, отдельных фактов и явлений. Книга является известным вкладом в историко-педагогическую литературу. Но она не лишена и существенных недостатков, которые нельзя исправить, так как автора нет в живых.

Автор в ряде случаев неверно рисует исторический и общественно-политический фон; не проводит ясной грани между буржуазными и мелкобуржуазными политическими партиями, с одной стороны, и социал-демократической партией — с другой; говорит о социал-демократах в целом, не выделяя деятельности большевистской партии. Не понимая руководящей роли рабочего класса в революции, автор часто рассматривает его лишь как объект просветительной деятельности.

Отсутствием четкого классового подхода к историческим событиям объясняется и то, что Э. О. Вахтерова преувеличивает роль

интеллигенции и учительства как ее отряда в революционном движении; идеализирует деятельность земства, либерально-буржуазных просветительных организаций (различных обществ, коопераций и т. п.), не показывает ограниченность «культурничества» либеральной интеллигенции.

Принимая решение об издании данной книги, Редакционно-издательский совет Академии педагогических наук видел ее ценность в том, что в ней ярко и с фактической стороны обстоятельно освещается жизнь и работа видного педагога-демократа и крупного деятеля народного образования в дореволюционной России — В. П. Вахтерова.

Чтобы помочь читателю правильно понять и оценить фактический материал, понять и оценить роль и место Вахтерова в истории русской школы и педагогики, решено было предпослать книге вводную статью, в которой дается краткая характеристика педагогических взглядов и педагогической деятельности В. П. Вахтерова.

В. П. ВАХТЕРОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ПЕДАГОГ-ДЕМОКРАТ И КРУПНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(1853—1924)

В. П. Вахтеров — яркий представитель демократической ветви русской педагогики. Ему принадлежит почетное место в ряду таких прогрессивных педагогов и методистов старшего поколения, как Н. А. Корф, Н. Ф. Бунаков, В. Я. Стоюнин, В. И. Водовозов, В. П. Острогорский, А. Я. Герд, П. Ф. Лесгафт и другие. Большой заслугой Вахтерова является то, что он продолжал развивать педагогическую теорию начального образования, разработанную великим русским педагогом К. Д. Ушинским.

Вахтеров был неутомимым пропагандистом всеобщего обязательного начального обучения, страстным борцом за демократизацию народного образования. Его выступления, статьи и книги по вопросам всеобщего обучения в свое время пользовались популярностью среди прогрессивных слоев русского общества и снискали ему горячую любовь в среде народных учителей.

В. П. Вахтеров формировался как педагог-демократ и общественный деятель в тот период, когда прогрессивные силы русской общественной мысли, русской литературы и науки, русского искусства высоко подняли знамя демократизма. На его общественно-политические и педагогические взгляды большое влияние оказали революционные демократы, общественно-педагогическое движение 60-х гг. и революционное народничество 70-х гг.

В «Воспоминаниях из моей жизни» В. П. Вахтеров пишет: «Из книг, прочитанных мною за два года семинарской жизни, особенно сильное впечатление произвели на меня... «Что делать?» Чернышевского, стихотворения Некрасова, статьи Писарева, Добролюбова, «Азбука социальных наук» Флеровского, книжка Молешотта, статьи Лассаля, Лаврова. Добролюбов был особенно популярен у нас». В книге «Основы новой педагогики» Вахтеров называет Добролюбова кумиром своей юности. Еще будучи в семинарии, В. П. Вахтеров воспринял идеалы народничества и под их влиянием принял решение оставить семинарию и стать учителем.

В «Воспоминаниях из моей жизни» он пишет: «В это время носилась в воздухе идея «хождения в народ». Дошла она и до Нижнего и до духовной семинарии. Интересовала она меня страшно. Я искал людей, которые бы могли познакомить меня с движением, и нашел такого человека в лице П., служившего письмоводителем в одном из нижегородских учебных заведений... В наших беседах мы чаще всего говорили о практических, конкретных формах, в которые должна вылиться наша работа. Часто останавливались на роли народного учителя, и эта форма сближения с народом особенно нравилась мне. Я принялся за чтение журнала «Учитель», за Ушинского, Корфа. И чем больше я читал педагогических книг, тем сильнее воодушевлялся задачами народного учителя, не только как средством сближения с народом (это само по себе), а прямо задачами воспитания и образования «подростающих поколений».

Девятнадцатилетним юношей, в 1872 г., начал В. П. Вахтеров свою педагогическую деятельность и более полувека самоотверженно трудился на ниве народного просвещения. При этом он никогда не замыкался в узких рамках педагогики. Занятия в школе, инспекторскую работу и теоретические исследования он сочетал с широкой общественной деятельностью. Внешкольное образование взрослых, организация библиотек, клубов, университетов и т. п. являлись для него не менее важным и не менее любимым делом, чем народная школа.

В течение 15 лет (1881—1896) В. П. Вахтеров был инспектором народных училищ, формально — чиновником Министерства народного просвещения. Но он понимал задачи просвещения совсем иначе, чем его собратья из чиновничьего мира. Он ратовал за расширение программы начальной народной школы, требовал активизации обучения, развития детской самодеятельности, являлся непримиримым противником бездушного формализма, царившего во многих школах. Он всегда выступал за реальное образование, ясно видел пороки классицизма, насаждаемого реакционным министром просвещения Д. Толстым.

Современники Вахтерова отмечают, что он повышал педагогическую культуру учителей, помогал им проявлять творческую инициативу.

Н. В. Чехов, близко знавший В. П. Вахтерова, отмечает, что он обладал умением тесно связывать учение с жизнью, развивая активность и наблюдательность детей.

Что касается широкой общественной деятельности В. П. Вахтерова, а именно: его участия в комитетах грамотности, в Лиге образования, в организации библиотек, в создании Московского и Всероссийского союза учителей и т. п., то она протекала в русле буржуазного либерализма. Характерной формой либерализма в области просвещения было так называемое культурничество. Культурники подвизались и в земствах, и в кооперации, и в сельскохозяйственных обществах. Но излюбленной сферой их деятельности было народное образование.

«Такие культурники есть во всех слоях русского общества,— писал В. И. Ленин,— и везде они ... боязливо сторонятся «политики» ... Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма...»¹.

¹ Ленин В. И., Сочинения, т. 7, стр. 30.

Такие яркие представители левого крыла либеральной интеллигенции, как Вахтеров, были глубоко убеждены и искренне верили, что служат демократии и свободе. Они не понимали, что их культурно-просветительная работа в рамках самодержавного строя имеет очень ограниченное значение, не замечали, что само правительство в известных условиях допускало некоторую легализацию просветительной работы. Расчет царского правительства был прост: сеять иллюзии среди культурных обывателей, что будто бы в условиях буржуазно-помещичьего строя имеются возможности для самостоятельности общественных сил на почве просветительной работы.

Революционные социал-демократы, большевики не отрицали пользы культурно-просветительной работы интеллигенции, они признавали и поддерживали ее, но только в той мере, в какой она действительно помогала росту политической сознательности рабочего класса и крестьянства. В. И. Ленин резко осуждал всякие попытки некоторых социал-демократов противопоставлять рабочий класс интеллигенции и в то же время беспощадно критиковал, осуждал, высмеивал тех интеллигентов, которые всю освободительную борьбу хотели свести к культурничеству, которые высокомерно относились к революционной работе и обвиняли революционеров в том, что они якобы мешали их «созидательной», мирной культурной деятельности.

Культурно-просветительная деятельность либеральной и особенно народнической интеллигенции несомненно способствовала проникновению знаний в среду рабочих и крестьян, пробуждала их недовольство царизмом, и это являлось положительной стороной культурничества. Но культурничество имело и отрицательную сторону: оно создавало впечатление, будто путем одного просвещения можно избавить народ от нищеты, кабалы, социального гнета.

В общественной деятельности В. П. Вахтерова также было свое положительное и свое отрицательное. Борясь за просвещение народа, пропагандируя всеобщее обучение, организуя внешкольные учреждения и т. п., он делал полезное дело. Сводя же общественную деятельность к культурничеству, рассматривая просвещение как единственный путь, ведущий к лучшей жизни, он тормозил развитие политического самосознания народных масс, учителей, которые прислушивались к его голосу.

Только так подходя к оценке общественной деятельности Вахтерова, мы сумеем избежать как ее идеализации, так и огульного ее отрицания. К сожалению, в нашей историко-педагогической литературе встречается и то и другое.

*

В. П. Вахтеров родился в 1853 г., в семье консисторского сторожа, в г. Арзамасе. Восемью лет он поступил в Арзамасское духовное училище. По его словам, школьное учение не представляло для него большого интереса. «Обыкновенно я учил уроки лишь для того, чтобы ответить, когда спросят, и не быть высеченным или посланным в карцер» («Воспоминания из моей жизни»). Он с увлечением занимался чтением книг. Сначала отдал дань духовным книгам, житиям святых, потом увлекался произведениями Гоголя, А. Дюма, стихами Никитина. В 1866 г. В. П. Вахтеров окончил

духовное училище, а в 1867 г. поступил в Нижегородскую духовную семинарию. Здесь он с упоением изучает «Историю цивилизации» Бокля, читает произведения революционных демократов, народников, изучает передовую педагогическую литературу и прежде всего труды К. Д. Ушинского.

Как сказано выше, под влиянием идеи «хождения в народ» В. П. Вахтеров решил посвятить себя делу просвещения народа. Не окончив духовной семинарии, он выдержал в 1871 г. экзамен на звание домашнего учителя и в 1872 г. начал свою педагогическую деятельность в качестве учителя начальной школы в г. Василь-Сурске, а затем в Ардатове Нижегородской губернии.

Уже в самом начале своей педагогической деятельности В. П. Вахтеров проявил себя не только как педагог-новатор, но и как педагог-общественник. Он организовал при школе библиотеку и начал проводить просветительную работу среди взрослых.

В 1874 г. В. П. Вахтеров поступил на одногодичные курсы при Московском учительском институте, после окончания которых (в 1875) в течение шести лет был учителем, а затем и инспектором Духовщинского городского училища на Смоленщине. В этот период он много занимался вопросами организации учебного процесса, большое внимание уделял методике занятий в одноклассных начальных школах, настойчиво искал методические пути развития самостоятельности у школьников и формирования интереса к приобретению знаний. Он сам в эти годы увлекался естествознанием, математикой, изучал вопросы развития наглядности в преподавании. Академик Козлов — ученик В. П. Вахтерова — в своих воспоминаниях пишет, что Вахтеров вел занятия увлекательно и зажег в нем жажду знаний, привил ему любовь к науке.

В 1881 г. В. П. Вахтеров назначается инспектором народных училищ четырех уездов Смоленской губернии. Рамки его деятельности расширяются и усложняются. Он развивает энергичную деятельность: добивается увеличения ассигнований на нужды школы, мобилизует частную инициативу, борется за расширение работы земств в области народного образования. Зная хорошо начальную школу, он подвергает уничтожающей критике церковноприходские школы, вскрывает их убогость, показывает жалкий уровень знаний, выносимых крестьянскими детьми из этих школ. Это имело большое значение, ибо именно в это время Д. Толстой, Победоносцев, Рачинский и другие, опираясь на поддержку царизма, боролись за расширение сети церковноприходских школ, за передачу всего начального образования в руки духовенства. В. П. Вахтеров ведет борьбу за то, чтобы начальная школа была преемственно связана со средней школой, чтобы ее питомцы без экзаменов переходили в реальные и другие средние учебные заведения.

Н. В. Чехов отмечает, что В. П. Вахтеров не был похож на обычных инспекторов народных училищ, которые, как правило, верноподданнически осуществляли надзор за деятельностью народных школ и народных учителей, не допуская отклонения от предписаний и циркуляров Министерства народного просвещения. Он не был похож на тех государственных чиновников, которые наводили страх на учителей. Напротив, по свидетельству самих учителей, В. П. Вахтеров был их помощником, их старшим товарищем. Он относился к тем немногим должностным лицам Министерства просвещения, которые, подобно И. Ульянову и Н. Корфу, действительно

заботились о нуждах народной школы и помогали учителям в их трудном деле.

Инспектируя школы и посещая уроки, В. П. Вахтеров всегда искал положительное в работе учителей, помогал им преодолевать трудности, давал показательные уроки, поднимал веру учителей в их собственные силы.

80-е годы — это годы усиления реакции, эпоха безвременья. Усиливается роль дворянства в земских учреждениях. Д. Толстой, а затем Делянов держат курс на вытеснение земских школ, в средних школах насаждается классицизм. В официальной печати задают тон такие реакционные публицисты, как Катков и Леонтьев.

В этих условиях трудно было быть либеральным инспектором народных училищ, а еще труднее идти против официального курса в области народного образования и педагогики. Но В. П. Вахтеров шел против течения, он отстаивал демократизм в области просвещения, отстаивал, конечно, не революционными, а либеральными методами.

Будучи типичным народником-просветителем, В. П. Вахтеров наивно верил в возможность широкого развития культурно-просветительной работы в условиях буржуазно-помещичьего общественного строя. Отсюда — его либерализм, его стремление примирять классовые противоречия, сглаживать классовый антагонизм. Он всегда, особенно во время революционных взрывов, охотно сотрудничал с представителями народнических партий: трудовиками, народными социалистами, эсерами, но, являясь сторонником ничем не ограниченного либерализма, он предпочитал оставаться беспартийным общественным деятелем.

Невозможно лучше охарактеризовать его либерализм, чем это сделала Э. О. Вахтерова, освещая его общественные и другие связи в смоленский период жизни. «Живой, отзывчивый, общительный, В. П. имел связи с самыми различными людьми и умел возбуждать к себе большие симпатии. К нему льнули все, и это были самые разнообразные люди: крестьяне-самоучки, которым он помогал в их стремлении к самообразованию и снабжал книгами, и, конечно, учителя и учительницы, видевшие в нем своего защитника, и оригинальный сиятельный князь со сложной фамилией Ромейко-Гурко-Друцкой-Соколинский, старый вельможа, сначала близкий друг Победоносцева, а затем его злейший враг, имевший знакомства во всех министерствах и характеризовавший их категорически и сильно: «Дурак на дураке, и подлец на подлеце». Были в числе этих многочисленных знакомых В. П. Вахтерова и местные земцы, и местные землевладельцы, которых он сумел заинтересовать вопросами школы, и политические ссыльные, которых немало было в те годы в Смоленской губернии».

Поскольку либеральная общественная деятельность В. П. Вахтерова в Смоленской губернии протекала в более или менее дозволенных рамках, он не только не был отстранен от должности инспектора народных училищ, а как человек безусловно талантливый, проявивший себя способным учителем и инспектором, был переведен в июле 1890 г. инспектором школ в Москву. Правда, здесь дело не обошлось без связей. Его рекомендовал попечителю Московского округа графу Капнисту известный педагог Малинин, крупный методист математики, инициатор создания Московского учительского института и первый его директор.

В это время поднималась волна русского рабочего движения. Закладывались основы социал-демократической рабочей партии в России. Плеханов и особенно Ленин подвергали народничество уничтожающей критике. Обветшалым догмам либералов и народников, которые и в новых условиях продолжали делать ставку на крестьянство и не понимали исторического значения новой общественной силы — рабочего класса, В. И. Ленин противопоставлял революционное учение марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата в деле коренного преобразования общества.

Еще в период борьбы за создание социал-демократической партии Ленин заявил, что «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»¹.

Но и в этих изменившихся общественных условиях В. П. Вахтеров остался типичным демократом-просветителем, возлагавшим все надежды на просвещение. Более того, именно в этот период он с исключительной энергией развертывал свою работу в области народного образования, выступал инициатором создания разного рода обществ и организатором земских и других либеральных общественных сил на фронте просвещения.

Работая инспектором в Москве, В. П. Вахтеров одновременно принимал самое активное участие в деятельности Московского Комитета грамотности. Он, можно сказать, был душой этого комитета. В это время он развертывает широкую пропаганду всеобщего обязательного начального обучения и активно участвует в организации школ для рабочих. Работая в Комитете грамотности, он способствовал созданию ряда внешкольных учреждений. Под его председательством был организован в Москве «Музей наглядных пособий», обслуживавший многие провинциальные школы. В. П. Вахтеров много сделал для превращения школьных библиотек в народные, принимал активное участие и в проведении кампании помощи голодающим.

В своей общественной деятельности в Москве и в критике политики Министерства народного просвещения В. П. Вахтеров выходил иногда за дозволенные рамки и оказался поэтому в поле зрения вездесущей охранки. Его деятельность стала вызывать недовольство в министерских сферах и в Московском учебном округе. Попечитель Московского учебного округа Боголепов так характеризовал Вахтерова: «...помимо своей прямой деятельности, В. П. Вахтеров увлекался общественной деятельностью и литературой и, излагая свои мысли о народном образовании, иногда придавал им, ради дешевого успеха среди публики, нежелательную и несовместимую с его служебным положением окраску или резкую, бьющую на эффект форму».

В 1896 г. Вахтеров вынужден был уйти в отставку.

С этого времени начинается новый и, пожалуй, самый плодотворный период его жизни. Продолжая заниматься разносторонней культурно-просветительной деятельностью (в О-ве грамотности, в Лиге образования, на съездах по профессионально-техническому образованию и т. п.), В. П. Вахтеров именно в это время создает

¹ Ленин В. И., Сочинения, т. 1, стр. 282.

«Русский букварь» и замечательные книги для чтения «Мир в сказках для детей» (1900), в которых обобщался его опыт педагога-демократа, талантливое методиста. В этот период времени он выпускает ряд трудов по всеобщему обучению и внешкольному образованию.

Особенно плодотворной была его работа на учительских курсах. С 1898 по 1902 г. он выступал в качестве лектора на летних учительских курсах в Хороле, Лубнах, Сураже, Курске, Саратове, Екатеринодаре и других. Учителя высоко ценили его деятельность. Об этом говорят их многочисленные письма, адресованные В. П. Вахтерову.

В декабре 1902 г. в Москве состоялся 1-й Всероссийский учительский съезд обществ взаимопомощи учащим, на котором присутствовало 300 делегатов от 70 обществ. В подготовке и проведении этого съезда В. П. Вахтеров принимал деятельное участие. Руководители съезда, раболепствующие либералы, позорно вели себя при обсуждении резолюции о правовом положении учителя. Когда председатель съезда Мазинг предложил обсуждать только те тезисы доклада, которые были допущены распорядительным комитетом, В. П. Вахтеров имел мужество объявить: «Я, как член комиссии, уполномочен заявить от лица своих товарищей, что работа наша представляет неразрывное целое: в ней один пункт вытекает из другого непосредственно, а поэтому я предлагаю одно из двух: либо обсуждать доклад целиком, либо вовсе его не обсуждать». На этом съезде он выступил с докладом «Умственные запросы учительства и их удовлетворение».

В период с 1897 по 1903 г. В. П. Вахтеров проводил интересную работу в школе при Тверской мануфактуре Морозовой. Он провел здесь ряд ценных экспериментов по изучению детей и по методам обучения. Его педагогические наблюдения в тверской школе были использованы впоследствии в его творческих работах по педагогике и методикам.

Не будучи связан своим служебным положением, как это было в период его инспекторства, В. П. Вахтеров все острее критиковал деятельность Министерства просвещения, все больше переступал границы, дозволенные цензорами и полицией. Охранка следила за каждым его шагом. В 1903 г. он был арестован за материальную помощь семье сосланного педагога, за связь с политически неблагонадежными и за якобы противоправительственную агитацию в тверской школе и среди рабочих. После 3-месячного заключения в Таганской тюрьме он был выслан в Новгородскую губернию на 3 года. Но в Новгороде Вахтеров был в ссылке лишь до 1904 года. В конце этого года он вернулся в Москву и принялся опять за литературно-педагогическую и общественную работу. В годы революции 1905—1906 гг. он много сил отдал организации Учительского союза. Эта его деятельность освещается в книге Э. О. Вахтеровой с ошибочных позиций. Автор книги — сама активный участник Учительского союза — сочувственно относится к той позиции, какую занимали тогда народнические партии. Она полагает, что идея профессионально-политического союза, которую отстаивали эсеры и кадеты, была правильна, а позиция революционных социал-демократов большевиков, отстаивавших чисто профессиональный союз, была раскольнической. В соответствующем месте книги,

в примечании от редакции, мы подробно выясняем ошибку В. П. Вахтерова и автора книги Э. О. Вахтеровой.

В период между двумя революциями, охватывающий десять лет, В. П. Вахтеров, разочаровавшись в известной мере в общественной деятельности, сосредоточил свои силы главным образом на теоретической работе по педагогике и методикам. В это время им создан и опубликован ряд фундаментальных работ: «Предметный метод обучения» (1907), «Спорные вопросы образования» (1907), «Основы новой педагогики» (1913) и «Всенародное школьное и внешкольное образование» (1917). Он продолжал совершенствовать букварь и книги для чтения, доставившие ему широкую известность и большую популярность среди прогрессивных учителей.

Но и в эти годы В. П. Вахтеров не ограничивался литературно-педагогической работой. Он активно участвовал в работе Лиги образования, реже, чем раньше, но все же выступал на учительских курсах.

В. П. Вахтеров принимал самое активное участие в работах Всероссийского съезда по народному образованию (22 декабря 1913 — 3 января 1914 г.), который имел большое значение в деле борьбы за демократическую перестройку школы. Большевицкая партия уделяла этому съезду большое внимание. Достаточно сказать, что в период подготовки к съезду и во время его проведения «Правда» посвятила ему свыше 30 статей.

Несмотря на тщательный отбор делегатов съезда, на нем было немало демократически настроенных учителей. В его работах принимало участие и некоторое количество большевиков в качестве делегатов-учителей. Однако съезд проходил в условиях жесткого режима, установленного «свыше», и поэтому в его решениях не получила последовательного развития демократическая линия в области образования.

В годы первой империалистической войны В. П. Вахтеров был представителем от Учительского союза в Центральном Международном бюро учительских союзов. Он организовал материальную и моральную помощь военнопленным учителям, семьям учителей, мобилизованных в армию.

В 1916 г. В. П. Вахтеров принимал деятельное участие в организации и работе Первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка, а в период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. много сил отдал возрождению Всероссийского Учительского союза и как его представитель принимал участие в работе Государственного комитета по народному образованию.

*

На формирование педагогических взглядов В. П. Вахтерова большое влияние оказали прогрессивные идеи революционно-демократической педагогики, общественно-педагогического движения 60-х гг. Сильное влияние на его педагогические воззрения оказали труды К. Д. Ушинского. В. П. Вахтеров был знаком и с западно-европейской педагогической мыслью. Он хорошо знал прогрессивные для своего времени педагогические идеи Рабле, Монтэня, Коменского, Локка, Руссо, Песталоцци, Фребеля и других и часто обращался к ним при обосновании своих педагогических взглядов

Из истории педагогики его внимание привлекали те факты и идеи, которые служили орудием борьбы против мертвящей схоластики, бессмысленной зубрежки, вербализма и формализма в обучении, которые являлись опорой свободного творческого труда учителей в школе и развития любознательности, самостоятельности и активности учащихся. Важным источником педагогических взглядов В. П. Вахтерова был его собственный педагогический опыт, а также опыт передовых учителей, который он имел возможность наблюдать в период его инспекторской деятельности в Смоленской губернии и в Москве. Многие дали для его теоретических обобщений экспериментальные работы, проводимые им в тверской школе.

Своими трудами В. П. Вахтеров обогатил многие разделы педагогики, но особенно ценный вклад он внес в теорию и практику начального обучения.

В 80—90-е гг. В. П. Вахтеров занимался главным образом разработкой общественно-педагогических проблем. В центре его внимания в это время стоял вопрос о всеобщем обязательном начальном обучении. Будучи почти целиком поглощен этим вопросом, он очень мало уделял внимания теории педагогики и дидактике в строгом смысле этого слова. В тесной связи с вопросом всеобщего обучения В. П. Вахтеров рассматривал и коренные проблемы народной школы (ее место в системе народного образования, содержание обучения в ней, продолжительность курса и др.).

Вопросы всеобщего обучения волновали его и в последующие годы, вплоть до Октябрьской революции. К теоретическим изысканиям и дидактическим экспериментам он подошел вплотную после революции 1905—1907 гг., когда вынужден был значительно сузить размах своей практической и общественной деятельности.

Уже в «Заметках о народной школе», появившихся в 1891 г. в журнале Министерства народного просвещения, В. П. Вахтеров доказывал возможность значительного расширения школьных контингентов при сравнительно небольших материальных затратах со стороны земств и государства. Это положение он подтверждал ссылками на данные многих земств Смоленской губернии. Но в этой статье еще не было ясной постановки вопроса о необходимости и возможности осуществления всеобщего начального обучения во всей стране. Остро этот вопрос ставится им в статье «Всеобщее начальное обучение», появившейся в «Русской мысли» в 1894 г., в реферате на эту тему в Московском Комитете грамотности и в его выступлениях на 2-м съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию. В. П. Вахтеров показал культурную отсталость России по сравнению с рядом стран Европы и Америки и неопровержимо доказал, что единственным виновником народного невежества является самодержавие, не желающее делать никаких шагов для повышения грамотности населения. Он опроверг все доводы, приводившиеся против всеобщего обучения. Реакционеры, включая и министров народного просвещения Д. Толстого, Делянова и других, считали предложение о введении всеобщего начального обучения пустой и вредной утопией. К каким только ухищрениям не прибегали они, чтобы опорочить, дискредитировать всякую мысль о всеобщем обучении. Они запугивали обывателей тем, что введение всеобщего обучения потребует больших налогов, апеллировали к бедности народа, утверждали, что народу просвещения не нужно и будто бы он сам не стремится к образованию.

Известный реакционный публицист Леонтьев, к голосу которого охотно прислушивалось и правительство, писал: «Всеми мерами нужно заботиться, чтобы не допустить народ к образованию. Если мы до сих пор противились духу времени (т. е. введению народного представительства), то этим обязаны безграмотности русского народа». Реакционеры внушали правительству и господствующим классам, что безграмотным народом управлять легче. Пускалась в ход и такая мысль, что всеобщее обучение приведет к порче нравов.

В этой обстановке громкий голос В. П. Вахтерова в защиту всеобщего обучения прозвучал как призыв к борьбе против всякого обскурантизма. По поводу реферата, прочитанного им в Московском Комитете грамотности, известный буржуазный экономист А. И. Чупров говорил, что он развеял призрак неосуществимости всеобщего обучения.

Выступления В. П. Вахтерова вызвали самый живой отклик в широких кругах демократической интеллигенции. И в этом его несомненная заслуга. В 1897 г. вышла в свет его книга «Всеобщее обучение». Ссылаясь на опыт истории, на опыт многих передовых стран мира, В. П. Вахтеров шаг за шагом разбивал доказательства реакционеров о неосуществимости всеобщего обучения. Он раскрыл громадное значение всеобщего обучения для хозяйственного подъема страны, для борьбы с предрассудками и грубыми суевериями народа, для преодоления экономической и культурной отсталости России. Эти же положения он развивал и в статье «К вопросу о всеобщем обучении», опубликованной в журнале «Вестник воспитания» в 1897 г.

Сила и убедительность прогрессивных выступлений Вахтерова состояли и в скрупулезных расчетах, которые показывали осуществимость всеобщего начального обучения в России, несмотря на низкий экономический уровень развития ее. Вахтеров видел источник финансирования всеобщего обучения не в повышении налогов, а в перераспределении расходов, в частности в сокращении их на содержание полиции, огромного бюрократического аппарата, на армию. Еще более энергично и широко развернул он пропаганду всеобщего обучения в годы первой русской революции. В «Записке об организации школ на новых началах» Вахтеров предлагал практически приступить к введению всеобщего обучения. «В первый период,— писал он,— должна быть достигнута общедоступность обучения посредством устройства достаточного числа начальных школ»¹, а затем можно будет перейти и к обязательному обучению. При этом он настаивал на осуществлении этого в короткий срок. Касаясь вопроса о средствах на всеобщее обучение, он прямо говорил о необходимости сократить расходы на полицию, на армию, на бюрократический аппарат и т. п.

И в годы мрачной столыпинской реакции, и в годы нового революционного подъема В. П. Вахтеров не оставлял мысли о введении всеобщего обучения. И в Лиге образования, и на учительских съездах, и на съезде по народному образованию в 1913—1914 гг. он продолжал быть страстным поборником всеобщего обязательного начального обучения.

¹ Вахтеров В. П., Об осуществлении всеобщего обучения, «Народный учитель», 1906, № 12, стр. 4.

Его книга «Всенародное школьное и внешкольное образование», написанная в 1916 г. и опубликованная в 1917 г., и сейчас читается с большим интересом, хотя все в ней — далекое прошлое, история.

Это — одна из немногих книг, относящихся к этому времени, в которой так ярко и убедительно был раскрыт антинародный характер политики царского правительства в области просвещения. Приведем некоторые выдержки.

«Прошлое нашего народного просвещения — это история лицемерия, напыщенных правительственных деклараций о важности образования, с одной стороны, и гонений на школы и деятелей просвещения — с другой»¹.

«Положение народного просвещения у нас было довольно верно схвачено карикатурой, которая в 90-х годах прошлого века имела большой успех за границей. На карте Европы западная часть была изображена светлой, но эту светлую половину отделяет стена от совершенно темной восточной части, а около стены изображен министр народного просвещения конца века Делянов и старательно замазывает все щели, чтобы через них не проникли как-нибудь лучи света с запада в Россию. Графу Делянову, как известно, принадлежит циркуляр о «кухаркиных детях», сущность которого состоит в том, чтобы в гимназии отнюдь не допускались дети недостаточно обеспеченных родителей. В 1897 году Министерство народного просвещения вносило в смету на начальное народное образование менее 1½ миллиона (1 484 000 р.), что составляет по 1 копейке на каждого жителя»².

«Чем более трещин давал старый строй, тем усерднее оберегалось сознание народа от попыток критического отношения к этому строю. Отсюда все усиливающееся давление на школу, боязнь каждого новшества, недоверие к обществу, частной инициативе и учителям, ограждение учащихся от влияния книги, газеты, интеллигенции, самый подозрительный надзор над учащими и учащимися зараз, — посредством экзаменов и целой системы шпионства, замена педагогики и дидактики официальными программами и циркулярами и крайне своеобразная система школьного заведования, монополизировавшаяся в руках бюрократии и поглотившая образование, ставшая тираном и палачом детской души»³.

Подвергнув такой уничтожающей критике политику царского правительства, В. П. Вахтеров указывал, что в демократических слоях России развивается и крепнет стремление сделать всеобщим и общедоступным образование сначала начальное, а затем среднее и высшее.

«Конец XIX и начало XX века прошли и у нас под знаком «всеобщего обучения», — писал он. «Это — требование обучать всех без различия звания, сословия, состояния, пола, вероисповедания, национальности... Наш идеал — равное для всех общее образование»⁴.

¹ Вахтеров В. П., Всенародное школьное и внешкольное образование, М., изд. Сытина, 1917, стр. 44.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 72—73.

В. П. Вахтеров, являясь сторонником классового сотрудничества, не мог, разумеется, понять, что в буржуазно-крепостническом государстве, каковым была царская Россия, равное для всех образование немыслимо, он не мог подняться до сознания того, что только победа социалистической революции создаст экономические и политические предпосылки для претворения в жизнь этого демократического принципа. Но его требования будили мысль трудящихся масс и прогрессивной интеллигенции, заставляли их задумываться над тем, почему этого нет в России.

К чести В. П. Вахтерова нужно отметить, что он ясно понимал необходимость бесплатного обучения, государственной помощи детям беднейшего населения и т. п. «Обучение,— подчеркивал он,— должно быть бесплатным не только в начальной, но и в высшей школе, не только в общеобразовательной, но и в профессиональной...»¹. «Необходимо организовать правильно поставленную помощь тем детям, которые не имеют платья и обуви...»².

В. П. Вахтеров понимал также, что без выполнения этих условий образование по-прежнему будет оставаться привилегией богатых. Он справедливо писал: «... и интересы личности и самого государства настоятельно требуют всеобщего образования, которое сводится к общедоступности, бесплатности и обязательности обучения. Без обязательного, бесплатного и общедоступного обучения 7,5 миллиона детей обоего пола, остающихся сейчас за порогом школы, не научатся ничему, проживут всю жизнь, не изведав всех тех благ, какие дает образование. Без этих мер мы и впредь останемся позади всех цивилизованных народов в деле просвещения»³.

В свете задач всеобщего обучения В. П. Вахтеров решал и вопрос о месте народной школы в системе народного образования. Он рассматривал народную школу как первую ступень образования, преемственно связанную с последующими ступенями. В статьях «Низшая школа», «Новая школа», «Записка об организации начальных школ на новых началах...» раскрывалась не только связь начального образования со средним, но и его связь с профессиональным. «Игнорировать профессиональную школу, — писал В. П. Вахтеров в книге «Спорные вопросы образования», — могут только паразиты, аристократы и плутократы, обеспеченные случайностью рождения от необходимости зарабатывать хлеб»⁴. В то же время он правильно считал вредной и нетерпимой слишком узкую специализацию, при которой человек «имеет только ограниченный, узкий круг знаний».

Вахтеров отстаивал единую школу, разделенную на три ступени (1-я ступень — 4 г., 2-я ступень — 4 г. и 3-я ступень — 3 года). Он считал, что задача народной школы — первой ступени образования — заключается в том, чтобы покончить с невежеством народа. Он правильно отмечал, что «характер школы» всегда находится в соответствии с общественным строем, но не делал вытекающего отсюда вывода: сначала изменить общественный строй,

¹ Вахтеров В. П., Всенародное школьное и внешкольное образование, М., 1917, стр. 83.

² Там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 94.

⁴ Вахтеров В. П., Спорные вопросы образования, М., 1907 стр. 26—27.

а затем изменять школу. Он верил в возможность преобразования школы при сохранении экономических основ старого строя, мечтая о буржуазной демократической республике. Он и перед школой ставил задачу подготовить таких людей, которые бы создали такое «демократическое» общество. По его мысли, начальная народная школа должна служить фундаментом образования и давать такие знания, которые могли бы стать исходным пунктом для дальнейшего образования и самообразования. Особенно большое значение он придавал тому, чтобы народная школа готовила к самообразованию, ясно понимая, что долгое время для широких народных масс она будет единственным очагом просвещения. Поэтому В. П. Вахтеров ставил перед народной школой задачу — учить детей правильно думать, логически мыслить, расширять их умственный кругозор, развивать психические функции (память, внимание, воображение, мышление), пробуждать любознательность, пытливость, стремление к знанию, развивать их индивидуальные способности.

Исходя из задач начальной школы, Вахтеров определял и содержание обучения в ней.

В «Заметках о народной школе» (1891) он был близок к официальной педагогике в решении этого вопроса и высказывался за религиозно-нравственное направление содержания образования в народной школе. Здесь он писал: «Религиозно-нравственное направление школы; преподавание церковно-славянского языка и пения, участие учеников в пении и чтении в церкви, знакомство из книг для классного чтения с главнейшими событиями русской истории и некоторыми сведениями из географии родины, знакомство с доступными пониманию учащихся произведениями русских классиков, простые, задушевные, проникнутые добродушием отношения учащихся и учащихся, вполне отвечающие задушевности и простоте патриархального русского быта и добродушия русского народа, дружеские отношения учащихся между собою, их всегдашняя готовность помочь один другому куском хлеба, лоскутом бумаги, объяснением уроков; уважение к обычаям народа,— вот главные элементы, из коих складывается национальный характер нашей начальной школы»¹.

Позднее, когда Вахтеров создавал свои книги для чтения «Мир в рассказах для детей» и особенно в революционные 1905—1907 гг., он выступал за светский характер образования. Не случайно злобный враг просвещения ярый черносотенец Пуришкевич поносил его учебные книги за то, что они якобы сеяли безбожие. Вахтеров резко критиковал программы Министерства народного просвещения для начальной школы и решительно настаивал на расширении объема начального образования.

Рассматривая начальную школу как фундамент дальнейшего образования, В. П. Вахтеров предъявлял высокие требования к учителю. Он возмущался тем, что царская бюрократия свела роль учителя к механическому исполнению предначертаний свыше и поставила в бесправное положение. Вахтеров требовал улучшения материального и правового положения учителей, чтобы они не были бессильны и беззащитны перед инспектором, членом училищного совета, попечителем и т. п. В. П. Вахтеров высоко ценил роль

¹ «Журнал Мин-ва нар. просвещ.», 1891, стр. 99, август.

учителя, называя его душой школы. «Самые превосходные учреждения, самые целесообразные организации, самые лучшие программы, самые удобные школьные помещения ничего не значат в школьном деле, если нерв и душа школы — учитель не будет стоять на высоте своего призвания, если его ум не будет проникнут гуманными широкими взглядами на школу, если его сердце не будет согрето любовью к детям и к своему делу», — так говорил он на учительских курсах в Лубнах¹.

Возвращаясь вновь к этой мысли в статье «Спор между школой и обществом», он писал: «Никакие программы, никакие планы обучения, никакие руководители, учебники и руководства — ничто не заменит живого учительского воздействия на учащихся»².

Каков учитель, такова и школа, таковы и дети, и поколения, идущие нам на смену, — эта мысль проходит красной нитью во всех его выступлениях, статьях, работах. По его мысли, работа учителя должна быть творческой, вдохновляемой высокими идеалами. Он всю свою жизнь отстаивал право учителя на свободное педагогическое творчество и постоянно подвергал критике и осуждению мелочную регламентацию деятельности учителя.

«Если обучение — искусство, — писал В. П. Вахтеров, — то это высшее из всех искусств, потому что оно имеет дело не с мрамором, не с полотном и красками, а с живыми людьми. И тогда школа является высшей художественной студией и учителю, как художнику, должен быть предоставлен известный простор и свобода творчества. Для художника считается достаточным контроль общества, оценка товарищей по искусству и профессиональная этика... Подобно тому и работа учителя могла бы контролироваться обществом, товарищескими организациями, регулироваться профессионально этикой»³.

Идеалом учителя для Вахтерова был образованный, культурный человек, пользующийся авторитетом и уважением среди детей и родителей, являющийся примером для молодого поколения. Он правильно полагал, что авторитет учителя находится в прямой связи с его знаниями, с его любовным отношением к школе и детям. Предъявляя к учителю высокие требования, В. П. Вахтеров, как никто другой, отдал много сил повышению культурного и педагогического уровня народных учителей. Его работа на учительских курсах — это пример самоотверженного, вдохновенного труда. Он стремился поставить дело на курсах так, чтобы будить мысль учителя, возбуждать у него жажду знаний, повышать его педагогическую культуру, укреплять любовь к его благородной профессии. Курсанты всегда отмечали умение В. П. Вахтерова поднять их самосознание, возвысить в их глазах великую миссию учителя.

В. П. Вахтеров считал, что народная школа выполнит свои большие задачи, если будет коренным образом изменено руководство ее деятельностью. Хорошо зная механику руководства народным образованием, он горячо протестовал против бюрократического централизованного управления школой. Он справедливо ут-

¹ «Русская школа», 1898, № 10, стр. 281.

² Вахтеров В. П., Спорные вопросы образования, М., 1907, стр. 50.

³ См. «Народный учитель» (1914, № 1), «Свобода учительского творчества».

верждал, что царская бюрократия изгоняла из школы рациональную педагогику, фальсифицировала научные знания, сообщаемые учащимся, обращала школу в казарму, обезличивала учителей, восстанавливала против них учащихся, школу против семьи и семью против школы¹.

Он выдвигал принцип децентрализации управления школой, означавший подчинение школ органам местного самоуправления, и принцип автономии школы, т. е. предоставление прав учителям и родителям определять содержание образовательной и воспитательной работы школы и весь строй школьной жизни.

Слабой стороной этих требований было то, что в условиях буржуазно-помещичьего строя и децентрализация, и автономия не могли освободить школу от полицейского гнета и реакционного влияния церкви на воспитание. Идея автономии, которую усердно развивал Вахтеров, находилась в противоречии с его же правильным утверждением, что каков общественный строй, такова и школа.

В. П. Вахтеров не ограничился освещением проблемы народной школы в ее общественно-педагогическом аспекте. Большое внимание в эти годы он уделял разработке коренных вопросов теории обучения и воспитания в начальной школе. Исходя из взгляда на начальную школу как на фундамент всего дальнейшего образования, он предъявлял и соответствующие требования к содержанию образования в ней, к построению учебного плана и программ. Он предлагал включить в учебный план родной язык, арифметику, ручной труд, искусства (рисование, лепка, пение). Этот план, по мысли В. П. Вахтерова, отвечал задачам всестороннего развития ребенка. Характерно, что в учебном плане Вахтерова нет места закону божьему. Правда, позже он отступил от этого: в 1917 г. им допускался закон божий как обязательный предмет для школы и не обязательный для учащихся. Не предусматривая в учебном плане в качестве отдельных учебных предметов естествознание, географию и историю, В. П. Вахтеров включал соответствующие знания по ним в программу объяснительного чтения по родному языку. Если учесть, что в это время в начальной школе, особенно церковноприходской, содержание обучения было пропитано духом религии и сводилось к выработке лишь умений читать, писать и считать, то станет ясно, насколько прогрессивным был учебный план, разработанный Вахтеровым. Однако следует отметить, что в нем не предусматривалось физическое воспитание в народной школе. Ручной же труд в школе и труд учащихся дома не могли заменить физического воспитания.

В. П. Вахтеров требовал согласовать программы народных школ с программами низших классов, гимназий, чтобы обеспечить преемственность между начальной и средней школой. Это вытекало из его идеи бессловной школы, высказанной еще в 1874 г.

В. П. Вахтеров критиковал существовавшие программы начальной школы за то, что они были устремлены на привитие детям механических навыков (чтения, письма, счета), а не на их умственное развитие. Когда в 1897 г. Министерством народного просвещения были опубликованы программы народных училищ, он вы-

¹ Вахтеров В. П., Спорные вопросы образования, 1907, стр. 44 и др.

ступил с резкой критикой их. В докладе, прочитанном в О-ве по распространению технических знаний на тему «Программа народной школы и ее отношение к профессиональному образованию», Вахтеров требовал выбросить из программ старый, ненужный хлам и ввести в них знания, необходимые для общего образования и умственного развития. Он решительно возражал против того, что в программах Министерства не предусматривались знания по естествознанию, географии и истории, не указывались образцы художественной литературы, с которыми необходимо было знакомить учащихся. В. П. Вахтеров открыто протестовал против того, что из 27 учебных недельных часов 12 часов (т. е. почти половину) министерство отводило на закон божий, церковно-славянское чтение и церковное пение. Он правильно указывал, что начальная школа не может игнорировать требования, предъявляемые к ней самой жизнью, развивающейся промышленностью. Он подчеркивал ту мысль, что начальная школа должна давать достаточные для жизни знания и трудовую подготовку.

Центральное место, по мысли В. П. Вахтерова, в начальной школе должен занимать родной язык, имеющий целью общее развитие детей и привитие им прочных навыков чтения и письма, необходимых как для усвоения элементарных знаний в школе, так и особенно для самообразования. В. П. Вахтеров последовательно защищал принцип обучения в начальной школе на родном языке.

Для характеристики образовательного и воспитательного значения родного языка он ссылаясь на известные слова К. Д. Ушинского: «Родной язык — это кладовая, где хранятся самые задушевные думы народа, самые лучшие думы, желания и стремления, его чаяния, самые дорогие его идеалы, это орган духовной жизни народа. Изучая родной язык, ребенок вступает во владение огромным духовным богатством, которое создано в течение веков и тысячелетий его народом».

В. П. Вахтеров критиковал министерские программы по русскому языку за преобладание в них грамматического материала, за формальное изучение языка в начальной школе, за увлечение грамматическими тонкостями. В противовес этому он большое внимание уделял чтению, правильно подчеркивая его огромное значение для умственного и нравственного развития учащихся и для сознательного овладения языком.

Большое место В. П. Вахтеров отводил арифметике. Он предлагал значительно расширить министерскую программу, включив в нее изучение метрической системы, изменение площадей и объемов, применяемое в практической жизни, и необходимое для усвоения элементов естествознания. Чтобы связать обучение арифметике с потребностями жизни, он рекомендовал решать задачи, составленные на материале из трудовой деятельности крестьян, природоведения, географии, истории.

«Очень важно,— писал В. П. Вахтеров,— сблизить арифметику, как и все другие предметы, с жизнью и всеми остальными предметами обучения. А потому данные арифметических задач должны быть почерпнуты из сферы, знакомой ученику, а не касаться отраслей, о которых он ничего не знает...», «...в задачах должно по возможности сообщать сведения, какие будут иметься и в практической жизни...», «...арифметика не должна быть изоли-

рована от других предметов преподавания. Она должна оказывать им возможную помощь, иметь связь с ними»¹.

Следуя педагогической концепции Ушинского, Вахтеров включал в программу и в свои учебные книги для чтения статьи, содержащие сведения из истории, естествознания, географии. Особенно большое внимание естествознанию он уделял на уроках объяснительного чтения, подчеркивая огромное образовательное и воспитательное значение естественных наук. В. П. Вахтеров, как и К. Д. Ушинский, утверждал, что естествознание развивает способность к наблюдениям, открывает широкий простор для детского творчества, учит классифицировать, сравнивать, делать выводы из собственных наблюдений, раскрывает перед учащимися безграничную власть человека, изменяющего природу. Он ясно видел и практическую пользу изучения естествознания для крестьянских ребят в том, что оно помогает уходу за скотом, повышению урожайности, учит более рационально вести сельское хозяйство.

В. П. Вахтеров включал в программу довольно широкий круг знаний по естествознанию: времена года, труд человека, знакомство с явлениями природы, растительный мир, животный мир, человек, основные сведения из физики и некоторые сведения из химии и геологии.

Большое значение он придавал и изучению географии в начальной школе, считая, что окончившие начальную школу должны уметь пользоваться географической картой и усвоить основные сведения из физической географии и географии России. И в отношении географии он подчеркивал необходимость ее связи с практической жизнью,

Что касается сообщения исторических знаний в начальной школе, то В. П. Вахтеров предлагал включать их в уроки объяснительного чтения только с 3-го года обучения. В книге для 3-го года обучения «Мир в рассказах для детей» были помещены статьи о жизни первобытного человека и из истории родной земли: «Поучение Владимира Мономаха», «Александр Невский», «Куликовская битва», «Иоанн III» и «Свержение татарского ига», «Василий Шибанов», «Филипп-митрополит», «Ермак» и др.

Большой интерес представляет предложение В. П. Вахтерова о введении в учебный план народной школы элементов обществоведения с целью дать учащимся представление об общественном устройстве России и других стран, об управлении, суде, законах и т. п.

Предлагая включить в учебный план ручной труд, Вахтеров ставил не профессиональные, а воспитательные задачи. Он предлагал такие виды ручного труда, которые бы положительно влияли на умственное развитие. «Мы не хотим ручного труда для него самого,—писал В. П. Вахтеров.—Мы хотим гармонии в развитии...»².

Исключительно ценный вклад внес В. П. Вахтеров в теорию и практику методов обучения. В таких работах, как «Методическое руководство к обучению письму и чтению», «Наши методы образования и умственный паразитизм», «Предметный метод обучения»,

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, изд. 5, стр. 219.

² Там же, стр. 199.

«Спорные вопросы образования» и другие, он развивал передовые для своего времени дидактические взгляды и освещал методы, повышающие активность и самостоятельность учащихся, пробуждающие у них интерес к учению. Его книга «Предметный метод обучения» не утратила своего значения и в данный момент. На большом экспериментальном материале и на основе личного педагогического опыта Вахтеров показал в этой книге несостоятельность и вред схоластических методов воспитания и обучения и решительно выступил против формализма и догматизма в обучении. Развивая прогрессивные взгляды русской и зарубежной демократической педагогики, он предлагал строить процесс обучения на основе сознательности, активности, самостоятельности учащихся; широко применять наглядность в обучении, учитывать психологические особенности детей.

В. П. Вахтеров являлся непримиримым противником механического усвоения знаний, бессмысленной зубрежки; противником того, чтобы дети приучались «думать чужими мыслями, говорить чужими словами». Он последовательно и горячо отстаивал принцип сознательного обучения, т. е. обучения, основанного на осмысленном отношении детей к учению, на сознательном усвоении знаний о природе и обществе. Он требовал, чтобы дети побольше сами наблюдали явления природы и общественной жизни; сами при помощи учителя сравнивали явления, находили в них черты сходства и различия, общее и особенное, выясняли причины и связи, взаимоотношения и закономерности. В целях развития сознательности детей В. П. Вахтеров рекомендовал всемерно поощрять самостоятельную работу учащихся, их самодеятельность и активность, вводить в обучение элементы исследования. По мысли В. П. Вахтерова, сознательное обучение способствует умственному росту учащихся, развитию их логического мышления.

В тесной связи с принципом сознательности он рассматривал активность, самостоятельность и самодеятельность учащихся в процессе обучения. Справедливо утверждая, что ребенок прежде всего деятельное существо, он предлагал развивать активность и самодеятельность учащихся.

«Педагоги, — писал В. П. Вахтеров, — любят сравнивать ребенка с нежным растением, а детскую школу — с садом. Это сравнение при всех своих достоинствах не выражает, однако, самой основной черты ребенка — его активности. Растение почти неподвижно, а ребенок — это само воплощение движения, не знающее ни отдыха, ни покоя»¹.

Отсюда В. П. Вахтеров делал дидактический вывод:

«Движение, труд, действие, упражнение — вот одни из звеньев, через которые должен пройти каждый урок. Каждое впечатление, каждую мысль, каждый образ, каждый урок ученик должен так или иначе выразить в слове, в письме, в черчении, в рисовании, в ручной работе, в игре, если вы хотите, чтобы это впечатление оставило полный след в развитии ученика, оказало влияние на его ум, характер, волю, на его жизнь»².

В. П. Вахтеров осуждал те школы, где царила неподвижность,

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 175.

² Там же.

где слышен был только голос учителя, где у детей действовали только уши да глаза, где они слушали, в лучшем случае смотрели, но не действовали, не работали самостоятельно.

Особенно большое внимание он уделял принципу наглядности в обучении. Он, как никто другой из педагогов, его современников, глубоко и всесторонне раскрыл значение и конкретное содержание этого принципа в труде «Предметный метод обучения» и других работах.

В. П. Вахтеров рисовал безотрадную картину состояния обучения в школах его времени. «Еще и теперь, — писал он, — словесное обучение — вербализм — преобладает в наших школах. Учителей так учили, они привыкли к этому методу; их держит рутина, традиция, но еще более наши реакционеры, которые ничему не научились и ничего не забыли. Школа еще до сих пор по инерции движется туда, куда ее когда-то давно-давно толкнули Катков, Д. Толстой и Победоносцев. Еще и теперь словесное обучение находит защиту в педагогической литературе. Еще и теперь есть педагоги, которые думают, будто ребенка можно научить чему угодно одними словами...»¹.

Вахтеров не отрицал важную роль слова учителя, книги. Он писал, что слово играет огромную роль в обучении, но лишь тогда, когда оно выражает хорошо знакомые ученику предметы, явления, понятия. Он правильно отмечал, что «самый маленький запас собственного опыта и наблюдений дороже целого склада чужих слов, если их содержание стоит вне круга наших личных наблюдений»².

«Мы протестуем не против слова и книги, а только против схоластики и против исключительно словесного обучения»³.

В. П. Вахтеров правильно отмечал, что для развития творческих сил ребенка недостаточно одного словесного обучения, нужны и его собственные наблюдения.

«Книге и слову, — писал он, — предстоит великая роль: книга — превосходный учитель и хороший воспитатель; но есть учитель лучше книги и лучше всех учителей на свете, — это жизнь и природа»⁴.

В противовес чисто книжному, исключительно словесному обучению В. П. Вахтеров выдвигал наглядное обучение, рассматривая его как метод, «исключающий величайшее зло нашей школы — мертвую схоластику, как метод, снабжающий ученика материалами, из которых он может строить свое образование, как метод, дающий реальную основу для умственного развития»⁵. Он с большим сочувствием ссылаясь на положение Лая, что «не словесные, а предметные представления вызывают в нас жизненные интенсивные ощущения, ясное мышление, сильную волю и активную деятельность».

Эти положения В. П. Вахтеров обосновывал на материалах физиологии, психологии и педагогики. Обучение, основанное на наглядности, он называет предметным обучением, чтобы подчеркнуть не только роль зрения, с которым, по его мнению, связывается понятие наглядности, а всех органов чувств (слуха, осязания, вкуса, обоняния, мускульных чувств).

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 46.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 66.

Свое отношение к словесному и предметному обучению В. П. Вахтеров резюмировал в следующих словах:

«Исключительно словесное обучение.

Не отвечает природе ребенка.

Понижает успешность обучения в смысле усвоения и запоминания урока.

Требует большой затраты времени на объяснения.

Требует от учеников больших усилий, часто превышающих их силы.

Дает сведения недостаточно определенные и точные.

Дает только слова, а слова только символы понятий.

Дает ребенку сведения бледные и неясные.

Не позволяет ученику узнать о предмете больше того, что скажет учитель.

Развивает способность жить в мечтах.

Понижает в детях уверенность в своих знаниях.

Предметное обучение.

Отвечает природе ребенка. Значительно повышает успешность обучения.

Сокращает время на объяснения.

Помогает воспринять новые сведения легко, свободно, без особых усилий.

Дает сведения точные и определенные.

Дает детям не только новые понятия, но и новые представления, впечатления и ощущения.

Дает образы ясные.

Дает возможность ученику самостоятельно найти в предмете признаки, о которых ничего не говорит ни учитель, ни книга.

Развивает наблюдательность, которая играет крупную роль в жизни.

Повышает уверенность в своих знаниях»¹.

Конечно, нельзя согласиться с таким резким противопоставлением предметного обучения словесному. Нет и не может быть такого предметного обучения, которое исключало бы важную роль слова в нем.

Будучи горячим поборником предметного обучения, В. П. Вахтеров был, конечно, далек от мысли, что будто бы во всех случаях можно опираться на непосредственное изучение предмета. Он хорошо знал, что в педагогической практике не всегда это удается. Поэтому он отмечал, что, когда мы не имеем возможности дать детям в руки «ни самого предмета, ни его модели или изображения, мы можем пользоваться словами, чтобы, опираясь на аналогию и вызывая в памяти учеников хорошо знакомые им предметные представления, сходные с изучаемым неизвестным предметом, сообщить этому последнему некоторую наглядность»².

В подкрепление этого, ссылаясь на данные психологии, В. П. Вахтеров указывал, что ассоциации по сходству, на которых основана

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 145.

² Там же, стр. 146.

аналогия, являются главным источником, откуда черпает свои материалы и научное и художественное творчество.

Рассматривая педагогические основы начального обучения, В. П. Вахтеров, естественно, подошел и к общим педагогическим проблемам. Развитие его педагогической концепции шло, если так можно выразиться, от конкретного к общему. Он начинал с вопроса о всеобщем обязательном обучении, затем, в тесной связи с этим, принялся за решение коренных проблем народной школы и потом взялся за разработку общих педагогических проблем.)

В лице В. П. Вахтерова мы имеем такого педагога, который строил свои педагогические теории не умозрительным путем, а на основе большого и разностороннего практического опыта. В этом сильная сторона его педагогических взглядов.

Уже в своей книге «Предметный метод обучения» он часто выходил за сравнительно узкие рамки вопроса и высказывал свой взгляд на педагогику в целом, на ее задачи и метод. Он решительно выступал против педагогики, выведенной дедуктивно из философии и психологии.)

«История педагогики, — писал он, — полна примерами, когда гибли теории, которые были выведены дедуктивным путем из общих отвлеченных положений и не проверены на фактах. Для понимания законов воспитания недостаточно одних априорных выводов, хотя бы это были даже выводы из психологии, биологии и физиологии, важность которых для нас, конечно, не подлежит сомнению...»¹.

В. П. Вахтеров высоко ценил экспериментальные исследования по педагогике, научно поставленные наблюдения, статистическую обработку полученных данных. «Начало таких исследований, — писал он, — надо отнести к 1879 году, когда русский психиатр и педагог, проф. Сикорский, обнародовал свои первые экспериментально-педагогические исследования о школьном утомлении. Следующие затем работы Лая появились в печати в 1896 г., и с тех пор труды по экспериментальной педагогике мы встречаем у немцев (Лай, Мейман, Фуш, Прейфер и др.), у французов (Бинэ и Анри), у американцев (Холл и др.), у итальянцев (Пиццолли и др.) и у нас, в России (Нечаев и др.). Американцы эту отрасль знания называют точной педагогикой, итальянцы и французы — новой, а немцы и русские — экспериментальной. Теперь она стремится захватить все отрасли обучения (есть работа о преподавании правописания, арифметики, чтения и пр.) и многие отрасли воспитания. Ее приемы — это метод физики и химии, который дал такие блестящие результаты в медицине, физиологии, биологии, агрономии и проч. Новая точная педагогика пользуется экспериментом и систематическими наблюдениями, большей частью, подвергая полученные таким образом данные статистической обработке. Этими же приемами руководился и я, когда в 1897 году производил исследования в тверских школах, между прочим, и о предметном методе обучения»².

С таким восторженным отношением В. П. Вахтерова к новой, или экспериментальной, педагогике нельзя согласиться. Восхваление

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 84.

² Там же.

им экспериментальной педагогики можно понять лишь как протест против умозрительной, чисто дедуктивной буржуазной педагогики. Но все же и в этой односторонней и поэтому неправильной характеристике экспериментальной педагогики была и доля истины. Она заключалась в том, что настало время для создания научными методами фактической базы для педагогики.

После выхода в свет в 1907 г. книги «Предметный метод обучения» В. П. Вахтеров начал работу над «Основами новой педагогики», которую закончил в 1913 г. Он не ставил перед собой задачи создать новую педагогику, а имел в виду лишь осветить факты и данные педагогики с точки зрения теории развития. Новым в его труде являлась попытка рассмотреть основные педагогические проблемы: цель и задачи воспитания и образования, содержание и методы обучения и т. п. под углом зрения «стремления к развитию самого ребенка».

Еще в книге «Предметный метод обучения» он писал, что в общеобразовательной школе и расположение учебного материала, и выбор его должны быть подчинены принципу развития ребенка. «Из программ, — указывал он, — должно быть беспощадно изгнано все, что не соответствует силам детей и принципу развития. Учителя, исходящие только из анализа изучаемого предмета, натаскивая детей к экзамену, заставляют их заучивать на словах как можно больше фактов, имен, названий, дат, цифр, формул и проч. и на заучивание всего этого тратят все силы и время ученика. Но ученикам надо готовиться не к школьному, а к тому экзамену, который поставит им сама жизнь. И вот оказывается, что через год, а иногда даже ранее по выходе из школы, вся эта школьная премудрость забывается. Случается и еще того хуже: там, где не нужны права, предоставляемые школьными дипломами, как, например, в литературе, в промышленности, в торговле и проч., очень часто люди с золотыми медалями и наилучшими школьными аттестатами оказываются позади успевающих конкурентов, либо совсем не учившихся в школе, либо оказавших в ней посредственные успехи. И кто знает, много ли бы нашлось желающих учиться в Катковской гимназии, если бы она, благодаря только правам, связанным с ее аттестатом, не была неизбежным этапом к доходному месту на государственной или общественной службе»¹.

В своем труде «Основы новой педагогики» В. П. Вахтеров писал: «Главный недостаток современной педагогики — это отсутствие руководящей общей точки зрения». Педагогика как наука являлась, по мнению В. П. Вахтерова, полем брани, на котором вели борьбу самые разнообразные теории воспитания и обучения, различные методы и системы, различные программы. «В современной педагогике, — писал он, — нет основы, которая выражала бы общую идею и дух нашего времени. В ней все бессмысленно, бессвязно, разбросано, противоречиво. Все наши методы и приемы обучения и воспитания носят характер случайности. Это какие-то клочки и отрывки, которые еще предстоит связать во что-то единое и целое»².

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 208.

² Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 8.

Надо заметить, что В. П. Вахтеров дал совершенно правильную критику методов старой идеалистической педагогики.

«Нельзя не признать, — писал он, — что у этой почтенной старушки — старинной педагогики было мало фактической обоснованности. Было много теорий, абстракций, широких лозунгов, высоких заветов и идеалов, педагогических заповедей, всеобъемлющих предписаний, но у всего этого не было прочного фундамента, не было достаточно конкретного материала, не собирались и не регистрировались наблюдения, опыты и не обрабатывались научно факты»¹.

В. П. Вахтеров справедливо отмечал, что значительное число положений старой педагогики выводилось ее творцами из личного опыта и личных наблюдений и переживаний либо из общих философских положений, в основе которых большей частью лежали тоже личные переживания их творцов. При этом обнародовались только выводы, и притом нередко в такой форме, словно они являлись божественным откровением, не допускающим ни сомнений, ни критики. «Теория педагогики давно уже взяла от этого интуитивного метода почти все, что можно было взять от него. Пользуясь им одним, она уже не может двигаться дальше»².

Чтобы объединить отдельные вопросы педагогики, чтобы связать все части педагогики в одно целое, В. П. Вахтеров и предлагал положить в основу идею развития, понимая ее «в самом широком смысле этого слова и как развитие индивидуума, и как биологическое развитие рода, и как исторический процесс...»³. Большая часть названного труда посвящена доказательству того, что в самой основе человеческой природы лежит стремление к развитию, и притом в нормальных условиях — к прогрессивному развитию. В. П. Вахтеров утверждал, что идея о развитии вместе с учением о стремлении ребенка к развитию связывает в одно стройное целое все, что есть ценного и рационального в современной педагогике. «Догматическая школа, — писал он, — смотрит назад, в прошлое; эволюционная — стремится вперед, к будущему. Догматическая школа приглашает ученика принимать на веру догмы, воспитывает безусловное подчинение безусловному авторитету; эволюционная — приучает ученика к критическому мышлению»⁴.

Придавая решающее значение стремлению ребенка к развитию, В. П. Вахтеров рассматривал развитие как биологическую категорию. Он был далек от марксистского понимания того, что развитие ребенка обусловлено определенными общественными отношениями и осуществляется путем воспитания как целенаправленного процесса. Исходя из «природного стремления» ребенка к развитию, В. П. Вахтеров отрицал право общества направлять это развитие в определенное русло. Он стоял на точке зрения аполитичности школы и воспитания при любых общественных условиях. «Никакой строй, даже самый наилучший, не имеет права делать из школы

¹ Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 54—55.

² Там же.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Там же, стр. 47.

орудие для достижения политических целей. Для таких воздействий служат особые учреждения: митинги, клубы, кружки, газеты и пр., а не школы, у которых есть свое дело, не менее важное, чем политика»¹. На этой точке зрения В. П. Вахтеров продолжал стоять и после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В. П. Вахтеров правильно указывал, что педагогика должна начинать с опыта, с экспериментов, наблюдений и вообще с фактов, систематизировать этот материал, чтобы сделать из него необходимые выводы и обобщения, открыть законы и общие принципы. «Свести к фактам и к их системе всю жизнь и развитие ребенка — вот задача защищаемого нами метода новой педагогики», — писал он «...Без этого все понятия, все принципы, все законы явлений будут висеть в воздухе, будут беспочвенными, хотя, быть может, и очень стройными и красивыми созданиями человеческого ума»². В. П. Вахтеров писал, что педагогика полна традиционных предрассудков, иллюзий, беспочвенных фантазий и у нас нет других средств очистить ее от всего этого хлама, накопленного тысячелетиями, как изучение и подбор достоверных фактов.

Какими же способами предлагал он добывать факты, необходимые для педагогических выводов? По его мнению, следовало использовать и метод самонаблюдения, и изучение художественной литературы, посвященной жизни детей, и данные психологии. Главное внимание им уделялось сбору фактического материала, характеризующего жизнь и развитие детей. Но он почти ничего не говорил об основном — об обобщении опыта воспитательных учреждений, о сборе фактического материала, характеризующего процесс воспитания в семье, в дошкольных учреждениях, в школе.

В. П. Вахтеров рассматривал процесс физического и духовного развития детей и законы этого развития в отрыве от воспитания, а само воспитание сводил к воспитательной деятельности педагога. В этом отношении он находился в плену антинаучных взглядов так называемой экспериментальной педагогики. Поэтому критика В. П. Вахтеровым традиционной нормативной педагогики, построенной дедуктивно, правильная в частностях, в целом вела не к преодолению пороков и ошибок буржуазной идеалистической педагогики, а в болото лженауки педологии.

Так называемая эволюционная педагогика, о создании которой мечтал В. П. Вахтеров, на деле мало отличалась от экспериментальной педагогики. В сущности отличие это заключалось в том, что он предлагал все добытые факты рассматривать с точки зрения эволюционной теории, с точки зрения развития. Но само развитие рассматривалось им с позиции плоского эволюционизма. Для него развитие представлялось в виде плавной эволюции, в виде количественных изменений. Он был далек от марксистского понимания категории развития, хотя, судя по его работам, был знаком с учением Маркса.

Заканчивая главу «О теории развития», в которой он рассматривал, как исторически обогащалась новыми данными сама теория развития, В. П. Вахтеров в таких словах резюмирует свое понимание

¹ Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 51

² Там же, стр. 56.

сущности развития. «Развитие — это всеобщий основной закон. Все течет, говорили древние. Все развивается, говорят в наше время. Развивается каждая бактерия, каждая былинка и весь растительный мир; развивается каждая амёба, каждый червь, рыба, млекопитающее; развивается все живое; развивается каждый отдельный человек и целые народы; развиваются отдельные учреждения и весь общественный строй. И каждый из нас обязан по мере своих сил действовать правильному, естественному, свободному, согласованному с законами природы и законами прогресса развитию всех и каждого. И если есть что-нибудь бесспорное в науке, так это то, что все изменяется и эволюционирует»¹. По мысли В. П. Вахтерова, только тогда, когда воспитание народных масс и в школе, и в жизни будет поставлено на основах учения о развитии, согласовано с здоровыми стремлениями к развитию, с законами природы, только тогда можно рассчитывать на то, что страна проявит всю мощь своих творческих сил и всю свою инициативу и энергию на справедливую организацию общественной жизни, промышленности, науки, искусства и культуры вообще.

Хотя общая методологическая и педагогическая концепция В. П. Вахтерова далека от марксизма, в его книге «Основы новой педагогики» содержится ряд ценных фактических данных и наблюдений над развитием детей (главы V и VI). Ценной следует признать также его попытку рассмотреть некоторые педагогические проблемы в свете учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, например проблему упражнений.

*

В. П. Вахтеров не относился к числу теоретиков педагогики, оторванных от практики воспитания и обучения. Он был тесно связан со школой и свои педагогические идеи и дидактические принципы воплощал в методических пособиях и в созданных им учебных книгах для чтения.

В. П. Вахтеров освещал широкий круг методических вопросов, относящихся к обучению и в начальной и в средней школе. Но его справедливо считают преимущественно методистом начального обучения, потому что в этой именно области он оставил заметный след.

По мысли В. П. Вахтерова, методы обучения обуславливаются содержанием учебного предмета и психическими особенностями ребенка. Для преподавания естествознания он считал наилучшим эвристический метод, для истории и географии — «излагающий метод».

Отмечая специфику отдельных учебных предметов, он указывал в то же время и на их связь, на то общее, что в них содержится. Поэтому он правильно утверждал, что усвоение одного предмета, например математики, помогает изучению других предметов (физики, химии и т. п.).

В системе начального обучения Вахтеров отводил большое место объяснительному чтению. На основе экспериментальных исследований, проведенных им в московских школах, он сформулировал ряд важных методических положений.

¹ Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 121—122.

Во-первых, обосновал большое значение детских иллюстраций при объяснительном чтении. Делая вывод из экспериментального исследования, он писал: «Такая иллюстрация вызовет более сознательное, живое и яркое восприятие и запечатление урока и, возбуждая интерес и радость в детях, перенесет это настроение и на самый урок чтения».

Во-вторых, раскрыл важное значение вступительной беседы: «Такая беседа,— писал он,— имеет целью возбудить интерес к данной статье, направить их внимание на определенную тему, ввести их в круг образов и мыслей, какие дает статья, и создать соответствующее настроение».

Исходя из принципа сознательности обучения, В. П. Вахтеров разработал и методику объяснительного чтения. Он полагал, что объяснительное чтение должно напоминать беседу, обмен мыслями с умным другом по поводу прочитанного. Цель объяснительного чтения, по его мнению, воспитание людей «со светлыми взглядами на жизнь, с верою в свою силу, с желанием работать, с надеждою на лучшее будущее».

Развивая положения К. Д. Ушинского об объяснительном чтении в начальной школе, В. П. Вахтеров глубоко раскрыл плодотворную идею предметного обучения в начальной школе. При этом он имел в виду широкое применение в обучении наглядности, а не только предметные уроки, т. е. уроки, посвященные сообщению сведений из ботаники, зоологии, географии, физики, истории.

В. П. Вахтеров предлагал строить занятия на уроке по такой схеме:

1. Предварительная беседа о конкретных представлениях детей об изучаемом предмете, явлении, процессе.

2. Постановка цели урока, название темы, установление связи с предыдущими уроками.

3. Вступительная беседа, демонстрация предметов, производство опытов самими детьми.)

«Положим,— писал он,— речь идет о силе частичного сцепления. На эту тему дети могут рассказать о многих своих наблюдениях. Они знают, что разломить толстую палку не легко, что можно разорванную бумагу склеить клеем, что обе половины сломанного сургуча можно соединить, растопив концы их на огне, что капля воды может держаться, не разливаясь, и т. д. Но им недостает лишь объяснения этих фактов и некоторых аналогий, на которые можно натолкнуть их наводящими вопросами. А сколько у них наблюдений над теплотой, над звуком, светом и проч.! И почти на всяком уроке у учеников найдутся опыты и наблюдения, пригодные для дальнейшей работы»¹.

В. П. Вахтеров высоко ценил «графический метод». Он указывал, что графически самими учениками могут быть выражены средние величины температуры, количества осадков в различных странах, средний урожай пшеницы, ржи и проч., распределение населения по национальностям, по занятиям и т. п. Графический метод он рекомендовал широко использовать и в естествознании. В то время как в школах господствовало «меловое» преподавание физики, и

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 161—162.

только в лучших из них учителя демонстрировали опыты, В. П. Вахтеров и гносеологически, и психологически обосновывал необходимость проведения опытов самими учащимися, пользуясь простыми приборами. Он справедливо указывал, что наиболее знаменитые физики (Вольта, Гей-Люссак, Араго, Эстред, Фарадей и многие другие) сделали свои открытия, производя опыты на самодельных приборах.

«Воспитывающее и образующее действие науки,— писал В. П. Вахтеров,— состоит не в том, чтобы со слов учителя или книги усвоить результаты произведенных учеными исследований, а в том, чтобы сам ученик пережил в том или другом виде процесс исследования. А для этого необходимо, чтобы он сам производил доступные для него опыты. В нашей книге «Мир в рассказах» мы старались описать лишь те опыты, которые мог бы сам произвести каждый ученик под руководством учителя»¹.

Вахтеров писал, что дети сами могут получить в классе иней, росу и туман; сами могут проделать опыты, при которых они увидят, услышат и ощупают воздух, и сами установят, что графин, стакан и горшок они неправильно называли пустыми, что в пустой посуде есть воздух. Они могут с успехом проделать опыты, показывающие, что воздух расширяется от тепла, что теплый воздух поднимается вверх. Они сами склеят шар из папиросной бумаги и, наполнив его воздухом, заставят подняться вверх. Поняв устройство барометра и поднимаясь с ним с подошвы холма на его вершину, они убедятся, что напор воздуха внизу сильнее, чем сверху. Они на опыте увидят, что, отворив зимою дверь в теплую избу, можно с помощью горящих свечей убедиться, что теплый воздух из избы дует на улицу вверх двери, а холодный воздух с улицы в избу — внизу двери. С ламповым стеклом и огарком свечи в руках они на опыте убедятся, что для горения нужен приток свежего воздуха. Вахтеров писал, что ученик сам расплавит серу в тугоплавкой пробирке на спиртовой лампе и сам увидит, как она превратится в жидкую массу сначала красного, а затем красновато-бурого цвета. Он сам выльет ее тонкой струйкой в холодную воду и получит тягучую массу, похожую на резину, которая затем снова превратится в обыкновенную серу. Подобные опыты познакомят его с переходом тел из одного состояния в другое.

По справедливому утверждению В. П. Вахтерова, дети сами найдут температуру кипения воды, погружая термометр в кипящую воду, а также температуру таяния льда, погружая градусник в тающий лед. Они увидят, что нельзя произвольно поставить на градуснике 0 и 80, что эти точки указаны самой природой. Ученик сам выставит зимою на мороз бутылку, наполненную водой, и увидит, как при замерзании расширилась вода и лед расколол бутылку.

Ученики сами могут вырастить кристаллы квасцов в растворе. Они сами проделают опыт с камертоном и бузиновым шариком и убедятся, что звучащее тело дрожит. Призма и Ньютонов круг, магнит и железные опилки, сургуч, электрофор и стеклянная палочка с шелком доставят им много удовольствия и дадут их элементарным знаниям о свете, магнетизме и электричестве такую прочность, точность и ясность, какой не дало бы самое талантливое словесное опи-

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 223.

сание тех же явлений. Пусть ученик к призме, разлагающей белый цвет на все цвета радуги, приложит другую такую же призму, и он увидит, что цвета радуги теперь снова заменились белым цветом. Ученик сам, пишет В. П. Вахтеров, добудет углекислый газ из мрамора при помощи соляной кислоты и убедится, что этот газ тяжелее воздуха и что в нем гаснет горящая лучина. Дело учителя в данном случае рассказать детям, как надо производить данный опыт, предупреждать их ошибки и приходить на помощь, если опыт почему-либо не удастся. Чтобы дать детям понятие о переходе работы в теплоту, предложите им сильно тереть голой рукой по суконной куртке, и они почувствуют, будто кто жжет их руку; они могут почувствовать при этом даже запах паленого мяса. Чтобы дать понятие о химическом соединении, предоставим самим детям смешать железные опилки с серным порошком, насыпать эту смесь на тарелку в виде конуса и поджечь вершину этого конуса. Пусть они сами капнут соляной кислотой на образовавшееся таким образом сернистое железо и почувствуют запах тухлых яиц — резкий вонючий газ сероводород.

Дети любят опыты с электрической искрой. Более взрослые дети с охотой произведут опыты с рычагом, пользуясь какой-нибудь палкой, кочергой или импровизированными качелями из простой доски, положенной на бревно. Пусть ученик упрет в какое-нибудь препятствие один конец кочерги, а на другой повесит тяжесть вроде гири или утюга, а сам будет поддерживать рукой кочергу то близко к утюгу (легкое напряжение силы), то ближе к препятствию (сильное напряжение). Для той же цели можно использовать щипцы, которыми колют сахар или орехи.

Пусть ученик смешает в стакане или пробирке крепкую серную кислоту с водой и возьмет стакан в руки — он почувствует тепло. Пусть он измерит, например, бумажной лентой каучуковую гребенку, а затем погрузит ее на время в горячую воду и снова измерит той же бумажной лентой — и он убедится, что гребенка увеличилась от теплоты. Пусть ребенок сам нагреет на лампе стеклянную палочку и железный гвоздь — и он на опыте убедится в разнице тел по их теплопроводности. Чтобы показать неточность субъективного опыта в определении температуры, предоставьте ученикам погрузить правую руку в холодную воду, а левую в теплую воду и затем обе вместе в комнатную воду. При этом дети убедятся, что комнатная вода покажется теплой правой руке и холодной — левой руке. И они поймут, почему нужен объективный измеритель, — термометр. Более взрослые могли бы сами приготовить термометр из готовой и запаянной трубки с шариком и со ртутью. Заделав трубку в деревянную рамку и погружая ее то в тающий лед, то в кипящую воду, они определили бы, где поставить 0 и где 80° Реомюра, разделили бы пространство между обеими точками на 80 частей и нанесли бы все необходимые деления на деревянную дощечку. Заставьте ученика погружать глубже и глубже в воду пустое ведро или, еще лучше, резиновый мяч, и он на собственном опыте убедится, как различно давление воды на погружаемое тело в зависимости от того, на какой глубине это тело находится. Пусть более взрослые ученики сами определяют удельный вес ртути или железа. При этом они на опыте убедятся в неизбежности ошибок наблюдения, в необходимости отыскивать средние величины из нескольких и даже многих измерений. Пусть они сами под руководством учителя смастерят секунд-

ный маятник из нитки и какой-нибудь тяжести, то удлиняя, то укорачивая висящий конец нитки так, чтобы качания маятника совпадали с 1 секундою¹.

Так Вахтеров В. П. вдохновенно рисует широкие возможности опытного изучения явлений природы. В приведенных выше высказываниях отражался как его личный опыт, так и опыт передовых учителей. Никто так ярко не раскрывал новой методики преподавания естествознания, как В. П. Вахтеров.

Он одним из первых поднял вопрос и о применении кинематографа в обучении. «Кинематограф,— писал он,— это всемирный язык, простой и понятный всем народам... То, что воспроизводится в кинематографе, гораздо точнее того, что увидал бы сам человек... Он идеально передает движение, события, явления. Он незаменим в изображении движущихся предметов, людей, в описании видов и явлений природы... Когда педагоги, ученые, художники и артисты обратят надлежащее внимание на кинематограф, он станет изображать и такие явления, какие ему сейчас еще недоступны»².

В. П. Вахтеров — поборник предметного обучения — большое внимание уделял экскурсиям и урокам на воздухе. Он справедливо считал большой ошибкой, когда в народных школах заставляли учеников выучивать наизусть, по книге формулы зубов, число тычинок, лепестков. «Это значило,— писал он,— превратить процесс, полный живого интереса, очень важный в смысле развития в детях самостоятельности, наблюдательности, внимания и любви к природе, в скучное, бесполезное занятие, возбуждающее не любовь, а отвращение; это значило превратить живое дело в мертвое схоластическое упражнение»³.

Пожалуй, никто не раскрыл с такой глубиной, ясностью, основательностью познавательное, воспитательное и практическое значение экскурсий, как это сделал В. П. Вахтеров. Страницы, посвященные экскурсиям и урокам на воздухе, и сейчас читаются с неослабевающим интересом и вниманием. Он ярко и убедительно показывает широкие возможности проведения экскурсий географических, природоведческих, исторических, геологических, производственных, комплексных и т. п.

«Наступают времена,— писал В. П. Вахтеров,— когда через общеобразовательную школу должны будут пройти все, и в том числе люди практического дела. Большинство никогда не может удовлетворяться кабинетной деятельностью. Для них нужна будет работа или среди природы на воздухе, в поле, в лесу, или в мастерской, с инструментами в руках,— словом, практическая деятельность. И этим запросам жизни гораздо более отвечают экскурсии, чем занятия в душном классе»⁴.

В. П. Вахтеров подчеркивал, что экскурсии сближают школу с жизнью, позволяют глубже понять громадные преобразования в жизни, связанные с развитием науки и техники; развивают интерес к родному краю, к своей стране. Вахтеров рекомендовал проводить

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 223—226.

² Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 238.

³ Там же, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 313.

экскурсии на луг, в поле, в лес, на реку, в музей, на производство, в исторически достопримечательные места.

Он обращал внимание на необходимость основательной подготовки учителей к проведению экскурсий, на обработку материала, полученного на экскурсии.

Исходя из своей теории развития, В. П. Вахтеров придавал большое значение детской игре. Он правильно отмечал, что игры являются естественным и плодотворным звеном в развитии личности. «В играх,— писал он,— дети воспроизводят все, что видят, слышат, читают; в играх воспроизводят разные социальные и чисто драматические положения, а человек развивается посредством действия»¹.

Через игру ребенок выражает свое отношение к жизни. Для него игра является одним из средств его физического, умственного, нравственного и эстетического развития. Будучи связана с жизненным опытом и расширяя этот опыт, игра в то же время доставляет ребенку большое удовольствие, организует его досуг. Помимо разработки проблем общей методики начального обучения, В. П. Вахтеров многое сделал и для продвижения вперед методики обучения по отдельным учебным предметам. Особенно велик его вклад в методику обучения грамоте.

Являясь сторонником звукового метода, которому так много внимания уделял Ушинский, он развивает положения Ушинского, вносит новое в методику обучения грамоте. Вахтеров научно обосновал звуковой метод обучения и взял его за основу при составлении букваря («Русский букварь», «Первый шаг», «Новый русский букварь») и методического руководства к нему «На первой ступени».

Вахтеров рекомендовал начинать обучение грамоте непосредственно с анализа речи, разложения предложения на слова, слова — на слоги и звуки. Он отрицательно относился к звуковым упражнениям в добукварный период без связи их со зрительными образами. Учитывая стремление детей скорее овладеть грамотой, он рекомендовал с первых же уроков наряду со звуковыми упражнениями обучать чтению. Он предостерегал учителей от механических упражнений, цель и смысл которых непонятны детям.

В. П. Вахтеров критиковал метод Ушинского за то, что «дети многократно акали, ухали, мычали, шипели, не понимая, зачем это нужно». (Он предлагал начинать обучение грамоте не с однообразных и утомительных упражнений письма элементов букв, как рекомендовал Ушинский, а с чтения печатных букв. Он отстаивал одновременное обучение чтению и письму, за исключением самых первых дней.

Вахтеров правильно считал, что одновременное обучение чтению и письму делает более осмысленным анализ слов и их синтез. «Чтобы написать слово, надо сначала разложить его на звуки, а чтобы прочитать слово, надо слить составляющие его звуки. Таким образом, письмо сводится к разложению, к анализу слов, хотя и проверяется синтезом, а чтение сводится к слиянию, к синтезу, хотя и может быть проверено анализом»².

¹ Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918, стр. 333.

² Вахтеров В. П., На первой ступени обучения, М., 1914, стр. 37.

Основание буквенно-звукового аналитико-синтетического обучения чтению — письму является большой заслугой Вахтерова. Его методическое руководство «На первой ступени обучения» было долгое время настольной книгой передовых народных учителей. И советские педагоги высоко ценят эту книгу. Об этом свидетельствует переиздание ее в 1941 г. наряду с методическими руководствами К. Д. Ушинского и В. А. Флерова.

(Одним из самых крупных достижений Вахтерова как педагога и методиста является его книга для классного чтения «Мир в рассказах для детей». Если бы Вахтеров ничего не создал и ничего не оставил нам, кроме этих замечательных книг, то их одних вполне достаточно, чтобы увековечить имя Вахтерова в истории педагогики.)

В методике классного чтения, как и в методике обучения грамоте, Вахтеров не только продолжал, но и развивал педагогические мысли Ушинского. Книги Ушинского «Родное слово» в свое время вполне справедливо признавались лучшими. Но они в основном давали материал лишь для объяснительного чтения. Книги «Мир в рассказах для детей» представляли собой несомненный шаг вперед. Они построены были на основе предметного обучения, на основе принципа наглядности и содержали в себе не только статьи для объяснительного чтения, но и богатейший материал по естествознанию, географии, истории, изучение которого требовало самостоятельной работы учащихся, проведения опытов, применения разнообразных методических приемов.

Из всех книг для чтения (Ушинского, Бунакова, Л. Толстого, Тихомирова) книги Вахтерова заслуженно пользовались наибольшей популярностью и получили в дореволюционное время самое широкое распространение. Можно без преувеличения сказать, что они вытеснили все другие учебные книги. По его букварю и книгам для чтения «Мир в рассказах для детей» не одно молодое поколение усвоило грамоту, приобщилось к русской культуре и приохотилось к науке. (И в первые годы строительства советской школы (1918—1925) книги Вахтерова «Мир в рассказах для детей» рекомендовались Наркомпросом как одни из самых лучших. Таким образом, четверть века по книгам Вахтерова учились молодые поколения нашей страны. А его методические идеи отражены и в современных книгах для чтения.)

(Вся педагогическая и общественная деятельность В. П. Вахтерова в дооктябрьский период говорит о том, что он настойчиво боролся за демократизацию народного образования, всегда находился на левом фланге буржуазно-демократической педагогики. Но его демократизм был ограниченным, так как был пропитан духом либерального народничества, духом примирения классов.)

Не удивительно поэтому, что В. П. Вахтеров не понял всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, означавшей не классовый мир, а непримиримую классовую борьбу против самодержавия, помещиков и буржуазии. Он отказался от предложения Наркомпроса принять участие в проведении реформы народного образования. (В 1918 г. Вахтеров пытался «укрыться» от революции в деревне. Но его деятельная натура не могла

примириться с добровольным отходом от работы, он вернулся в Москву и по предложению Госиздата занялся подготовкой к переизданию «Русского букваря» и книг для чтения «Мир в рассказах для детей». В 1923/24 учебном году он приступил к чтению лекций на педагогическом факультете 2-го Московского государственного университета.

В. П. Вахтеров умер в апреле 1924 г. от паралича сердца.)

Ф. Ф. Королев

В. П. ВАХТЕРОВ,
ЕГО ЖИЗНЬ
И РАБОТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я хорошо сознаю трудность взятой на себя задачи. Описать жизнь человека — не легкое дело. Сколько существует афоризмов относительно безнадежности такого предприятия. Страшно из живой истории жизни сделать мертвый панегирик, из образа живого человека — безжизненную икону. Этого не должно быть.

Хочется быть правдивой, объективной, хотя для меня, рисующей образ друга, это, может быть, особенно трудно.

Биография В. П. Вахтерова имеет прежде всего свою, так сказать, индивидуальную ценность. Но она имеет, пожалуй, еще и другую ценность: в жизни В. П. Вахтерова, в его работе, в его борьбе за просвещение, кроме черт и особенностей чисто личного характера, очень много типических черт, присущих определенному слою передовой разночинной интеллигенции конца XIX и начала XX в. Она, эта интеллигенция, стремилась к тем же идеалам, она так же боролась за просвещение и культуру народа и так же «не за страх, а за совесть» работала на этом поприще.

Может ли моя работа назваться биографией? У нас, кажется, нет «канона» этой литературной формы. Есть канон сонета, новеллы, романа, повести, есть в старых учебниках стилистики мудрые правила о том, как «сочинять» описания, рассуждения и проч., а о биографии, ее структуре, ее «поэтике» таких указаний я не знаю. Как рисовать личность, как обрамлять ее, в каких «дозах» давать фон, — на все эти вопросы я не знаю ответов. И моя работа, пожалуй, не биография: это соединение

различных форм на фоне личных воспоминаний. «Личные» воспоминания иногда вынудят меня говорить и о себе. Часто люди, давая свои воспоминания, пользуются этим, чтобы поговорить и о себе. Как быть в данном случае? Наша жизнь и работа были так тесно связаны, что иногда мне было невозможно в этих воспоминаниях избежать местоимения «я» — получился бы некоторый провал, некоторая неясность. Пусть читатель простит мне это: мне было трудно вычеркнуться из жизни Василия Порфирьевича на страницах этой книги.

В книгу я сочла полезным включить материалы из автобиографии Василия Порфирьевича, написанной им в 1907 г. по просьбе Нижегородской Архивной комиссии, выдержки из его книги «Основы новой педагогики», где он говорит о той роли, какую книга играла в его юности. Важным материалом для написания книги служили письма Василия Порфирьевича ко мне начиная с 1892 г., когда мы познакомились, и до 1898 г., когда мы поженились и стали жить вместе. За 6 лет оживленной переписки таких писем у меня накопилось очень много. К сожалению, часть переписки уничтожена: многочисленные обыски, которым мы подвергались, обыкновенно сопровождались тем, что жандармы копались в этих письмах, иные из них уносились в качестве «вещественных доказательств», — и Василий Порфирьевич просил меня, чтобы я сожгла их. Я взялась за это «ауто-да-фе», сожгла почти все свои письма, начала жечь и его, и вдруг почувствовала, что не могу сделать этого. Таким образом, часть писем сохранилась, и я пользуюсь ими в соответственных местах своей работы.

С 1898 г. главным материалом служат мои воспоминания: мы 26 лет прожили вместе, и таких воспоминаний, даже и при слабости моей уже старой памяти, все же немало. Конечно, я пользуюсь и печатными материалами: книгами, газетами и журнальными статьями, характеризующими тот или иной период, работами самого Василия Порфирьевича и т. д. При большом количестве бывших у нас обысков, при частых наших вольных и невольных переселениях и выселениях исчезло немало количество интересных документов из Архива Василия Порфирьевича, например много писем к нему от разных лиц — особенно много от учителей. В 1919 г., когда вся библиотека В. П. Вахтерова была передана им в

Румянцевский музей (теперь Библиотека им. В. И. Ленина), вместе с книгами были перевезены туда и три тюка с остатками этого архива. Из этих трех тюков пока нашелся только один (адреса, которые подносили Василию Порфирьевичу на учительских курсах, рукописи, письма), и на эти материалы я тоже ссылаюсь в своей работе¹. В 1929—1930 гг. я посещала Архив революции и могла пересмотреть некоторые бумаги бывших охранных отделений и департамента полиции; там я нашла много папок с материалами о разных просветительных обществах и учительских организациях, а также несколько толстых «дел» специально о Вахтерове. Так как все почерпнутые мной из этих заповедных недр данные тогда еще почти не фигурировали в печати² и несомненно имеют большой общественный интерес, я, быть может, несколько даже грешу против «архитектуры» своей работы, обильно уснащая ими страницы книги: но трудно было удержаться от этого — уж очень ярко характеризует эпоху эта «департаментская литература».

В заключение еще об одном материале — воспоминаниях о Василии Порфирьевиче людей, его лично знавших. Некоторые из этих воспоминаний написаны ими по моей личной просьбе, специально для этой книги, другие являются выдержками из речей и докладов о В. П. Вахтерове, прочитанных на заседаниях, посвященных его памяти. Приношу глубокую благодарность друзьям, давшим мне эти воспоминания и тем самым принявшим участие в моей работе.

Э. Вахтерова

1935 год. Москва

¹ В настоящее время этот Архив помещается в рукописном отделе Ленинской библиотеки.

² В книге Л. Меньшикова «Охрана и революция» (ч. 1, М., 1926, изд-во журнала «Каторга и ссылка») я нашла, впрочем, извлечение из одного дела о Вахтерове, см. ст. «Опальный инспектор».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ¹

(Нижегородский период — 1853—1874)

Мой отец принадлежал к тому разряду людей, которых нельзя отнести ни к какому сословию. Сын сельского дьячка, он имел право на звание почетного гражданина, но считал, что это звание не подходит к его положению сторожа, да еще «бывшего арзамасского духовного правления» (было когда-то такое учреждение): ни к крестьянам, ни к мещанам он тоже не приписался — и во всю свою жизнь именовался по бумагам «бывшим сторожем». Сторожем его назначили, когда ему было 13 лет, а лет через 10—12 духовное правление было упразднено, и он остался без службы. Средства к жизни он добывал тогда охотой, рыбной ловлей, пчеловодством, одно время пробовал разводить табак на арендованной земле, сеять рожь, снимать луга под сенокос, пробовал даже искать клады и однажды увлек за собой всех бутырских мужиков. Они пропадали две недели и разрыли где-то в лесу огромный курган: клада не нашли, а нашли костяк, золу да несколько черепков.

Все эти занятия давали отцу, должно быть, очень мало, и он большей частью не мог ничего предоставить своей семье, кроме тюри, т. е. ржаного хлеба с квасом, а нередко и просто водой. В особо тяжелые времена, хо-

¹ Эта глава автобиографии В. П. Вахтерова (к сожалению, единственная) написана им в 1907 г. по просьбе Нижегородской Архивной комиссии, собиравшей сведения об уроженцах Нижегородского края, и помещена в трудах этой комиссии.

тя это бывало довольно часто, хлеб пекли, смешивая муку с растертым картофелем, что значительно удешевляло расходы. Фамилия одного из моих дедов была Пестровский (Вахтеровым прозвали моего отца, когда он поступил в сторожа). По поводу фамилии «Пестровский» отец иногда повторял шутку: «у нас в роду уж так. Мы все пестрим: хлеб есть, квасу нет, квас есть, хлеба нет». От тяжести житейских забот отец уходил либо в мир фантазии, зачитываясь романами Дюма-отца, произведениями лубочной литературы, вроде «Битвы русских с кабардинцами», «Францыля-Венециана», «Конька-Горбунка» (последнего он знал наизусть), либо топил горе в чарке зелена вина.

Отец научил меня читать, писать и таблице умножения, конечно, по стародавним, единственно известным ему методам преподавания¹.

Моя мать тоже дочь сельского дьячка. Ее отец умер, когда ей было что-то около 16 лет. Отцовское место, по обычаю тогдашнего времени, оставили за сыном покойного, моим дядей, когда ему было чуть ли не 7 лет. Моя мать исполняла все его причетнические обязанности: пела и читала в церкви. Но она не знала грамоты. Как ухитрялась безграмотная женщина выполнять свою роль в церкви, сказать трудно, но факт, что она знала наизусть почти весь псалтырь, часослов, молитвы и стихиры и почти все церковные службы. И когда я, бывало, читал славянскую азбуку или псалтырь, она, сидя за

¹ По рассказам Василия Порфирьевича, отец его Порфирий Михайлович был незаурядной личностью, с ярким темпераментом, с большой фантазией, с большой активностью и стремлением к прожектерству. Но в семейной жизни это был человек тяжелый: властный, скупой, недоверчивый и угрюмый. В периоды запоя, которые чем дальше, тем чаще случались с ним, положение его кроткой жены было невыносимым. Тяжелые переживания детства, ужас перед жестокостью пьяного отца, страх и боль за любимую мать наложили свой отпечаток на психику Василия Порфирьевича: больше всего он боялся оказать давление на кого-нибудь и горячее всего защищал свободу личности и особенно личности ребенка как неумекшего еще защитить себя. В одной из своих книг («Основы новой педагогики», М., 1913, стр. 508) он так характеризовал обстановку своего детства: «Я жил в среде, где, по выражению Островского, «царят жестокие нравы», где пьяный озверелый супруг и отец нередко бьет смертным боем свою жену и своих детишек и где окружающие думают, что он имеет на это право». — Э. В.

работой, исправляла все мои ошибки. Будучи замужем за моим отцом, она, конечно без всякой прислуги, вела все домашнее хозяйство: пекла хлеб, варила квас, шила, мыла, стирала, щепала лучину для освещения избы, кормила и нянчила детей, которых у нее было 9 человек (из них шестеро умерли очень рано), но, кроме этого, еще успевала зарабатывать какие-то гроши вязанием варежек, получая от работодателей по 10 копеек за пару. При всем том она умела как-то сохранить бодрость духа и веселое настроение: не покидая работы с раннего утра до поздней ночи, она нередко пела песни, шутила, смеялась. Доброты она была необыкновенной. Никакая личная нужда не могла удержать ее от того, чтобы оказать помощь еще более нуждающемуся соседу, родственнику, нищему¹.

Восьми лет я поступил в духовное училище в Арзамасе и бегал туда ежедневно версты за три от Бутырок. Школьное учение интересовало меня весьма мало. Обыкновенно я учил уроки лишь для того, чтобы ответить, когда спросят, и не быть высеченным или посаженным в карцер². Но меня заинтересовала сначала грамма-

¹ Надежда Андреевна Вахтерова умерла в 1897 г. от сердечного припадка. В 80-х гг., уйдя от мужа с двумя маленькими дочерьми, она сначала жила у Василия Порфирьевича; потом, когда дочери подросли и старшая вышла замуж, она жила то у нее, то у сына. Привожу отрывок письма, писанного мне Василием Порфирьевичем после ее смерти: «Судьба отвела ей маленький круг дела. Дети, внуки, несколько родных, знакомых — вот и весь мир, которым она жила. Но этим людям она отдавала всю себя без остатка. Я не помню ни одного ее деяния, ни одного слова, где бы выразились ее заботы о себе. Все для других и ничего для себя. Я не помню, чтобы она испытывала личную радость, но радость каждого из людей ее мирка была ее радостью, а их горе было ее горе. Сама доброта, сама любовь, вечно в работе, вечно в думках о других, и никогда не подумать о себе, ничего не просить для себя, прощать обиды. Кто учил ее этой доброте? Неужели одна нужда и горе? Потому что других учителей у нее не было».

² Одна родственница Василия Порфирьевича, покойная С. А. Сергеева, вспоминала, что в это время своей бутырской жизни, 8—9-летним мальчиком, Василий Порфирьевич уже отличался наблюдательностью и умением писать. Он описывал своих соседей, товарищей, окружающую жизнь, и по вечерам жители Бутырок собирались к дому Вахтеровых послушать «сочинения Васи». Слушая их, они узнавали самих себя, удивлялись, смеялись и говорили: «Ну и мальчишка. Что-то из него выйдет!» В это время, по ее словам, у него уже обнаружились педагогические способности: он собирал у себя ребят и учил их тому, чему сам научился в школе,

тика. Учитель русского языка, приступая к преподаванию грамматики, сказал нам, что она учит правильно говорить и писать. Поэтому я вообразил, что если буду знать ее, то буду уметь сочинять проповеди. И я изучил ее по книжке: ждать, когда окончат ее в училище, показалось очень долгим. Когда мне показалось, что я одолел эту премудрость, я к первому же рождеству сочинил проповедь на тему о подаении милостыни, выучил ее наизусть и, славя Христа, декламировал ее в каждом доме. Вся нищая братия олицетворялась в моем уме в образе бабушки Ольги, которую я любил. Помню, что самым сильным местом проповеди я считал, когда говорил о том, как сытые люди отказывают нищим, говоря: «Бог подаст!» Конечно, продолжал я, бог им даст, но что он даст вам за это? И здесь начинались угрозы всеми муками ада, навеянными лубочной картинкой «Страшный суд». Однажды я прочел эту проповедь в одном доме, не подозревая, что за перегородкой сидел весь церковный притч за закуской. Когда я кончил, меня позвал священник, стал бранить, говорил, что я не имею права пугать людей адом, и все допытывался, кто мне написал эту проповедь. Он предполагал, что написал ее один из учителей духовного училища, и требовал, чтобы я подтвердил это. Не знаю, что было бы дальше, если бы я с товарищами не спасся бегством. Но с тех пор я уже никогда никаких проповедей не произносил.

Арифметика заинтересовала меня по следующему

а товарищам по школе помогал готовить уроки. Об этой школе он писал мне в одном из своих писем так: «Школа не научила меня даже читать и писать, этому искусству научил меня отец в дошкольный период, и единственная ее заслуга в том, что там не очень часто меня секли и били и не окончательно притупили. И детство в общем не было таким, о котором вспоминают как о «счастливой поре»... Самое лучшее в моем детстве, что я не умер от угара, от сырости и тому подобных вещей. Единственными моими воспитателями были уличные мальчишки, и единственная заслуга их в том, что они вытащили меня зимой из проруби, куда, кажется, сами и толкнули».

Про эти детские годы В. П. Вахтерова рассказывал еще следующий маленький факт. Кто-то уверил его, что если посадить в землю косточки маленького зверька, то вырастет яблоня с золотыми яблоками. Он разыскал эти маленькие косточки, посадил их в землю и долгое время поливал, мечтал о золотых яблочках... Какие-то штрихи его личности чувствуются в этом рассказе: наивная доверчивость, упорство искания, двигающая сила мечты.— Э. В.

поводу. После одного рождества я купил ручную пасхалию и увидел, что понять ее без арифметики невозможно. Скоро я одолел арифметику и ручную пасхалию. По пальцам я мог высчитать и «в руке лета», и круг луны, и время полнолуния, и день пасхи и проч. на каждый год. И я полюбил арифметику. Однажды нашему классу попала задача, которую не могли решить ни мы, ни учитель. Все бросили эту задачу и перешли к другим, а у меня она две недели не выходила из головы. Я пробовал ее решать на разные лады и, наконец, добился правильного решения. Трудность заключалась в том, что это была задача геометрическая, а у нас геометрия не преподавалась, и, должно быть, ее не знал сам учитель. И я чертил разные фигуры, пока не попал на ту теорему, которую надо было знать для решения задачи. Я очень гордился, что меня тогда позвал к себе учитель на дом и просил рассказать, как я решил эту задачу.

Ни латинский, ни греческий языки меня обыкновенно не интересовали. Но когда нам дали перевести какое-то поучение Иоанна Златоуста, мне оно так понравилось, что я с увлечением занимался греческим языком, пока мы переводили этого писателя: мои переводы признавались лучшими в классе. Но когда мы перешли к чему-то другому, я опять охладел к греческому языку. Тут случилось одно событие, которое оказало большое влияние на мое дальнейшее развитие. Один из моих товарищей, Звездин, сказал, что при одной церкви есть библиотека, куда можно записаться и за небольшую плату получать книги. Как раз в это время одна соседка-старуха пригласила меня читать псалтырь по умершей сестре своей и дала мне за это 10 коп. Товарищ дал столько же, и мы стали брать книги из библиотеки. Сначала я брал только духовные книги. Но однажды барышня, заведующая библиотекой, дала мне Гоголя, и он сразу заинтересовал меня и примирил со светской литературой. С этих пор я наряду с духовными книгами стал брать и светские. После Гоголя на меня сильное впечатление произвел роман Дюма «Монте-Кристо». Я читал его, не отрываясь, забыв и уроки, и сон, при неровном свете дымной лучины чуть ли не целую ночь напролет. Затем эта книга обошла всех грамотных жителей Бутырок. Некто работник-кожевник Тимофей не

ходил из-за нее два дня подряд на работу. Большое впечатление произвел Никитин. Очень заинтересовали меня две-три книги научно-популярного характера, и особенно по физиологии человека. Эта убогая церковная библиотека составляет самое светлое, дорогое воспоминание моей арзамасской жизни, всего моего детства. И понятно, что когда я пришел в Нижний Новгород для поступления в духовную семинарию, то, несмотря на усталость (13-летним мальчиком я прошел в 3 дня пешком что-то около 110 верст), я на другой же день отправился отыскивать публичную библиотеку. Здесь платить не приходилось: сидя в библиотеке, можно было читать даром, и я проводил там все свободное время. Кончатся уроки в семинарии — иду в библиотеку: я начал с Тургенева, причем особое впечатление произвели на меня «Отцы и дети». Отрицание Базарова сначала заинтересовало меня с религиозной стороны и показалось мне кощунством. Я почему-то бросился на астрономию, думая найти в ней подтверждение библейского сказания о днях творения. Знание арифметики и развитая арифметическая жилка помогли мне осилить попавшиеся книги. Но, увы, астрономия оказалась против меня. Я обратился к геологии — результат был тот же.

Сначала я жил или, вернее, ночевал в кабаке у служащего здесь родственника с отцовской стороны, Савелия. Кабак стоял на берегу Волги, посетителями его были бурлаки. И под их песни и пьяный говор я засыпал на полу за дощатой перегородкой. Обедал я в обжорном ряду, под открытым небом, а в ненастные дни под навесом. Меню было несложное. Вначале я брал на копейку щей, на копейку черного хлеба и на копейку печенки или рубца, а когда 7 рублей, данные отцом, подошли к концу, я ограничивал себя двумя первыми блюдами. Должно быть, провизия была не первой свежести, потому что мой желудок, привыкший к бутырской кухне, часто не выдерживал и только что проглоченная пища сейчас же возвращалась обратно. Затем, когда мои финансы истощились, я перешел на жительство в келью к одному монаху Печерского монастыря и там же обедал бесплатно. Мой товарищ Звездин устроил меня туда (монах был его близкий родственник). Монастырский стол после бутырского голодания так поднял мои

силы, что мне ничего не стоило совершать эти длинные прогулки из монастыря в город и обратно. Потом меня приняли в общежитие при семинарии, и здесь я привязался всем сердцем к одному из учеников старшего класса, Мамонтову. Симпатичный, умный, красноречивый, начитанный, он очаровал меня. К нему я и обратился с мучившими меня сомнениями. Он поступил как нельзя лучше: он изложил мне аргументы того и другого мировоззрения и не высказывал своего личного мнения. Он же рекомендовал мне несколько книг. Я еще с большим увлечением принялся за книги. Семинария, уроки, преподаватели — все это было для меня как в тумане. Сидя в классе, я не слушал, что говорили учителя, я весь ушел в борьбу со своими сомнениями. Из книг, прочитанных мною за два года семинарской жизни, особенно сильное впечатление произвели на меня «История цивилизации» Бокля, «Один в поле не воин» Шпильгагена и статья Ткачева об этом романе, а также «Что делать?» Чернышевского, стихотворения Некрасова, статьи Писарева, Добролюбова, «Азбука социальных наук» Флеровского, книжка Молешотта, статьи Лассалья, Лаврова. Добролюбов был особенно популярен у нас. Семинаристы гордились, что он вышел из нашей семинарии, как будто бы он был обязан ей своим развитием. Мы любили петь песни, которые, по преданию, он любил. Всякий из нас знал и тот дом в Нижнем, где он жил, и те окна, которые выходили из его комнаты. Между нами ходило много рассказов из его жизни. Из Савла я обратился в Павла и с горячностью неопита стал проповедовать новое учение. Эта проповедь причиняла мне иногда маленькие неприятности. Однажды я вел спор с одним из своих товарищей. Когда все, что он мог сказать, было опровергнуто, он неожиданно обратился к физическому аргументу: он дал мне здоровенный удар по уху. Произошла схватка. Слабый физически, я потерпел полное поражение, но утешал себя мыслью, что идейная победа оказалась на моей стороне. Другой раз я допустил в сочинении на заданную тему несколько мыслей, вызвавших в учителе русской словесности сомнения в моей благонадежности. Он передал сочинение ректору, и меня чуть было не исключили из семинарии, пощадив только ввиду моего слишком юного возраста. Мои постоянные отлучки из

общежития (в библиотеку) также возбуждали подозрения, и несколько раз я был оставлен за это без обеда.

Если мои религиозные воззрения вызывали большую внутреннюю борьбу — зато народнические идеалы я воспринял без всяких колебаний. Мало этого. По мере того как разрушалось мое чувство безысходности положения, давящего бедноту, по мере того как росла надежда на возможность здесь на земле добиться лучшей доли для трудящегося народа, я все меньше сожалел о потере своей детской веры, реже вспоминал о своем теперь уже пережитом мистицизме.

К восприятию народнических идеалов меня подготовили все впечатления моего детства. Мне казалось, что это только выражение тех чувств, желаний и мыслей, которые всегда жили во мне, да только я не умел их выразить. Эти идеалы говорили о любви к тем, кого я знал, жалел и любил с детства: к моим родным, к моим соседям, крестьянам, которые у нас часто бывали и которых я любил слушать. О бедствиях народа я знал едва ли не больше, чем читал в книгах, и знал лучше, потому что познакомился с ними по личному опыту. Новы были для меня средства, какие предлагались для избавления, ново было освещение и тот угол зрения, под которым в прочитанных мной книгах рассматривалось современное положение народа. Но мне казалось, что о самом положении народа я мог бы прибавить кое-что новое к тому, что писалось о нем в книгах.

О всех других классах общества я знал только по рассказам. До прихода в Нижний я ни разу не видал ни одного помещика, ни одного фабриканта, и если бы мне показали орангутанга и сказали: «Вот это граф де Оранж», я не знал бы, верить этому или нет. О помещиках рассказывали мне бывшие крепостные, о фабрикантах — рабочие, жившие на Бутырках, о начальстве — и те и другие. И все эти рассказы, конечно, не могли вызвать во мне симпатий. Это было что-то деспотическое до ужаса, жестокое до отчаяния. Позже, когда я близко познакомился с представителями командующих классов, я изменил свое к ним отношение. Я нашел, что черт не так безобразен, как его малюют, что все люди, все человеки и что дело не в личных качествах, а в порядке и в строе. Но в то время, к так называемым высшим классам у меня было только одно чувство, близкое к

отвращению. Те же книги заставили меня полюбить науку, и я мечтал поступить в университет, пройти весь цикл знаний по Конту, начав с физико-математического факультета и естественного отделения и кончив юриспруденцией, где приналечь на статистику, политическую экономию и социологию.

Но в это время носилась в воздухе идея «хождения в народ». Дошла она и до Нижнего, и до духовной семинарии. Интересовала она меня страшно. Я искал людей, которые бы могли познакомить меня с движением, и нашел такого человека в лице П., служившего письмоводителем в одном из нижегородских учебных заведений. У него была литература, были связи с одним из членов из центра. Сначала я ходил к нему один, а потом стал водить и товарищей. Через нас литература проникла и в семинарию. В наших беседах мы чаще всего говорили о практических, конкретных формах, в которые должна вылиться наша работа. Часто останавливались на роли народного учителя, и эта форма сближения с народом особенно нравилась мне. Я принялся за чтение журнала «Учитель», за Ушинского, барона Корфа. И чем больше я читал педагогических книг, тем сильнее воодушевлялся задачами народного учителя, и притом не только как средством сближения с народом (это само по себе), а прямо задачами воспитания и образования подрастающих поколений народа. И меня потянуло в народные учителя. Но я не хотел расстаться с мечтой об университете. И у меня явился особый план: поступить сначала в учителя, питаться молоком и яйцами в смятку (по гигиене Реклама, очень ходовой тогда между нами книге, — это оказывалось самым питательным и удобоваримым блюдом), наконец, из 8-рублевого учительского жалованья скопить малую толику и на эти деньги отправиться в университет.

Почти вся моя внутренняя жизнь в это время сводилась к этим мечтам, к чтению да к беседам и спорам у П. Семинария со всеми своими уроками и укладом жизни прошла как-то мимо меня. Механически я исполнял все ее требования, а мои мысли были за тридевять земель от нее...

Это было время, когда министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой решил провести классическую ре-

форму в гимназиях с целью охладить умы молодежи, разгоряченные в эпоху 60-х гг., когда Катков и Леонтьев на все лады доказывали в своей газете и журнале необходимость такой реформы, а вся либеральная пресса была в оппозиции к ней. Это было время, когда наши правящие сферы, напуганные начавшимся хождением в народ, принимали экстренные меры надзора за начальными школами. Нечего и говорить, на чьей стороне я был, читая в газетах, а больше в журналах об этих мероприятиях. Это было после того, как «Русское слово» и «Современник» были закрыты и радикализм, казалось, был разбит и уничтожен. Но тем не менее в Нижнем были кружки, занимавшиеся распространением литературы, которая очень не понравилась бы Д. Толстому.

В то время народническое течение, как оно отражалось в наших кружках, расколосось на два русла, но ни в одно из них не укладывались те наблюдения над жизнью народа, какие были у меня. И я никак не мог примкнуть ни к одному из этих направлений. Идеалы обеих групп я разделял, но в деталях не мог согласиться ни с теми, ни с другими. И потому оставался вне партий. Это было тяжело, но иначе я не мог поступить, не кривя душой. В моих мечтаниях было много наивного, полудетского. Но я верил в них с таким энтузиазмом, с каким уже никогда потом не воспринимал никаких теорий. В основу всего я клал образование и воспитание, в могущество которого я верил беззаветно. Ближе всего я примыкал к тому направлению, которое известно под именем культурничества. К тому же времени относится мое первое знакомство с театром. Однажды П. достал мне бесплатный билет в театр на Нижегородской ярмарке. Шла пьеса «Хижина дяди Тома». Зверства плантаторов, скорбная доля рабов произвели на меня ошеломляющее впечатление. Все, что я видел, как-то невольно ассоциировалось с впечатлениями раннего детства, когда крестьяне и дворовые, посещавшие отца и мать, передавали ужасные случаи расправы и насилий, совершенных над ними самими или их родными и знакомыми, с ужасами, о которых я читал в книгах, с идеями о служении освобождению неправых народных масс. Иллюзия была полная. Минутами я забывал, что я в театре. Жалость, ужас, гнев разрывали мне

сердце. Некоторые жесты артистов и до сих пор выплывают в моем воображении. Много раз с тех пор я бывал в театре. Видел гораздо более талантливых, знаменитых, прославленных артистов, но ни разу и нигде я не получал такого яркого, живого, всепоглощающего впечатления, как в этот раз. И когда я теперь думаю о тех впечатлениях юности, которые определили мои будущие симпатии и стремления, я нимало не сомневаюсь, что эта пьеса занимала одно из самых видных мест в ряду других влияний.

К тому же времени относится мое знакомство с одним сознательным рабочим. Познакомил нас тот же П. Рекомендацией рабочего служило то, что он читает политическую экономию Милля. И я помню, я все сравнивал его с рабочими, жившими на Бутырках. Некоторые из них казались мне умнее, но огромная разница была в том, что они считали свое положение неизбежным, определенным самим господом богом однажды и навсегда, а новый знакомый мой верил в лучшее будущее и не только на небе, во что верили и на Бутырках, но и здесь, на земле. И то, что он считал это будущее слишком близким, чуть ли не делом завтрашнего дня, казалось мне не наивным, как показалось бы теперь, а вполне естественным и разумным. Это знакомство как-то сразу дало мне конкретную форму будущей деятельности. Если средний по уму рабочий, думал я, только благодаря книгам стал сознательным, то, стало быть, для народа самое главное теперь — это грамотность, которая тогда была крайне редким явлением, особенно в деревнях, да хорошие, просто написанные книги. В этой мысли я утвердился тем легче, что я сам был обязан всем тем развитием, какое у меня было, исключительно книгам. А если, казалось мне, народ пройдет через школы на новых началах, о чем я в то время много читал и думал, то он будет иметь не только потребность в чтении, но и хороший вкус, а кроме того, и умственную независимость.

Под этим влиянием у меня постепенно нарастало стремление, поскорее перейти к практической деятельности, а с другой стороны, непреодолимое отвращение ко всей семинарской учебе, которая казалась мне отрицанием всех тех начал, о которых я читал в журнале «Учитель» у Ушинского и у Пирогова.

И я бросил семинарию¹. Дошел до меня слух, что некто Пашков намеревается в своем имении в деревне устроить частную школу с широкой программой и на новых началах. А так как для преподавания в частных школах высшего типа нужны права домашнего учителя, то я решил выдержать экзамен на домашнего учителя. Но раньше я отправился пешком в имение Пашкова, где-то в Сергачском уезде. Никаких подтверждений слухов я там не нашел, но экзамен на домашнего учителя все-таки выдержал. При этом оказалось, что за диплом я должен заплатить 12 рублей, а у меня не было денег. Правда, у меня бывали уроки от 3 до 7 рублей в месяц. Бывали месяцы, когда было по два урока, и тогда я считал себя богачом; бывали месяцы, когда не было ни одного урока, и тогда я отправлялся «в хождение в народ», ночуя в крестьянских избах, а в дороге — приставая к какой-нибудь партии пешеходов. Однажды зимой я шел по Волге с партией каких-то рабочих. На мою беду нас догнал ехавший куда-то жандарм, обратил на меня свое благосклонное внимание, арестовал меня и доставил в село Лысково к становому приставу. К счастью, в Лысковском двухклассном училище в это время были мои знакомые учителя, теперь уже покойник Смарагдов и Ф. Им как-то удалось меня выручить, пустив в ход влияние управляющего каким-то графским имением.

Другой раз летом случайный мой попутчик уговорил меня ночевать вместе в какой-то деревне на сеновале. А когда утром я проснулся, то моего спутника не оказалось, но вместе с ним исчез и мой мешок, в котором лежала смена белья и другой скарб, и что особенно сильно подействовало на меня, и крестьянские холсты, бывшие где-то поблизости... Мои попытки разговоров с

¹ Это решение далось Василию Порфирьевичу не без борьбы. Отец его лелеял мечту видеть сына священником, может быть, в будущем и архиереем! Надеялся вообще на блестящую карьеру. И вдруг — народный учитель! Старик негодовал и бранился, грозил проклятием; мать, безумно любившая сына и бывшая всецело на его стороне, все же из боязни потерять его, из суеверного страха перед этим «отцовским проклятием», умоляла покориться. Но Василий Порфирьевич, несмотря на свою мягкость, несмотря на страстную любовь к матери, все же отстоял свое право на выбор своей доли и ушел из дому. Ему было тогда лишь 16 с половиной лет. — Э. В.

народом большей частью оканчивались какой-нибудь поговоркой со стороны слушателей: «наша изба с краю, ничего не знаю...», «нам не до жиру, быть бы живу...», «нам некогда разговоры-то разговаривать — поработал, да и на боковую...» Эти попытки хождения в народ не дали мне ничего, кроме разочарования. Но тем сильнее стала моя вера в школу и в библиотеку. Я не отказывался от конечных целей, намечаемых тогдашним народническим движением, но средством к их достижению считал воспитание и образование народных масс, хотя мне и тяжело было признаваться, что это путь очень медленный.

В Нижнем я жил в коммуне. Мы снимали близ острога мезонин в одну маленькую комнатку за 2 р. 50 к. в месяц, ежедневно варили горох, потому что по гигиене Реклама из всех дешевых продуктов это был самый питательный, содержащий наибольший процент белка. Расходы обыкновенно брал на себя тот, у кого в данный момент были деньги. Число жильцов колебалось между тремя и семью, и состав наш постоянно менялся в зависимости от того, как много было безработных из наших знакомых. Свободные часы мы проводили в общих чтениях, спорах, песнях. Из песен самой любимой были стихи Михайлова «Дружно, крепко всех в объятья...». Споры вращались главным образом на вопросах образования, устройства ассоциаций, общине.

Разумеется, я употреблял все усилия, чтобы найти учительское место. Но обыкновенно у меня требовали диплом, а вместо диплома у меня было только уведомление канцелярии учебного округа, что диплом мне выдадут, когда я вышлю 12 рублей. Наконец, инспектор народных училищ Раевский обошел как-то это затруднение и назначил меня учителем в Василь-Сурск, в городское начальное училище. Нечего и говорить, что я сейчас же поехал туда на пароходе. Не думаю, чтобы кто-нибудь, назначенный в министры, так радовался своему назначению, как был рад я. Работа народного учителя казалась мне миссией, не имеющей себе равной по своему значению. Жалованье в 150 рублей в год при даровой квартире казалось огромным.

Но в первый же день по приезде в Василь-Сурск встретилось одно маленькое затруднение. Остановился я в училище, где меня дожидался учитель Доброхотов

(переведенный в Нижний), чтобы передать мне училищное имущество. Увидав мой рваный костюм, он пришел в ужас. А так как мне надо было идти к штатному смотрителю уездного училища и к городскому голове (оба были моими начальниками), то Доброхотов предложил мне надеть для этих визитов его пальто, сюртук и проч. В коммуне мы это делали постоянно. Уходя на урок или искать учительского места, я всегда надевал чужой, более приличный костюм. Но здесь надеть чужое платье только один раз, чтобы на другой день появиться в своем обычном костюме, мне казалось неудобным, и я отправился, в чем был. Все обошлось благополучно, только училищный швейцар был некоторое время в недоумении — пропустить ли меня в приемную или оставить в передней.

Первая мысль моя была о библиотеке. При школе библиотеки не было. Денег на приобретение книг не отпускалось. Но в этом случае мне оказал помощь мой товарищ Альбов, поступивший студентом в лесной институт в Петербурге. По моей просьбе он побывал в Комитете грамотности, и мне выслали оттуда целый тук книг, что и положило начало библиотеке. Я не ограничивался выдачей книг только детям своей школы. Ко мне ходили и великовозрастные, бывшие и настоящие ученики уездного училища. Для них я брал книги из публичной библиотеки, бывшей при уездном училище. Некоторые из более серьезных книг нуждались в комментариях: юноши собирались у меня по 7-ми и 9-ти, и я читал с ними. Брал у меня книги еще бывший крестьянин-домовладелец; он начал читать самые простые книги из детской библиотеки. Наиболее сильное впечатление произвела на него книжка «Делатели золота» Цшокке. Под влиянием этой книжки (он сам признавался в этом) он соединился с тремя другими товарищами, за какие-то гроши снял в городской управе островок на Волге, на который никто до тех пор не обращал никакого внимания, и все четверо стали разводить там капусту. Работа эта дала им хороший доход, и они жалели, что не на долгий срок сняли землю. Там же я сошелся еще со смотрителем почтовой конторы, поляком, служившим по найму. Он принимал участие в польском движении, был ранен. Как-то удалось ему ускользнуть от лап Муравьева, но в городе никто не знал об этом.

На вопросы о своем шраме на лбу он обыкновенно отвечал кратко: «бог шельму метит» и переводил разговор на другие темы. Да и близких знакомых в городе у него не было. Меня же он интересовал. Это было время, когда хождение в народ даже с самыми мирными культурными целями преследовалось, как государственное преступление. За кружки самообразования, за попытки обмениваться мыслями людей арестовывали и ссылали. И как реакция на этот правительственный террор появлялись кое-где, правда, очень ограниченные течения самого крайнего направления. Таков был, например, кружок известного Нечаева. Мне любопытно было поговорить со своим новым знакомым как с бывалым человеком, как он смотрит на практическую осуществимость таких крайних начинаний. Его отношение было пессимистическое. Он рассказывал о том, какими большими материальными средствами, сравнительно с русскими кружками, обладало польское движение. А раз нет больших денег, нечего и начинать, по его словам. Этот довод практического человека казался мне чрезвычайно убедительным. Впрочем, я по самой своей природе не мог бы принимать участие в каких-нибудь крайних насильственных мерах. Никогда я не ставил высоко физическую храбрость, хотя очень ценил гражданское мужество. Мирные наклонности всегда преобладали во мне.

Других близких знакомых у меня в Василь-Сурске не было. Были учителя уездного училища. Один из них был уже человек пожилой. По окончании камерального факультета г. Казани (был когда-то такой) он служил сначала где-то помощником окружного начальника. Неудачи по службе заставили его пойти в уездные учителя. Он любил выпить, поиграть в карты и все мурлыкал песню с припевом: «То ты ко мне, то я к тебе». Другой, из Нижегородской гимназии, франт и уездный сердцеед, тоже играл в карты и мурлыкал: «Три богини спорить стали, кто из них из всех милей». Третий, из Казанской духовной семинарии, тоже коротал время за картами. К ним в каникулярное время примыкали два студента, из коих с одним еще удавалось потолковать о литературе, о злободневных политических вопросах. Все остальные мало читали, и в области политики, литературы и проч. им было все равно.

Так как я мало видел людей вне ограниченного круга своих бывших товарищей, то сначала я с большим интересом вошел в этот учительский кружок, наблюдал их жизнь и интересы, но скоро мне это наскучило, и я весь ушел в чтение, школу и в чтения с подростками, все время охотно посещавшими меня¹.

В Василь-Сурске мне пришлось обзавестись семьей. Я должен был взять к себе мать и двух малолетних сестер. Чтобы прокормить их, я должен был взять два частных урока за грошовое вознаграждение².

Из Василь-Сурска меня перевели учителем уездного училища в Ардатов (Нижегор.). В Ардатове тогда было два мужских учебных заведения и ни одного женского. И я под влиянием тогда носившихся в воздухе идей женской эмансипации задумал устроить женское училище. Чтобы склонить городскую думу и земство к отпуску необходимых средств на это дело, я написал корреспонденцию в газеты, а затем вместе с учителями Соколовым, Беляевым и Полетаевым мы послали заявление в думу и земство о том, что мы берем на себя

¹ В поисках материалов об этом периоде жизни В. П. Вахтерова я просила одну его родственницу, покойную теперь А. В. Сорокину, имевшую знакомых в Василь-Сурске, узнать, нет ли там кого-нибудь, кто бы помнил Василия Порфирьевича как учителя: его сослуживцев, его учеников. Таких не оказалось. Но нашелся один старик, В. И. Коростин, по профессии столяр, который рассказал, что помнит Василия Порфирьевича молодым учителем, живым, энергичным, помнит, что его очень любили ученики, что он относился к ним как товарищ, никогда их не наказывал, даже выговора не давал, а они его слушались. Он вспоминал, что Василий Порфирьевич вел беседы и со взрослыми, и к нему охотно шли с разными вопросами и за книгами. В записочке, которую В. И. Коростин прислал мне, он, между прочим, пишет так: «Я знал В. П. Вахтерова в 1872—1873 гг.; он состоял учителем уездного городского училища, к ученикам снисходительного, даже любезного, кроме того, взгляда политически свобододолюбивого. Я, как столяр, ремонтируя обстановку, часто имел разговор на эту тему». — Э. В.

² В это время семейная жизнь матери Василия Порфирьевича была особенно тяжела, и она оставила мужа и переселилась к сыну с двумя малолетними дочерьми. После ухода жены Порфирий Михайлович еще более опустился, еще больше стал пить. Умер он в чужом углу, одиноким человеком. От помощи сына отказывался, на его предложение переехать жить к нему тоже не соглашался из гордости, но, как рассказывали, любил похвастаться, что сын его «в Москве известен» (это относится уже к позднему времени, когда Василий Порфирьевич жил в Москве.— Э. В.).

бесплатные занятия в женском училище, если оно будет открыто. И училище действительно открылось в том же году. Конечно, и в Ардатове меня преследовала мысль о библиотеках. Я снова обратился в Петербургский Комитет грамотности, и оттуда были высланы книги для женского и мужского народных училищ. Для пополнения библиотеки уездного училища я устроил подписку, давшую более 100 рублей. Чтобы дать возможность сельским учителям уезда пользоваться книгами, я обратился к нижегородскому Обществу распространения образования с просьбой, чтобы оно снеслось с Ардаатовским земством об ассигновании необходимой суммы на приобретение книг для Центральной уездной библиотеки, а на себя брал бесплатное заведование библиотекой и выдачу книг. В то время вершителем всех земских дел в уезде был богатый землевладелец Карамзин, располагавший большими связями и в бюрократических сферах. Я обратился к нему за поддержкой, но он потребовал от меня список книг для проектируемой библиотеки. Должно быть, я был в то время очень прост и наивен в сношениях с людьми и, не соображаясь со взглядами Карамзина, наполнил список книгами, которые сам считал лучшими. Этот список погубил все дело. Карамзин высказался против такого списка, а земство отказало в пособии. Библиотека не была открыта, а я должен был объясняться по поводу своего направления с директором училищ Садоковым. К моему счастью, вскоре после этого заведование училищами перешло к инспектору народных училищ Раевскому, который ничего не знал об этом инциденте, и я остался учителем.

Школа доставляла мне большое нравственное удовлетворение. Я устраивал с учениками экскурсии, снабжал их книгами, принимал горячее участие в педагогическом совете, который в то время еще не был превращен в простую регистратуру начальственных предписаний. Он мог делать нововведения, разрабатывать новые методы преподавания. Одно было трудно: семья требовала расходов, и я должен был и здесь давать частные уроки. В Ардатове были написаны мои первые две педагогические статьи, помещенные в «Семье и школе». Летом 1874 г. я был командирован на казенный счет на дополнительные курсы при Московском учитель-

ском институте. Приехав в Москву и не зная ее, я просил извозчика везти меня в какую-нибудь гостиницу. И он привез меня в «Славянский Базар». Я не понимаю теперь, как я не заметил, что мой бедный костюм, а вместо чемодана мешок, вроде тех, в которых хранят муку, не подходят к аристократической гостинице. Я спросил швейцара, что стоит самый дешевый номер. Мне сказали, что 3 рубля. Я привык в Ардатове платить за квартиру 3 рубля в месяц, подумал, что швейцар назвал мне месячную плату, и взял номер. Каково же было мое изумление, когда я в тот же день узнал что это суточная плата. Разумеется, я не стал дожидаться следующего дня и, познакомившись в институте с таким же бедняком, каким был сам, переехал в его комнату, напомилавшую чулан, за которую мы сообща платили 8 рублей в месяц¹.

С того времени почти оканчивается нижегородский период моей жизни. Много позже я, в 1896 и в 1903 г., два раза читал публичные лекции в Нижнем: одну по приглашению Всероссийской выставки, а другую по приглашению секции воспитания и гигиены. В Новом Усаде Арзамасского уезда и теперь существует² народная библиотека моего имени, открытая по инициативе моих друзей и знакомых и при содействии Нижегородского О-ва распространения начального образования.

По Московскому Комитету грамотности я, то в качестве его товарища председателя, то в качестве исполнявшего председательские обязанности в период от 1892 до 1897 г., очень часто вступал в сношения с учителями и другими лицами, с волостными правлениями, земствами и другими учреждениями Нижегородской губер-

¹ Много лет спустя тот самый товарищ, который приютил Василия Порфирьевича в первые дни его московской жизни, в своем письме так вспоминает об этом времени: «С поразительной ясностью и с малейшими деталями,— пишет он,— помню я нашу первую встречу в институте. Отлично помню, как на последние 15 копеек угощал вас чаем и как вы на следующий день переехали ко мне из «Славянского Базара». Помню нашу совместную жизнь на Солодовке, наши 20-копеечные обеды в подвальном этаже на Волхонке, наши тогдашние мечты, планы, наше безденежье. Вспоминаю всю обстановку нашей жизни в гадком номеришке со всем внутренним содержанием этой жизни» (Архив В. П. Вахтерова. Письмо учителя П.—Э. В.).

² Было написано в 1907 г. Теперь этой библиотеки уже нет.— Э. В.

нии по вопросам о народных и школьных библиотеках, о воскресных школах, о книжных складах.

Я и теперь еще часто вспоминаю и Арзамас, и Нижний, и Василь-Сурск, и Ардатов. Издалека и люди, и природа, и жизнь там кажутся мне и лучше, и красивее, чем в свое время. Должно быть, все-таки здесь было пережито много хорошего. Как-то раз меня пригласили читать публичную лекцию в Арзамасе, и когда лекцию не разрешили, я сожалел об этом гораздо больше, чем во всех других случаях запрещений, которые для меня давно уже стали общим правилом.

Несколько лет тому назад меня так потянуло побывать на своей родине, что, выбрав несколько свободных дней, я съездил в Арзамас, побывал на Бутырках, осмотрел поля, овраги и лесочки, где проводил свое детство, отыскал знакомую семью, которая одна помнила меня еще с детства. Все остальные либо вымерли, либо переселились. Посмотрел играющих детишек на тех самых местах, где сам играл когда-то. И такими они показались мне симпатичными, и столько жалости возбудили во мне, что я давно уже не испытывал такого сильного чувства. В этой единственной семье, которая меня помнила, я нашел крестника моего отца, сапожника Ивана Николаевича. У него большое семейство, он так несказанно беден, но так бодро борется за существование своей семьи, столько в нем искренности и какой-то особенной душевной красоты и сердечности, что я сразу полюбил его. И таковы тайники человеческой психологии: этот новый знакомый Иван Николаевич самым тесным образом ассоциируется теперь с воспоминаниями моего детства.

ОТРЫВОК ИЗ 6-й ГЛАВЫ КНИГИ В. П. ВАХТЕРОВА
«ОСНОВЫ НОВОЙ ПЕДАГОГИКИ»¹

«...Вместо того чтобы рассуждать о значении книги в развитии ребенка, я предпочитаю поместить здесь, в качестве подлинного человеческого документа, рассказ

¹ Не называя себя (скрываясь под именем «одного семидесятника»), В. П. Вахтеров дает здесь несколько автобиографических страничек, как нельзя больше уместных как дополнение к его автобиографической главе.— Э. В.

одного семидесятника о том, чем была книга в его детстве, отрочестве и юности.

Монотонная, будничная, бессмысленная жизнь, без ярких радостных впечатлений, невежественная среда, забитая однообразным постоянным физическим трудом из-за куска черного хлеба. Полуголодное существование. Смутно сознаваемая ненужность такого серого, унылого, а подчас прямо ужасающего существования, без радости, без бодрящих впечатлений. Полная обособленность от культурных людей. Полное отсутствие каких-либо образовательных и воспитывающих учреждений, кроме плохой школы. Чтобы пробудить себя от этого дремотного состояния, чтобы стряхнуть с себя сон, навеваемый вялой и бедной действительностью, хотелось новых, сильных ощущений, красок, какой-нибудь яркой радости, драматизма, героев, резких контрастов. Вывести из этого тупика меня мог бы хороший образованный человек, но в детстве его не было около меня. Меня отупляли зубристикой, дисциплиной, основанной на страхе и розге, схоластической программой.

Конечно, я искал удовлетворения своей любознательности в разговорах со взрослыми. Но то, что они говорили между собой, за немногими исключениями, так часто повторялось, что казалось мне обыденным, старым и неинтересным или, что еще хуже, ужасным до отчаяния. И я могу назвать теперь не более 2—3 встреч, заинтересовавших меня в детстве и не запугивавших меня ужасом жизни. И меня вывела из этого тяжелого состояния хорошая книга, которую оказалось легче найти, чем хорошего человека. Стремление стряхнуть с себя влияние сонного, вялого настроения окружающих возбуждало во мне свойственную возрасту жажду к героизму, к сильным красочным образам, к игре необычайных приключений, к поражающим воображение событиям и могло найти исход только в литературе. Книга действительно переносила меня из узкого круга мелких и однообразных интересов окружающей среды, ограничивающихся почти исключительно вопросами удовлетворения голода, на широкую сцену всемирной истории, мировой литературы, на арену, где действовали герои во имя высоких идеалов добра и правды, справедливости, красоты, счастья народа, родины, человечества...

Когда я овладел механизмом чтения и когда в мои

руки попали доступные пониманию книги, чтение стало моей преобладающей страстью. Из-за книг я пропускал уроки, не готовил заданного, нередко получал плохие баллы и неоднократно подвергался наказаниям.

Относительно чтения я делю свое развитие на 3 периода. Сначала я пользовался одними только лубочными изданиями. Из жития святых потрясающее впечатление произвело на меня житие Филарета Милостивого, его необыкновенная доброта, выразившаяся в том, что он роздал нуждающимся свое огромное имущество, от которого осталась под конец только корова с телятком. И как он отдал беднякам эту корову, отдал затем и телят, потому что корова скучала по телят, и как он боролся с эгоизмом своих семейных, не желавших, чтобы он расточал свое имущество на дела милосердия. Большое изумление, граничащее с восторгом, производили пустынножители вроде Симеона-столпника. Герои прочитанных книг, как это часто бывает в детском возрасте, служили для меня образцом для подражания... Наряду с духовными книгами я с жадностью читал и светские произведения лубочной литературы: Еруслана Лазаревича, Бову-королевича... И как это ни странно, при воспоминании о ней я не чувствую обычного в писательском быту презрения, а одну благодарность. Вероятно, это объясняется тем, что при этой безысходной скуке, а иногда и ужасе жизни, какие выпали на мою долю, даже лубочная литература... представлялась манной небесной для голодающего...

Второй период я начинаю с того дня, когда получил возможность брать книги из библиотеки, существовавшей тогда при одной из городских церквей. Я погрузился в чтение, я глотал книги с жадностью, со страстью умственно голодного человека. Это была какая-то всепоглощающая мания. Наиболее сильные эмоции и настроения вызваны были Гоголем. Полные сверхъестественных событий, фантастических приключений и чудес «Вий» и «Страшная месть» Гоголя произвели на меня такое жестокое действие, что я замирал от ужаса при их чтении: я видел, слышал, осязал всю эту фантазматическую устранивающую образов, а затем в течение нескольких дней я видел во сне отрывки из прочитанного и вскакивал от страха. Необычайные характеры и изумительные приключения, описанные в Тарасе Бульбе, вызыва-

ли большой подъем и воображения, и мысли. Сильное впечатление произвел роман Дюма «Монте-Кристо», зажигая во мне детское стремление к героизму и необычайным приключениям... Многие из стихотворений Никитина, оплакивавшего непосредственно знакомую мне народную долю, я знал наизусть, и, повторяя, быть может, в сотый раз «Жену ямщика», не мог удержаться от слез, и читал некоторые места обрывающимся от плача голосом. Очень заинтересовали меня также две-три книги научно-популярного характера, и особенно по физиологии человека.

Начало 3-го и последнего периода я отношу к 14-му году своей жизни, когда я получил доступ к богатой публичной библиотеке губернского города и к кружкам интеллигентной молодежи. Первое место по времени в этом периоде я должен отвести Базарову. Умный, сильный плебей Базаров, конечно, страшно заинтересовал меня: но при первом чтении меня испугало и оттолкнуло то беспощадное отрицание всего, даже того, что «страшно вымолвить», а также и его индифферентизм к тому, будет ли у мужика хорошая изба: ...за Базаровым я пошел не сразу, а после продолжительной борьбы... И я уступил.

«Униженные и оскорбленные» Достоевского произвели на меня сильное впечатление. Между прочим, роман удивил меня тем, что и в аристократической среде, которую я, не зная ее лично, под влиянием рассказов крепостных, презирал всей душой, можно найти, как у Алеши, искру Божию и чистое сердце, не знающее зла, несмотря на негодяя-отца, и на воспитание в аристократическом доме, и на жизнь среди развращенной золотой молодежи... Диккенс внушил мне веру в людей, горячую любовь к ним, сострадание к обиженным судьбой. Я плакал, когда автор особенно трогательно описывал чью-нибудь горькую жизнь. Я смеялся, когда автор ставил своих героев в комическое положение.

Утопии, главным образом Фурье, заставляли меня забыть все окружающее и переносили мое воображение в дивный волшебный мир, где нет ни зла, ни страдания, ни оков, ни гнета, ни нищеты, а где царят свобода, правда, равенство, справедливость, братство и всеобщее счастье. Особенно прельщал меня идеал Фурье — согласить общественное устройство со страстями людей,

сделать труд привлекательным, сообразуясь с наклонностями каждого... Лассаль вскружил мне голову. Он писал так ясно, что я читал его так же легко, как роман: его меткие сравнения, как молнии, освещали самые отвлеченные и трудные из его положений, а его остроумие приковывало к книге. Его постоянные обращения к разуму и совести, возвышавшиеся нередко до пафоса, поддерживали высокое настроение не только при чтении книги, но и после того. Бокля я читал с упоением: меня увлекала его вера в прогресс, его гордое стремление отыскать законы умственного развития человечества, такие же правильные законы, какие управляют и физическим миром. С большим увлечением читал я и другие исторические книги, например Шлоссера... В исторических книгах меня особенно интересовала не жизнь королей и принцев, малопонятная для меня, а быт народа, его радости и горе, его стремления и его герои...

Из Добролюбова огромное впечатление произвели статьи о Роберте Оуэне, об авторитете в воспитании, об обломовщине; но ничто не действовало так сильно, как «его темное царство». Весь ужас жизни, который я наблюдал, а отчасти и пережил сам, все это, благодаря Добролюбову, соединилось в моей голове в одно целое, в одну яркую потрясающую картину. Его фраза «Милый друг, я умираю, оттого что был я честен...» звучит в моих ушах, как одно из воспоминаний о моем кумире, которому я поклонялся в юности.

Названные книги вместе с другими подобными ввели меня в сферу общественных и политических вопросов, пробудили критическое отношение к социально-политическим формам, дали определенное направление недостаточно ясным до тех пор симпатиям и антипатиям. Эти книги раскрыли передо мной совершенно новый мир, полный самого живого интереса, о котором я не имел до того времени ни малейшего понятия.

Из идей, усвоенных мною тогда, наиболее яркое впечатление произвела мысль, что рай не позади нас, а впереди, что это рай не Адама и Евы, а рай всего человечества, которое в лице лучших своих сынов работает над осуществлением царства добра и правды не на том свете, а на этом. Поражали меня также свободные, смелые перспективы, которые широкими мазками рисовала

передо мной новая литература, не считаясь с установленными, казалось, незыблемыми устоями. От этих перспектив делалось и жутко, но вместе и радостно и росло умственное возбуждение.

Поражала и та дерзость, с которой авторы опрокидывали «Эльбрусы и Монбланы», по выражению тогдашнего критика, удивлял этот смелый прямой язык, которым авторы говорили, обращаясь к престолом и тронам.

И мне казалось, что уже не могу жить более так, как жил до сих пор, как жила моя семья, мои родные и знакомые. Я хотел учиться, но не тому, чему учат в школе, а тому, о чем говорили прочитанные книги: учиться, чтобы работать в новом, указанном книгами направлении.

Кто-то натолкнул меня на книги педагогического содержания. Я прочел все, что только мог найти в современной педагогической литературе. И чем больше я читал педагогических книг, тем сильнее воодушевлялся задачами народного учителя... и эти задачи казались мне тогда высшей целью жизни... Благодаря таким книгам у меня образовалась своя педагогическая доктрина, свое представление о рациональных методах преподавания и воспитания, о задачах воспитания и школы... Педагогические статьи и книги, прочитанные тогда, определили направление моей деятельности на всю мою жизнь, потому что я могу сказать, что почти всю мою жизнь я действительно посвятил народному образованию... Моя дорога вела меня к другой профессии, и до тех пор мне не приходило в голову никаких на этот счет сомнений, но под влиянием книг прежние цели терпят окончательное крушение и появляются другие, новые...

Статьи Писарева, его страстное отрицание эстетики как «вздорной потребности», как дела, чуждого для «мыслящего человека», значительно охладили мое увлечение беллетристикой, но я нашел выход в том, что стал выбирать для своего чтения книги с «хорошим направлением». К таким книгам я относил, например, романы Шпильгагена. Опрямное впечатление произвела на меня статья Ткачева «Люди будущего и герои мещанства», помещенная в каком-то журнале, посвященная разбору романа Шпильгагена «Один в поле не воин». От наплыва новых, доселе неведомых идей и

стремлений замирал дух, кружилась голова. Учитель Туски поражал меня своей прямолинейностью... Еще большее впечатление произвел на меня образ Лео, казавшегося мне каким-то гордым тиганом, вызвавшим на бой за свои идеалы все общество и принесшим им в жертву все свои привязанности, свою любовь, свое личное счастье, самую жизнь... И другие произведения Шпильгагена, а также «93-й год» Гюго потрясли меня до глубины души. Особенно волновали образы людей, живших, боровшихся и даже умиравших за свои идеалы...

Несмотря на отрицательное влияние Писарева, редко какая научная книга овладевала мной в такой же степени, как заинтересовавший почему-либо роман. Я поглощал страницу за страницей, не замечая времени, иногда просиживая напролет целые ночи.

Взвешивая теперь влияние на меня беллетристики, я не могу не отметить очень многих ценных сторон этого влияния. Одни из художественных произведений учили меня любить свободу, другие внушали сострадание к горю и несчастью других людей, третьи возбуждали уважение к искренности и правдивости, четвертые — любовь к честному и упорному труду, к сильной воле и самообладанию и все вместе — восторг перед нравственной силой, перед исполнением нравственного долга... Художественная литература поддерживала во мне веру в идеалы, веру в то, что я и сам мог бы содействовать воплощению этих идеалов в жизнь и хоть на волосок двинуть вперед какое-нибудь хорошее дело... Беллетристика же помогла мне разобраться в своих собственных свойствах, узнать то, что было во мне хорошего и сильного, и то, что было плохого и слабого... Если присоединить к беллетристике научную и публицистическую литературу, то нельзя не сказать, что книгам я обязан почти всем моим развитием. Книга — это школа бедных, которым недоступны другие источники образования, и книги были истинной моей школой. Если взять все, что дала мне школа, лекции, которые я слушал, знакомые, с которыми я встречался, кружки, которые я посещал, то все эти влияния, взятые вместе, в образовательном отношении были ничтожной каплей по сравнению с тем, что мне дали книги. Я не хочу, конечно, сказать, что так и должно быть, я, напротив, думаю, что мое развитие шло ненормально, односторонне. Я убежден, что

одних книг мало... Быть может, наша непрактичность, наши неудачи в общественных делах объясняются именно тем, что мы слишком книжные люди, наши мысли и идеалы носят слишком книжный характер, что мы и в жизни гораздо больше разговариваем, чем действуем.

Но я пишу о том, что было, а моими наставниками были только книги. Я убежден, что истинной воспитательницей является жизнь, но что же делать, если окружающая жизнь гораздо больше развращала, чем воспитывала. Крепостные порядки и нравы, официально осужденные, когда мне было 7 лет, на самом деле существовали почти во все время моего детства, юности, молодости... Оставалась одна книга»¹.

¹ Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., изд. Сытина 1913. стр. 499 и след.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СМОЛЕНСКИЙ ПЕРИОД

(1875—1890)

Окончив в 1875 г. педагогические курсы при Московском учительском институте со званием учителя городского училища и домашнего учителя по арифметике и геометрии и с аттестатом «За отличные занятия», Василий Порфирьевич в июле того же года получил назначение учителем Духовщинского городского училища. Так начинается смоленский период его жизни. Ему было в это время 22 года. С внешней стороны смоленская жизнь Василия Порфирьевича была не очень богатой фактами: учитель Духовщинского училища, учитель-инспектор того же училища, учитель и председатель педагогического совета Духовщинской прогимназии, член духовщинского училищного совета, а с 1881 г. инспектор народных училищ Смоленской губернии — вот общая канва этого периода, обнимающего около 15 лет. Перед нами как бы обычная чиновничья карьера с повышениями в чинах, со «всемилодивейше» в определенные сроки пожалованием Станиславов и Анн разных степеней, словом, «служба по Министерству народного просвещения». И в то же время не «служба», а настоящее «служение» делу народного образования, служение, которому человек отдается с увлечением фанатика.

Первые 7 лет Василий Порфирьевич в качестве учителя всецело уходит в педагогическое дело, увлекается им, увлекает учеников, устраивает при школе библиоте-

ку, руководит чтением учащихся и особенное значение придает их самодеятельности, развивая ее всеми силами. Он увлекается естествознанием и широко внедряет его в свои школьные занятия; он большой любитель математики, и «жизненность» уроков, сближение их с бытом, с местными условиями хозяйства и рынка, наглядность преподавания — все это практикуется молодым учителем. Оригинальную и совсем необычную для тех далеких времен постановку занятий устраивает он в училище, мало считаясь с шаблонными требованиями программ. Об этом опыте он рассказывает много лет спустя в одной из своих статей, впрочем, не называя себя. И пожалуй, эти занятия, где все основывалось на самодеятельности учащихся, на их самостоятельных работах, где они сами выбирали интересующие их темы, отыскивали нужные материалы в указанных им пособиях и разрабатывали эти темы, имеют некоторое сходство с теми лабораторными методами, которые практикуются в современных школах. Вот как вспоминает об этом Василий Порфирьевич: «Дело происходило, — пишет он, — в глухом некультурном городишке Смоленской губернии, где до 1861 г. не было даже народной школы и где местный губернатор признавал открытие школы делом излишним и ни для кого не нужным. В 70-х гг. здесь было открыто городское училище с шестилетним курсом. Занимался в этой школе со старшими учениками первого выпуска учитель, который сам себя считал неопытным в учительском деле и плохо к нему подготовленным (В. П. Вахтеров имеет в виду себя. — Э. В.). Его товарищи, занимавшиеся в других классах, по своей подготовке были не выше его. Директор народных училищ ровно ничего не понимал в педагогическом деле, и всякое его замечание по поводу преподавания годилось скорее для помещения в юмористический журнал, чем для руководства преподавателей. Казалось бы, при таких условиях судьба этого выпуска из 8 учеников должна быть очень печальна. Неизвестна судьба троих учеников этого выпуска, но о пятерых собраны точные сведения. Один из этих учеников в настоящее время продолжает исследования покойного путешественника Пржевальского, руководя ученой экспедицией в Средней Азии, причем он ни в какой другой школе не обучался, а самостоятельно ознакомился с теми науками, которые были необходимы

для продолжения такого ответственного дела, как исследования Пржевальского. Трое других сделались народными учителями, и, по отзывам лиц, знакомых с их деятельностью, это были учителя, превосходившие многих из своих собратьев и по развитию, и по педагогическим знаниям. Пятый ученик сделался офицером, человеком много читавшим и развитым. Он тоже ни в какой другой школе не обучался и самостоятельно приготовился к необходимым экзаменам. Эта судьба учеников дала повод одному знакомому назвать эту школу «фабрикой самоучек». Если это сравнение и преувеличено, то все же нельзя не признать, что стремление к самодеятельности среди этих учеников было развито школой. Когда к учителю этого выпуска обращались с вопросом, что именно влияло на развитие детей его класса в этом направлении, то он останавливался на следующих особенностях: «Я обращал,— говорил он,— особое внимание на библиотеку и внешкольное чтение учащихся; я не стеснял детей в выборе книг, хотя и не отказывался рекомендовать им книги, когда они обращались ко мне с этой просьбой. Учитель этот не выполнял официальной программы, а останавливался лишь на тех отделах, которые казались ему наиболее важными и которыми он увлекался сам. Может быть, это увлечение учителя заражало учеников и спасало их от обычной при исполнении обязательных программ скуки преподавания. Но, обеспечив себе некоторый простор и независимость, учитель затем предоставил такой же простор и ученикам. Одним из важных внеклассных занятий учеников были самостоятельные письменные работы. Учитель давал ученикам ряд тем, но не стеснял их и самих выбирать темы. Когда темы были разобраны, он снабжал каждого ученика пособиями, предоставляя ему справляться с темой, как он знает, не отказываясь помочь ему в затруднительных случаях. Ученики не были стеснены ни временем, ни объемом работы. Одни из работ готовились в несколько дней, другие подавались через несколько месяцев; одни уместались на листе, на двух листах, а другие представляли собой толстые тетради. Работа одного ученика «о свете» составляла целый том...»¹. Тот ученик, «продолжающий

¹ «Общее дело». Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения, под ред. В. С. Костроминой, вып. 2, М., 1902, стр. 9—11.

исследования покойного Пржевальского» (статья писалась в 1902 г.), всем известный теперь путешественник и академик П. К. Козлов, не забыл своего первого учителя и в интересной присланной мне заметке, говоря об этом периоде своей жизни, тепло вспоминает «светлый и обаятельный образ» педагога, который, по его словам, зажег в нем «жажду знания», был для него «светочем» и «кумиром». И он рассказывает о впечатлении, какое произвел в маленьком городишке приезд новых педагогов. В это время приходское училище было преобразовано в городское, старые захудалые учителя с их устарелыми методами преподавания, с их педагогическими мерами воздействия на учеников (удары линейкой, розги, трепание за волосы) отходили в область преданий. Поваяло новым духом. Василий Порфирьевич ввел впервые звуковой метод вместо практиковавшегося до тех пор буквослагательного, программы были расширены, появились новые предметы и вообще всколыхнулось стоячее болото школы. По словам П. К. Козлова, В. П. Вахтеров «читал весь курс 5-го класса живо и увлекательно», и ученики были очень заинтересованы физикой, географией, анатомией человека, физическими опытами. «Нередко,— пишет П. К. Козлов,— Вахтеров отступал от официального расписания уроков и вместо какой-нибудь геометрии читал нам классиков Гоголя, Некрасова и др. Но как читал! Мы все положительно заслушивались, тишина в классе царила полная. Однажды, как сейчас помню, Василий Порфирьевич читал нам «Кому живется весело, вольготно на Руси», мы чутко внимали. Наш лектор, взглянув в окно, прервал чтение, встал, подошел к расписанию уроков и начал на доске чертить мелом фигуры треугольников и доказывать их равенство. Минут через пять раздался стук в дверь и показалась округлая фигура инспектора народных училищ. Занятия по геометрии продолжались до окончания уроков»¹.

Молодой педагог В. П. Вахтеров с увлечением занимался и со взрослыми, устраивая для них чтения, выдачу книг, проводя беседы, продолжая, таким образом, свои, еще в первые годы учительства начатые «внешкольные» опыты.

¹ См. письмо П. К. Козлова и его заметки в Архиве Вахтерова.

«Считающий учительскую работу настоящей миссией», он помнит завет Дистервега: «Учитель только до тех пор учитель, пока сам учится». И вот с первых же шагов своей педагогической деятельности Василий Порфирьевич принимается за самообразование. Из небольшого своего жалованья он выписывает книги, журналы — занимается пополнением местной библиотеки, много читает, учится, и если он дает ребятам урок о почве, то готовится к нему с такой же добросовестностью, как если бы перед ним были студенты. И в это уже время в нем вырабатывается талант популяризатора научных знаний. А. В. Васильев, бывший учитель, а в те годы ученик В. П. Вахтерова, как-то говорил мне, что и до сих пор помнит какой-то его урок о превращении энергии.

И организаторские способности молодого педагога находят себе применение. В городе нет ни одного женского учебного заведения, и он с двумя товарищами хлопочет об открытии женской прогимназии. Чтобы двинуть это дело и не напугать городскую думу расходами, инициаторы обязуются вести преподавание бесплатно. И прогимназия открывается.

В 1881 г. Василий Порфирьевич назначается инспектором народных училищ четырех уездов Смоленской губернии. Рамки работы его раздвигаются, он получает возможность в большом масштабе влиять на школьное дело, влиять на учителя. Много планов и много молодой энергии: ему в это время всего 28 лет. Но времена наступают тяжелые, 80-е годы. Царизм перешел к политике открытой реакции и полицейского террора. После убийства Александра II в 1881 г. начинается жестокая расправа с людьми, аресты, ссылки. Печать задавлена. Еще бы! Ведь сам Александр III характеризовал печать словами «паршивая наша журналистика». И вот слуги царя, спеша угодить ему, обрушивают на эту «паршивую журналистику» и на печать вообще всевозможные кары¹. За-

¹ «Довольны ли вы мною?» — спрашивает Победоносцева министр внутренних дел гр. Игнатъев, перечисляя ему свои подвиги по части удушения печати. «Вы как будто сомневаетесь, правда ли, что я не разрешу возрождение «Голоса», — с огорчением спрашивает он его, — обидно это слышать от единомышленника и товарища». И, чтобы заслужить похвалу ненасытного русского Торквемада, он добавляет: «Вам могли бы доставить список до 50 газет и изданий, мной не разрешенных». (См. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. I, М.—Пг., 1923, стр. 89.)

крыты были в 1884 г. «Отечественные записки» — «литературная лаборатория радикального народничества», как их тогда называли. Катастрофически падает книжная продукция, о чем приводит интересные данные известный знаток книжного дела Н. А. Рубакин. «Собрать бы книги все да сжечь», и вот в 1888 г. в Уральске действительно состоялось торжественное сожжение 1445 книг, оформленное специальным актом. Изъятие из библиотек и одобренных общей цензурой книг совершалось при Дм. Толстом неоднократно¹.

Мрачный триумвират Победоносцева, Дмитрия Толстого и Каткова — вот кто был призван направлять русскую общественную мысль.

Эпоха безвременья, «роковые годы», «политика контрреформ», вот как характеризовались 80-е гг. Недаром Глеб Успенский, вспоминая это время, говорил Короленко: «Вы счастливы: ссылка позволила вам сохранить совесть. А мы, пережившие здесь все эти подлые годы, виновны уж в том, что пережили их, что остались живы и носим в душе подлое воспоминание»².

В частности, в ведомстве народного просвещения, которое справедливо называли «министерством народного помрачения» (расшифрование букв МНП), царили гнет и мрак. Граф Толстой за 14 лет своего управления этим ведомством успел обратить его в настоящее сыскное отделение. Только что была начавшая развертывать свою деятельность земская школа была взята под суровое подозрение, и тогдашняя «Неделя» характеризовала владычество Толстого и его школьную политику словами «народно-школьная полиция»³. И когда Дм. Толстой в 80-м г. оставил ведомство, то это не поправило дела, потому что в качестве министра внутренних дел, да еще в сотрудни-

¹ Интересно вспомнить, что тот же Дм. Толстой тем не менее встал однажды на защиту книги, — правда, это была макулатура лубочных торговцев. «Продаваемые этими торговцами произведения печати, — читаем в этом любопытном циркуляре, — составляют, так сказать, исконное историческое достояние народа и не могут, по существу, внушать опасений, одинаковых с некоторыми другими произведениями печати, потому что распространение их в народе не производило и не производит никаких вредных последствий». (Рубакин, Этюды о русской читающей публике, 1895, стр. 46, 47 и др.)

² Короленко, Дневник, т. 1, Полтава, Госиздат Украины, 1925, стр. 60.

³ «Неделя», 1880, № 44.

честве с Победоносцевым, прокурором Синода, он не упускал из поля своего зрения и вопросов просвещения¹. И потому так кратковременны были карьеры сменивших его министров Сабурова и Николаи: после него и они казались слишком либеральными, не будучи повинны ни в каком либерализме. Короткое, один только год продолжавшееся заведование министерством старого и усердно от этой чести отказавшегося барона Николаи дало, было, кое-какие надежды оптимистам, а слова его циркуляра 1881 г., что инспектора и директора народных училищ «должны не стеснять самодеятельность общества, а уважать и поощрять ее», повторялись и комментировались на все лады как нечто для данного ведомства совершенно необычное. Но очень быстро Николаи получил отставку: и он, очевидно, был не ко двору, а Катков готов был считать его чуть ли не за «потрясателя основ»². И с 1882 г. опять новый министр, верный исполнитель всех Толстовских предначертаний, памятный всем Делянов, «притча во языцах», которого даже и его единомышленники считали чуть ли не идиотом³. В таких руках было выс-

¹ Интересную характеристику этому министру дает Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях: «Человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не выдавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всяких нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный и коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение». (Воспоминания Б. Н. Чичерина, М., изд. Собашниковых, 1929, стр. 192—193.)

² Катков мечет громы и молнии по поводу того, что «этот недостойный министр, явно для всех служивший орудием партии (!), в которой все зло и с которой правительство должно бороться и пребывание коего у власти было пагубно», увольняется... с рескриптом царя! (См. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. I, М.—Пг., 1923, стр. 273—274.)

³ В тех же воспоминаниях Чичерина об этом министре читаем: «Это был клевет, вполне подходящий к своему патрону. Маленький, толстенький старичок, с совиной армянской физиономией и с мягкими добродушными приемами, он умственно был полнейшее ничтожество, а нравственно совершеннейший подлец, холоп всякого, у кого была сила и власть, он не имел никаких целей и видов, кроме желания держаться, и готов был на всякие пакости, чтобы угодить начальству. Как товарищ министра, он был чистым лакеем Д. Толстого и употреблялся им на всякие грязные дела. Сделавшись впоследствии сам министром, он был таким же лакеем Каткова».

шее командование фронтом просвещения! В эти же годы было изъято из школьного употребления «Родное слово» Ушинского, и замечательная книга эта была признана начальством «несоответствующей достоинству нашей школы». В это время начался и поход против земской школы и усиленные разговоры о замене ее церковноприходской. Главный апологет этой школы, Победоносцев, уже в 1881 г. говорил о том, что «только церковная школа может дать все гарантии для правильного и благонадежного, в церковном духе, образования народа». И все мечты его были направлены к тому, чтобы все народное образование сделать церковным¹. В 1884 г. были изданы правила о церковноприходских школах и началось усиленное пестование самодержавием этого своего излюбленного детища. Ассигновки правительства на эти школы растут год от году и всегда почти вдвое превышают ассигновки на другие школы. И хотя мечта о передаче «всех» школ в духовное ведомство и не осуществилась, она тем не менее возрождалась не один раз в последующие годы. Интересно отметить, что в реакционных попытках Победоносцева взять в свое ведомство все народное образование у него оказался сильный идеологический единомышленник, профессор С. А. Рачинский, который оставил кафедру ботаники в Московском университете, переселился в свое имение Смоленской губернии Бельского уезда, открыл там народную школу и сам стал заниматься в ней. Человек религиозный, он в таком направлении и вел свою школу, глубоко убежденный, что это есть желание народа. Рачинский был, несомненно, талантливым педагогом, он любил школьное дело, любил ребят. Интересно написанные статьи о школе, которые он с 80-х гг. стал помещать в Аксаковской газете «Русь», распространяли его мысли далеко за пределы его работы. Статьи С. А. Рачинского обратили на себя внимание Победоносцева, который, очевидно, ясно понял, какое зна-

¹ В упомянутой уже переписке Победоносцева есть письмо к нему некоего Новосильцева, который вскрывает эту победоносцевскую мечту: «Да поможет вам бог,— пишет он,— перенести все народные училища в ведение Синода и в непосредственное заведование приходов или, по крайней мере, достигнуть того, чтобы учителями в народных училищах были священники». (См. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. I, М.—Пг., 1923, стр. 340.)

чение может иметь фанатически настроенный, искренний адепт церковной школы, человек из профессорского круга, человек с «именем», не чиновник. Завязывается переписка. Победоносцев показывает письма Рачинского царю¹, содействует изданию его статей в особой книжке «Сельская школа», помогает ее распространению. Началось целое паломничество в школу Рачинского, и, например, Н. М. Горбов, впоследствии деятель по народному образованию, а тогда молодой кандидат Московского университета, едет к Рачинскому, работает в его школе и в горячих статьях призывает к тому же интеллигентную молодежь. И вот в одном из номеров газеты «Русь» за 1884 г. какой-то учитель под впечатлением статей Рачинского и Горбова уже пишет с энтузиазмом: «в Смоленской губернии загорелся светоч, способный озарить всю Россию, светоч истинного понимания характера народного образования»². Итак, отдельные деятели народного образования искренно увлекались идеей религиозного направления школы, наивно веря, что это отвечает народным чаяниям, а реакционеры делали на этом свою политику. Так, в 1888 г. гр. Дм. Толстой обратился к земствам с предложением передать их школы духовенству, и некоторые земства начали выносить в этом смысле свои постановления. Народ не спрашивали, за него решали другие, те, которые сами знали, что ему нужно³. Но так как лишь наиболее отсталые из земств и очень немногие действовали в угоду реакции, то и самое земство в целом было взято под большое подозрение. Победоносцев называл их «говорильнями», «Гражданин» требовал, чтобы «на место мошеннического самодержавного земства явилось самодержавное правительство»⁴, а «Московские ведомости» устами Каткова прямо утверждали, что «государству нельзя больше терпеть на своей территории не-

¹ К сожалению, письма Рачинского к Победоносцеву не опубликованы.

² «Русь» за 1884 г.

³ Веселовский, История земства, т. 3, Спб., 1911. В том же 1888 г. вологодский губернатор, предлагая председателям уездных управ содействовать передаче земских школ духовенству, мотивирует свое предложение тем, что «рассудочность и рационализм — девизы земской школы — всегда будут чужды истинно народной школе» (там же).

⁴ «Гражданин», 1888, № 94.

лепые самоуправные учреждения»¹. Итак, борьба с обществом, борьба с печатью, борьба с земством и в частности с земской школой—вот куда была направлена деятельность и энергия тех, которые «делали политику». А так как репрессии действовали всюду и драконовская «усиленная охрана» охватила всю страну, то не удивительно, что эта атмосфера рождала в некоторых кругах общества уныние, упадочные настроения, равнодушие и политическую спячку. Общественная работа снижалась, имела успех в эти годы проповедь «малых дел», широко распространялась толстовская теория «личного самоусовершенствования» и ухода от общественности в «келью под елью», как тогда выражались.

В глухой провинции, какой в те годы была Смоленская губерния, атмосфера была очень тягостной. «Наша губерния, — читаем в одном тогдашнем органе, — и вообще, а в лице ее земских представителей особенно пользуется репутацией отсталой и проникнутой узкословным, дворянским духом». А вот и картинка с натуры: Василий Порфирьевич рассказывал, как местный помещик, предводитель дворянства, привыкший к тому, чтобы крестьяне при встречах с ним ломали шапки, однажды, увидав на дороге старика, который ему не поклонился, в негодовании бросился на него, сорвал с него шапку вместе с клоком волос. И оказалось, что старик был слепой и только поэтому, значит, не отдал необходимого знака почтения местному магнату².

В. П. Вахтеров за 15 лет своего смоленского периода бывал в нескольких городах и вспоминал о том, как мертво и буднично протекала везде серая жизнь провинции, как все оживлялось только в дни и недели земских собраний и съездов и как после них все хирело, глохло и опять начиналось обывательское прозябание с картами, выпивками и сплетнями. Робкие попытки каких-либо об-

¹ «Московские ведомости», 1886, № 267.

² Конечно, это не было отличительной особенностью Смоленской губернии. Черниговский губернатор вскоре после введения института земских начальников рекомендовал «требовать, чтобы крестьяне, издали увидев начальство, сворачивали с дороги, и подвергал каре не исполняющих этого требования. Рекомендовалось также ко всем лицам волостного и сельского населения обращаться на «ты», вообще проповедовалась быстрота и натиск и при всякой провинности розга». (Х и ж н я к о в, Воспоминания земского деятеля, Пг., «Огни», 1916, стр. 93.)

ществленных начинаний или пресекались распоряжением свыше, как, например, ходатайство земства об открытии склада народных изданий¹, или гибли от упорной косности местных заправил, которые, вроде одного городского головы, в ответ на просьбу об открытии местной библиотеки твердили одно: «Это нас не касается»². В таком же безнадежном смысле иногда отвечало и земство на попытки организаций тех или иных просветительных учреждений³. А специально школьное дело? В 80-х гг. ассигновки на народное образование в Смоленской губернии были таковы, что трудно поверить. В одной из своих статей, посвященных смоленским школам, Василий Порфирьевич приводит статистику, извлеченную им из Статистического временника России, из которого видно, что в то время как другие земства в 1888 г. тратили на народное образование до 16% своего бюджета (тоже печальная цифра), смоленские уездные земства снижали этот процент до 5,4 и даже до 2,8. «Зато, — с иронией говорит Василий Порфирьевич, — земства Смоленской губернии расходуют больше других на содержание управ и принадлежат к числу тех пяти губерний, где на земское управление тратится больше, чем на народное образование»⁴. В консервативных слоях сословного земства была тенденция объяснять безразличие своего отношения к народному образованию тем обстоятельством, что крестьяне, мол, сами равнодушны к школе, отказываются платить школьные налоги, не желают поддерживать училища. И В. П. Вахтеров разоблачает эти лживые утверждения: «Еще бы, — пишет он, — явилось у крестьян желание поддерживать школу, которая находится в 19-ти верстах от его селения, школу, в которой его дети не могут учиться. Наверно, такой же протест со стороны ин-

¹ В ответ на это ходатайство министр внутренних дел (в 1889 г.), войдя в сношение с Деляновым, постановил «отклонить». А Делянов сопровождал это отношение любопытной бумагой, в которой выражает опасение, что «в складе могут оказаться книги, хотя и *дозволенные общей цензурой* (курсив мой. — Э. В.), но не могущие считаться полезными для чтения учителям ни тем более ученикам школ и вообще громадной части сельского населения». (Сб. постановлений Смоленского губ. земского собрания 1866—1895 гг.).

² «Смоленский вестник», 1889, № 30.

³ «Смоленский вестник», 1890, № 34, ст. «Отсталое земство».

⁴ Журнал Мин-ва нар. просвещ., 1891, № 8, ст. «Заметки о народной школе».

интеллигентом вызвало бы обложение его на электрическое освещение в Тифлисе, если бы он сам жил в городе, лишенном всякого освещения»¹. И он утверждает (и конечно, это не голословное утверждение, потому что он знает и деревню, и крестьян и приводит соответствующие факты), что тяга к знанию в деревне велика, и не у крестьян не хватает желания учить своих детей, а у командующих классов нет желания давать им эту возможность. Таковы были условия школьной работы в той глухой провинции, куда судьба забросила Василия Порфирьевича. Правда, условия эти были не слишком исключительны — таковы же они были почти везде в те глухие годы².

Принято считать, что основным настроением людей поколения «восьмидесятников» было отсутствие у них «мечты», «идеала», потерпевших печальный крах в предшествующие годы. И отсюда эти упадочные настроения, «хмурые люди» Чехова, бессолнечные пейзажи Левитана, увлечение Шопенгауэром, уход от жизни. Упадочное настроение свойственно было только части интеллигенции. У В. П. Вахтерова ни в годы его учительства, когда он свято верил в несокрушимую силу просвещения, ни позднее, когда рамки его работы раздвинулись и он получил место инспектора народных училищ Смоленской губернии, не было такого настроения. У него была и своя «мечта», и свой «идеал». И была огромная вера в то, что надо неустанно работать. Условия времени подсказывали ему, куда надо направить свою энергию. Он знал, что надо было оберегать школу от нападков, на нее направленных, бороться со школой церковноприходской и ее защитниками, распространять просвещение всеми путями и средствами, потому что, по его мысли, спасение бы-

¹ Журн. Мин-ва нар. просв., 1891, № 8, ст. «Заметки о нар. школе».

² Даже «первопрестольная» Москва именно в это время опозорила себя черносотенным отношением к предполагавшейся кандидатуре на должность заведующего московскими школами барона Корфа, одного из просвещеннейших школьных деятелей своего времени: его забаллотировали на эту должность. «Если бы этот выбор состоялся,— говорил тогдашний генерал-губернатор, князь Долгоруков,— то подрастающее поколение было бы направлено на путь материализма и безбожия, что шло бы в прямой разрез с основными началами Москвы: самодержавием и православием». (См. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. 1, М.—Пг., 1923, стр. 266.)

ло только в этом. И надо, следовательно, как можно шире ставить вопросы народного образования, потому что оно одно, думал В. П., может вывести даровитый народ из тупика жизни. Не революционер по природе, а верный и стойкий работник культуры—он так думал и так верил. И он впрягается в работу. Люди, знавшие Вахтерова в эти годы, говорили, что его работоспособность была прямо поразительна: рабочий день его длился нередко 18 часов! Прежде всего это была его работа, так сказать, официальная—его служба. Е. А. Карасева, в те годы учительница Смоленской губернии, характеризует Василия Порфирьевича как «горячего поборника народного образования, прекрасно знающего все местные школьные нужды и стремящегося всячески удовлетворить их, как руководителя школьного дела, заботливо входящего во все даже мелочи преподавания», и как «редкого по своему отношению не начальника, а старшего товарища учителей»¹. Вспоминая огромную территорию четырех уездов Смоленской губернии, составляющих его инспекторский участок, она удивляется той энергии, какую надо было проявить, чтобы в течение краткого учебного времени хотя бы только объехать все школы. А он делал это, и этих инспекторских посещений, вопреки обычаю, учителя ждали и желали. Е. А. Карасева вспоминает посещение В. П. Вахтеровым ее школы: «Обыкновенно,—пишет она,—при всяких инспекторских ревизиях в прежнее время, да и теперь, у учащихся является желание показать лучшие стороны своей работы, одним словом, показать товар лицом. В своей последующей служебной деятельности и я не была чужда этого,—пишет она,—но с Василием Порфирьевичем дело обстояло совсем иначе. От него не только не являлось желание скрыть что-нибудь, а наоборот, хотелось поделиться всеми своими недочетами, обратить его внимание на все недостатки в работе, в надежде, что он научит, поможет, направит и даст все нужные указания»². И она рассказывает, как он целый вечер беседовал с ней о школе, просматривал работы учащихся, разъяснял все ее затруднения и недоумения. Из нескольких писем, адресованных ей Вахтеровым

¹ Воспоминания о В. П. Вахтерове Е. А. Карасевой. Рукопись (Архив Вахтерова). В Архиве же письма Вахтерова к Карасевой.

² Там же.

и переданных ею мне, можно видеть, с каким вниманием этот инспектор народных училищ, это «начальство» относится к своей корреспондентке, тогда начинающей учительнице, как он привлекает ее к устройству новой школы в какой-то глухой местности, как просит ее содействия в этом деле, направляя ее, так сказать, на общественную работу. И сам показывает наглядный пример такой общественной работы: ездит на сходы, убеждает население требовать школу, изыскивает местные средства, добывает книги. Иногда ему говорят, что в таком-то месте «правда» школа нужна, но ее невозможно устроить, не в поле же ее открывать, а он разыщет помещение, закажет парты, привезет книги, и, глядь, через несколько времени школа уже функционирует, а какой-нибудь энтузиаст учитель уже пишет ему: «Рвусь на бой с невежеством». В воспоминаниях другой учительницы говорится о том внимании, какое Василий Порфирьевич уделял чисто личным делам учителей: помочь в вопросе самообразования, выхлопотать пособие, защитить, успокоить, замести следы политического прошлого, поддержать... Для учитель-учитель уже пишет ему: «Рвусь на бой с невежеством». Это был товарищ, помощник, «свой человек» и в то же время большой авторитет. Приезды его в школу были настоящим праздником: он беседует с учителями, дает уроки сам, слушает их уроки (стоит вспомнить одну особенность Василия Порфирьевича: в уроках учителей он всегда искал положительных сторон, плюсов, удачных мест, удачных приемов и на них именно фиксировал внимание, считая, что многие ошибки и недочеты учительских уроков происходят просто от их не вполне спокойного состояния при инспекторе). Он любил дать какой-нибудь интересный для ребят урок с опытами, он расспрашивал детей о чтении, всегда привозил в школу новые книжки для библиотеки. Даже экзамены выходили веселыми и ничуть не страшными.

«Я помню, как В. П. Вахтеров любил детишек, как нежно обращался он с ними, — пишет Азаров, — я никогда не забуду его посещения нашей школы в Дорогобуже, где он производил экзамен. Я был тогда среди экзаменуемых и, быть может, его любовное внимание и толкнуло меня на дальнейшую дорогу»¹. Необычно было все по-

¹ Письмо А. (Архив Вахтерова).

ведение этого инспектора, такого простого, такого доступного. Вот он устраивает игры со школьниками и не только увлекает этими играми ребят, которые не хотят уходить, хотя уже вечер и пора спать, но увлекает и учителя, давая ему наглядный урок того общественного значения, какое могут иметь игры¹. И в течение всей жизни у Василия Порфирьевича сохранилось это любовное отношение к учительству: этот круг людей всегда был особенно дорог и понятен ему. И о его правах, о его положении, о свободе его педагогического творчества, равно как и об его объединении, залоге силы, он всегда усиленно думал и заботился. В запуганном, забитом деревенском учителе глухой провинции в мрачные 80-е гг. он стремился поднять чувство собственного достоинства, поднять бодрость, веру в себя. В это время еще нет в помине учительской пенсии, и он возбуждает этот вопрос среди земцев; в это время запрещаются учительские съезды, и он хлопочет об учительских курсах, ставит вопрос о них на земском собрании. В. П. обращает внимание общества на

¹ В. П. Вахтеров вспоминает этот эпизод в своей книге: «Как-то, раз мне пришлось приехать в сельскую школу вечером, когда там в общежитии оставалось до 30-ти детей. Они играли, и я предложил им сыграть в волостной сход. Дети с восторгом согласились. Мы приступили к выбору должностных лиц, большинством голосов выбрали старшину и волостных судей. Затем мы стали составлять смету предполагаемых расходов, чтобы потом сделать разверстку по числу душ волостных платежей. Дети очень скупы были по отношению к должностным лицам, очень долго спорили о размерах жалованья писарю и старшинам и оказались очень щедрыми, когда речь зашла об ассигновке на школу, на библиотеку, на волшебный фонарь и картины, на сиротский приют. Даже школьному сторожу была вотирована щедрая прибавка жалованья, вероятно, за то, что и он служит просвещению народа. Этот сторож стоял в дверях, и довольная улыбка не сходила с его лица, когда велись разговоры о прибавке ему жалованья. Когда смета была составлена, дети приступили к разверстке платежей. Каждый из них заявлял, сколько душ представляет его двор, один счетчик подвел итог и разделил сумму предположенных расходов на число душ. Затем шла игра в волостной суд... Было уже поздно, было пора спать и детям и мне, а школьники все просили, чтобы я придумал им еще такую же интересную игру, и я придумал еще игру в почту с заготовлением и сортировкой писем, в земское собрание... И я не знаю, когда окончились бы эти игры, если бы я слушался детей и придумывал им новые игры, основанные на подражании учреждениям общественного характера...» (В. П. Вахтеров, Нравственное воспитание и начальная школа, М., изд. редакции журн. «Русская мысль», 1901, стр. 225—226.)

роль народного учителя и категорически заявляет в одной из своих статей, что «своими успехами наша школа обязана еще недостаточно оцененной деятельности нашего народного учителя и учительницы»¹. Подбадривать учителя действительно было необходимо: он в эти годы был особенно «брошенным» и одиноким, и это одиночество как-то особенно чутко воспринималось Василием Порфирьевичем². Неофициальная работа общественная, которой он отдавал весь свой небольшой досуг, очень захватывала его. Вахтерова интересуют вопросы статистики народного образования, и он составляет диаграммы по начальному образованию в селах и городах Смоленской губернии, уже тогда вдумываясь в проблему всеобщего обучения. В это время он начинает и свою литературную деятельность, принимая участие и в столичной и в местной прессе. В газете «Смоленский вестник» статьи по народному образованию по большей части написаны им, хотя и не подписаны. Он знакомит читателей с деятельностью комитетов грамотности, пишет о необходимости добиться открытия такого же комитета в Смоленске, освещает работу школ взрослых, в частности школы Алчевской, движение французской Лиги образования, привлекая таким образом внимание общества к вопросам частной инициативы в деле просвещения. И на практике сам осуществляет эту частную инициативу, принимая участие в организации и работе Смоленской воскресной школы взрослых, участвуя в выработке устава общества народного образования Смоленской губернии³, сплачивая на всем этом местные интеллигентные силы.

И к другому вопросу он старается привлечь общественное внимание, к вопросу о широком развитии начального образования. В ряде статей В. П. Вахтеров пишет о всеобщем и обязательном обучении. И, наконец, есть еще тема, к которой он часто возвращается, — это церковно-приходская школа: он обращает внимание на ее различные недочеты, на недоверчивое отношение к ней населе-

¹ Журнал Мин-ва нар. просвещ., 1891, № 8.

² Вот что пишет В. П. Вахтерову одна из его корреспонденток, бывшая учительница: «Я вышла на дело школы в тяжелую пору безвременья, в 80-е гг. Как могла я сохранить душу живую, любовь и интерес к делу, для меня самой не ясно. Знаю и помню, что было очень трудно при том глубоком одиночестве, в котором тогда находился народный учитель» (Архив Вахтерова).

³ Общество не было разрешено.

ния. Он с иронией констатирует факт, что государственное казначейство относится к этим школам со щедростью; с какой никогда не относилось к начальным училищам. В. П. Вахтеров хорошо знал, как церковноприходские школы снижали и без того убогий общеобразовательный уровень учащихся, был неутомим в борьбе с насаждением этих школ. Он вел эту борьбу всю жизнь, и отсюда та ненависть к нему духовного ведомства, которая тоже всю жизнь сопровождала его. Если учесть, что в Смоленской губернии очень сильна была пропаганда церковноприходских школ, которую и практически, и путем печати вел Рачинский, то станет ясным значение выступлений В. П. Вахтерова.

Горячо ратуя за бесплатность обучения как общего принципа, Вахтеров протестовал против тех случайных освобождений от платы «по бедности», потому что, по его словам, такое освобождение «есть премия за умение поклониться». «Довольно с нас влияний, — восклицает он, — воспитывающих в нашем обществе низкопоклонство, попрошайничество и лакейство, с одной стороны, и надутое чванство, с другой».

Живой, отзывчивый, общительный Василий Порфирьевич имел связи с самыми различными людьми и умел возбуждать к себе большие симпатии. К нему льнули все, и это были самые разнообразные люди: крестьяне-самоучки, которым он помогал в их стремлении к самообразованию и снабжал книгами, и, конечно, учителя и учительницы, видевшие в нем своего защитника, и оригинальный сиятельный князь с четырехзначной фамилией Ромейко-Гурко-Друцкой-Соколинский, старый вельможа, сначала близкий друг Победоносцева, а затем его злейший враг, имевший знакомства во всех министерствах и характеризовавший их категорически и сильно: «дурак на дураке и подлец на подлеце»¹. Были в числе этих многочисленных знакомых Василия Профирьевича и местные земцы, и местные землевладельцы, которых он сумел заинтересовать вопросами школы, и политические ссыльные, которых немало было в те годы в Смоленской губернии. Перекочевывая на новые места и прощаясь с Вахтеровым, некоторые ссыльные говорили: «До свидания, Василий Порфирьевич, увидимся в российской республике!»

¹ В Архиве Вахтерова есть несколько его писем.

В инспекторской канцелярии В. П. Вахтерова всегда было много посетителей, и не только по делам службы: к нему шли и земцы, и местные интеллигенты как к консультанту по самым разнообразным вопросам; никакое культурно-просветительное дело не начиналось без того, чтобы организаторы его не использовали опыта и знаний Вахтерова, не подкрепили своих намерений и планов огнем его живого оптимизма. Иногда эти дела были вовсе и не по его специальности, и все-таки к нему шли. Полна народу была и его квартира — проходной двор, как шутя называл ее кто-то. Он был каким-то магнитом для местных сил. Иные называли его еще «будильником». В одном из писем ко мне, незадолго до нашего брака, Василий Порфирьевич, вспоминая это время, писал: «Ты должна будешь заняться моим исправлением. Не давай мне разбрасываться, а то я нигде и ничего не успеваю сделать путного и меня рвут на части во все стороны, и у меня не хватает духу отказывать никому и ни в чем, и я вечно изображаю из себя клячу, везущую воз, далеко превышающий ее силы. Если бы ты знала, чем только я ни занимался на своем веку! Я ничего не понимаю в хозяйственных и торговых делах и однако я, в качестве председателя ревизионной комиссии, однажды целый месяц отдал на подробное обследование одного очень большого кредитного учреждения; в качестве директора тюремного комитета я устраивал при тюрьме земледельческую ферму и кирпичный завод; во время турецкой войны я устраивал и заведовал госпиталем Красного Креста. Я вел театральную хронику в газете, осматривал жилища фабричных рабочих и составлял протоколы осмотров, заведовал статистическим бюро, редактировал провинциальную газету, принимал участие в земских делах и выборах, и все это совмещал с моим обычным делом, с моей профессией. И если сосчитать, сколько таким образом растрчено по ветру моей энергии. Поверишь ли? Я устраивал (не один, конечно) сельскохозяйственную выставку в Смоленской губернии, но что общего между ею и мной?» И снова просьба: «Не давай мне разбрасываться». Но если он и разбрасывался иногда, главным образом благодаря своей мягкости, мешавшей ему отказывать людям, обращавшимся к нему, то всем этим посторонним делам он все же отдавал только время и работу, а душа его всецело была отдана главному и любимому делу —

народному образованию. Но и эта, казалось бы, разбросанность имела свое значение: он будил людей, спланивал их, зажигал их, организовывал. Образуются у него живые связи с земствами тех уездов, где протекала его инспекторская работа. И конечно, и для самих земств не прошло даром это общение с фанатиком просвещения, каким был Вахтеров: и их будил, тормозил этот неугомонный человек, обличая в газете их косность, то уличая их в скупости на школьное дело, то выступая с ходатайствами об открытии новых училищ, библиотек, книжных складов, учительских курсов и заражая всех своей энергией и преданностью делу. По соглашению с уездными земствами Василий Порфирьевич в 1885 г. провел в четырех уездах особую школьную организацию, нечто вроде параллельных школьных отделений, своего рода практический и дешевый подход ко всеобщему обучению, правда, кустарный, правда, недолговечный (духовное ведомство ополчилось против этого), но в те годы, это был едва ли не первый практический подход к вопросу о всеобщем обучении. Земство не могло не оценить преданности Вахтерова делу народного образования, и когда он уже ушел из Смоленской губернии, он получил от Юхновского земского собрания приветственный адрес¹. Такое же приветствие было прислано Василию Порфирьевичу и от Смоленского губернского земства, когда в Москве в 1897 г. праздновался юбилей Вахтерова. Очевидно, его помнили и работу его ценили.

Такова была эта, полная разнообразных интересов и дел, жизнь В. П. Вахтерова за 15 лет его смоленского периода, совпавшего в своих двух третях с теми годами,

¹ «В заседании Юхновского уездного земского собрания,— говорится в этом приветствии,— многие гласные, вспоминая о деятельности вашей в должности инспектора народных училищ, предложили собранию выразить вам глубочайшую благодарность за вашу плодотворную деятельность, направленную к распространению народного образования. Хотя новый состав управы и не был непосредственным свидетелем вашей благотворной деятельности, но об этой деятельности достаточно свидетельствуют журналы прошлых земских собраний». Далее перечисляются заслуги Вахтерова — открытие новых школ, лучшая постановка обучения, сочувственное отношение к положению учителей и т. д. «Все это,— кончается бумага,— оставило в Юхновском уезде неизгладимую память о вашей деятельности и вызывает чувство сожаления о том, что вы оставили наш край». (Адрес Юхновского земского собрания. Архив Вахтерова.)

когда, по словам Щедрина, «торжествующая свинья не на шутку собралась сожрать солнце». Конечно, и в эти годы не иссякли прогрессивные стремления, они «переключились» в будничную работу, часто серую, неяркую, похожую на работу крота, но эта работа тем не менее глубоко взрывала какие-то незримые пласты земли. И на эту работу толкал, звал окружавших его людей фанатик просвещения Вахтеров. Увлекал других и неутомимо работал сам. И уже тогда эта его работа была в поле зрения департамента полиции. Правда, не удалось найти ни одного «дела Вахтерова» за эти 80-е гг., но отысканное мною дело о нем в департаменте полиции от 90-х гг. начинается фразой «Известный департаменту полиции...». Ясно, что «известность» эта началась именно в 80-е гг. и была вызвана его общественной деятельностью, совершенно не предусмотренной его официальной службой инспектора народных училищ.

В годы своей смоленской жизни, несмотря на уйму официальной и неофициальной работы, В. П. Вахтеров находил время и для самообразования, для теоретического изучения вопросов педагогики, научных, общественных; между делом изучал он и французский язык, настолько, что мог легко читать научные книги. В 1890 г. кончается для Василия Порфирьевича смоленский период его жизни, он переходит в Москву. Как мы видели, он много внес в глухую жизнь тогдашней провинции, но в свою очередь работа в Смоленской губернии много дала и ему: а именно близкое знакомство с разнообразными сторонами жизни, с различными группами людей, с земской работой, со школой, с детьми, с крестьянами — и все это давало ему не теоретические, отвлеченные знания, а знания, взятые из самых недр жизни, из живого опыта. Особенно хорошо узнал он и полюбил народного учителя и в свою очередь сумел вызвать в нем прочную симпатию к себе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

(1890—1924)

1890 — 1896 гг.

В 1890 г. В. П. Вахтеров был переведен инспектором народных училищ в Москву. Попечителем Московского округа был тогда граф Капнист, и еще в 1888 г. педагог Малинин, знавший Вахтерова, указал на него Капнисту как на энергичного и деятельного работника. Малинин умел иногда влиять на Капниста, и он рекомендовал ему взять Вахтерова в Москву. В частном разговоре с Василием Порфирьевичем Малинин советовал ему принять предложение, и на заявление Василия Порфирьевича, что он не способен быть администратором (а инспекторский пост в Москве угрожал ему такой ролью), Малинин успокоил его, сказав, что им нужны «не администраторы, а педагоги». Предложение было, конечно, заманчивым. После глухой провинции 80-х гг. Москва, естественно, влекла к себе как культурный центр, как центр университетской, научной, литературной жизни. Влекла к себе она и надеждой на возможность более широкой работы. Да и времена как будто менялись: в глубине жизни зрели какие-то новые силы... И вот в июле 1890 г. В. П. Вахтеров перешел в Москву на должность инспектора народных училищ.

Официальная служба В. П. Вахтерова как инспектора была довольно сложна: около 200 школ разных типов, раскиданных на огромной территории города, тогда

еще не имевшего трамвая и обслуживавшегося допотопными «конками», ежедневные поездки по школам, ежедневные приемы в канцелярии, бумаги, отчеты, доклады — это одно могло бы заполнить его деловой день. Но, едва вступив в исполнение своих служебных обязанностей, сейчас же, как бы подчеркивая этим направление своих симпатий, он вступает в члены Московского Комитета грамотности, а затем примыкает и к другим общественным организациям Москвы.

Об общественной деятельности Вахтерова, естественно, известно больше, чем о его службе, поэтому следует осветить и его «официальную» работу. О деятельности В. П. Вахтерова как инспектора существуют различные мнения. Одни говорят, что он был обыкновенным чиновником Министерства народного просвещения и мало сделал для московской школы. Некоторые считают его «идеальным» инспектором и утверждают, что он сделал для московской школы все, что мог. Опровергать первое мнение едва ли приходится, потому что «чиновником» Василий Порфирьевич никогда не был, и прав автор одной статьи, что «таких деятелей ценят не только за то, что они делают, но и за то, чего они не делают»¹. Ничего, что полагается делать хорошему чиновнику, он и не делал, дискреционной властью своей не пользовался, за что его преследовали, на него доносили и за что, наконец, его и вывели в тираж.

Действительно, плохая московская школа с преобладанием грамматики, церковнославянского языка, с драконовскими требованиями грамотности на экзаменах, с институтом «старших» учителей, единоличных попечителей, как до Вахтерова, так и после него, в общем, осталась одной и той же. Но было ли это виной его? Власть одного из инспекторов Москвы, и притом совершенно не поддерживаемого ни товарищами по работе, ни непосредственным начальством (директор народных училищ Сила-Новицкий был человеком очень узким и консервативным), конечно, была очень слабой. И даже в тех случаях, когда В. П. Вахтерову удавалось объединить на каком-нибудь предложении мнение одной инстанции, дело проваливалось в другой. Так было с вопросом о попечителях школ: ему удалось добиться по-

¹ «Педагогический листок», 1897, № 2.

сговора Московского училищного совета о том, чтобы заведение школами из рук попечителя и старшего учителя было передано попечительному совету из всех учащихся. Такое постановление, если бы оно прошло, сразу внесло бы живую струю в школьную жизнь, поставило крест на самовластии попечителей, уничтожило неравенство в отношениях учителей, внесло в работу коллективное начало, вообще, значительно оздоровило школу. Но влиятельные московские попечители и попечительницы испугались такого умаления своего престижа и добились того, что это постановление было аннулировано московским генерал-губернатором. Как-то в письме ко мне Василий Порфирьевич писал: «Я не шутя считаю себя очень способным ходатаем по делам, и то обстоятельство, что 95% из моих ходатайств терпят фиаско, мало обескураживает меня, потому что я объясняю это невозможностью провести их в наше время». Но это не мешало ему опять и опять пытаться вести борьбу с теми или иными минусами в школьной жизни. В числе бумаг Василия Порфирьевича есть заявление, подписанное учителями многих московских школ, о желательных изменениях в экзаменационных требованиях, в ответ на его обращенный к учителям запрос о недостатках школьной постановки; наверно, и этот документ был им использован для подкрепления какого-либо своего представления на ту же тему. Думаю, что в архивах московского попечителя округа нашлось бы немало и других таких же неосуществившихся попыток Вахтерова улучшить дело школы, своей же властью изменять программы школы, изгонять те или другие предметы, менять расписание, нарушать установившийся ход работы официально инспектор, конечно, не мог. Не надо забывать, что хозяином школы была городская управа, дававшая на них деньги, и член управы, заведовавший учебной частью, был полнейшим профаном в педагогических вопросах, тем не менее он был настоящим вершителем судеб школы. «Устранение недостатков школ не в компетенции инспектора», — основательно заявляет автор одной статьи по поводу юбилея Василия Порфирьевича¹, а в другой статье читаем: «Режим в московских школах был таков, что, несмотря на все усилия такого опытного

¹ «Вестник воспитания», 1897, № 2.

и деятельного руководителя, каким был В. П. Вахтеров, учительско-воспитательная часть в московских училищах мало подвинулась вперед». И далее, характеризуя этот режим, автор продолжает: «Все это противоречило педагогическим воззрениям Вахтерова, смягчалось и устранялось им, насколько это было возможно, но окончательно устранено не было»¹.

Однако, несмотря на всю трудность борьбы с установившимся режимом, Вахтерову все же удалось кое-что сделать. Увидев, что столичные школы также плохо обставлены в смысле внеклассного чтения, как и провинциальные, он сейчас же начал библиотечную кампанию. «Меня поразило,— пишет он в одной из своих статей,— невнимательное отношение некоторых учащихся к внеклассному чтению детей и почти полное отсутствие ученических библиотек. Например, одно из старейших казенных училищ, существующее 110 лет, с расширенной программой, рассчитанной на 6-летний курс, не имело ни единой книги в ученической библиотеке, а заведующее школой лицо прямо-таки считало и вредным, и излишним подобное новшество. Сравнительно легко было завести библиотеки в общественных и казенных училищах, но частные школы, содержимые на плату за учение, долго ставили неразрешимую, казалось, задачу: как устроить в них библиотечки? Но когда не помогло обращение к содержателям, я обратился к ученикам. Обходя школы, я предлагал детям выбрать из своей среды библиотекаря, вместе с последним я начинал подписку на библиотеку, к ней примыкал содержатель школы и большинство учеников. Когда собиралась какая-нибудь сумма, а она была иногда довольно значительной, избранный библиотекарь — ученик вместе с учителем шел в книжную лавку и покупал книги»². А уж там дело шло своим чередом, ребята увлекались этой новой для них общественной работой. Обеспечив школы книгами, Василий Порфирьевич сумел привлечь к внеклассному чтению и внимание учителей. Приезжая в школу, он спрашивал детей о том, что они читали, указывал им на те или иные книги, а в учительской среде очень подчер-

¹ «Русские ведомости», 1897, № 34.

² Вахтеров В. П., Нравственное воспитание и начальная школа, М., журн. «Русская мысль», 1901, стр. 215—216

кивал мысль, что чтение, как занятие развивающее, не только не является помехой школьной работе ученика (было, увы, такое мнение среди учительства, и не один заведующий казенным училищем считал чтение книг «пустым» делом!), а, наоборот, помогает этой работе. И чтобы доказать это противникам чтения, он в нескольких школах провел анкету, причем и неверующим пришлось убедиться, что «много читавшие» являются не только наиболее развитыми, но и наиболее грамотными. Таким образом, благодаря стараниям Василия Порфирьевича, библиотеки и внеклассное чтение заняли в московских школах свое почетное место. Московские попечители, среди которых было немало интеллигентных и просвещенных людей, поддались тому горячему интересу к школе и детям, какой был у нового инспектора, и охотно шли на его призыв о поддержке школы: наглядные пособия, школьные музеи, учительские библиотеки, школьные праздники — все эти новшества были введены в школах под его влиянием. Но времена все же были такие, что особенно кричать об этих нововведениях не приходилось, ибо «начальство» не только не сочувствовало им, но энергично их искореняло¹. Нечего и говорить о том, что наиболее энергичная и прогрессивная часть московского учительства сразу оценила Вахтерова и поняла, что будет иметь в нем своего защитника и товарища по работе. Вот как вспоминает об этом периоде Н. К. Дмитриева, крупный педагог-общественник, а в те годы учительница московской городской школы. «Когда

¹ Стоит вспомнить о том, что за работой московских школ, кроме их непосредственного начальства, следило еще и недреманное око реакционной прессы. У газеты «Гражданин» был свой корреспондент из Москвы, который сообщал ему, например, так: «Я знаю, что учительницы городских школ очень увлекаются естествознанием и хлопочут не только о том, чтобы показывать детям чучел, скелеты разных животных, но даже микроскопические препараты. Даже если все это делается и без всякой материалистической тенденции, во всяком случае, это совершенно излишне». («Гражданин», 1894, № 31.)

Курьезный факт сообщает в своих воспоминаниях Н. А. Малиновский: «Даже в Москве, — пишет он, — в самом конце 90-х гг. инспектор нар. училищ Д-ий (за свою сыскную энергию вскоре назначенный директором нар. училищ в Тверской губ.), заставши меня за демонстрацией в школе для рабочих.. превращения лягушки, грозил мне увольнением, а заведующему школой ее закрытием» (Архив Вахтерова).

я начала учительствовать в Москве в конце 80-х гг., — пишет она, — московская школа была поистине ужасна: это была школа чисто грамматическая. От выпускных учеников требовалась безукоризненная орфография и безукоризненный грамматический разбор. Учителя, терроризированные непомерными требованиями экзаменаторов, мучили себя и детей. В третьих отделениях занимались сплошь и рядом по 5, 6 часов, занимались и по праздникам — диктовки сменялись разборами, разборы — диктовками. Нас, тогдашнюю учительскую молодежь, глубоко возмущала такая постановка дела, мы объявили войну грамматике, все заполнявший диктант поставили на подобающее ему место, ввели изложение, сочинения, грамматический разбор упростили до последней возможности, много времени отдавали беседам, чтению. В результате наши ученики резались на экзаменах, мы попадали в число нежелательных и жили под угрозой увольнения. Наша слишком неравная борьба кончилась бы очень печально для нас, если бы мы не встретили энергичной поддержки со стороны вновь назначенного к нам инспектора В. П. Вахтерова. Сказать, что Василий Порфирьевич был далек от обычного типа правительственного инспектора, конечно, слишком недостаточно: он представлял собой полную противоположность этого типа. Ярый ненавистник всякой рутины, всякой казенщины, он горячо поддерживал наше стремление оздоровить школу и всегда приходил нам на помощь в трудную минуту. Ежегодно на экзаменах он «спасал» кого-нибудь из нас. Я тоже была из числа «спасенных»: сдавая выпуск, я имела несчастье не понравиться одному из злейших экзаменаторов, некоему Шилову, председательствовавшему на письменном экзамене. Он нашел, что ученицы слишком свободно обращаются со мной, и на учительском совете заявил, что такие учительницы не могут быть терпимы. Ученицы мои были слабоваты по грамматике, и Шилов, наверное, провалил бы их на устном экзамене, но Василий Порфирьевич не допустил этого. Он сам взялся экзаменовать мою группу и так сумел выявить знания и развитие учениц, что впечатление от экзамена получилось блестящее, и вопрос о моем увольнении отпал сам собой. Так всегда поступал В. П. Вахтеров, ведя упорную борьбу с думцами, противопоставляя их нелепым требованиям свои требования, тре-

бования развития учеников. Каждый из нас, — заканчивает свои воспоминания Н. К. Дмитриева, — сохраняет о нем светлую память»¹.

Если трудно было бороться за оздоровление школы в среде думцев, то во много раз труднее было действовать в совсем уж малокультурной среде попечителей школ Мещанского об-ва, где вся педагогика сводилась к внешней, крайне грубой дисциплине, где воспитателями были «дядьки», где крайне низок был образовательный ценз учащихся, а во главе школ стояли нередко люди и вовсе без образования. Много надо было труда, упорства и такта, чтобы обновить состав преподавателей, подыскать соответствующих заведующих, а членам попечительного совета внушить простую мысль, что мерами грубого воздействия детей не воспитывают, а развращают. Мысль эта усваивалась с трудом: «Мы в вашу педагогику не вмешиваемся, — говорил Вахтерову один из членов совета, — а вы нам дисциплину дайте!»

Приглашенная Василием Порфирьевичем в число учительниц школы Мещанского о-ва В. С. Костромина, которую он узнал и оценил по ее работе в маленькой частной школе, вспоминает о том, как она вместе с другими новыми учащими горячо отозвалась на призыв Вахтерова к обновлению школы. «Ответом на этот призыв, — пишет она в своих воспоминаниях, — был наш школьный совет, на котором мы, вполне разделяя взгляды нового инспектора, согласились употреблять все силы, чтобы перевоспитать детей, не прибегая к наказаниям и не допуская никаких грубых мер воздействия со стороны их воспитателей-дядек». «На мою долю, — пишет В. С. Костромина, — выпали занятия в мужской школе. Когда я пришла в класс, передо мной было 60 мальчиков в возрасте от 7 до 11 лет, грязных, оборванных, грубых в обращении и между собой и с нами, преподавателями. Первое время я чувствовала себя в классе, точно в неприятельском лагере. Когда я стояла у учительского стола, в меня летели с парт куски жеваной бумаги, щепки, сапожные гвозди. Когда я проходила между партами, я слышала по своему адресу циничные замечания; дети ругались, дрались, плевали на пол, шу-

¹ Дмитриева Н. К., Воспоминания о Вахтерове. Рукопись (Архив Вахтерова).

мели. Никакого интереса к занятиям они не проявляли, и нам стоило больших усилий заинтересовать их. Они настолько привыкли к грубым мерам воздействия, что первое время наше мягкое обращение не производило на них никакого действия. Когда ученик, углубившись в свою работу, не слышал, как я к нему подходила, то при моем замечании о какой-нибудь его ошибке он делал невольный быстрый жест, защищая свое лицо от ожидаемой пощечины. А дядьки усмиряли расшалившихся ребят своими ременными поясами»¹. Такова была эта школа. В. П. Вахтеров добился от Попечительного совета ассигнования средств на библиотеку, наглядные пособия, на волшебный фонарь, новые преподаватели интересно поставили занятия, внеклассное чтение, игры, ручной труд заполнили томительный прежде зимний досуг ребят, и школа сильно изменилась к лучшему.

Кроме вопросов начальной, детской школы, Вахтеров в свою бытность московским инспектором много внимания отдал делу обучения взрослых. «За немногие годы, когда Василий Порфирьевич был инспектором народных училищ в Москве,— читаем в тех же воспоминаниях Костроминой,— он очень легко и скоро давал разрешение на открытие воскресных школ и сам помогал их возникновению, поощряя всеми мерами частную инициативу. Его посещение воскресных школ вносило всегда хорошее настроение: он все свое внимание обращал на преподавание, занимался сам и давал примерные уроки, которые приводили в восхищение и учениц, и преподавателей. При нем не надо было прятать неразрешенных учебников или скрывать программу, потому что он не был сухим формалистом, как другие инспектора, а смотрел в глубь дела, как истый педагог». Очевидно, и взрослые ученицы воскресных школ понимали, что не начальство, а друга они имеют в своем инспекторе, и это ярко выразилось в том бесхитростном адресе, который поднесли они ему по случаю его вынужденного оставления московских школ. «В вас мы теряем своего доброго и заботливого отца,— писали ученицы,— в наших сердцах всегда будет жить неизгладимое впечатле-

¹ Костромина В. С., Воспоминания о В. П. Вахтерове как инспекторе (Архив Вахтерова).

ние, которое вы производили на нас своим словом во время ваших посещений»¹.

С учительством у В. П. Вахтерова были всегда очень хорошие отношения. Его посещения школ в Москве, как и раньше в провинции, не были ни ревизиями, ни розысками минусов и недочетов преподавания, наоборот, у него всегда была тенденция указать учителю на положительные стороны в его занятиях; он вел беседы с учителями, давал уроки, спрашивал учеников о прочитанных ими книгах. Всякое его посещение, по словам многих учащихся, вносило в школьную жизнь большое оживление. «Нам, под руководством Василия Порфирьевича,—вспоминает В. С. Костромина,—работалось легко, мы готовы были идти на самое трудное дело, преодолевать всякие препятствия, воодушевляемые его примером и живым отношением к школе»². «В качестве инспектора народных училищ Москвы,—писали в своем адресе московские учащие,—вы были для этих школ просвещенным, гуманным и отзывчивым руководителем, с доверием относившимся к людям»³. А одна «старшая учительница» того времени вспоминает, как он помогал им, этим «старшим», изживать эту болезнь старшинства и своим примером, лучше слов, учил тому, как следует, будучи, к сожалению, начальством, уметь не быть им»⁴. Московское учительство ценило Вахтерова и как постоянного своего защитника от разных превратностей судьбы: скольких он сумел устроить на места, даже и тогда, когда, казалось, никак нельзя было восстановить их в их учительских правах. И очень многие прогрессивные учителя Москвы именно благодаря его хлопотам и стараниям получили места и забвение их, иногда очень политически сомнительных репутаций. Устроить хорошего учителя — это всегда было для Василия Порфирьевича большим удовлетворением, и он, как никто, умел делать это. Об этом вспоминает и Н. А. Малиновский: «Благодаря Василию Порфирьевичу,—пишет он,—я устроился в Москве в школе на фабрике Циндель, при-

¹ Адрес учениц воскресных школ (Архив Вахтерова).

² Воспоминания Костроминой (Архив Вахтерова).

³ Адрес московских учащихся (Архив Вахтерова).

⁴ Об этом со слов одной учительницы говорит в своих воспоминаниях Н. А. Малиновский. Рукопись (Архив Вахтерова).

чем мой переход в Москву был делом нелегким, ибо отзыв обо мне на месте моей прежней службы не мог быть благоприятным. Но Василий Порфирьевич сумел устроить этот переход, взяв на себя риск перевода политически неблагонадежного учителя и избежав сношения с местным губернатором, а следовательно, и с департаментом полиции». «В деле устройства таких учителей В. П. Вахтеров был настоящий мастер,— вспоминает Малиновский,—и многие очень хорошие, но не очень благонадежные учителя при его помощи получали места»¹. Недаром в материалах московского охранного отделения инспекторская деятельность Вахтерова характеризовалась так: «Будучи инспектором народных училищ, он прикрывал неблагонадежный элемент среди учителей и учительниц Москвы»².

Школе служил Вахтеров и участвуя в работах комиссии по народному образованию при Московском губернском земстве. Организованная в 1894 г., эта комиссия пригласила в числе других лиц и Вахтерова, и он работал в ней до 1900 г., принимая участие в ее заседаниях, составляя доклады.

Доклады эти были на различные темы: о школьных попечительствах (защита идеи коллективных попечительств с участием учителей), о школьных манкировках, о народных библиотеках, о воскресных школах, о народных чтениях, об учительских курсах и т. п. Доклады были обстоятельными исследованиями вопроса, и нередко их цитировали и ими пользовались и другие земства.

Через земство проводил В. П. Вахтеров и целый ряд ходатайств. Одним из таких ходатайств, проведенных через земство и удовлетворенных министерством, Вахтеров особенно гордился и в письме ко мне писал: «На мой доклад, посланный Московским губернским земством, получился на-днях ответ мин-ва. Отныне, благодаря этому ходатайству, все школьные библиотеки без формальностей, без наблюдателей могут быть превращены по составу книг в народные библиотеки, и это во

¹ Малиновский Н. А., Воспоминания о В. П. Вахтерове (доклад на заседании памяти Вахтерова 4 апреля 1925 г.). Рукопись (Архив Вахтерова).

² Моск. охран. отд. Дело № 1304 от 1898—1903 гг.

всех 30 тысячах школ России». В другом письме он писал: «Вчера я кончил свой доклад земству о воскресных школах Московской губернии при широкой материальной помощи земства. Доклад вышел очень большой, целая брошюра. Если он вызовет к жизни хоть один десяток школ, и то будет неплохо». Такого же типа был и его доклад о народных чтениях с мотивировкой об облегчении открытия их. Работа в земстве была для Василия Порфирьевича очень близким делом, она увлекала его и своим широким масштабом, и возможностью выдвигать и отстаивать вопросы, имевшие всероссийское значение.

Земство ценило участие Вахтерова в своих работах, как это и сказалось на его юбилее в 1897 г. и позднее, в 1900 г., когда Московское губернское земское собрание вынесло постановление «благодарить Вахтерова за его деятельное участие в разработке вопросов народного образования»¹.

Инспекторство и работа в земстве — это была только часть его деятельности за этот период. Очень много сил и увлечения отдавал он Московскому Комитету грамотности. Как раз в эти годы (1890—1896) комитет проявил очень интенсивную деятельность, работа его оживилась, в него вошел целый ряд новых лиц, создались новые комиссии. В 1890—1891 гг. комитету пришлось принять участие в кампании помощи голодающим, когда стихийное бедствие голода охватило огромное пространство в тысячи квадратных верст с 40 миллионами населения. Начались голодные, а затем и холерные бунты. Царское правительство растерялось и действовало бестолково и жестоко. Получалось впечатление, что борьба ведется не

¹ К сожалению, материалов о работе В. П. Вахтерова в Московском губернском земстве я нашла очень мало. Лиц, которые в те годы работали вместе с ним в этом совещании, или нет уже в живых, или нет в Москве, а земские издания очень трудно разыскивать. Я даже не знаю, какое участие принимал В. П. Вахтеров в работах Московского земства по всеобщему обучению, а также, какое участие принимал он в составлении бумаги Московского земства с отказом в пособии церковноприходским школам, о чем тогда было много толков в печати. Но, зная отношение Василия Порфирьевича к этим школам, можно с уверенностью предположить, что в этой бумаге была и его «капля меду», тем более что формулировка отказа, как мне помнится, им часто повторялась, но точных данных на этот счет у меня нет.

с голодом, а с голодающими и с теми, кто стремился помочь им. Самое слово «голод» было под остракизмом — его надо было заменять словом «недород». Однако, несмотря на царившую реакцию, объединенными усилиями земств и общества кампания помощи голодающим все же была проведена. Получилась возможность ближе подойти к народу и узнать его запросы. Обнаружившаяся при этом степень народного невежества вызвала общественные силы на борьбу с этим злом. Отсюда большое общественное возбуждение и начало пробуждения от той политической спячки, от той подавленности, какой характеризовалось предшествующее десятилетие. Московский Комитет грамотности, естественно, примкнул к этой кампании, собрал большие средства, завязал живые связи с местами, с учителями, организовал ряд школьных столовых и сумел прокормить несколько тысяч школьников. Отсюда и оживление внешкольной работы как отражение спроса на культуру со стороны пробудившихся после встряски народных масс. И если такой спрос шел из деревни, то, конечно, еще интенсивнее был он в городе, так как именно с этих лет и начинается все возрастающее объединение рабочих и первые их массовые стачки. Рабочие начинают ясно сознавать это, незадолго перед тем они и писали в своем адресе писателю Шелгунову, что им, русским рабочим, «подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и добиться свободы». Отсюда все больше и больше растущий спрос на культуру, знание, школу, книгу. И в ответ на этот запрос и города и деревни и является просветительная работа земства и общества, характеризующая 90-е гг. В 1894 г. умер Александр III. Его отношение к просвещению всем известно (недаром в оппозиционных кругах ему была присвоена кличка Митрофана III). На докладах он нередко оставлял такие исторические следы своих просветительных идеалов: «В том-то и беда,—гласит величайшая отметка на деле о 1 марта 1887 г.,— что мужик, а тоже лезет в гимназию»¹. И в полном соответствии с этими идеалами «хозяина» был и циркуляр верного слуги его, министра Делянова, о «кухаркиных» детях, которых

¹ «Голос минувшего», 1918, № 10—12.

не рекомендовалось допускать в среднюю школу. Некуда уже было идти дальше по пути этой культурной реакции, и в обществе, после смерти Александра III, появились, конечно, неосновательные надежды на какую-то перемену курса. «В воздухе носится что-то новое, слухов, надежд целый рой. Даже цензор сказал: через два месяца вы можете просить о снятии цензуры. Говорят об удалении Победоносцева и Дурново», — так пишут писателю Короленко его корреспонденты¹. Да и сам Короленко готов верить этому: «Добрые желания нового царя, кажется, несомненны», — пишет он в том же дневнике. Но, конечно, прекраснодушные надежды либеральной русской интеллигенции потерпели полное крушение: на деле ничего не изменилось, руководителями нового царя остались те же Победоносцевы, Дурново, Деяновы, а сам царь своим историческим окриком о «бессмысленных мечтаниях» показал свое истинное лицо. Иные либеральные интеллигенты просто пали духом, изверились в возможности какой бы то ни было общественной деятельности и отошли от нее. Хорошо вскрывает это настроение в одном из своих писем писатель Эртель: «Последние события в России, — пишет он, — внушают самые мрачные мысли. Иногда я думаю о полной бесплодности общественной деятельности в пределах нашего любезного отечества... Слишком уж резко и откровенно выдвигаются намерения государственной власти задавить все общественное, похерить всякую личную инициативу, все привести к одному бюрократическому знаменателю»². Но не у всех наступавшая реакция вызывала настроение безнадежности и уныния, среди части интеллигенции и особенно у сознательных рабочих она вызывала стремление к борьбе, к отпору. Возникают революционные партии, еще больше сплачиваются рабочие. Среди либеральной буржуазии нарастает оппозиционный дух. Чисто революционная деятельность, с одной стороны, уходит в подполье, а с другой стороны, используются и малейшие возможности легальной культурной работы. Были, правда, и непримиримые, которые готовы были срывать эту культурную работу, безоговорочно отрицать

¹ Короленко, Дневник, т. II, Полтава, Госиздат Украины, 1926, стр. 320—322.

² Эртель, Письма, М., изд. Сытина, 1909, стр. 333.

ее¹. Так было даже в деле помощи голодающим, когда во имя «чистоты принципа» было целое течение против помощи голодающей деревне, ибо такая помощь только «затемняет самосознание масс и укрепляет веру народа в царя: он считает, что помощь эта исходит от царя». Но как нельзя было «во имя принципа» оставлять умирать с голоду, так точно нельзя было и сдавать культурных позиций, и передовая, прогрессивная интеллигенция не сдавала их. Она знала, что работает на пользу той же революции, создает для нее необходимую культурную базу. А как велика была тяга к знанию! Об этом можно было бы найти бесконечное количество доказательств; об этом писали Рубакину тысячи его корреспондентов, заявляли в своих письмах, анкетах, сочинениях ученики и ученицы и городских и деревенских школ взрослых. «Хотел бы учиться всему, всю жизнь и до самой смерти», — так формулировал свое стремление к знанию один взрослый рабочий². И когда иные из числа тех тысяч, которые путем школ для взрослых, народных чтений, библиотек приобщались к знанию, просыпались к сознательной жизни и говорили об этом в наивных своих письмах и сочинениях, было ясно, что культурно-просветительная работа приносит свои плоды. «Хотел бы погибнуть для людей или послужить орудием хоть небольшого освобождения», — писал своей учительнице крестьянский подросток. «Слыхал я, что хорошо умереть за правду, и как бы я желал этого», — пишет ученик воскресной школы. «Хоть бы в малом, да послужить миру», — пишет еще кто-то, впервые, может быть, сознавая в себе проснувшиеся общественные инстинкты.

Слушатели Пречистенских курсов, вспоминая на юбилейном заседании этого учреждения его прошлую работу, называли его «культурно-политическим очагом воспитания активно-революционных отрядов рабочих»³.

¹ Такое отношение к культурной работе приходилось в те годы встречать довольно часто. Вспоминаю, как на меня, учительницу провинциальной воскресной школы, был сделан такой же натиск со стороны одного молодого революционера: «Бросайте все к черту и идите в революцию». Об этом же вспоминает в своих письмах и Х. Д. Алчевская.

² Вахтерова Э., Разработка одной анкеты, сборник «Общее дело», вып. 3, М., 1912, стр. 339—368.

³ К 25-летию Пречистенских рабочих курсов 1897—1922 гг. М., 1922.

Московский Комитет грамотности в эти годы (1891—1896) объединил все либеральные силы московской интеллигенции. По статистике его отчетов мы видим, что в это время число его членов увеличивается (с двухзначного в 1890 г. до 886 человек в 1895)¹, учащаются его заседания, увеличивается число посещающей их публики, причем многолюдность некоторых заседаний достигает почтенной цифры в 500 человек. Оживляется деятельность комиссий, возникают новые. В комиссии по воскресным школам, председателем которой в течение нескольких лет был В. П. Вахтеров, начинается оживленная работа: открываются новые воскресные школы, завязываются сношения с провинциальными, собираются материалы для школьной книги, составляется устав общества взаимопомощи таких школ (не был разрешен), проектируется съезд воскресных школ (тоже, конечно, не был разрешен), организуется музей наглядных пособий, оригинальное учреждение, созданное исключительно частной инициативой и трудами учащихся московских школ и широко обслуживавшее не только московские, но и провинциальные школы. Для изыскания средств комиссия издает сборник в пользу воскресных школ, привлекая к участию в нем видных московских литераторов и публицистов; для той же цели, а еще более для пропаганды таких учреждений составляется сборник «Частный почин» с рядом руководящих статей по вопросам обучения взрослых. Средства, собираемые комиссией, идут на сношения с местами с целью вызвать местные силы на создание просветительных учреждений. То через комиссию воскресных школ, то через совет Комитета грамотности, товарищем председателя которого В. П. Вахтеров состоял несколько лет подряд, было разослано многое множество анкет, запросов, циркуляров — по земствам, училищным советам, по волостным правлениям, по частным учреждениям, и тысячи получившихся ответов были несомненным признаком того, что деятельность оживлялась: завязывались сношения, переписка, посылались в школы библиотечки, учебники,

¹ Об этом см. ст. Шестакова «Столичные комитеты грамотности», «Русская мысль», 1896, № 5, а также бумагу департа. полиции с добавлением, что из 800 членов 240 известны своей политической неблагонадежностью. (Дело о Петроградском и Московском комитетах грамотности, № 635 от 1893 г.).

посылались денежные пособия в такие места, где было желание работать, но не было средств, и присланные деньги (при условии, чтобы и местные организации изыскивали средства) вызывали подъем и оживляли работу. В. П. Вахтеров был захвачен этой работой. Он был из числа тех людей, которых присущий им оптимизм влечет к строительству жизни. В письмах ко мне в эти годы¹ он то и дело сообщает о том, как идет рассылка циркуляров, как много получается ответов и какие интересные материалы дают эти ответы: «Посылаю вам обещанный в прошлом письме текст обращения, — пишет он в одном из таких писем, — милый Сытин отпечатал и этот циркуляр, и конверты для него даром, а это стоит 200 рублей, так как волостей у нас 15 тысяч. Прочтите повнимательнее и напишите, каковы, по-вашему, будут результаты там, где циркуляр упадет не на «каменистую почву» и сколько процентов всего числа упадет на такую почву. Я неисправимый мечтатель и питаю большие надежды. Во всяком случае, впечатление, какое произведут эти бумаги, и результаты их до известной степени выразятся в ответах. Тогда будет видно, насколько были сбыточны или несбыточны мои мечтания. Если нам удастся завязать постоянные сношения хотя бы с тысячью мест — это будет очень много. Если сношения ограничатся $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$ долей этого числа, и тогда я буду рад». «Мечтания» оптимиста до известной степени сбылись: откликов было очень много. Вспоминая эти годы деятельности Московской комиссии воскресных школ, Н. К. Дмитриева пишет: «Деятельность Вахтерова была направлена на привлечение людей, средств, на расширение сферы влияния комиссии. В свою работу В. П. Вахтеров вносил громадную инициативу и широкий размах и развернул скромную вначале работу этой комиссии до всероссийского масштаба. Ему пришла счастливая мысль обратиться с воззванием во все волостные правления (Василий Порфирьевич называл это «плебисцитом»), в этом воззвании население призывалось устраивать школы для взрослых, библиотеки, книжные склады, народные чтения; за всякими указаниями рекомендовалось обращаться в комиссию. Успех

¹ Мы познакомились в 1892 г. и, живя в разных городах, вели оживленную переписку. Данное письмо относится к 1894 г.

получился полный; удачно составленное воззвание сделало свое дело, пробудило инициативу в самых глухих углах: писали волостные писаря, писали учителя, писали просто грамотные крестьяне, просили указаний, как устроить то или другое учреждение, куда подавать прошение, чем обзавестись. Мы были буквально завалены всеми этими запросами, пришлось на время привлечь студентов, курсисток, чтобы помочь разобраться во всей этой массе. Как раз Василию Порфирьевичу удалось привлечь в комиссию очень крупное пожертвование, так что мы получили возможность поддерживать наших клиентов присылкой книг, учебников.

Скоро образовалась подкомиссия по книжным складам и по народным чтениям; В. П. Вахтеров председательствовал в обеих и интересовался всеми подробностями движения, вызванного нашими воззваниями. Каким-то чудом мы продержались так целые 2 года (1894—1896), несмотря на то, что на каждом шагу совершали «беззакония»: наши советы и указания, шедшие вразрез со всякими министерскими постановлениями, являлись на места под видом казенных бумаг, в казенных пакетах; в казенных же пакетах рассылались книги, не допущенные в народные библиотеки и школы»¹.

Большим риском со стороны инспектора, лица официального, было брать на себя инициативу такой работы и всячески поощрять ее, недаром в одном из писем ко мне Василий Порфирьевич говорил шутливо: «Минутами я чувствую себя пляшущим на вулкане». Но все как-то сходило с рук, и можно было думать, что настоящая сущность внешне легальной работы не обращает на себя ничего внимания. Теперь, читая материалы охранного отделения, видишь ясно, что на деятельность Вахтерова было обращено достаточное внимание и материалы о нем усердно собирались, но об этом позднее.

Кроме комиссии воскресных школ, в это же время широкую работу проводила и комиссия по книжным

¹ Н. К. Дмитриева была секретарем в этих комиссиях. См. ее уже цитированные воспоминания (Архив Вахтерова).

складам, причем обращение, разосланное даже по таким мертвым учреждениям, как комитеты трезвости, всколыхнули и их; своего рода будильником послужил и реферат В. П. Вахтерова о книжных складах, разосланный в виде отдельной брошюры по местам. Интересна была и работа библиотечной комиссии, завязавшей связи в деревне, а брошюра С. Г. Смирнова «Как относятся крестьяне к открытию библиотек» давала ценный материал.

Вообще деятельность Московского Комитета грамотности была очень оживленной. Василий Порфирьевич за эти годы прочел в заседаниях комитета и в комиссиях целый ряд докладов по вопросам внешкольного образования, напечатанных в периодической прессе и отдельными изданиями.

Критика, в общем сочувственная, отмечала агитационный, будящий инициативу характер статей и книг. Одна московская деятельница по воскресным школам, известная в свое время Е. И. Цветкова, как-то раз очень, по-моему удачно, хотя и не очень складно, определила наличие у Василия Порфирьевича двух свойств, сочетания которых действовали на его слушателей и читателей: «У В. П. Вахтерова, — говорила она, — есть какая-то особая сердечная практичность». Она хотела сказать, что, с одной стороны, он действует на человека «эмоционально» («сердечно», по ее терминологии), а с другой стороны, он в то же время определенно указывает пути и способы работы («практичность»). И это было верно, потому что его книги и зажигали человека энтузиазмом, и давали практические указания. Еще более действовало на людей личное общение с ним, и многие могли бы рассказать, как он умел увлечь человека на культурную работу для народа.

Кроме вопросов внешкольного образования, Комитеты грамотности, и Петербургский и Московский, подняли и вопросы всеобщего обучения. После довольно долгого перерыва вновь всплыл этот больной вопрос. Страшная година голода, холерных бунтов опять и опять ярко обнажила степень одичалости страны. В Московском Комитете этот вопрос в 1893 г. поставил на очередь Д. И. Шаховской, а В. П. Вахтеров в январе 1894 г. прочел на заседании Комитета грамотности реферат на эту тему, сыгравший в свое время большую

роль в этом деле¹. Участники этого январского заседания услышали оптимистический доклад, услышали бодрый призыв к работе и были заражены верой докладчика в возможность, осуществимость и близость всеобщего обучения. До тех пор существовало убеждение, что дело это неосуществимо, что на него нужны колоссальные суммы, которые не по силам стране, что 14-кратное увеличение бюджета, необходимая предпосылка введения всеобщего обучения — это, конечно, химера и что достигнуть его возможно разве через сотни лет. И вот новые расчеты, новые цифры, новое освещение вопроса и бодрый призыв к работе. Впечатление о реферата было огромное. Одна из участниц заседания, вспоминая этот момент, говорила мне: «Мы — молодежь, были точно наэлектризованы, нам казалось, что вот сейчас начнем работать, что близок конец позорной безграмотности. Мы это заседание переживали, как какой-то праздник»². После реферата в комитете была образована комиссия по всеобщему обучению, в нее вошли специалисты статистики, педагоги, общественные деятели, и началась углубленная проработка вопроса.

В. П. Вахтеров и сам горел верой в значительность момента, и других заражал своим оптимизмом: «Вот ты увидишь, мы с тобой доживем до всеобщего обучения», — писал он мне под впечатлением того оживления, какое началось в печати. Главную долю своего неслужебного времени Василий Порфирьевич, таким образом, отдавал Московскому Комитету грамотности. Но ему приходилось участвовать и в целом ряде других обществ, и среди них особенно в Московском техническом о-ве, где он тоже время от времени выступал с докладами. Общество это, несмотря на свой узкий устав³

¹ Об этом реферате и о работе Василия Порфирьевича по всеобщему обучению см. главу «Всеобщее обучение».

² Так вспоминала этот момент Е. П. Урсынович, сестра Василия Порфирьевича, деятельница по внешкольному образованию. См. также воспоминания В. Я. Гебель в главе о всеобщем обучении.

³ В уставе цель общества определяется так: «Общество имеет целью содействовать усовершенствованию и распространению в России технических знаний вообще, преимущественно же усвоению и усовершенствованию технических приемов в тех отраслях отечественной промышленности, которые имеют более обширное практическое применение». Устав 1896 г.

было и очень живым, и очень ярким. Широко известные в Москве Пречистенские курсы для рабочих (потом рабфак) были организованы деятелями постоянной комиссии при этом обществе, и председатель этой комиссии К. К. Мазинг справедливо называет эти курсы «первой лабораторией в Москве, где вырабатывался тип научного образования рабочего»¹. О первых шагах этого предприятия Василий Порфирьевич писал мне: «Еду на заседание Технического о-ва, будем говорить об организации школы для рабочих под флагом Технического о-ва». Другим ярким моментом в жизни этой постоянной московской комиссии был момент организации 2-го съезда по техническому образованию. В. П. Вахтеров являлся одним из активных участников, он председательствовал в нескольких комиссиях, руководил разработкой получавшихся съездом материалов с мест и т. п.².

В. П. Вахтеров был одним из инициаторов постановки на обсуждение съезда общих вопросов народного образования. А о возможности поставить на обсуждение вопросы народного образования с вопросом о всеобщем обучении во главе так много мечтали люди, объединившиеся вокруг тогдашних просветительных организаций. Об особом съезде по народному образованию нельзя было и думать, не раз уже проваливались попытки этого рода, но можно было «поднадуть» начальство, уверив его, что в так называемую 9-ю секцию съезда «общих вопросов» войдут некоторые доклады, не вполне подходящие для других секций. И эта вырванная у начальства секция выросла в самую многочисленную, в самую оживленную.

На первом же заседании съезда В. П. Вахтеров прочел доклад о всеобщем обучении, расширенный и дополненный теми новыми данными, которые появились за два года, протекшие с его реферата, на ту же тему в Московском Комитете грамотности. Реферат был принят с большим подъемом и сочувствием, все тезисы его прошли почти единогласно, было вынесено поста-

¹ См. брошюру «К 25-летию Пречистенских рабочих курсов 1897—1922 гг.», М., 1922.

² Об этой работе В. П. Вахтерова см. речь Духовского на открытии съезда. (Съезд русских деятелей по техническому профессиональному образованию в России, 2-й, секция 9. Общие вопросы под ред. В. П. Вахтерова, т. 1, М., 1898, стр. 183).

новление об организации особой комиссии по всеобщему обучению и о неотложной важности созыва всероссийского и областных съездов для разработки этой темы, словом, самый важный, самый животрепещущий вопрос народного образования был вновь выдвинут на широкую арену общественного внимания¹.

В 9-й секции съезда «приютились» и вопросы внешкольного образования. Провинциальные работники школ взрослых, библиотек-читален, представители частной инициативы съехались из Харькова, Тифлиса, Тамбова, Владимира, Кишинева, Нежина, Сызрани и других мест. Ряд докладов о школах взрослых (программы, учебники, отчетность, запросы учащихся, формы занятий и пр.) нарисовали довольно полную картину дела обучения взрослых, а экспонаты выставки — отчеты, диаграммы, работы учащихся и, наконец, географическая карта с указанием мест, в которых существуют школы, дополняли данные докладов. Впервые на этом съезде была как-то подытожена работа школ взрослых, начало которых восходило к 60-м гг.

Вопрос шел главным образом о частных городских школах; их ко времени этого съезда считалось до 300, о деревенских же школах сведений не было представлено; по словам Я. В. Абрамова, занимавшегося вопросами частной инициативы, их «надо было считать тысячами», и на частных собраниях от учителей народных школ мы узнавали, что в деревнях уже идет работа в том же направлении. Большую роль играли частные совещания участников съезда: на них сообщались сведения и рассказывались факты, о которых было неудобно кричать на многолюдных заседаниях съезда, здесь было положено начало ряду новых начинаний (возникла мысль о сборниках «Общее дело», осуществленных скоро под редакцией В. С. Костроминой, составилась кружок по составлению особой книги для школ взрослых, изданной потом в Харькове под редакцией Х. Д. Алчевской, были намечены программы и планы бесед, списки книг для библиотек при школах и т. д.). Надо сказать, что этот съезд вообще сыграл крупную роль в деле объединения работников не только внешкольного образования, но и вообще

¹ Об этом реферате см. главу «Всеобщее обучение».

прогрессивной русской интеллигенции, сплотившейся вокруг различных народнообразовательных учреждений¹.

Важно было и то, что на съезд съехалось много народных учителей. «Уж не помню, как мы, сельские учителя, унюхали об этом съезде, — пишет в своих воспоминаниях Н. А. Малиновский, — но только некоторые из нас даже очутились членами его, а остальные, в виде публики, все время посещали многолюдную 9-ю секцию»². И, пожалуй, самые яркие штрихи во время прений, самые интересные картинки жизни, самые радикальные мнения — все это шло именно со стороны народного учительства. Не даром эту секцию (число ее членов составляло почти половину числа членов всех восьми остальных секций), через заседания которой прошло несколько тысяч человек, так злобно обливала реакционная пресса³. Действительно, в этой секции царил особенное возбуждение, члены ее все время находились в каком-то приподнятом настроении, и заключительная речь Вахтерова при закрытии секции была принята с большим энтузиазмом.

«Что это за сила, которая маленькую секцию превращает чуть ли не в целый съезд?» — спрашивает он в этой заключительной речи. И отвечает: «Сила эта — жизнь, ворвавшаяся целым потоком в микроскопическое, просверленное в программах съезда отверстие. Это сама жизнь поставила здесь перед нами ряд самых насущных, самых наиболее важных вопросов... И когда я вспоминаю то умственное возбуждение, которое охватило здесь всех нас, когда я вспоминаю о том подъеме энергии и о том приливе сил и желания работать, какие вызвала во многих участниках съезда правдивая картина положения народного образования, я не могу не признать,

¹ В числе докладов этой секции, кроме нескольких, посвященных школам взрослых, были о библиотеках, о развлечениях для народа (интересный доклад В. С. Серовой «Пересадка ученой музыки в народ»), о распространении естественнонаучных знаний в народе (Рубакин), о народных чтениях (Вахтеров, Тулупов), о школьных музеях (Калмыкова А. И.) и др. См. Съезд русских деятелей по техническому профессиональному образованию в России, 2-й, секция 9, т. 2. Общие вопросы, *под ред. В. П. Вахтерова, М., 1898.

² М а л и н о в с к и й, Воспоминания о В. П. Вахтерове (Архив Вахтерова).

³ «Московские ведомости», 1895, декабрь.

что наша маленькая секция сделала свое дело и, силою вещей, раздвинула те узкие рамки, в какие была заключена. Жизнь неудержимо влечет нас к демократизации просвещения, к распространению накопленных знаний среди самых темных, среди самых косных слоев населения. И никакие искусственные преграды не могут остановить этого движения, навстречу которому идет сам народ, идут все живые силы общества». Гром аплодисментов прервал оратора: все в этот момент чувствовали именно так. «Куда бы мы ни разъехались, как бы малы ни были те жертвы и те силы, которые каждый из нас сможет отдать делу народного образования, плоды этих жертв и этой работы будут большие»¹, — так закончил Василий Порфирьевич свою речь. И напутствуемые этими бодрыми словами, члены секции уезжали с новым приливом энергии и веры в дело, с новым подъемом и желанием работать. «Съезд укрепил под нами почву, удесятерил наши силы, хотелось работать без конца и без усталости, — пишет О. В. Кайданова-Берви, — представление о съезде ассоциировалось с образом Василия Порфирьевича, кто был как бы «душой его», а выдвинутый им вопрос всеобщего обучения стоял в центре»².

Такие моменты, как съезд, были моментами большого подъема в культурно-просветительной деятельности. А затем тянулись будни со своими неотложными большими и маленькими делами. И В. П. Вахтеров всегда напряженно работал. Общественная деятельность, участие в ряде просветительных учреждений, доклады и выступления, служба, печатание статей и книг, издание популярных книжек для народного чтения, руководство работой студенческого кружка по подбору и рассылке литературы для деревни, председательство в ряде комиссий. Н. А. Малиновский вспоминает, как при содействии Василия Порфирьевича удалось организовать довольно оригинальное учреждение — частную библиотеку «Образование», имевшую определенную цель провести в рабочую среду хорошую книгу. Дело в том, что так называемые народные библиотеки были в те времена

¹ Съезд русских деятелей по техническому профессиональному образованию в России, 2-й, секция 9, т. 1. Общие вопросы, под ред. В. П. Вахтерова, М., 1898.

² Воспоминания о В. П. Вахтерове О. В. Кайдановой-Берви. Рукопись (Архив Вахтерова).

ограничены драконовскими каталогами, и только у частных и было право иметь все разрешенные цензурой книги. Но абонемент частных библиотек был не по карману рабочему. И библиотека «Образование», не преследовавшая целей выгоды, наоборот, субсидировавшаяся частными пожертвованиями, не только открыла у себя крайне дешевый месячный абонемент, но и широко практиковала всевозможные скидки и право коллективной подписки, а негласно чаще всего выдавала книги бесплатно. «Путем пожертвований между издателями была собрана лучшая научно-популярная литература, а также высокой ценности беллетристика, — вспоминает Малиновский, несколько лет работавший в этой библиотеке, — и библиотека стала любимой, сначала среди студенчества, но главнейшее внимание было направлено на фабричных рабочих. Через хорошо известных рабочих Цинделевской и Даниловской фабрик и столярной фабрики Гирш на Бутырках были организованы кружки политического самообразования рабочих от 30 до 50 человек. Чтобы устроить такую библиотеку, надо было идти на известный риск, и этот риск взял на себя инспектор народных училищ Вахтеров, и схлопотав право на существование такой в сущности нелегальной библиотеки»¹.

Немало времени у В. П. Вахтерова отнимала и очень большая деловая переписка, какую он вел с рядом лиц по различным вопросам народного образования. Мое первое, письменное еще знакомство с В. П. Вахтеровым, состоявшееся в 1892 г., имело как раз такой же повод: я устраивала в Тамбове мужскую воскресную школу и, по совету Х. Д. Алчевской, обратилась к Василию Порфирьевичу с каким-то своим затруднением. Вспоминаю, что по горькому опыту знакомая с тем, что такое инспектор народных училищ, я скептически отнеслась к совету Алчевской искать совета у инспектора же: именно инспектор-то и являлся на месте моим врагом и противником. Алчевская рассердилась: «Я вам говорю об идеальном инспекторе, — писала она, — послушайте меня и не будете раскаиваться». Я послушалась и, конечно, не раскаивалась, потому что удачный совет Василия Порфирьевича вывел меня из затруднения, и

¹ Воспоминания Н. А. Малиновского. Рукопись (Архив Вахтерова).

каким-то преподнесенным инспектору по совету Василия Порфирьевича циркуляром мой противник оказался сраженным в лоск. Стоит вспомнить это специальное умение В. П. Вахтерова лавировать среди циркуляров. В книге Фальборка и Чарнолуского «Справочник по внешкольному образованию»¹ насчитывалось несколько сот циркуляров, распоряжений, контрраспоряжений по одному только внешкольному образованию. В. П. Вахтеров как-то умудрялся знать эти циркуляры, толковать их, пользоваться ими и иногда один из них, более вредный, обходить другим, менее вредным. В этой области он был большим мастером, и этим его «мастерством» многим приходилось пользоваться. Само начальство иногда сбивалось с толку, когда он откапывал какой-нибудь забытый циркуляр и доказывал незаконность того действия, которое это начальство совершало на основании другого циркуляра. Так, на Техническом съезде, о котором сказано выше, Василий Порфирьевич указал на один забытый закон 19 февраля 1868 г. «О частных учебных заведениях 3-го разряда» и советовал выдвигать его при открытии новых воскресных школ. А это в тот момент был очень большой вопрос, потому что изданный в 1891 г. циркуляр Победоносцева отдавал воскресные школы в лапы духовенства: такие школы могли, в отмену положения о начальных училищах, открываться отныне только через духовное ведомство, что, конечно, создавало множество неудобств и урезывало и без того узкие их права. Ссылка Василия Порфирьевича на закон от 19/II—1868 г. многим показалась очень удачной. Я. В. Абрамов совет В. П. Вахтерова назвал остроумным и оригинальным. И в каких-то благословенных уголках, таким образом, помимо духовного ведомства, было открыто несколько школ. Вообще В. П. Вахтеров предпринял ряд попыток борьбы с циркуляром Победоносцева. Одной из таких попыток было открытие воскресной школы в Москве. Н. Е. Вернадская (жена проф. Вернадского), по совету Василия Порфирьевича, подала прошение об открытии такой школы для взрослых, но не в духовное ведомство, как того требовал циркуляр

¹ См. Фальборк Г. А. и Чарнолуский В. И., Внешкольное образование. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, уставов, справочных сведений и пр., Спб., т-во «Знание», 1905.

Победоносцева, а окружному инспектору. Последний направил бумагу в епархиальное ведомство. Вернадская, опять-таки по совету Вахтерова, послала новое заявление-протест в Московский училищный совет, откуда бумагу направили в высшую инстанцию; и так, путешествуя от инстанции к инстанции, маленькое дело об открытии воскресной школы дошло до 1-го департамента сената, где и было решено в благоприятном для просительницы смысле. Это было, конечно, огромное достижение, но тем не менее разрешения на открытие школы все же не дали, и по мотивам, с которыми спорить не приходилось: было выдвинуто тяжелое орудие — «неблагонадежность»¹.

К обычной работе Василия Порфирьевича за этот период следует присоединить и его почти ежедневные приемы частных лиц, которые шли к нему за разными справками, с разными вопросами и делами. Одно из таких частных лиц так пишет об этом в своих воспоминаниях о В. П. Вахтерове: «Я тогда (в 90-х гг.) со всем рвением молодых лет и нетронутых сил, с не омраченной никакими сомнениями верой в свое дело занималась обучением крестьянских ребят, а затем и основанием

¹ Об этой борьбе имеется интересный материал в делах департамента полиции. Обер-прокурор Синода Победоносцев пишет по поводу этого дела письмо министру внутренних дел: «В 1891 г., — вспоминает он, — состоялось между мной и мин. нар. просв. соглашение в том смысле, что школы, учрежденные при заведениях мин. нар. просв., состоят в его ведении, а все прочие в ведении духовного начальства. Нынешним охотникам просвещать народ в нежелательном духе это неприятно. Неприятно и училищным советам, которые нередко, к сожалению, поддаются влиянию лиц неблагонадежных или мечтают о народном обучении в духе не церковном. К сожалению, таков и нынешний Московский училищный совет.

И вот произошло следующее: некая Вернадская пожелала открыть в Москве воскресную школу и обратилась для сего к окружному инспектору нар. просв., который, имея в виду соглашение обер-прокурора с мин-ром, обратил ее к епархиальному начальству. Но она, не желая подчиниться сему, обратилась в Моск. училищн. совет, который принял ее сторону, и моск. предводитель дворянства написал министру нар. просвещения, что соглашение с обер-прокурором Синода не может считаться законным за силой положения 1874 г., подчиняющего воскресные школы мин-ру нар. просв. К сожалению, Делянов, не подтвердив принятого в 1891 г. соглашения, указал Моск. училищн. совету представить вопрос на решение 1-го департ. сената» (Департ. полиции. Дело Н. Е. Вернадской, № 883 от 1897 г.).

школ, библиотек и других просветительных учреждений в одной из самых глухих местностей Нижегородской губернии. Около 5 лет я хлопотала в одиночку, обходясь собственными силами и средствами или находя нужную мне помощь на месте. Но дело разрасталось, местных сил и средств стало не хватать, и мне посоветовали искать поддержки и руководства в Москве. И вот среди лиц, которых я встретила в Москве и к которым обратилась за содействием, я нашла особенно деятельную помощь со стороны В. П. Вахтерова. Он помогал мне всеми путями и способами. Пользуясь своим знанием дела и своими связями, он снабжал меня всеми необходимыми сведениями и справками, отыскивал денежные средства для устроенных мной школ и библиотек, знакомил меня с людьми, которые интересовались этим делом и могли принять в нем то или иное участие, находил защиту для него в случае каких-либо подозрений и нападков¹. И таких лиц, нуждавшихся в его поддержке, участии и совете, было не мало.

«Каждый вечер начиная с 6 часов, — писал П. М. Шестаков, — кабинет Василия Порфирьевича был открыт для всех, имеющих к нему какое-либо дело. Земские деятели, инспектора народных училищ, учительницы и учителя, студенты, книготорговцы редкий день не бывали у него. Одним он давал справку, другим указывал союзника для предпринимаемого им дела, третьему рекомендовал источники для литературной работы, четвертого поддерживал в борьбе с неблагоприятными условиями работы, просматривал рукопись и т. д., словом, В. П. Вахтеров служил делу народного образования всеми способами, какие ему представлялись»². А сколько людей приходило с просьбами о заработке, об учительском месте, а сколько авторов просило об устройстве их рукописи, о рекомендации в издательство, в редакцию, о том, чтобы Василий Порфирьевич дал предисловие к написанной статье или проредактировал составленную книжку. И никто не встречал у него отказа, — сотнями раздавал он свои визитные карточки с рекомендательными надписями, отзываясь на все обращаемые к нему требования, всегда внимательный, при-

¹ Воспоминания А. А. Штевен-Ершовой (Архив Вахтерова).

² Шестаков П. М. «Русские ведомости», 1897, № 34.

ветливый и ласковый. Но особенно любил он и сам вести, и другим помогать вести борьбу с препятствиями, которые возникали на пути дела просвещения, — это всегда увлекало его. И тогда «чужое» дело, если в нем была принципиальная подкладка, делалось для него своим делом, и он готов был тратить на него и силы, и время, и энергию. Так было в деле Вернадской с открытием воскресной школы, о чем сказано выше, такое же живое участие принимал он в моей борьбе с местным губернатором во Владимире, когда я пыталась открывать там бесплатную библиотеку, а губернаторша, властная и глупая дама, давала, хотя никто не просил ее об этом, свои аттестации книгам: «это нежелательно», «это вредно», «это недопустимо». И В. П. Вахтеров умел расширить масштабы работ: я думала только об одной библиотеке и на ней сосредоточила все мысли и усилия, а он рисовал мне планы филиальных отделений, разъездных библиотекарей, книжных передвижек, книжной торговли через библиотеку. К сожалению, ни эти планы, ни даже открытие одной библиотеки не осуществилось: она была признана «не вызываемой местными потребностями».

Так в эти годы (1890—1895—1896) шла московская жизнь В. П. Вахтерова, до краев переполненная работой. «Я когда-нибудь опишу тебе свой зимний день», — писал он мне как-то, но описать его так и не собрался. Но я и так знала этот день, начинавшийся в 7 часов утра, с переездами из школы в школу, из канцелярии в учреждения, с обязательными приемами по делам службы, с завтраком и обедами где-нибудь на перепутье, с вечерними приемами у себя, с вечерними заседаниями в обществах, в комиссиях, затягивавшихся далеко за полночь, со спешной работой между двумя делами — над докладом, над рефератом — уж во всяком случае, не 8-ми, а едва ли не 15-часовой день сплошной работы. Но работа не иссушала души, и это чувствовали все, соприкасавшиеся с ним. Своей семьи у Василия Порфирьевича в это время не было, но он все же редко жил один в своей казенной квартире на Малой Серпуховской. По большей части с ним жила или его старушка мать, которая вела его несложное хозяйство, или его младшая сестра-учительница, или же наезжала из провинции его замужня сестра с двумя маленькими сыновьями.

И тогда квартира наполнялась шумом и гамом, веселыми детскими голосами, и Василий Порфирьевич, горячо любивший племянников, всегда умел урвать время поговорить с ними, привезти им игрушек, полюбоваться на их игры, и никогда никакие самые серьезные дела любимого «дяди Васи» не помешали жить этим маленьким человечкам: «право ребенка» — это же был любимый лозунг Василия Порфирьевича.

Итак, служение делу просвещения «всеми способами, какие представлялись», по словам Шестакова П., — таково было главное содержание жизни В. П. Вахтерова в эти первые годы его московской жизни. Но «всеми способами, какие представлялись», служили народному образованию прогрессивные силы русской интеллигенции.

В ответ на запросы к культуре, которые шли из низов («народ не ходатайствует, не просит, он просто «прет», — говорил по этому поводу Н. А. Рубакин), шли отклики из общественных культурных организаций. Наперекор реакционным потугам царского правительства, наперекор его тяжкому «прессу», давившему все живое, существовало в среде прогрессивной интеллигенции какое-то «бродило». В передовых земствах выдвигались горячие поборники народного образования, как Батуев и Алашеев — в Вятском, Шаховской — в Ярославском, Ковалевский — в Харьковском, Савельев — в Нижегородском и другие. Ставились вопросы всеобщего обучения, создавались народные библиотеки, книжные склады, организовывались вечерние повторительные, а в иных местах и передвижные школы для взрослых. Громадную работу проводили лучшие земские учителя, беря на себя, кроме обычной своей деятельности в школе, и огромную нагрузку по внешкольному образованию.

Сколько настоящих фанатиков было в среде московских учительниц, которые, окончив свои школьные занятия, почти ежедневно работали по вечерам в комиссиях Московского Комитета грамотности¹, а по воскре-

¹ Вот несколько имен таких работников Комитета грамотности, хорошо в свое время известных в Москве: учащие городских школ: Костромина, Дмитриева, Бурмистрова, Гатлих, Михальская, Зернова, Тулупов, Шестаков, Скворцов, и из лиц других профессий: проф. Чупров, Гольцев, Сахаров, Смирнов, Жбанков, Кабанов, Перес, Петров, Каблуков, земцы: Шаховский, Петрунkevич и др.

сеньям — в школах взрослых. Как не вспомнить, например, С. В. Глинку, эту слабую болезненную женщину, которая организовала по Москве несколько школ взрослых, работала в них сама, объединяла и вдохновляла учителей этих школ, отдавала этим занятиям и весь свой досуг, и большую часть своего заработка, и была настоящим другом своих учениц; когда в последнее время, почти лишившись ног из-за острого ревматизма, она уже не могла ходить в школу, у ее постели собирались ученицы, и она давала свои удивительные уроки¹.

Или вот Постоянная Комиссия Технического о-ва: замкнувшись в рамки своего устава, она могла бы мирно вести свою специальную работу. Но она сознательно раздвигает эти рамки: она организует школы для рабочих с широкими общеобразовательными программами, организует о-во распространения знаний среди торговых служащих и курсы при нем, собирает крупные пожертвования среди фабрикантов на культурные нужды и т. д. и т. п. Но Москва была ведь лишь одним из центров. А их было много. Энергично работал Петербургский Комитет грамотности. В пользу устройства народных библиотек он собрал крупные суммы, имел широкие связи с провинцией, издавал народную литературу. Большая работа велась на Шлиссельбургском тракте в школах для взрослых рабочих и в таких же школах в самом Петербурге. Вокруг книжного склада А. М. Калмыковой, вокруг библиотеки Рубакиной группировались, и везде наряду с чисто культурной работой велась и политическая. Большое впечатление на передовую демократическую интеллигенцию произвел в то время призыв Плеханова к объединению. В большом количестве экземпляров бродила по свету его тектографированная статья из «Социал-демократа» от 1892 г.: «Все честные русские люди, — говорилось там, — которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в пользу создания Земского собора, долженствующего сыграть роль Учредительного собрания, т. е. положить основы нового общественного порядка в России...» «Пусть каждая партия и каждая

¹ О С. В. Глинке см.: Вахтеров «Внешкольное образование», М., 1896 и Гатлих «Русская мысль», 1898, № 10.

фракция делает дело, подсказываемое ей ее программой. Результатом разнородных усилий и явится новый общественно-политический строй, который во всяком случае будет большим приобретением для всех партий»¹.

Этот призыв к единению спланивал и культурническую и революционную интеллигенцию, и вот почему не всегда было легко провести резкую линию водораздела между работой культурной и чисто политической: одна помогала другой. И когда мы читаем теперь воспоминания тех лиц, которые в свое время пользовались услугами тогдашних культурных организаций, имели в них возможность вести свою политическую работу, мы можем по достоинству и без предвзятости оценить значение культурной работы². Вызывалась эта работа спросом просыпавшейся деревни и той рабочей массы, которая в эти 90-е гг. выступает на историческую арену жизни как сознательное целое, которая начинает объединяться и получает первую закалку в стачках.

Если большую работу вели столицы, то не менее энергично и ярко велась работа и в провинции. Харьковское о-во грамотности с его издательством и филиалами библиотек по уездам, Харьковская воскресная школа Алчевской, Черниговский книжный склад, Нижегородское о-во образования, Орловский комитет народных чтений с его филиалами складов, библиотек, вечерними лекциями и театрами для народа, Тифлисская воскресная школа и Тифлисская бесплатная библиотека, где работал кружок молодежи с О. В. Кайдановой во главе, целый

¹ «Социал-демократ», 1892, кн. IV, ст. Плеханова «Всероссийское разорение».

² О революционной работе в эти годы, предшествовавшие революции 1905 г., я не упоминаю здесь. Она хорошо известна теперь благодаря большому количеству книг, статей, сборников, изданных после Октябрьской революции. Но менее известна, совершенно не подытожена работа просветительных организаций той же эпохи и не оценена ни в какой степени их крупная, революционизировавшая массы роль. Это должно бы быть сделано. Прежде всего следовало бы вспомнить о том, что в недрах этих легальных культурных организаций находил приют и простор для работы целый ряд партийных работников (см. воспоминания Крупской, Менжинской, Невзоровой-Шестерниной, Невзоровой-Кржижавской).

Не все из таких работников писали свои воспоминания, но мы знаем их имена в числе членов обществ грамотности, в числе учителей школ взрослых — это Немчинова, Елизаров, Скворцов-Степанов, Скворцова Л. И., Акимова, Франкетти, Арманд, Розонова и ряд других.

ряд воскресных и вечерних школ по городам и селам, просветительная деятельность в Сибири, где вокруг Макушина и созданного им ряда учреждений объединилась передовая интеллигенция Томска, обслуживая книгой глухие сибирские захолустья, — все это было проявлением подъема культурно-просветительной работы, выражением общественной инициативы либеральной и демократической интеллигенции. Сколько школ взрослых существовало на сборы с лекций, концертов, на частные пожертвования.

Правительство не давало денег (в 1898 г. на все внешкольное образование было ассигновано 78 тыс. руб.), но это было все же меньшее из зол. Гораздо большим злом являлись те невероятные препятствия, которые чинились тем, кто хотел проявить инициативу в организации того или иного народнообразовательного учреждения, те проволочные заграждения, которые воздвигались на пути, то неусыпное наблюдение, тот сыск, каким была обставлена работа, и, наконец, та быстрота, с какой, без суда и следствия, она пресекалась агентами правительства при малейшей неосторожности работника¹. «Во сколько раз легче у нас открыть кабак, чем библиотеку», — горько жаловался один провинциальный деятель. А Василий Порфирьевич вычислил в одной из своих статей, что ходатайство об открытии народных чтений, несмотря на то что существовал особый каталог для этих чтений с несколькими десятками жалких брошюр, должно было тем не менее пройти 15 инстанций, раньше чем получить удовлетворение. Любитель цифр и образов, В. П. Вахтеров нарисовал выразительную картинку, как ходатайство жителей Петропавловска о праве прочесть какую-нибудь брошюрку, путешествуя из Петропавловска в Петербург и обратно, делает 108 000 верст. «На земном шаре не с чем сравнить эту цифру, — иронизирует он, — даже длина экватора меньше данной

¹ Одно дело департ. полиции сплошь состоит из перлюстрированных писем. По этим письмам департамент следит за деятельностью одного просветительного кружка, членом которого являлся адресат. Сведения интересны для департамента, и он колеблется: вывести ли адресата из строя или еще подождать? И на полях одной бумаги директор департамента пишет сбоку: «Не пора ли произвести обыск, а впрочем, жаль лишиться дарового корреспондента». (Дело студента Звягинцева, № 750, за 1892 г.).

величины. Мы имеем одну из цифр, с которыми привыкли оперировать только астрономы»¹. И когда Василий Порфирьевич свой доклад Московскому земству о народных чтениях закончил предложением требовать упрощения процедуры их разрешения, то «Гражданин» очень испугался: «Ведь при этих условиях, — писал он, — народ легко будет обучить коммунизму, да так обучить, что потом и не разучишь». «Обучить коммунизму» — это, конечно, гипербола, но что и легальная литература порой оказывала на читателя революционизирующее влияние, об этом, как сказано выше, есть не мало свидетельств.

В организации культурно-просветительной работы приходилось идти на компромиссы, чтобы выторговать возможность двигаться вперед.

«Сколько раз я прибегал к компромиссам, чтобы урвать что-нибудь для дела», — с горечью писал Василий Порфирьевич. Что было делать? Этот штрих «компромиссности» в работе либеральной русской интеллигенции того времени является характерной чертой просветительного «движения» в 90-х гг. Но царское правительство даже в умеренном культурничестве видело угрозу революции. И реакция опять показала свои зубы, обрушившись прежде всего на комитеты грамотности. Императорское Вольно-экономическое о-во и комитеты грамотности при нем уже и раньше возбуждали в департаменте полиции большие подозрения. Так, в деле департамента о Петербургском Комитете грамотности читаем такую характеристику этого учреждения: «С 1894 г. Импер. Вольно-экономическое о-во превратилось в парламент, обсуждающий публично, всегда при громадном стечении публики, решительно все вопросы нашей внутренней государственной жизни... каждый раз беседы и рассуждения превращаются в суд над правительством... вопрос о финансовой стороне народной школы становится поводом для публичного обвинения правительства в том, что, ассигнуя десятки и сотни миллионов на армию, на жандармерию, на тюрьмы, оно дает гроши на народное образование...»²

¹ Вахтеров, Порядок разрешения народных чтений, «Русская мысль», 1897, № 8.

² Департ. полиции. Дело о Петербургском и Московском Комитетах грамотности, № 635 от 1893 г.

В этом же деле мы находим письмо министра внутренних дел Дурново, адресованное к Делянову, где он поднимает вопрос о передаче комитетов грамотности в ведение Министерства народного просвещения «для удобства надзора». Он признает, что «в ряду явлений особенно выдающихся в минувшем (т. е. в 1894 г.) следует отметить проявившееся в различных слоях интеллигентных классов стремление содействовать поднятию народного образования», и мудро умозаключает, что «по имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, это движение развилось последовательно и носит на себе характер не случайного, временного явления, а как бы систематическое осуществление программы и представляется одним из средств борьбы с правительством». Письмо было написано в феврале 1895 г., а в ноябре того же года уже был опубликован новый устав для обоих комитетов грамотности с переименованием их в о-ва грамотности и с передачей их в ведомство народного просвещения¹.

¹ Реформе предшествовала попытка слить оба комитета в одно просветительное учреждение. У Моск. комитета, кроме всех его «преступлений», действительных, в виде не отвечающих целям правительства широкой работы, было еще одно, измышленное Победоносцевым. Он уверял, что в Московском комитете есть комиссия, члены которой «молодые люди обоего пола бегают по домам и ведут домашние чтения», это почему-то очень пугало администратора. В Москве действительно еще в 1894 г. образовалась комиссия домашнего чтения, но не при Комитете грамотности, а при учебном отделе О-ва распространения технических знаний, очень интересная организация, прообраз нынешнего «заочного обучения». Комиссия эта вела большую работу, обслуживая провинцию лекциями, программами, руководством научной работой, библиографией, ответами на вопросы своих клиентов и т. д. Вот это начинание, кстати и не связанное с Комитетом грамотности, и напугало Победоносцева, ему и принадлежала первая мысль о ликвидации комитетов. Говорили о том, что работа обоих комитетов по внешкольному образованию, а также возбуждение ими интереса к всеобщему обучению сыграли очень большую роль в этом походе против них. Было намерение совсем ликвидировать их. И вот Бунге, дабы и спасти и в то же время обезвредить их, придумал новое общество «ревнителей просвещения народа» под покровительством считавшегося одним из самых левых членов царствующего дома, великого князя Константина Константиновича. Говорили о том, что Витте, тогдашний министр финансов, обещал великому князю миллион в год на новое общество. Устав, предложенный обсуждению некоторых членов, оказался очень убогим, изобиловал всякими ограничениями, но миллион рублей на народное образование был не шуткой, и стоило попытаться сговориться. И было вынесено такое

Итак, в ноябре 1895 г. песенка обоих комитетов грамотности была спета, а устав новых обществ грамотности, детище озверелой реакции, изобиловал такими параграфами, которые до последних пределов суживали их работу¹. Все это шло совершенно вразрез с устано-

решение: надо побороться за расширение устава, а там видно будет. На совещание в Петербург от Москвы был вызван Вахтеров, в то время заместитель председателя комитета, а от Петербургского Комитета был приглашен Горчаков, председатель его. Совещание под председательством великого князя было очень торжественным, были представители разных ведомств, «особы» в орденах и лентах, и В. П. Вахтеров, вероятно, очень шокировал их своим непарадным, штатским видом. Соотношение сил было очень невыгодно для будущего общества: Горчаков относился к уставу довольно равнодушно, а В. П. Вахтеров защищал права общества при слабой поддержке Кеппена и иногда Куломзина (управляющий делами Комитета). Желая добиться отмены того параграфа устава, который требовал, чтобы входящие в состав нового общества члены прежних комитетов имели не менее 5-летнего стажа работы в них, Василий Порфирьевич вспоминает (все эти сведения я беру из черновика его статьи «К истории Комитетов грамотности»), как он начал перечислять громкие имена ученых, профессоров, писателей, которые, если этот параграф сохранится, будут лишены возможности работать в новом обществе. Но эти имена не произвели на присутствующих никакого впечатления. Но когда Василий Порфирьевич упомянул о трех священниках, членах комитета, тоже не имеющих требуемого стажа, то оппоненты смягчились, и параграф был изменен. «Эти три скромных московских батюшки,— пишет В. П. Вахтеров,— сыграли роль библейских праведников, за которых когда-то было решено сохранить целый город». В уставе было немало и других нелепостей, и только немногие из них удалось несколько смягчить (например, ослабить централизм, сократить обязательное представительство от ведомств). Когда В. П. Вахтеров рассказывал московским товарищам об этих маленьких «достижениях», и он сам, и другие оптимисты, по опыту знавшие, что многие препятствия можно обойти, считали, что отступать не следует уже из-за того, что у общества будут большие деньги. Но борьба оказалась напрасной: Победоносцев, осведомившись о заседании, объявил, что великого князя «обошли красные», и провалил проект. «Мы с Победоносцевым подложили обществу свинью,— хвастался потом Шемякин, адепт и сослуживец его.— И общество не состоялось». (Вахтеров, К истории комитетов грамотности. Архив Вахтерова).

¹ В числе параграфов этого устава были, например, такие: почетными и действительными членами общества могут быть только лица христианского вероисповедания, заседания общих собраний, правления и комиссий не могут быть публичными; председатель общества назначается, а товарищ председателя, секретари и члены правления утверждаются министром нар. просв.; секретарь и казначей не имеют права голоса в правлении, на должности казначея и секретаря не могут быть избираемы женщины и т. п.

вившейся практикой работы комитетов, и министр народного просвещения, присвоивший себе по этому уставу вполне диктаторские права, мрачной тенью витал над новыми обществами. Довольна была зато реакционная пресса: «Теперь труднее будет учредить тот моральный террор, который господствовал в прежнем, поистине возмутительном Комитете», — писали с удовлетворением «Московские ведомости». Доволен был и московский диктатор великий князь Сергей, который спешит выразить министру Делянову «свою радость по поводу столь мудрого решения вопроса первостепенной важности» и свою надежду, что «под его (Делянова) опытным наблюдением и руководством комитеты, конечно, будут действовать в направлении, обещающем богатые и здоровые плоды»; а еще больше надеется он на то, что Делянов «конечно, найдет способ удалить лиц, враждебно расположенных», и ликвидирует их «бесконтрольную деятельность»¹. «Работа наша была во всем разгаре, — пишет в своих воспоминаниях Н. К. Дмитриева, — когда, наконец, разразилась над нами гроза, и комитет был преобразован в общество. Приходилось уходить, потому что при новых условиях, работать так, как мы работали, было невозможно. Но уйти сразу мы не могли, так как тысячами нитей были связаны со своими клиентами. Решили ликвидировать дело постепенно. Страшно тяжелое было это время»². Решение это, однако, было принято не без борьбы. К моменту получения устава члены бывшего Комитета грамотности разделились на две группы. Одна из них, радикальная, настаивала на том, чтобы всем немедленно выйти из комитета и этим выразить протест за попрание его прав. Другие, и в их числе был и В. П. Вахтеров, находили, что уход из о-ва его деятельных членов разрушает начатую работу, разрывает завязанные связи, отдает общество во власть новых людей, которые похоронят все уже сделанное, а может быть, еще устроят из него какую-нибудь черносотенную организацию. Совещание, посвященное обсуждению вопроса о дальнейшей тактике, было очень бурным. Остроумный Гольцев в своей речи справедливо замечал, что если бросать дело из-за неправомерных действий пра-

¹ Секр. канц. моск. генерал-губернатора, № 195 от 1896 г.

² Воспоминания Н. К. Дмитриевой (Архив Вахтерова).

вительства, попирающего права его членов, то вообще надо уходить «отовсюду», бросать всякую общественную деятельность, ибо везде, и направо и налево, правительство попирает права каждого человека. Чупров, председатель собрания, предостерегал от эффектного, но едва ли правильного решения: «Похоронить крупное общественное дело очень легко, — говорил он, — но создать его вновь в высшей степени трудно». Указывали и на то, что пожертвование в 63 тысячи рублей, только что полученное комитетом от неизвестного, могло быть использовано обществом в его новом составе с самыми реакционными целями, а на эти деньги, как мечтали члены, можно было бы открыть столько складов, школ, библиотек, можно было бы издать столько книг. Рассказывая мне в письме об ассигновании из этих денег 38-ми тысяч на библиотеки и воскресные школы, Василий Порфирьевич писал мне: «Может быть, нам удастся превратить эти деньги, вызвав местные ассигновки в миллион рублей, на народное образование!» И вот бросить все это и устраниваться. Poleмика велась страстная¹. «Непринципиальность», «компромиссность», даже «измена» — таковы были эпитеты по адресу В. П. Вахтерова и его группы. Рассказывая мне об этом, Василий Порфирьевич писал: «Вчера было частное совещание Моск. Ком. грамотности. Радикалы побили нас и желают довести остроту отношений с министерством до закрытия комитета. Думают, что тогда все ударятся в нелегальную деятельность...» В. П. Вахтеров остался в реформированном обществе. Это опять был компромисс.

Часть членов комитета, и Василий Порфирьевич в их числе, оставшиеся в обществе, сейчас же, с места в карьер, начали отвоевывать урезанные права, начали хлопотать об изменении устава². Сделать, впрочем, уда-

¹ Вопрос о преобразовании комитетов настолько взволновал общество, что интеллигентские группы обратились к Л. Н. Толстому с просьбой высказаться на эту тему. В ответ на это была написана Л. Н. Толстым его брошюра «К либералам». Об обсуждении этой брошюры в кружке воронежской интеллигенции упоминает Бунаков в своих воспоминаниях. (См. Записки Н. Ф. Бунакова, 1837—1905, Спб., 1909, стр. 254).

² Кажется, чтобы свободно распорядиться пожертвованными суммами, общее собрание, на котором должно было произойти формальное переименование комитета и принятие нового устава, сознательно откладывалось его членами.

лось мало, одно только и было несомненной удачей, что пожертвованные деньги удалось истратить в желательном направлении и были вызваны к жизни новые просветительные учреждения. Реакция сильно давала себя чувствовать. В это именно время началась усиленная слежка за издательствами, книжными магазинами, книжными складами. Книжный склад Муриновых в Москве был закрыт, и даже покупка его другим лицом встретила препятствие со стороны администрации. Обо всех служащих в книжных складах собирались самые подробные сведения, которые всегда оказывались для полиции весьма неутешительными, так как среди служащих была масса неблагонадежных лиц¹. И вся эта культурная работа, как говорится в одном из дел департамента полиции, взяла новый курс, пробует вести пропаганду революционных идей «на легальной почве», через легальные учреждения, путем распространения даже не революционных, а только тенденциозных книг: «Не представляя, будучи отдельно взятыми, для общей цензуры ничего явно преступного, — читаем в бумаге, — книги и брошюры этого сорта, распространяемые массами по удешевленным ценам, а иногда и бесплатно, являются сильнейшим орудием в руках неблагонадежных лиц и оказывают глубокое антигосударственное влияние на народ»². Итак, книги, книжные склады, магазины, издательства, школы и учреждения — все уже было взято под подозрение. В эти именно годы начинается преследование учебного отдела при Ю-ве распространения технических знаний, оригинального учреждения, в течение многих лет энергично работавшего над педагогическими вопросами и имевшего ряд комиссий, музей наглядных пособий, уже выше упомянутую комиссию домашнего чтения, выполнявшую с успехом функцию нынешних курсов заочного обучения. Словом, реакция повела наступление по всей просветительной линии. Не замедлила она сказаться и в личной жизни В. П. Вахтерова. Решающую роль сыграл тут прежде всего 2-й Технический съезд с его нашумевшей 9-й секцией. Актив-

¹ Моск. охран. отд. Дело о кн. складе Муриновой, № 92 от 1895 г.

² Там же и Секр. канц. моск. генерал-губернатора. О положении книжной торговли в Москве, № 4370.

ная роль Василия Порфирьевича на этом съезде переполнила чашу терпения начальства по отношению к «чиновнику» Вахтерову. Его как одного из председателей секции общих вопросов и, что еще хуже, как одного из ее инициаторов то и дело вызывали в округ. Попечителем Московского округа в это время был уже Боголепов. Вскоре после его назначения Василий Порфирьевич писал мне: «Я выслушал речь нового попечителя округа, изъявившего желание познакомиться с нами, и он показался мне таким холодным и бездушным, что Капнист кажется чуть ли не идеалом сравнительно с ним». А через несколько времени характеристика делается еще определеннее: «Новый попечитель из рук вон плох: бездарен, узок, ретрограден и лакей». Было ясно, что ничего хорошего нельзя ждать от человека такого сорта. «Власти рвут и мечут по поводу нашего съезда, — пишет мне Василий Порфирьевич, — никаких гусей нельзя было раздражить больше, чем начальство раздражено этой секцией». В дирекции, естественно, была большая тревога: недовольство инспектором, конечно, отзывалось на директоре, а тогдашний директор народных училищ из бывших исправников не отличался ни гражданским мужеством, ни либерализмом. Положение В. П. Вахтерова было не из легких: все растущая популярность его была не по нутру начальству, и тучи на горизонте сгущались. Первым предостережением было неразрешение Вахтерову публичной лекции на Нижегородской выставке летом 1896 г., куда должно было съехаться много учителей и где очень желали его присутствия. Только после усиленных хлопот Х. Д. Алчевской, пустившей в ход все свои связи, это запрещение было снято под условием изменения заглавия лекции с более широкого и общего на узкопедагогическое. Здесь, в Нижнем, В. П. Вахтеров впервые выступил перед огромной учительской аудиторией. В публичной лекции он, поневоле, должен был держаться своей узкопедагогической темы, и лекция, по его словам, вышла довольно бедной. Он писал мне об этом так: «Встретили и проводили меня жидкими аплодисментами. Учителя, говорившие после меня, соглашались со мной, были, говорят, и недовольные». Впрочем, Василий Порфирьевич обыкновенно умалял свои успехи, а вот какой отзыв об этой же лекции и о других, которые он читал уже негласно в отдельных

учительских группах, дает М. И. Обухов, в то время учитель-нижегородец. «С В. П. Вахтеровым, — пишет он, — я познакомился в 1896 г. в Нижнем, во время Всероссийской промышленной выставки... Пожалуй, здесь же на выставке и выявилась впервые его карьера как маститого педагога, которая затмила впоследствии все педагогические силы того времени. Собравшееся со всех концов России учительство здесь впервые услышало живое слово новатора в педагогическом мире. Его довольно тощая тогда фигура высокого роста с надорванным от работы осипшим голосом и с довольно монотонной и несколько скучноватой речью не располагала к симпатиям как к блестящему оратору, но его эрудиция, его взгляды на дело народного образования, его знание природы ребенка и его новые взгляды на вопросы преподавания положительно приковывали внимание аудитории. У всех нас, теперь уже старых педагогов, наверно, до сих пор не изгладилось впечатление, какое произвели его лекции на выставке, перевернувшие наши умы и заставившие, по разезде с выставки, сразу во всех концах России подходить к ребенку с иной стороны, применять новые методы в обучении, отбросив рутину, которая многих из нас засосала»¹.

Но кроме этих педагогических бесед, В. П. Вахтеров выступал в Нижнем в частных учительских собраниях, где он ярко выявился как фанатик просвещения и как общественник. Идея учительского объединения здесь, кажется, впервые родившаяся, нашла в нем горячего защитника и пропагандиста. В таком смысле и вспоминает его выступления на этих частных учительских заседаниях Н. А. Малиновский, тоже их участник: «Во время знаменитого «явочного» Всероссийского съезда учителей в Нижнем, — пишет он, — съезда, на котором скомпоновался и первый зародыш Учительского союза, Василий Порфирьевич не только читал официальные лекции на выставке, но был, насколько помнится, единственным из педагогов (кроме него читали Бунаков, Ельницкий, Алчевская, Флеров и другие), который посещал и неофициальные собрания приезжих учителей в одном из школьных общежитий, пока разведавшая об этих

¹ Обухов М. И., Воспоминания о В. П. Вахтерове (Архив Вахтерова).

собраниях полиция и администрация не пригрозили правлению Нижегородского о-ва карами¹». Об этом же вспоминает и М. И. Обухов. «Василий Порфирьевич был большой сторонник внешкольного образования, — пишет он, — на эту тему он много говорил на наших собраниях и делился своим опытом, как подходить к народу, как вести народные чтения, занятия со взрослыми и какое значение имеет внешкольное образование в деле просвещения народных масс. И главным залогом успеха работы в деле школьного обучения и положения учительства он считал прежде всего профессиональное объединение его, призывая учителей к организации на местах учительских обществ взаимопомощи. Голос его, конечно, имел важное значение и служил большой поддержкой нам, крамольным учителям, которые старались использовать выставку с агитационной целью»².

Конечно, об этих выступлениях В. П. Вахтерова было доведено до сведения кого следует, сыск тогда был поставлен достаточно хорошо. А впрочем, уже и раньше (как мне стало ясно из рассмотрения материалов департамента полиции) данные о его деятельности с усердием собирались. И если в одном из позднейших дел его инспекторство определенно характеризовалось, как «прикрытие среди учителей Москвы неблагонадежного элемента»³, то еще более определенно квалифицировалось это его покровительство неблагонадежным учителям в другой бумаге департамента полиции, о которой речь будет ниже. Здесь ему прямо инкриминировалось допущение к учительской должности уже не только неблагонадежных учителей, но явных революционеров. Ясно, что все это было нетерпимо, и надо было скорее отделаться от такого человека. И все же нужен был определенный предлог, определенный факт: о чужой неблагонадежности он ведь мог просто и не знать, это могла быть простая случайность. Факт нашелся. В Ялте в мае 1896 г. покончил жизнь самоубийством некто С. С. Прокофьев, который незадолго до того, под именем «неиз-

¹ Доклад Н. А. Малиновского о В. П. Вахтерове. Относительно Бунакова Малиновский ошибается. В своих Записках Бунаков упоминает о посещении им учителей на частных заседаниях (Архив Вахтерова).

² Обухов М. И., Воспоминания (Архив Вахтерова).

³ Департ. полиции. Дело Вахтерова № 1097, ч. 1, от 1896 г.

вестного», пожертвовал Комитету грамотности 63 тысячи рублей. И вот среди бумаг этого Прокофьева было найдено 2 письма Вахтерова: в одном из них он, в качестве исполняющего должность председателя комитета, благодарит Прокофьева за щедрое пожертвование, в другом, из-за которого и загорелся весь сыр-бор, он пишет ему о том движении, которое вызвано в провинции циркуляром комитета, предлагавшего местам денежную субсидию из этого пожертвования: «Мы завалены бумагами, письмами, просьбами,— пишет Василий Порфирьевич,— нам пишут земства, волостные правления, директора и инспектора народных училищ, даже земские начальники. Они предлагают часть местных средств и просят остальное от нас. Это целое движение, целый поход в пользу библиотек и воскресных школ». И далее он рассказывает жертвователю известную уже нам историю раскола среди членов комитета, защищая свою точку зрения, что и при новом уставе можно будет работать, а относительно тех целей, какие имела в виду радикальная часть членов, пропагандировавшая уход из комитета, он говорит: «Я не думаю, что такие цели не заслуживают уважения, напротив, это важные задачи времени, но для достижения их нужны другие средства и другие учреждения, специально для этого созданные и лучше к этим требованиям приспособленные. Нам чрезвычайно интересно узнать, к какому лагерю вы себя причисляете», — заканчивает он свое письмо¹. В письме была и своего рода «дипломатия». Было опасение, что жертвователь не захочет оставить свое пожертвование, если общество будет лишено возможности, благодаря урезанному уставу, вести в прежнем масштабе свою культурно-просветительную работу, и В. П. Вахтеров подчеркивает, что и при новом уставе работать будет возможно, что члены надеются «отвоевать урезанные права», приспособить новый устав к своим старым требованиям; он и действительно верил в эту возможность и не раз практиковал это в своей общественной работе. Письмо это было немедленно доложено кому следует, и дело пошло быстрым ходом. После Нижегородской выставки мы с Василием Порфирьевичем предприняли небольшое путешествие по Волге и

¹ Департ. полиции. Дело Вахтерова, № 1097 от 1896 г.

Каме, он отдыхал от всяких тревог, восхищался природой — ему редко удавалось устраивать себе такой отдых, и мы были далеки от предчувствия новых неприятностей. Вернувшись во Владимир, где я в это время жила с родными, я очень скоро получила от него такое письмо: «Приехав в Москву, — писал он, — я узнал о письме Делянова о моем увольнении со службы. Дело в том, что Горемыкину доставили мое письмо, найденное у господина, пожертвовавшего 63 тысячи и умершего. Горемыкин отослал это письмо Делянову, а Делянов прислал письмо Боголепову о моем увольнении». Повод для увольнения был как будто в данном случае явно недостаточным, ведь в сущности В. П. Вахтеров стоял как раз на точке зрения, отвергавшей демонстративный уход из комитета всех членов (правда, он в этом же письме считает цели оппозиционной группы «заслуживающими уважения» и надеется «обойти устав»). Как бы то ни было, В. П. Вахтеров решил бороться и написал письмо Горемыкину. Он высказал ему свое недоумение, почему его защита вполне легального образа действия, кстати сохранившего для целей просвещения 63 тысячи рублей, потому что жертвователь, боясь за их судьбу при новой линии работы преобразованного комитета, готов был взять их обратно, почему это имело для него такой неожиданный результат, как увольнение. Письмо было написано с обычной для Василия Порфирьевича дипломатической «убедительностью», «отписываться» таким образом ему не мало приходилось в жизни, и Горемыкин, который не раз запросто встречался с Василием Порфирьевичем еще в Смоленской губернии¹, написал Делянову, что сделал из его (т. е. Горемыкинского) письма «ненадлежащий вывод» и что «к увольнению Вахтерова на основании сообщенных указаний едва ли имеются достаточные данные». «Если по отношению к Вахтерову действительно предположено применить означенную меру на основании моего письма, — пишет он, — то обстоятельство это поставит меня в необходимость на будущее время быть чрезвычайно осторожным в сообщении вашему сиятельству такого рода данных, которые могут служить лишь для ваших личных соображений», — так кончает он свое письмо. Очень интересен

¹ У местных земледельцев — Глинки, Иксуль.

ответ обиженного Делянова: «Если вы изволите высказывать,— пишет он,— что Вахтеров лично вам известен как лицо почтенное по своим взглядам и направлению, то я со своей стороны считаю долгом вам сказать, что то ведомство, в котором Вахтеров состоит на службе, обязано иметь и действительно имеет достаточно полные и точные сведения об этом чиновнике, и эти сведения, к сожалению, не позволяют мне вполне присоединиться к мнению вашего высокопревосходительства». Далее, цитируя фразу Вахтерова об антиправительственных целях, которые «заслуживают уважения», он с иронией замечает, что «такие слова, по меньшей мере, совершенно неуместны в письме лица, состоящего на службе по какому бы то ни было ведомству». И он «скорбит», что инспектор внутренних дел намеревается лишить его в дальнейшем своих сообщений; «что же касается меня, то я по-прежнему о каждом факте, приводящем меня в сомнение, буду сообщать вашему высокопревосходительству и, поступая таким образом, буду, по крайней мере, иметь сознание исполненного долга». И в этом же письме суровое осуждение Вахтерова за то, что он, «помимо своей прямой служебной деятельности, увлекся деятельностью общественной и литературной и, излагая свои мысли о народном образовании, иногда придавая им, ради дешевого успеха среди публики, нежелательную и несовместимую с его служебным положением окраску или резкую, бьющую на эффект форму»¹. Обмен двух министров этими письмами все же имел тот результат, что увольнение Вахтерова было заменено переводом его на ту же должность инспектора во Владимир, в то время довольно захолустный и малокультурный городок. Можно было, конечно, попытаться бороться с этим переводом, имевшим значение кары. Но Василий Порфирьевич не захотел этого. Целая сеть интриг сплелась вокруг опального инспектора, подозрения против него разжигались новыми доносами, и это тем более, что его место было достаточно лакомым куском для целого ряда чиновников. «Ты не можешь себе представить, что за люди меня окружают,— писал он мне,— они делают все, чтобы я не выпутался и оставил им свое наследство, т. е.

¹ Все эти письма в деле Вахтерова за № 1097, ч. 1 от 1896 г. Департ. полиции.

место и квартиру, и я имею удовольствие видеть, как они подыскивают новые обвинительные пункты и подсовывают их моему начальству, даже не стараясь скрывать это от меня».

Через несколько дней по получении бумаги о переводе, Василий Порфирьевич сдал должность и вышел в отставку. Это было 13 сентября 1896 г.¹ Решение об отставке было принято им не без колебания. Прежде всего он понимал, что в качестве должностного лица он смог бы, по примеру своего прошлого, хотя и постоянно рискуя, все же больше делать для народного образования, чем сделавшись частным человеком. Заботила его немного и материальная сторона вопроса: при одном литературном заработке он рисковал финансовыми затруднениями.

1897 — 1904 гг.

Таким образом, в сентябре 1896 г. В. П. Вахтеров сделался «вольным человеком». Легко было предвидеть, как это отразится на его общественной работе. Положение его в О-ве грамотности резко изменилось. Обострились отношения с председателем общества, пришлось уйти и из членов правления, а затем оставить и комиссии, да и сами комиссии все больше хирели. Стоит взглянуть на тощие отчеты общества после 1896 г., чтобы видеть, как обескровливалась живая прежде работа Комитета грамотности. Это постепенное умирание просветительной организации, на которую Василий Порфирьевич положил столько сил и энергии, пережива-

¹ Интересно, что финал служебной карьеры Вахтерова всегда квалифицировался не как отставка, а как увольнение «по неблагонадежности». Фактически это было не так, но так понимался всеми этот факт. «Мне пришлось участвовать в составлении адреса Вахтерову, уволенному по неблагонадежности», — писала в частном письме М. Н. Сумбатова-Южина непосредственно после его отставки (это письмо с предложением выяснить личность его автора пришито к тому же делу Вахтерова). И уже в наши дни, в книге о Гершензоне, изданной Сабашниковым в примечании опять та же версия: «был уволен» и т. д. Интересно, что само охранное отделение повторяет эту же версию везде, во всех делах, где только упоминается Вахтеров, говорится и о его увольнении по политической неблагонадежности».

лось им тяжело. Пробовал он, было, в качестве свободного от службы человека заняться газетной работой. В одно из наших свиданий, в конце 1896 г., он горячо развивал мысль о дешевой газете, доступной широким слоям населения и по языку, и по цене, проникающей в самые глухие уголки и наполненной живым и интересным материалом. Мы придумали и имя будущему органу — «Родное слово». В декабре 1896 г. В. П. Вахтеров послал свое заявление в Главное управление по делам печати. Министерство внутренних дел немедленно запросило московского генерал-губернатора (иногда, когда дело касалось «пресечений», темпы были очень быстры), «благоугодно ли будет ему признать полезным удовлетворение этого ходатайства», и уже через 5 дней была получена резолюция: «Не признаю желательным»¹. Этого следовало ожидать, конечно, и здесь был отзвук только что нашумевшего в Москве дела об отставке Вахтерова.

В феврале 1897 г., когда исполнялось четверть века педагогической деятельности В. П. Вахтерова, было организовано празднование его 25-летнего юбилея.

На обеде, устроенном в честь юбиляра в Московской гостинице, собрались представители московской интеллигенции в многочисленных речах была всесторонне освещена многогранная работа Василия Порфирьевича. Профессор Чупров подчеркивал роль Вахтерова в продвижении вопроса о всеобщем обучении. Учителя и учительницы московских школ говорили о его преданности школе, о его внимании к учительству, земцы благодарили его за плодотворную деятельность на их совещаниях. Приветствия, адреса, телеграммы были от учреждений, журналов, обществ, частных лиц². Одну телерамму ча-

¹ Секр. отд. канц, моск. генерал-губернатора, № 172.

² Между прочим, курьез: в «деле» Вахтерова по моск. охран. отд. в числе документов фигурирует список всех участников этого обеда, а в деле О-ва распространения технических знаний, где даются характеристики некоторых членов, к характеристике, в политическом смысле неблагоприятной (относится к члену общества Н. В. Касаткину приписка: кроме того, присутствовал на обеде, устроенном радикальной частью интеллигенции в честь Вахтерова, уволенного за политическую неблагонадежность от должности инспектора нар. училищ). Участие в том же обеде инкриминируется и известному статистику И. П. Боголепову. (Охран. отд. Дело О-ва взаимопомощи интеллигентных профессий от 1902 г.).

сто цитировали и потом: автор ее выражал сожаление, что не может лично поздравить юбиляра и называл его «явлением на Руси редким и диковинным». И пояснил свою мысль: «Живой человек, хотя и официальный педагог, враг рутины и схоластики, хотя и инспектор московских школ, талантливый человек, хотя и сотрудник русских педагогических изданий, убежденный гражданин и энергичный общественный деятель, хотя и живет в наше время»¹. Среди друзей и почитателей В. П. Вахтерова были собраны деньги на устройство библиотеки имени юбиляра — такая библиотека была открыта в одном из сел Нижегородской губернии. «Ты недовольна мною, что я мало пишу тебе о юбилее, — говорит Василий Порфирьевич в одном из писем, — но я не люблю писать о похвалах, мне расточаемых, я не особенно люблю и слушать их». В другом письме он говорит: «Очень утомил меня юбилей: ты знаешь, каким несчастным я себя чувствую всякий раз, как мне приходится парадировать». Во всяком случае, юбилей был хорошим ответом на «изъятие» из обращения популярного педагога и общественного деятеля. Почти вся прогрессивная печать отозвалась на юбилей В. П. Вахтерова². Надо думать, что эта волна сочувствия по адресу Вахтерова была злобно учтена его врагами из другого лагеря, по крайней мере, как раз к этому времени относится поход против него в реакционной прессе по вопросу о церковноприходской школе. Об этом эпизоде стоит

¹ Телеграмма принадлежала В. Е. Ермилову, известному в свое время литератору и журналисту. Телеграмму эту вспоминает в своих письмах М. Гершензон. (См. М. Гершензон, Письма к брату, М., изд. Собашниковых, 1927).

² Описания юбилея были помещены в нескольких журналах. Вот что писала, между прочим, «Русская мысль» (1897, № 7): «Насколько признательно русское образованное общество В. П. Вахтерову за его труды в деле народного образования и особенно за разработку им вопроса о всеобщем обучении, это показали сделанные ему оvationи по случаю исполнившегося 25-летия его педагогической и литературной деятельности. На юбилее В. П. Вахтерова были представители земств, профессора, попечители школ, народные учителя и учительницы, содержатели частных учебных заведений, представители прессы и многих других профессий. Собравшееся общество и телеграммы, полученные со всех концов России, чествовали в юбиляре необычайную энергию, беззаветную преданность и горячую любовь, которые он внес в свою деятельность по просвещению народа».

вспомнить. Еще в 1894 г. в журнале «Русский начальный учитель», издававшемся В. А. Латышевым, было напечатано сообщение, для того времени сенсационное, что проф. Рачинский, известный апологет и защитник церковных школ и организатор таких школ в Бельском уезде Смоленской губернии, передал эти школы земству. В письме к А. А. Штевен, известной в то время деятельницы по народному образованию, Василий Порфирьевич писал: «Мне сообщает Латышев, редактор «Русского начального учителя», что Рачинский передает свои школы земству. С него началось гонение на земскую школу, а теперь, по-видимому, он сам недоволен тем движением, которое поднял против них при содействии Победоносцева»¹. Таким образом, факт передачи школ, о чем было напечатано в журнале и о чем, кроме того, в частном письме сообщал В. П. Вахтерову сам редактор журнала, казалось, был вне сомнения. Василий Порфирьевич всегда был противником церковно-приходских школ не только принципиально, как почти вся прогрессивная пресса, но и как человек, хорошо знавший эту школу со всеми и педагогическими, и организационными минусами. Еще в 80-х гг., в бытность свою инспектором народных училищ Смоленской губернии, он в печати не раз указывал на ее дефекты и приводил факты отрицательного отношения к этим школам самих крестьян и слабого посещения их детьми. Он любил иронизировать на тему об этих «бумажных школах», числящихся только в отчетах, он указывал на противоречия в этих отчетах, на включение в них тех школ грамоты, в создании которых духовенство не принимало никакого участия, он указывал на медленный рост числа этих школ, несмотря на то что, по его словам, «государственное казначейство относится к ним с такой щедростью, с какой никогда не относилось к земским школам»². При той популярности, какой В. П. Вахтеров пользовался в учительских и земских кругах, церковное ведомство, конечно, было осведомлено о позиции его по вопросу о своих школах и учитывало это. «Поход против меня духовного ведомства,— писал мне как-то Василий Порфирьевич,— начался еще с 1891 года, только я ни-

¹ Письмо Вахтерова к А. А. Штевен (Архив Вахтерова).

² «Смоленский вестник», 1890, № 17.

когда не отвечал им, хотя меня и называли по фамилии». И именно в 1890 г. опять с новой силой возобновились поползновения церковного ведомства овладеть всем школьным аппаратом. Борьба шла даже с правом земства открывать свои школы в тех местах, где уже есть церковноприходская школа, и эти притязания духовенства на свой приоритет принимали порой прямо дикие формы. В этой борьбе не последнее место занимал и В. П. Вахтеров.

Натиск церковников, конечно, инспирировался «сверху», в «сферах» церковников поддерживали, и момент, таким образом, был острым. Идеологи церковной школы вроде Фуделя с их лицемерным утверждением, что народу чужды земские школы, что он церковен по духу, что у него «все на небе», не казались В. П. Вахтерову так опасными, как Рачинский, человек, несмотря на свою близость с Победоносцевым, все же искренний. И, конечно, тот факт, что он передал основанные им церковные школы в земство, имел крупное значение: не значило ли это, что он разочаровался в церковных школах. И когда «Русские ведомости» напечатали выдержку статьи Василия Порфирьевича, где он сообщал этот факт (уже раньше опубликованный), против него поднялась целая буря. Надо еще вспомнить, что это был момент наибольшего натиска реакционной прессы на земскую школу. Был организован настоящий поход в пользу сосредоточения всего дела образования в руках государства, «единого хозяина», как выражался тогда целый ряд авторов «Московских ведомостей», «Гражданина», «Русского вестника» и «Русского обозрения» — органов реакционной клики. На все лады перепевалась одна и та же тема о том, что правительство «не имеет права представлять дела народного образования частной инициативе», что земство, «освобожденное от тягот заведования школами, получило бы необходимый досуг для улучшения хозяйственных отраслей местного управления». «Пусть правительство печется о школах, а земства о дорогах»¹. А прогрессивная пресса в свою очередь боролась за права земства в деле народного образования и отстаивала общественную инициативу. Бой был жаркий. Конечно, В. П. Вахтеров был хорошо изве-

¹ «Московские ведомости», 1897, № 48.

стен как горячий защитник земской школы, и обвинить в клевете этого человека, чей юбилей был только что отпразднован, казалось особенно пикантным. И вот во многих газетах появилось перепечатанное из «Московских ведомостей» возражение Рачинского на сообщение Вахтерова о передаче им, Рачинским, своих школ земству. Возражение было весьма корректно: Рачинский говорил только о том, что Вахтеров «был введен в заблуждение газетным сообщением» и отвергал факт передачи своих школ: первые школы, основанные им до 1884 г. (т. е. до издания правил о церковноприходских школах), были и остались земскими, а другие, основанные после 1884 г., были и остались церковноприходскими. Но к этому фактическому и корректному разъяснению «Московские ведомости», печатая его, не преминули сделать свое добавление по адресу «небезызвестного по своей деятельности в Московском Комитете грамотности Вахтерова», квалифицируя его сообщение как «тенденциозную ложь, которая характерно обрисовывает передовых деятелей нашего либерализма». Василий Порфирьевич писал мне, что, по слухам, Победоносцев выпросил у Рачинского это возражение. «Прочти, как отделали меня «Московские ведомости», — пишет он мне, посылая этот номер, — я, конечно, готовлю возражение». И через две недели действительно «Русские ведомости» поместили заметку В. П. Вахтерова и присланную ему из Смоленска справку, из которой было видно, что 5 школ Бельского уезда в 1884 г. числились в епархиальном ведомстве, в том же ведомстве были зарегистрированы и в позднейшем отчете Победоносцева, а в последнее время эти же школы состоят в ведении местной инспекции и содержатся на средства земства и отчасти самого Рачинского. «Как объяснить это противоречие между официальными данными и заявлением Рачинского?», — спрашивает В. П. Вахтеров в своей заметке¹. В ответ на этот вопрос последовало такое вторичное разъяснение Рачинского: «Заявление Вахтерова, — пишет он, — напомнило мне о давно забытом обстоятельстве, столь ничтожном, что оно совершенно ускользнуло из моей памяти. Действительно, лет 13 тому назад наш местный благочинный в одном из своих донесений назвал

¹ «Русские ведомости», 1897, № 59.

мои школы (вероятно, за их церковный характер) церковноприходскими: так как этот «лапсус калами» отца благочинного ни малейших последствий иметь не мог и не имел, то я повторяю, что никаким переводам из ведомства в ведомство и никаким преобразованиям школы мои не подвергались¹. Каждое из двух объяснений Рачинского, конечно, сопровождалось в правых газетах новыми злобными кивками на Вахтерова и утверждениями, что он сам сочинил всю эту историю, что он сознательно сказал ложь.

Вскоре после своей отставки В. П. Вахтеров взял работу в издательстве Сытина, предложившего ему редактирование народных изданий. Сытину же принадлежала и мысль об учебниках. Очевидно, он опытным взглядом книгопродавца и издателя хорошо учел, что букварь с популярным именем Вахтерова будет иметь широкое распространение. И в конце 1897 г. Василий Порфирьевич и составил такой букварь, причем первое издание его обругал «Педагогический листок» Тихомирова,— знакомые шутили, что Тихомиров «почуял конкурента».

В том же 1897 г. В. А. Морозова, владелица фабрики в Твери, пригласила В. П. Вахтерова заведовать педагогической частью в ее большой школе при Тверской мануфактуре. Дело было интересное. Огромная, многолюдная, отлично оборудованная школа, с прекрасно подобранным коллективом учащихся, полная возможность в качестве инспектора классов работать без помех — все это не могло не увлечь Василия Порфирьевича, и это тем более, что, разобщенный со школой с момента своей отставки, он чувствовал в этом отношении большую пустоту. Он был доволен. «Школа великолепная,— писал он мне, ознакомившись с нею,— занимаюсь всласть. А то очень уж одолела меня тоска по школе. Делаю педагогические опыты». Однако «друзья» из Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел не дремали, и не прошло и полгода, как Василий Пор-

¹ История эта так и осталась невыясненной: Рачинский утверждал, что все дело было в неправильной регистрации, но откуда-нибудь да взято же было то сообщение, которое напечатал «Русский начальный учитель», и та справка, которую прислал Смоленский училищный совет. Кстати, и в истории педагогики Каптерева тоже упоминается факт передачи Рачинским своих школ земству.

фирьевич пишет мне: «Дело с Тверской школой получило грустный конец. Пришла бумага не допускать меня к преподаванию. Я, разумеется, борюсь, но это только долг, а успех безнадежен. Ты подумай, мои опыты в полном разгаре, и я должен их прекратить»¹.

Так одно за другим уходили из-под рук привычные дела и занятия, и поневоле пришлось вплотную подойти к кабинетной работе. В это именно время, в конце 1896 и 1897 гг., вышли его книги «Внешкольное образование народа», «Всеобщее обучение» в издании Сытина и «Народные чтения» — издание «Русской школы», печатавшееся там же. В это же время вышли в свет под его редакцией 2 тома трудов 9-й секции 2-го Технического съезда и первый выпуск его «Букваря».

Летом 1897 г. Василий Порфирьевич провел свои первые учительские курсы в г. Хороле Полтавской губернии. Разрешение на эти курсы удалось получить только потому, что они были в другом округе и путем каких-то комбинаций удалось избежать сношений с Москвой. Это первое ответственное выступление перед учительством очень волновало его. «Мне захотелось проститься с тобой письменно перед отъездом в Хороль, — пишет он, — как при отъезде с квартиры неудержимо хотелось думать о моей матери... С тревогой я еду туда. Соберутся десятки, может быть, сотни людей, уже едут из разных губерний... Все они желают услышать от меня новые слова, ждут от меня чуть ли не откровений, а что я им дам?.. Я уверен, что они ждут от меня больше, чем я могу им дать. Я это вижу и из писем, и из присланных мне ответов от учителей».

И первые письма из Хороля были тоже нервны: ему казалось, что он не удовлетворяет своих слушателей, что они скучают на его лекциях. И только несколько времени спустя сердечные выражения симпатии к нему и глубокий интерес к его лекциям и беседам показали ему, как были неосновательны его опасения. Учительству он дал очень много, и это сказалось в той живой и энергичной работе, какою были захвачены все. А финал курсов, с горячими речами, с прочувствованными

¹ Он начал тогда ставить свои педагогические эксперименты по различным вопросам методики обучения, использованные им впоследствии в его статьях и книгах.

адресами и даже с искренними слезами при расставании, ясно показали, каким близким, каким «своим» человеком стал Вахтеров для учительства.

А в своем прощальном адресе учителя говорили ему о том, как они ценят его «непоколебимую веру» в дело народного образования, как им дорог его «юношеский идеализм»¹.

Таким образом, курсы дали Василию Порфирьевичу очень сильные и яркие впечатления и большое удовлетворение, очень оживили его, подняли его бодрость. После тяжелых впечатлений предшествовавшего времени — отставки, доносов, усиленного внимания охраны к каждому его шагу, краха Московского Комитета грамотности, провала дела с газетой, неудачи с тверской школой, травли реакционной прессы — эти курсы были для него ярким моментом жизни.

Умер Делянов, но на его место в правительстве прочили Саблера, ставленника и подголоска Победоносцева, а это могло грозить не чем иным, как осуществлением давнишней Победоносцевской мечты: объединить все школы в церковном ведомстве. Об этом уже давно ходили слухи, и в одном из писем еще в 1897 г. Василий Порфирьевич писал: «С разных сторон идут сообщения о новых и новых планах этой алчной партии забрать в свои грязные руки нашу бедную школу». Правда, кандидатура Саблера провалилась, министром народного просвещения был назначен Боголепов, подготовлявшийся к этому месту на своем «пробном» месте попечителя Московского учебного округа. «Радуются, что это сокровище отбило место у Саблера, который похоронил бы нашу народную школу», — писал об этом в своих воспоминаниях Бунаков². Но радоваться все же было нечему: положение просвещения не улучшилось, и гонения на него не уменьшились. В частности, общественная жизнь Москвы все более и более загонялась в тупик. Ведь именно в эти годы московскому генерал-губернатору как брату царя, и без того присвоившему себе все прерогативы настоящего сатрапа, были даны, «в изъятие из общего порядка», те «особые полномочия», которые солоно достались Москве. Административные высылки

¹ Адреса (Архив Вахтерова).

² Записки Н. Ф. Бунакова, Спб., 1909.

и аресты, закрытие просветительных и других обществ, усиление надзора за теми, которые еще не были закрыты¹, предписание следить за тем, чтобы «книжные фирмы не присваивали себе культурно-просветительных задач, а являлись бы исключительно коммерческими предприятиями»², — в этом и многом другом давали о себе знать «особые полномочия». Еще не убитые окончательно учреждения дышали на ладан. В частности, все более и более хирело Московское О-во грамотности. Напрасно в ходатайстве об изменении тех пунктов устава, которые ставили крест на публичности заседаний, члены правления старались вдолбить министру, что без этого о-во умирает. «Если теперь же не принять мер к оживлению деятельности о-ва, то все дело может заглохнуть», — писали члены Правления министру³. Но, конечно, было наивностью думать, что это обстоятельство обеспокоит министерство. Там на этот счет были свои соображения, равно как и у департамента полиции, расценивавшего самый факт недовольства уставом, который «удостоился высочайшего одобрения», как подлинное преступление, «как открытое глумление над правительственным актом»⁴. И министерство не торопилось «оживлять» умирающее общество⁵, и оно все более хирело: работа комиссий падала, пожертвования прекращались, новых членов не поступало, а старые выбывали. После внушительной цифры в 800 человек в 1895 г. к 1900 г. в о-ве осталось всего 133 члена! В конце концов всякая работа сводилась на нет и производила впечатле-

¹ В эти годы были закрыты: Моск. юридическое общество, О-во взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, сведена на нет работа Моск. учебного отдела с его комиссиями, взято под большое подозрение Моск. о-во народных развлечений и т. д.

² Секр. канц. моск. генерал-губернатора. Дело о закрытии книжного склада Муриновой, № 92 от 1897 г.

³ Отчет о деятельности Моск. О-ва грамотности за 1898 г.

⁴ Департ. полиции. Дело об императорском Вольно-экономическом о-ве, № 133 от 1898 г.

⁵ Впрочем, министр со вниманием отнесся к ходатайству о праве лиц женского пола занимать должности секретаря и казначея, каковое право было в новом уставе отменено. «Рассмотрев изъясненное ходатайство, согласно с полученным по оному отзывам Мин-ва внутр. дел и Духовного ведомства, министр не признал возможным удовлетворить таковое». Почему понадобилось в данном случае мобилизовать 3 ведомства, осталось неизвестным, но очевидно, «женский вопрос» был не в фаворе у министерств.

ние толчения воды в ступе. Продолжалось гонение на земскую школу, на земских учителей.

В деревне бесконтрольно действовали земские начальники, а земство, урезанное и обезличенное, все же продолжало состоять под подозрительным вниманием, и правая пресса уже дает ему кличку — «пропедевтичские курсы парламентаризма». 1900 год своим законом о предельности земского обложения ставит крест на начавшемся было довольно широком земском движении в пользу всеобщего обучения. Этот закон и был главным образом направлен против земской школы и народного образования вообще¹.

Рикошетом враждебное отношение к Василию Порфирьевичу отразилось и на мне. Мне не разрешили открыть в Москве школу взрослых, даже не утвердили учительницей в фабричной школе Бари, а позднее на Пречистенских курсах. Еще две попытки в том же направлении имели не лучшие результаты, Василий Порфирьевич очень волновался о том, что меня «вывели в тираж»². Но если мне в эти первые годы нашей совместной жизни было легче мириться с этим (заботы о детях, домашние дела), то для Василия Порфирьевича положение только кабинетного работника было очень тяжело. И он всячески искал выхода. Попытался он было в кампании с несколькими лицами завести книжную торговлю и мечтал о широких связях с земствами, о возможности снабжать их хорошими книгами, содейство-

¹ В зарубежном журнале «Освобождение» иронизировали на тему о том, что Сипягин, один из инициаторов закона и «регермейстер» по чину, «охотился на благородную дичь, на земскую школу» («Освобождение», № 14, 1903).

² Директор нар. училищ, тот самый, при котором В. П. Вахтеров ушел в отставку, сказал одной учительнице: «Напрасно Вахтерова воображает, что я когда-нибудь дам ей разрешение на преподавание в рабочих школах». Это уж была, очевидно, чисто личная месть бывшему инспектору Вахтерову. Впрочем Василий Порфирьевич очень скоро научил меня, как обходить это запрещение, и я негласно несколько лет работала в 10-й воскресной школе и даже один год на Пречистенских курсах. Рассматривая теперь дела департамента полиции, я узнала, впрочем, что мое изъятие было не только связано с именем Вахтерова. В делах департамента я нашла и мое личное дело, из которого узнала, что состояла под негласным надзором еще с 1897 г., причем вина моя заключалась едва ли не только в одном: «Интересуется нар. образованием и содержит школу для взрослых». (Департ. полиции. Дело Э. О. Кислинской, № 128).

вать устройству земских книжных складов и т. п. Но дело потерпело фиаско, хотя магазин был открыт на имя человека благонадежного и имел вид обычного коммерческого предприятия. Не так, однако, легко было провести начальство. Обер-полицмейстер Трепов уже через несколько месяцев по открытии магазина докладывал генерал-губернатору об этом «предприятии, открытом при помощи обмана», и просил санкции на закрытие магазина. «Обман» заключался в том, что в прошении о магазине от имени одного лица было умолчание об инициаторах и закулисных участниках дела, а в числе их оказался и Вахтеров, который, по словам Трепова, «еще в бытность свою инспектором народных училищ был замечен в постоянных сношениях с представителями некоторых революционных кружков, за вредность своего направления был уволен от занимаемой должности»¹. Магазин был, конечно, немедленно закрыт. Выходило так, как будто с именем Вахтерова нельзя было никуда соваться. Василий Порфирьевич попытался устроить что-нибудь, скрывая свое участие. Он очень мечтал о таком справочном бюро, которое могло бы взять на себя сношения с земствами по вопросам всеобщего обучения: давать справки, разъяснения, помогать в разработке школьных сетей. Наверно, такое бюро и такая работа, к которой он думал привлечь статистиков, нашла бы спрос и могла бы двинуть дело всеобщего обучения. Но, позондировав почву, он увидал, что и это дело не пройдет, что такое бюро ни в каком случае разрешено не будет. Хотелось ему еще раз попытаться добиться разрешения дешевой народной газеты и быть в ней негласным редактором. Помню его интересный план сделать такую газету и общедоступной, и распространенной, и наполненной первосортным материалом. Мысль была такая: газета издается в центре, и в ней участвуют лучшие силы; статьи пишутся как специально для газеты, так и перепечатываются из столичных органов; в провинции, в губернских и уездных городах газета в основной своей части перепечатывается и везде дополняется местным материалом,—это обеспечивает ей и живое слово лучших научных, общественных и литературных

¹ Секретная канц. моск. генерал-губернатора. Дело о книжном магазине Тулупова, № 275.

сил, и злободневность, и местный колорит, и большую дешевизну, так как основные статьи только перепечатываются. Конечно, на первом плане стояла простота изложения, популярность, доступность¹, и, конечно, мечта-лось, что такая газета проникнет в самые глухие уголки. Очень увлекался В. П. Вахтеров этим проектом, со всеми делился им, и О. В. Кайданова вспоминает, как однажды, провожая ее на извозчике на Курский вокзал, он всю дорогу с увлечением развивал ей этот план. Но, как и следовало ожидать, такую газету не разрешили уже из-за одного того, что она должна была быть дешевой, хотя имени Вахтерова с ней и не связывалось: просто не ко времени была такая затея.

В эти годы В. П. Вахтеров получал очень много приглашений от земств на учительские курсы. Проведенные им в 1897 и 1898 гг. такие курсы в Хороле, Лубнах и Сураже уже создали ему среди учительства репутацию талантливого лектора, да и вообще его имя как автора многих педагогических работ было уже достаточно популярно. Но выходило обыкновенно так, что курсы ему не разрешали. Он не мирился с этим, так как дело это было ему очень дорого, он хлопотал, ездил в Петербург, добивался аудиенции у тех, от кого это зависело, справлялся в департаменте полиции, пытаясь выяснить причины этого постоянного неутверждения. В департаменте полиции ему сказали, что у них есть о нем «дело» и что оно довольно солидных размеров². О том, что за ним сле-

¹ Предполагалось даже, что иные из статей научного или общественного содержания мы будем «переводить» с ученого языка на общедоступный. Газетный язык наш во все времена страдал избытком иностранщины, многословием, условностями, шаблонами стиля и иногда представлял неодолимые трудности для понимания. И такой «перевод» его на простой язык казался необходимым.

² Теперь, работая в Архиве революции над материалами так называемой «Внутренней полиции», я вижу, что таких «дел» о Вахтерове было не одно, а несколько: и по департаменту полиции, и по московской охранке, и по канцелярии (секр.) моск. генерал-губернатора. А так как некоторые моменты все же как бы выпадают, то возможно, что были и еще дела затерявшиеся. Кроме того, нет дел по Смоленской губернии, когда, как я знаю, Василий Порфирьевич тоже был «на примете». В одной из бумаг есть запрос — дать справку о делах, в которых упоминается имя Вахтерова. И эта справка дает такие цифры: по 3-му департаменту полиции 14 дел, по 4-му — 2, по Особому отделу — 65. И это только до 1898 г.: в следующие годы присоединяются новые номера. К сожалению, так как в этих справках нет названных дел, разыскать их мне не удалось.

дили, мы, конечно, знали. Какие-то подозрительные субъекты дежурили в нашем переулке, на углу переулкa обычно стоял извозчик и всегда, когда Василий Порфирьевич шел пешком, извозчик плелся за ним; подозрительно внимателен был и дворник нашего дома, а корреспонденция наша всегда запаздывала и нередко носила слишком явные следы чьей-то любознательности. И вот В. П. Вахтеров задумал использовать это последнее обстоятельство. Однажды он уехал в Петербург хлопотать о курсах, которые уже стали не разрешать целыми пачками, и я получила от него оттуда очень странное письмо. Он мне писал, что хочет советоваться о своем деле с известными юристами, что он ни в коем случае не оставит невыясненным это постоянное неразрешение ему курсов, что он будет «судиться» и, что особенно поразило меня, что он доведет это дело «до царя через известную приближенную особу». Помню, что я была крайне удивлена этим письмом и этой дикой фантазией «доходить до царя». Приехав из Петербурга, Василий Порфирьевич первым делом спросил меня, получила ли я его письмо. И на мой удивленный вопрос, зачем он писал это, он объяснил, что «хотел их поугагать»: пусть, мол, прочтут это письмо, раз читают все письма, и пусть узнают, что он будет бороться. Я, конечно, совершенно забыла бы этот эпизод, если бы не нашла копии этого письма в деле департамента полиции. Очевидно, первый расчет В. П. Вахтерова оказался правильным: письмо было перлюстрировано, и копия с него, как значится в приписке, была послана министру внутренних дел Горемыкину, причем «его превосходительство приказать изволили иметь это письмо в виду»¹. Не оправдался только другой расчет Василия Порфирьевича — и, конечно, большой наивностью с его стороны было думать это, — письмо никого не испугало, и неутверждения не прекратились. Не прекратилось и внимание охранки к его особе, и надзор за ним не ослаблялся. Но только теперь, перечитывая материалы по «делам» Вахтерова, я в полной мере выяснила себе степень этого «внимания». Материалы эти производят впечатление настоящей облавы. После закрытия книжного магазина Тулупова московский генерал-губернатор, прочтя атте-

¹ Департ. полиции. Дело Вахтерова, № 11097, ч. 1.

стацию, данную Вахтерову Треповым, заинтересовался им и потребовал от Трепова подробных сведений о деятельности Вахтерова за последние 5 лет. «Признавая деятельность Вахтерова существенно вредной,— писал великий князь,— я нахожу желательным положить предел его дальнейшему вмешательству в дело народного образования в антиправительственном смысле»¹. И он предлагает московскому обер-полицмейстеру представить свои соображения на тему о том, какими «наиболее действительными способами можно было бы положить предел его дальнейшему вредному влиянию». Трепов отнесся к «высокому» предложению с полным вниманием и составил обстоятельный рапорт о Вахтерове на 7 страницах убористого письма. Бумага эта очень интересна. В ней и указание на то, что Вахтеров «всегда находился в теснейшей связи и прямых отношениях с лицами, известными своей политической неблагонадежностью», и на то, что он дает многим злокозненные советы, как в их просветительной деятельности можно «обходить губернаторов» (надо сказать правду, он умел это делать!— Э. В.), и на то, что его посещают лица, состоящие под гласным надзором, и что он «считается ими хорошим человеком, с которым можно поговорить запросто». «Репутацией хорошего человека,—с иронией говорит Трепов,— Вахтеров пользуется далеко за пределами столиц, и адрес его был, например, отобран наряду с шифрованными записками в Минске у с.-д. Румянцева. Революционеры имеют полное основание держаться хорошего мнения о Вахтерове...— он для них был доброжелателем и покровителем, на их происки смотрел сквозь пальцы». И Трепов перечисляет ряд тех неблагонадежных лиц, которые при инспекторстве Вахтерова состояли преподавателями московских воскресных школ. Перечисляются и другие провинности Вахтерова, «уволенного за неблагонадежность из инспекторов»: и поднесение ему адресов от «радикальной части интеллигенции», и обед, данный в честь его той же интеллигенцией, и его речь на чьем-то юбилее, где он «призывал к дружной борьбе с препятствиями, выдвигаемыми, будто бы, бюрократией в деле просвещения народных масс». Перечень преступлений еще не кончен. «Пристроившись в качестве

¹ Моск. охран. отд. Дело Вахтерова, № 272 от 1898 г.

редактора к издательской фирме купца Сытина,— продолжает Трепов,— Вахтеров начал способствовать тому, что она специализировалась на распространении народной литературы преимущественно тенденциозного содержания. Когда названная фирма приобрела газету «Русское слово», Вахтеров, прикрываясь фиктивным редакторством врача Благова, путем личного фактического участия в этом издании и при участии и сотрудничестве Рубакина и Сахарова¹ начал постепенно преобразовывать его из консервативного органа в либерально-народнический, который все более и более приобретает читателей среди рабочего класса»². «Как член правления Московского О-ва грамотности,— читаем в той же бумаге Трепова,— Вахтеров постоянно выступает сторонником всякого оппозиционного предположения и проводником тенденций бывшего Комитета грамотности, вызвавшим передачу последнего в Министерство просвещения. Состоя членом комиссии по техническому образованию при Московском отделении Русского технического О-ва, Вахтеров постоянно является инициатором и защитником предприятий комиссии, которыми пользуются для своих целей революционеры (в пример приводится организация Пречистенских классов для рабочих). Говорится в бумаге и об открытии вышеупомянутого книжного магазина, «который должен был явиться новым сильным орудием антиправительственной пропаганды». «Помимо всего этого, для осуществления своих радикальных идей Вахтеров постоянно является деятелем в ряде других просветительных учреждений» — такой итог подводит общественной деятельности Вахтерова автор бумаги. Он (автор бумаги) делает такое заключение: «Из всего вышесказанного,— пишет он,— усматривается, что революционные связи Вахтерова не имеют случайного характера, а находятся в полном соот-

¹ И. Н. Сахаров имел в охранном отделении чудесную характеристику, от которой не отказался бы и сам: «постоянный адвокат стачечников» — называет его охранка. (То же дело Вахтерова, № 272).

² Это несомненное преувеличение: В. П. Вахтеров совсем не был так близок с редакцией «Русского слова» и только изредка помещал в нем свои статьи. Впрочем, в одном из писем Василия Порфирьевича к В. А. Гольцеву (см. Архив Гольцева) я нашла указание, что намерение подойти к редакционному делу несколько ближе одно время было у него, но оно не осуществилось.

ветствии с его основными убеждениями и многолетней антиправительственной деятельностью. Представляя из себя личность вполне определенного склада, окончательно установившуюся и крайне энергичную, он, в какой бы роли не выступал, будет лично или через своих сотрудников оказывать самое вредное влияние на течение дел в общественных и частных предприятиях». «Пагубность этого влияния,— меланхолически замечает автор донесения,— усугубляется еще тем, что антиправительственную деятельность лиц этой категории своевременно заметить, констатировать и устранить обычными способами не всегда представляется возможным». И отвечая на вопрос великого князя, как же «обезвредить» Вахтерова, он заключает свою бумагу определенным предложением: «Чтобы положить предел вмешательству Вахтерова в дело народного образования, необходимо поставить его в такие условия, при которых он был бы вообще лишен возможности принимать участие в каких-либо учреждениях и предприятиях, имеющих просветительные задачи. Единственно действительным в этом отношении мероприятием может быть только подчинение Вахтерова на более или менее продолжительный срок гласному надзору полиции вне столиц, столичных, губернских и университетских городов, так как лица, состоящие под таким надзором, не имеют права занимать общественные должности»¹. Совершенно ясно, что наличие такой аттестации (о которой мы в то время, конечно, не могли знать) ставила перед В. П. Вахтеровым почти непреодолимые препятствия для какой-либо общественной работы, и отсюда объяснение провалов всех его начинаний вроде справочного бюро, магазина, газеты, курсов. Итак, после кипучей деятельности последних лет наступило для Василия Порфирьевича большое затишье. Пришлось поневоле замкнуться в кабинете. И это тем более, что, как я и упоминала выше, бывали случаи, что ему намекали на опасность для той или другой организации его участие в ней: как бы не повредило его имя в глазах начальства. Он стал уклоняться и от участия в обществах. Осталась редакционная работа в издательстве Сытина, журнальная работа и продолжа-

¹ Моск. охран. отд. Дело Вахтерова, № 272 от 1894 г. Бумага Трепова.

лась работа над учебниками: в это время В. П. Вахтеров уже поставил себе задачу создать для школы полный цикл школьных книг от букваря и до последнего года обучения. Мы начали работать над первой книгой «Мир в рассказах для детей», и первое ее издание в 1900 г. носило вместо имени авторов только наши инициалы В. Э. В., — криминальная фамилия Вахтерова могла бы помешать их появлению на свет. В это же время В. П. Вахтеров печатал в «Русской мысли» большую статью «Нравственное воспитание и начальная школа», изданную отдельной книжкой в том же 1900 г.¹ Оставалось еще одно дело, дававшее ему большое удовлетворение и связывавшее его с тем миром детей и учителей, разлука с которым, после его отставки, была ему особенно тяжела. Это фабричная школа при Тверской морозовской мануфактуре, куда он был приглашен еще в 1897 г. Школа тогда еще состояла в ведении Министерства народного просвещения, и, следовательно, «начальство» Василия Порфирьевича оставалось прежнее. И отсюда преследование его, придирки к нему, неразрешение ему давать уроки в этой школе и вообще всякие неприятности. Однако в 1899 г. В. П. Вахтерову удалось перевести эту школу в более либеральное ведомство в Министерство финансов, гораздо более благоприятно относившееся к педагогической работе и имевшее свои школы. Министром финансов был в это время Витте; свою репутацию относительной «левизны» он всячески поддерживал и, конечно, приветствовал перевод в свое ведомство школы реакционного министерства. Школа же от этого перехода очень выиграла, тем более что программа ее была составлена педагогическим советом самостоятельно и была гораздо шире прежней. Выиграл и В. П. Вахтеров, получив свободу действий в этой огромной школе с 1500 учащимися. Еще раньше этого перехода он начал ставить в школе свои педагогические опыты и тогда так писал мне: «Хочу применить к делу обучения тот же экспериментальный метод исследования, который дал такие блестящие результаты в естествоведении. Чем больше думаю об этом, тем больше воодушевляюсь. Ты представь себе только: методика и точный метод ис-

¹ О книгах и учебниках см. главу «Литературно-педагогическая деятельность».

следования! Есть чем воодушевиться». Одно время и эти опыты, и самое пребывание в школе Василия Порфирьевича были под большим сомнением, а теперь, с переводом школы в новое ведомство, все тревоги улеглись и он мог заняться своей работой без помех и очень увлекся ею. В Тверь он ездил из Москвы два раза в месяц, проводил там по 2, по 3 дня, занимался в школе, давал уроки, ставил свои опыты, а вечером вел собрания и беседы с учителями. Возвращаясь из Твери, он привозил целые груды ученических тетрадок и целые вечера проводил над подсчетом тех цифровых данных, на которых потом строил свои выводы по вопросам методики обучения. В той же школе он путем опросов, анкет и наблюдений изучал вкусы и интересы детей, изучал их чтение и, производя эти наблюдения из года в год и увлекшись этой работой иных из учителей, использовал этот материал впоследствии для своих лекций, статей и книг. В детской же школе он, давая уроки, проверял между прочим те свои естественноисторические статьи, которые начал составлять для школьных книг. Учительский персонал Тверской школы в это время был очень хорош: было много опытных, идейных учащихся, большинство учительниц были с высшим образованием. Многие из них заинтересовались работой нового инспектора и помогали ему как в добывании материалов, так и в разработке их. Но были и недовольные, находившие, что все эти опыты и опросы нарушают школьный порядок, мешают спокойной работе и вообще ни на что не нужны. «То ли дело было при прежнем инспекторе», — говорили они, но таких было немного.

Интересно отметить, что, как для меня это выяснилось теперь, Тверская школа спасла В. П. Вахтерова от той меры «изъятия» его из обращения, которую настойчиво рекомендовал Трепов, т. е. от высылки его из Москвы с отдачей под гласный надзор полиции. В найденных мной бумагах тайной канцелярии московского генерал-губернатора оказалась переписка по поводу этой предполагавшейся меры «пресечения»¹. Трепов продолжал «почтительнейше» настаивать на ней, «принимая во внимание» нетерпимость Вахтерова на государ-

¹ Секретная канцелярия моск. генерал-губернатора. Дело о книжном магазине Тулупова, № 275.

ственной службе, при всем совершенстве ее организации» (!!— Э. В.). И он очень опасается, что «несовершенство» организации частных обществ, наоборот, даст слишком много удобств для происков таких неисправимых в своей неблагонадежности лиц, как названный Вахтеров, удаленный с государственной службы»¹. И вот завязывается переписка между великим князем и министром внутренних дел. Великий князь пишет Горемыкину все о том же Вахтерове, который, по его словам, «уже неоднократно обращал на себя мое внимание («МОЕ» крупными буквами.— Э. В.) нелегальной деятельностью по народному образованию». Упоминая о вышеприведенном рапорте Трепова, генерал-губернатор находит, что из этого донесения «ясно видно, насколько Вахтеров систематически ведет свою деятельность в одном ярко определенном направлении и насколько вместе с тем он завоевал себе сочувствие среди антиправительственных элементов»². И он находит вполне целесообразной предлагаемую Треповым меру, выражая надежду, что она «может оказать отрезвляющее влияние на лиц, ему (т. е. Вахтерову.— Э. В.) единомышленных». Министр внутренних дел отвечает великому князю, что «хотя названный Вахтеров по усвоенному им направлению и представляется лицом, возбуждающим весьма основательные сомнения в его политической благонадежности», он, однако, затрудняется в виду отсутствия состава государственного преступления применить к нему предлагаемую меру. Но, «находя, тем не менее, в виду проявленного Вахтеровым вредного направления, дальнейшее оставление его в Москве нежелательным, он предлагает другую меру, осуществить которую, очевидно, должен был сам генерал-губернатор: «На основании ст. 1 и 16 об охране воспретить Вахтерову жить в Москве и Московской губернии в течение трех лет»³. Казалось бы, следовало ожидать, что эта высылка и произойдет немедленно к обоюдному удовольствию обоих корреспондентов. Однако она не состоялась вовсе. Разгадка этому в другой бумаге, в которой генерал-губернатор уведомляет министра внутренних дел, что

¹ Секретная канцелярия моск. генерал-губернатора. Дело о книжном магазине Тулупова, № 275.

² Там же.

³ Там же.

Вахтеров выехал из Москвы в Тверь и распоряжение о его высылке приостановлено, «ибо он по Москве и Московской губ. педагогическую деятельность свою уже не проявляет»¹. Я лично не могу вспомнить этого момента и в первый раз из этих бумаг узнала о предстоявшей нам высылке. Знаю только, что в Твери мы никогда не жили и никаких сборов к переезду туда у нас не было. Василий Порфирьевич тоже один никогда не жил в Твери, но очень возможно, что он придумал этот довольно-таки рискованный ход фиктивного переезда в Тверь, как вообще умел выдумывать и для других удачные выходы из затруднительных положений. Но почему я не помню, или вернее, действительно не знала об этом маневре? Мне объяснила это дата бумаги. Как раз в конце 1899 г. я ждала рождения ребенка и, очевидно, Василий Порфирьевич, оберегая меня от волнений, скрыл от меня эту предполагавшуюся высылку². А потом не было поводов вспоминать об этом, потому что жизнь в достаточной мере дарила нас и другими аналогичными затруднениями. Как бы то ни было, но В. П. Вахтеров, очевидно, заявил о своем переезде в Тверь. Поверить такому переезду было, конечно, нетрудно, потому что служба его в Торговой школе при фабрике Морозовой была именно в Твери; очень вероятно, что при приездах туда он прописывался там (хотя при краткости его там пребывания в этом не было необходимости), возможно, что один какой-нибудь свой приезд он умышленно продлил и таким образом «провел» начальство. Однако, когда эта бумага генерал-губернатора дошла до министра внутренних дел (им был уже не Горемыкин), то, очевидно, в министерстве явилось какое-то сомнение по поводу этого переезда в Тверь: на бумаге стоит большой вопросительный знак, изображенный красным карандашом. Запрашивается тверской губер-

¹ Секретная канцелярия моск. генерал-губернатора. Дело о книжном магазине Тулупова, № 275.

² Сам же В. П. Вахтеров об этой предполагавшейся высылке, несомненно, знал, что видно и из слов генерал-губернаторского письма к министру. «...Вахтеров, узнав каким-то путем о грозящей ему административной мере, заявил председателю Моск. о-ва грамотности о выходе из членов правления и об отъезде из Москвы» — это в справке в деле Вахтерова за № 1097, ч. I, по департаменту полиции.

натор, и он дает ответ в департамент полиции, что Вахтеров не живет в Твери. Немедленно это известие передается в канцелярию великого князя: Вахтеров в Твери не живет. А затем дело неожиданно обрывается: может быть, Василий Порфирьевич придумал какой-нибудь новый маневр, может быть, именно тогда он и прописывался в Твери и прожил там с неделю и опять, таким образом, спутал карты, может быть, просто начальство отвлеклось каким-нибудь более серьезным делом, только после этой бумаги в деле уже нет никаких сведений о ходе розысков. И очень опасный момент, таким образом, каким-то чудом прошел безнаказанно¹, и В. П. Вахтеров продолжал жить в Москве. Теперь, после знакомства с содержанием вышецитированных бумаг, этот факт кажется мне настоящим чудом.

Этим своим умением находить ходы и выходы, когда они, казалось, были безнадежно запутаны, В. П. Вахтеров пользовался и в другом деле, в деле учительских курсов. На многое множество присылавшихся ему приглашений на курсы, если запрос о нем шел на имя моск. обер-полицмейстера, устроителям обыкновенно посылался один и тот же стереотипный ответ: «Ввиду находящихся в департаменте полиции неблагоприятных сведений о Вахтерове, а равно и о жене его, Э. О. Кислинской, (казалось бы, жена была тут ни при чем, потому что ее не приглашали на курсы), настоящее отношение препровождается на усмотрение департамента полиции»².

¹ Разбирая Архив В. П. Вахтерова, я нашла бумагу от управляющего учебным отделом Министерства финансов от ноября 1903 г., т. е. через 4 года после всей этой переписки. Управляющий учебным отделом только теперь узнал, что Вахтеров не живет в Твери. «Признавая совершенно недопустимым,— пишет он,— чтобы начальник учебного заведения, как лицо ответственное за порядок вверенных ему учреждений, не находился постоянно на месте своего служения, честь имею покорнейше просить вас М. Г. жить в городе Твери и о всякой отлучке с места службы предварительно испрашивать разрешение Учебного отдела с указанием, кому вы предполагаете передать исполнение своих обязанностей». Очевидно, до этого времени начальство тоже было уверено, что Вахтеров живет в Твери. Интересно, что эта бумага пришла как раз в тот день, когда тверская работа В. П. Вахтерова закончилась: он в этот вечер был арестован.

² В качестве не жены, а незаконной сожительницы я долго именовалась моей девичьей фамилией, потом меня все же и в департаменте переименовали в Вахтерову. (Дело Вахтерова, № 242).

А департамент полиции отвечал устроителям очень лаконично: «Утвержден быть не может»¹. Но с момента перехода Тверской школы в ведение Министерства финансов Василий Порфирьевич давал совет наводить справки о нем не через Москву, а через Министерство финансов, минуя опасную инстанцию, и, кажется, этот способ имел успех, потому что некоторые курсы были ему все же разрешены (Лубны, Сураж, Курск). Правда, и то, что курсы эти были то в Киевском, то в Одесском округе, а это, очевидно, тоже играло какую-то роль, потому что приглашения в это же время на курсы в Московском округе всегда терпели фиаско. Как бы то ни было, в это трудное для Василия Порфирьевича время его невольного устранения от общественной деятельности, учительские курсы были для него тем делом, которое давало ему возможность влиять на людей, объединять и таким образом служить любимому делу. Курсы обычно проходили успешно, слушатели съезжались на них и из других губерний, некоторые прямо «кочевали» за Вахтеровым с одних курсов на другие, отношения с аудиторией налаживались всегда наилучшие, и воспоминания участников, их письма, адреса, ими подносившиеся, ярко рисуют ту атмосферу умственного возбуждения и душевной близости, которые так умел создавать вокруг себя Василий Порфирьевич². Завязывались тесные дружеские связи, которые длились много лет. Вахтеров для учительства делался все более и более своим человеком, простым и близким.

Итак, курсы в общем проходили очень удачно и с большим подъемом. Конечно, бывала на них и слезка, о чем свидетельствуют находящиеся в делах о Вахтерове материалы: «совершенно негласное наблюдение» предлагает департамент полиции установить за деятельностью Вахтерова по руководству курсов в г. Дубнах, адресуясь к местной жандармской власти³. Не обходилось и без доносов на тему о том, например, что на курсах Вахтеров много говорит «о козявках и инфузориях, но не упоминает ни о боге, ни о царе». Да иногда синодский журнал, который с большим недружелюбием сле-

¹ Дело Вахтерова № 242, и в других делах о нем.

² В Архиве Вахтерова есть много таких адресов и учительских писем.

³ Департ. полиции. Дело о Вахтерове, № 1097, ч. 1, стр. 7.

дил за деятельностью Вахтерова (противник церковных школ!), нет-нет да и тиснет доносительную статью о его, Вахтерова, «нерусских мыслях», о том, что у него «о религии и слове божием и помину нет»¹.

Как бы то ни было, учительские курсы разрешались В. П. Вахтерову только редко и случайно². И он придумал другой выход из положения: он стал выступать с отдельными лекциями на педагогические темы: такие лекции разрешались гораздо легче, и Василий Порфирьевич прочел их не малое количество в разных городах, по преимуществу на юге России³. А так как слушателями этих лекций, благодаря их педагогическим темам, были в большом количестве учителя, то этим он как бы вознаграждал себя за вынужденное разобщение с учительским миром. Правда, и тут надзор был неослабным, и нередко или текст лекции, или конспект ее подвергался цензуре попечителя округа, но в устном изложении всегда можно было обойти эти запрещения, всегда можно было включить в качестве импровизации и ту или иную желательную мысль, цитату, многоговорящую цифру⁴, а кроме того, и это самое главное, официальная лекция обыкновенно сопровождалась частными беседами в кружках, а иногда даже и выездами за город в какую-нибудь начальную школу, куда собирались учителя и где В. П. Вахтеров говорил уже совершенно свободно на разнообразные темы. Особенно часто в таких выступлениях касался он вопроса учительского объединения, и нередко педагогическая беседа переходила в

¹ «Народное образование», 1898, февраль.

² Всего В. П. удалось провести курсы в городах Хороле, Лубнах, Сураже, Курске (два раза), Екатеринославе (два раза) и Калуге. Приглашения же он получал из городов: Саратова, Елабуги, Херсона, Баку, Сарапула, Новгорода, Костромы, Оренбурга, Харбина, Александрии, Омска, Камышлова, Новочеркаска, Новороссийска, Ростова-на-Дону и др.; некоторые приглашения по два раза (Архив Вахтерова).

³ Эти города — Армавир, Ставрополь-Кавказский, Симферополь, Керчь, Севастополь, а также Минск и др.

⁴ В одну из таких тщательно проштудированных попечителем лекций В. П. Вахтеров при произнесении ее вставил совершенно не предусмотренную начальством фразу о свободе слова, сопроводив ее чудесными стихами Аксакова: «Ты чудо из божьих чудес...» Получился конфуз, какой-то присутствовавший на лекции чин собирался что-то «пресечь», но ему объяснили, что Аксаков — славянофил, а не революционер, и он успокоился.

политическую. Но и чисто педагогические темы давали учительству не мало. Василию Порфирьевичу иногда говорили, что он разменивается на мелочи, читая эти отдельные лекции, тратя столько времени на разъезды, отрываясь от планомерной работы. Говорили это те люди, которые не знали обстановки этих лекций, не знали о том возбуждении, которое они вносили в учительскую среду. А В. П. Вахтеров отчасти из скромности, отчасти из осторожности, чтобы не лишиться и этого дела, мало распространялся об этом. Но вот учительское письмо из Армавира, где им была прочтена такая одиночная лекция. Лектор уехал, а учителя, собравшись, обмениваются впечатлениями: «Сколько горячих споров, сколько новых вопросов,— пишет ему учитель,— мы беседовали об отдельных пунктах вашей лекции: как в наших школах провести наглядность, как мы должны давать пищу детскому воображению, в форме каких занятий может проявиться детское творчество. Мысль вашей лекции, что юность — это время пробуждения всех лучших сторон человеческой натуры, заставила нас задуматься над вопросом, как можем мы воспользоваться этим периодом в жизни наших учеников, как нужно поставить для этого чтение книг в библиотеке и т. д. Ваш урок, который очаровал всех, но многих привел в недоумение, мы старались рассмотреть со стороны ходячих рутинных, хотя и проникнутых благими намерениями, теорий, но владеющих мертвыми средствами. Получалось у нас много натяжек. Но из затруднения нас вывели дети. Они явились к учителю и стали просить его, чтобы он сейчас занимался с ними, чтобы он ответил на их вопросы, которые мучают их теперь: о солнце, о земле, о воздухе. Да, мы поняли тогда, что при сократическом методе урок заканчивают сами ученики, что закругленный учителем урок не возбуждает в детях любознательности»¹.

Вот красноречивое доказательство, что и такие случайные наезды В. П. Вахтерова имели, однако, результаты, оживляя учительство². Так шла жизнь В. П. Вахтерова за годы 1898—1902: Тверская школа, где он с увлечением ставил свои педагогические опыты, изредка

¹ Письмо из Армавира (Архив Вахтерова).

² В Архиве Вахтерова есть описание этих лекц. поездок Вахтерова по глухим уголкам Кавказа и влияния на учительство его бесед (см. «Воспоминания Малиновского»).

учительские курсы, публичные лекции с сопровождавшими их частными беседами с учителями и усидчивая литературная работа дома: разработка тверских материалов, учебники, педагогические статьи.

В декабре 1902 г. в Москве состоялся первый Всероссийский съезд в учительском мире, ибо это было, собственно говоря, почти первым шагом к тому учительскому объединению, которое в 1905 г. завершилось созданием Всероссийского Учительского союза. Правда, и Нижегородская выставка 1896 г. тоже была началом такого объединения, и даже первые нелегальные ячейки будущего союза зародились уже тогда, но этот съезд 1902 г., с его представителями от 70 обществ взаимопомощи, т. е. от подавляющего большинства существовавших тогда в России организаций такого рода, с его 300 делегатами, в смысле объединения учительства сыграл очень крупную роль. И это несмотря на то, что он был обставлен жесткими ограничениями, что его регламент был поистине драконовским, что на нем была целая свора наблюдателей (директор народных училищ и 5 инспекторов Москвы), что на нем присутствовала целая армия сыщиков с определенными полномочиями доносить обо всем. По регламенту права наблюдателей были огромны: председатель, по требованию наблюдателя, обязан был остановить оратора, лишить его права продолжать речь, наблюдатель мог запретить обсуждение тех или иных вопросов и, входя в состав Распорядительного комитета, мог устранить и самый доклад¹. Попечитель округа, в свою очередь, мог не утвердить избранное общим собранием, но неприемлемое, с попечительской точки зрения, должностное лицо из членов съезда², мог своей властью исключить члена Распорядительного комитета, мог, всецело держа в своих руках весь съезд, каждую минуту закрыть его.

Интересно познакомиться с закулисной стороной этого съезда на основании материалов московского охранного

¹ Так были запрещены, например, доклады учителей-евреев, преподавателей еврейских школ: из некоторых докладов исключались иные тезисы, а в прениях даже указание на недостаточность казенных ассигновок на народное образование уже приводили в ужас наблюдателей.

² Из 32 человек, избранных съездом в должностные лица, попечитель утвердил только 22.

отделения. Дело об этом съезде весьма внушительное, заключающее в себе 660 листов, начинается печатным списком делегатов, причем многие фамилии подчеркнуты красным карандашом. И, как непосредственный результат этого подчеркнутого списка, здесь же бумага из канцелярии московского генерал-губернатора в канцелярию московского обер-полицмейстера о том, что «некоторые лица, указанные в списках обществ, возбуждают опасение за их направление»¹ (в числе их, конечно, и Вахтеров), и высказывается опасение, как бы они не были избраны в должностные лица съезда. Далее, по требованию московского генерал-губернатора, московская охранка дает и соответственные характеристики этим сомнительным лицам, причем о Вахтерове повторяется буквально то, что уже было сказано в вышецитированной бумаге Трепова, т. е. что он «издавна известен своей неблагонадежностью, ведет знакомство с лицами, состоящими под надзором полиции», и т. д.² Подготовка местного начальства к съезду выразилась еще в приказании «выяснить негласно и доносить о собраниях съезда», вообще «иметь наблюдение» и найти «правительственного стенографа в виду возможности возбуждающих к беспорядку тенденциозных речей и попыток виновных в этих деяниях отказываться от своих слов»³. Стенографа, однако, почему-то не нашли, и в деле находится только безграмотные и нелепые записи шпииков, до того нелепые, что в иных положительно нет ни малейшего смысла. Кто-то, однако, несколько более грамотный, из этих записей составлял рапорты и донесения великому князю, который, таким образом, был в курсе дела. Однако эти шпионы, если и до смешного безграмотные, исполняли свои обязанности добросовестно, усердно записывая не только речи на съезде, отмечая не только «сарказм неблагонадежного элемента слушателей при полной легальности речи наблюдателя, директора Новицкого», не только «улыбку председателя» на какое-то острое словцо оратора, но даже и частные разговоры, «как на заседаниях, так и в бу-

¹ Моск. охран. отд. Дело о съезде обществ взаимопомощи учащихся, № 1304 от 1902—1903 гг.

² О Вахтеровой дана в очень категорической форме такая характеристика: «Вполне разделяет взгляды и убеждения своего мужа» (то же дело).

³ То же дело.

фете» (А мы-то, наскоро закусывая в буфете, и не подозревали, что и тут были соглядатаи!). «Кто-то, спускаясь с лестницы, сказал, что они хотят устроить республику», — записывает усердный шпион. Под таким перекрестным, хотя и незаметным для участников наблюдением начался этот съезд, такой многолюдный, что самые большие аудитории Москвы едва могли вместить ломившуюся на него публику.

Участие В. П. Вахтерова на этом съезде, в силу уже цитированных мест регламента, было очень затруднительно. В качестве приглашенного сведущего лица, в качестве члена Распорядительного комитета он не мог пройти в силу права попечителя накладывать свое veto на негодных ему лиц. В организованной комиссии по съезду В. П. Вахтеров все же работал, но, конечно, негласно, а на самый съезд прошел и меня провел в качестве делегатов Лубенского учительского о-ва взаимопомощи, где он в 1898 г. вел курсы и где у нас было много друзей¹. На самом съезде он не делал докладов, и только два-три раза отмечены в трудах съезда его отдельные выступления. Первый раз это была речь, которую он сказал после моего доклада «Умственные запросы учителя и их удовлетворение». В Распорядительном комитете, через который проходили доклады, наблюдатель Новицкий (тот самый директор народных училищ, при котором В. П. Вахтеров ушел со службы) очень придрался к моему докладу, требовал его сокращения в резких местах и исключил из него один тезис (о жалкой учёбе учительских семинарий). Однако, читая доклад, я все же прочла инкриминируемое место, а В. П. Вахтеров подлил масла в огонь, выступив непосредственно после этого доклада с горячей речью об учителе, душе школы, который должен готовить ученика не к официальному экзамену, а к «экзамену жизни». «Перефразируя известное изречение, сказанное по другому поводу, я скажу, — закончил он свою речь, — что только «глупые головы и подлые люди» могут бояться образованного учителя...» «Речь Вахтерова, —

¹ Это «фиктивное» делегатство тоже было своего рода дипломатическим «ходом» со стороны Василия Порфирьевича: если бы Вахтеров прошел от Москвы, генерал-губернатор мог бы вспомнить свою переписку о нем и опять мог бы придумывать меры его «обезвреживания». Но в качестве делегата от далекого уезда Полтавской губернии он был ему не интересен и не подвластен.

читаем в трудах съезда, — была покрыта дружным взрывом долго не смолкавших рукоплесканий всего собрания»¹. Директор Новицкий был взбешен и сказал кому-то: «Я знал, что, где Вахтеров, там и скандал. Он и жену-то себе взял подстать: два сапога пара». Василий Порфирьевич весело смеялся, передавая мне эту аттестацию.

Фраза В. П. Вахтерова о «глупых головах» произвела на негласных наблюдателей большое впечатление. В целом ряде записок шпионов такие отметки: «Вахтеров о гнилых головах», «Вахтеров — гнилые головы»².

Другое выступление Василия Порфирьевича было связано с так называемой «правовой подкомиссией». Подкомиссия эта образовалась в процессе работы съезда, правилами съезда она, конечно, не была предусмотрена и, именно благодаря этому, она была и самой боевой, и самой радикальной. Об участии Василия Порфирьевича в этой подкомиссии вспоминает М. И. Обухов, ее член и секретарь. «Гвоздем съезда, — пишет он, — была правовая секция, которая поставила себе целью выявить не только бесправие учителя того времени, но и вскрыть все болячки общественной жизни народа. В. П. Вахтеров прежде всего поспешил войти в эту комиссию и, как старый работник и знаток положения учителя, проявил себя здесь защитником учительства, освещая его тяжелое положение яркими красками. Мне, как секретарю этой комиссии, ясно вспоминается, с каким жаром выступал он на ее заседаниях, приводя факт за фактом»³. Эта комиссия вынесла на общее собрание секции свой доклад и свои 32 тезиса. «Мертвая тишина царила в переполненной аудитории, когда читался этот доклад, — говорят в своей книге о съезде Тулупов и Шестаков, — единодушные и долго не смолкавшие рукоплескания и крики «браво» раздались, как только Сахаров кончил чтение»⁴.

¹ Труды Первого Всерос. съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, М., 1907, стр. 618.

² Почему «гнилые» головы, когда в деле рядом пришта вырезка из газеты с речью В. П. Вахтерова и с его цитатой о «глупых головах»?

³ Обухов М. И., Воспоминания о В. П. Вахтерове. Рукопись (Архив Вахтерова).

⁴ Тулупов и Шестаков, Первый Всероссийский съезд учит. обществ взаимопомощи, М., 1904 г. (Книга, уничтоженная цензурой.) (См. Н. Тулупов, Первый Всероссийский съезд представителей общества вспомоществования лицам учительского звания, М. — Л., 1930, стр. 36).

Присутствовавшая многолюдная публика могла видеть, как «наблюдатель» взволнованно что-то шептал председателю Мазингу, чего-то требовал от него. Все понимали напряженность момента: ведь доклад говорил громко и ясно о том, что бесправие учителей «земских, городских и общественных учреждений стоит в такой прямой зависимости от прав самих этих учреждений, что не представляется возможности рассматривать права учителей, не рассматривая попутно и права этих учреждений». А такое «рассмотрение», естественно, никоим образом не входило в расчеты тех, кто разрешал съезд. Отсюда волнение наблюдателя, отсюда внезапно прерванное заседание, переговоры в Распорядительном комитете, а затем, на возобновившемся заседании, вынужденное заявление председателя, что так как многие тезисы доклада не соответствуют положениям о съезде, то доклад целиком обсужден быть не может, а могут быть рассмотрены лишь некоторые его тезисы. В собрании поднимается целая буря. Положение председателя довольно затруднительно. «Я лично, — говорит Мазинг, — вполне согласен с заключениями комиссии о положении учителей, но это дела не меняет, и я, как председатель, обязан руководиться положениями съезда». И вносится предложение обсуждать только те тезисы, которые допущены Распорядительным комитетом (из 32 были допущены только 14, причем 3 в измененной редакции). Тогда выступает В. П. Вахтеров: «Я, как член комиссии, — говорит он, — уполномочен заявить от лица своих товарищей, что работа наша представляет неразрывное целое: в ней один пункт вытекает из другого непосредственно, а потому я предлагаю одно из двух: либо обсуждать доклад целиком, либо совсем его не обсуждать»¹. Это предложение принимается, доклад снимается с очереди с тем, что целиком он будет напечатан в трудах съезда; члены комиссии покидают зал заседания, а

¹ Труды Первого Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, т. 5, стр. 206. Подробнее об этом в докладе охранного отделения великому князю Сергею: «...тогда из рядов делегатов первым выделился Вахтеров и, подойдя к столу председателя, громко заявил, что если он вычеркивает первые тезисы, то этим вы уничтожаете последующие, вытекающие один из другого. Поэтому от имени делегатов я прошу вас снять доклад с обсуждения». (Моск. охран. отд. Дело о съезде, стр. 307).

в комитет подается мотивированный протест*. История эта наделала много шума, много было разговоров о тех «независящих обстоятельствах», которые «помешали съезду довести до конца самый важный вопрос» (слова депутата Френкеля). Содержание правого доклада и его тезисы были немедленно опубликованы в общей прессе, а на одном вечере в Петербурге писатель Михайловский сказал по поводу этого доклада, что русский учитель в своих 32 тезисах обнажил бесправие и рабство не только свое, но и всего русского народа: «...он не досказал только 33-го тезиса, — закончил свою речь Михайловский, — этот тезис нельзя еще говорить громко, но он сам собой подразумевается, и я не буду оглашать его»¹. Подразумевалось, конечно, свержение самодержавия.

Так протекал интересный съезд, всегда переполненный публикой, очень живо реагировавшей на все перипетии глухой и, конечно, неравной борьбы между общественностью и официальной властью, которая в виде явных и тайных наблюдателей «не за страх, а за совесть», как они сами характеризовали свою охранительную работу, блюли съезд. И все-таки, несмотря на всю эту усиленную охрану, были подняты все наболевшие вопросы учительского быта, а попутно и такие общие вопросы, которые уж никак не были предусмотрены властями. В материалах охранного отделения приводится речь какого-то безымянного учителя, который говорил: «Пора уничтожить старое здание, основы которого уже сгнили, в углах коего уже образовались щели, продырявленная крыша светится, рамы изломаны, стекла разбиты и того и гляди обрушится потолок. Пора воздвигнуть новое здание на крепком фундаменте и сделаться в нем полноправным хозяином»². Неизвестно, кто произносил эту речь, потому что в печатных материалах съезда она, конечно, не при-

* Примечание редакции. Э. О. Вахтерова, ярко рисуя позорное поведение руководителей съезда, которые страха ради не позволили обсуждать резолюцию о правовом положении учителей, не поднимается, однако, до критики либерализма, вообще не вскрывает его трусливой природы, действовавшего лишь в дозволенных цензурой и полицией рамках.

¹ Об этом в книге Малиновского «Народный учитель в революционном движении», М., «Новая Москва», 1926, цитата приведена им из рукописи «Биография С. И. Акрамовского», материалы ист. проф. Цекпроса.

² Моск. охран. отд. Дело о съезде, № 1304, стр. 307.

водится, но несомненно, что автор этой «архитектурной» метафоры — не даром он отмечен охранкой — ответил в свое время за свое красноречие.

Коренным вопросом съезда был вопрос учительского объединения. Большой доклад Тулупова «Основные вопросы учительского быта» не только сводил воедино все отдельные виды и формы этого объединения, но давал и общий план его: от отдельных местных учительских групп через поездные и губернские к Всероссийскому союзу учительских обществ. Характерно было и то, что вопросам правовым, вопросам самообразования и объединения на съезде было отведено гораздо больше места и времени, чем вопросам материального положения, а каково было это положение — хорошо вскрывали некоторые доклады: были местности, где учителя получали 270, а помощники 170 р. в год. «Безысходная нужда и полнейшее бесправие — вот спутники русского народного учителя в его просветительной исторически важной миссии», — говорил саратовский учитель Аникин (депутат 1-й Гос. думы). И все же, констатируя тяжесть этого положения, в ответ на один из докладов о правах государственной службы для народного учителя, было общее негодование. «Не был и не будет чиновником русский народный учитель», — горячо говорила славяносербская учительница В. П. Кондратьева: «Я уверена, что правам государственной службы он предпочтет право хоть голодной, но свободной профессии»¹. Так же решительно отвергало учительство всякие льготы и привилегии. «Надо стремиться к тому, чтобы наше положение было уравнено в правах с другими гражданами. Просить же льгот и привилегий унижительно», — говорил учитель Григоришвили. «Просить субсидии у правительства на интернат для учительских детей только потому, что оно дает такую субсидию дворянам, съезд не должен, — категорически заявляет саратовский учитель С. В. Аникин, — мы имеем право на субсидию не по аналогии, а потому, что мы работники, исполняющие общественно важную работу»².

¹ «Труды Первого Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования». Очень оскорбились «Московские ведомости» за такое отношение учителя к государственной службе, к мундиру и вступились за честь присутствовавших на съезде в своих мундирах представителей Мин-ва нар. просвещения.

² Там же.

И права была учительница А. В. Кудрявцева, председательница 2-й секции съезда о материальном положении учащихся, когда она, констатируя малолюдность заседаний этой секции, говорила, что малолюдность служит «показателем, что русский народный учитель больше озабочен улучшением своих духовных потребностей и общих условий русской жизни, нежели материальных»¹. Ярко выявились на этом съезде некоторые представители учительства, которые потом, в истории учительского движения, играли большую роль. Таковы учителя-революционеры Акрамовский, Кирьяков; учитель Аникин, впоследствии член Государственной думы фракции трудовиков; таковы Докукин, Душечкин, Лопатнев, учительницы Кондратьева, Румянцева, Жебунева, Вагнер и другие. Последняя, Е. Д. Вагнер, после своего доклада о бесправии русского учителя вдруг эффектным жестом выбросила вперед длинную белую ленту бумаги: это были выписки и вырезки из разных газет и журналов о случаях насилия и произвола над учителями. И надо было видеть растерянное и озлобленное лицо наблюдателя, когда эта лента, взвившись в воздухе, упала на пол длинной змеей, а аудитория приветствовала докладчицу бурными аплодисментами². Никто не ожидал такого фортеля, и только мы с Василием Порфирьевичем лукаво переглянулись: накануне, в нашей квартире, уже была демонстрация этой предательской ленты.

Демонстративно и закончился этот учительский съезд,

¹ Интересно, что на этот же факт малолюдства заседаний по вопросу о материальном положении учащихся указывает, оценивая его, конечно, со своей точки зрения, и наблюдатель-охранник: «Когда читали какой-нибудь доклад по вопросам материального положения учащихся,— пишет он,— то на заседании почти всегда бывало самое незначительное количество слушателей. Приведу пример: в один и тот же вечер читается в одной аудитории доклад о материальном положении учителя и о способах улучшить его — слушают 50—60 человек; в другой аудитории доклад об участии учащихся в будущей мелкой земской единице — здесь полна аудитория, 300—600 человек, каждое место занято, яблоку упасть негде». (Дело о съезде, № 1304, от 1903 г.).

² Об этом в книге Василевича (В. В. Кирьяков) «Моск. съезд представителей учительских обществ взаимопомощи», изд-во Сытина, М., 1905. Первое издание этой книжки в 1903 г. было уничтожено. «Здесь собраны мною факты насилия над учителями всего лишь за один год и из этой только газеты,— звенящим голосом говорила Вагнер,— а смотрите, как длинна эта змея, обвившая народных учителей!»

когда явившийся на его закрытие попечитель округа Некрасов не смог даже закончить своей речи: такой припадок кашля овладел вдруг аудиторией, что речь так и не была услышана. Ни в одном из печатных ответов о съезде об этом финале не упоминается, и только летописец-охранник в своих анналах занес этот факт так: «Во время речи г. попечителя округа вся аудитория начала усиленно кашлять, так что вызвала по этому поводу замечание г. попечителя»¹. За работой съезда, таким образом, внимательно следили в охранке, и великому князю систематически делались донесения, причем неграмотные записи филеров сглаживались и обрабатывались. Несколько раз отмечалось в этих донесениях о присутствии на съезде членов революционных партий, о прокламациях и воззваниях, которые они раздавали. В одном из донесений говорилось даже об иностранных делегатах германского и французского учительских союзов, сообщавших сведения о съезде за границу². Впечатление от съезда у властей, конечно, было крайне неблагоприятное, и им казалась очень опасной эта, как говорилось в одном донесении, «огромная армия учительства, сблизившаяся со всех концов с 80-миллионным крестьянством»³. «Это не учительский съезд, а как будто бы земский собор», — читаем в одном из донесений. «Все, что съезд признает желательным провести в жизнь, — говорится в том же донесении генерал-губернатору, — тесно и неразрывно связано с изменением существующих законоположений, в частности, с переустройством нашего государства вообще»⁴. И Трепов заканчивал свой доклад генерал-губернатору такими характерными словами: «принимая во внимание, что все подобные съезды (бывший Пироговский и данный) представляют удобный случай для сплочения между собой неблагонадежных лиц, разбросанных в разных местах империи, — не принося в то же время почти никакой пользы специальным своим задачам... считаю своим долгом почтительнейше ходатайствовать, не будет ли признано возможным, в интересах охранения общественной безопасности в Москве, впредь не разрешать здесь подобных съездов». Не удивительно, что в дни

¹ Моск. охран. отд., то же дело о съезде, № 1304, от 1903 г.

^{2, 3, 4} Там же.

съезда неистово вопила реакционная пресса, не удивительно, что книга Тулупова и Шестакова, редакторов дневников съезда, и книга Кирьякова о том же съезде были уничтожены (по распоряжению трех министров)¹ и что, несмотря на уверение председателя о полной безопасности учителей, высказывавшихся на съезде, многие, вернувшись домой, почувствовали на себе, как легкомысленно было это уверение². В это же время, за кулисами этого гласного съезда, организовался и нелегальный Учительский союз, первоначально еще небольшое основное ядро его с В. В. Кирьяковым и С. И. Акрамовским во главе. В. П. Вахтеров не был членом этого нелегального союза, но он знал о нем: и Акрамовский, и Кирьяков в это время часто бывали у нас и не скрывали своих планов. Но они не звали его в свои ряды, считая, что он, со своим большим авторитетом среди учительства, должен быть на виду и будет более полезным в легальных организациях, где предстояло много дел. Да и сам В. П. Вахтеров, по особенностям своей натуры, не тяготел к партийной работе.

¹ О том, как особой резальной машиной были превращены в бумажную массу все 600 экземпляров трудов съезда, см. в журнале «Для народного учителя», 1907, № 3.

² Уже через месяц после съезда департамент полиции обращается в Москву с просьбой «по встретившейся надобности» доставить список лиц, участвовавших на съезде, а получив такой список, рассылает «секретно и циркулярно» всем начальникам жанд. управлений бумагу, в которой констатирует, что «на означенном съезде присутствовавшие не ограничились обсуждением вопросов, имевших близкое отношение к предметам съезда, а высказывали предположения... об объединении всех союзов взаимопомощи... и даже коснулись вопросов общегосударственного свойства. Предположение это, не получив санкции бывших на съезде представителей учебного ведомства, в настоящее время усиленно распространяется в провинциальных обществах взаимопомощи, и агитация эта, найдя себе в некоторых обществах благоприятную почву, отразилась уже на деятельности, направленной к практическому осуществлению сих предположений, не соответствующих видам правительства. Принимая во внимание, что в настоящее время производится всестороннее исследование деятельности вышеупомянутого съезда, представляется необходимым подвергнуть оценке деятельность и всех принципиальных обществ взаимопомощи, дабы на основании собранных о них сведений определить дальнейшее отношение правительства к сим обществам». И в заключение просьба сообщать о деятельности обществ и отдельных лиц в них, «направляющих действия обществ на путь противоправительственной агитации» (подписано *Лопухин*). (Дело о съезде, № 1304, от 1903 г.).

Пролетели оживленные дни съезда, и опять педагогическая жизнь Москвы вошла в свою колею. По внешности все оставалось по-старому, но уже давно назревали новые настроения. В учительском мире эти настроения ярко выражались в стремлении к объединению. Учителя пользовались всякими случаями для взаимных встреч, и такими местами встреч были и Курская земская выставка по народному образованию с представителями от 14 губерний, от 19 уездных земств и от всех 14 уездов Курской губернии; и так называвшаяся выставка «Северного края» в 1903 г. в Ярославле; и, конечно, такую же роль играли и учительские курсы, недаром тверской губернатор, указывая на оппозиционное настроение деревни, предупреждал о революционной роли учительских курсов. А впрочем, что было не революционно? Общество сплывалось, организовывались новые группировки. Читались и революционные издания с.-д. и с.-р., причем в деревне среди учительства эсеровская литература преобладала. Большое впечатление производило и письмо Толстого к царю, которое в тысячах списков гуляло по стране, забредая в самые глухие углы. Картина, нарисованная Толстым, против его воли толкала на революцию: «Тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены, — писал он, — цензура дошла до нелепостей запрещения, до которых она не доходила в худшие времена 40-х гг.. Религиозные гонения никогда не были столь жестокими. Везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа. Во многих местах уже были братоубийственные кровопролития и везде готовятся и будут новые, еще более жестокие». Таково было настроение момента, что это письмо, в котором Толстой называет Николая II своим «братом», старается подействовать на его человеческие чувства и верит в возможность такого воздействия, — это письмо производило на читателей совсем иное, далеко не мирное впечатление. «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке... поддерживать эту форму можно только, как это делается теперь, посредством всякого рода насилий, усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг и газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел», — вот место

этого письма, которое цитировалось особенно часто. И я как сейчас вижу двух молодых революционно настроенных учителей, которые рассказывали нам, как они размножили это письмо в сотнях экземпляров и разослали его по всем школам уезда: «Кое-что мы там опустили,— сконфуженно говорили они,— пусть уж Толстой простит это нам». Но, впрочем, не одна нелегальная литература будила мысль. Таковую же роль играла и чисто легальная культурная работа, наводняя деревню хорошей книгой взамен старой лубочной макулатуры. Целый ряд издательств с Сытиным во главе, который в эти годы стал выпускать улучшенную народную литературу, делали большое культурное дело. Стоит вспомнить издательскую деятельность «Посредника»: миллионы его дешевых книжек (на рубль можно купить сотню их) расходились по всем закоулкам России и, как это сказала Н. К. Крупская в своем приветствии И. И. Горбунову-Посадову, «эта литература бросала широкими пригоршнями семена знания в рабочие и крестьянские массы»¹. Но не только «семена знания» бросала в массы эта литература, целым потоком, несмотря на несовершенные способы распространения и сбыта (земские книжные склады, деревенские офени—у Сытина их была целая армия), заливавшая деревню,— она будила мысль, открывала глаза, и эту ее роль хорошо учитывал и департамент полиции, когда он, инкриминируя Вахтерову его поддержку проекта врача Касторского об организации книжной торговли по фабрикам и заводам при помощи интеллигентных офеней, писал: «Какова будет деятельность интеллигентных офеней, распространяющих брошюры, подобранные книжным складом Муриновых и выпущенных Сытиным и «Посредником», можно себе представить»². Чего благонамереннее, казалось бы, должны были быть сельскохозяйственные комитеты, и однако и отсюда, вопреки ожиданиям правительства, на него градом сыпались такие нелестные характеристики современного положения, что Витте, инициатор этих совещаний, был смущен, а его антагонист Плеве торжествовал над врагом, попавшим впросак. И когда старый педагог Бунаков сказал на заседании Воронежского сельскохозяйственного комитета свою резкую и

¹ «40 лет служения людям». Сб. статей, посвященных работе И. И. Горбунова-Посадова, М., 1925, стр. 116.

² Моск. охран. отд. Дело Вахтерова, № 272.

искреннюю речь все на ту же тему, что «думать и толковать надо не о сельскохозяйственных инструкторах или опытных полях, а о радикальных изменениях всего строя русской государственной и народной жизни»¹, эту речь подхватила молва, и опять это был удар по правительству. Так все складывалось против него, так нарастало в обществе острое недовольство, которое искало выхода. Нечего и говорить о настроении, которое царило в революционных, в рабочих кругах. В первомайской рабочей прокламации 1903 г. уже громко прозвучал лозунг «Долой самодержавие!» Правительство, конечно, не дремало. Оно било тревогу, ища своих врагов направо и налево. А врагов этих у него и в самом деле было немало, и умный Плеве в интимном разговоре с другим сановником справедливо говорил, что «в России, за исключением небольшого числа людей, получающих значительное содержание и имеющих случай быть удостоенных высочайшей улыбкой, все население сплошь недовольно правительством». Впрочем, он тут же прибавлял: «...положение серьезное, но не безысходное»². А другой его соратник, Лопухин, определял и пространственные размеры этого недовольства: «В настоящее время, — писал он в записке Комитету министров по вопросу об административной ссылке, — уже известны случаи имевшие успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и в Киргиз-

¹ В этой речи было такое образное место: указывая на то, что «отводить глаза от бедственных последствий несчастного режима» прямо вредно, он говорил: «Это все равно, как если бы домохозяин, дом которого не сегодня-завтра должен обрушиться, собрал бы специалистов и предложил им обсудить, не следует ли в этом доме поставить новые петли в дверях, новые стекла в рамах и, пожалуй, новые ватерклозеты. Понятно, что добросовестные специалисты могли бы ответить на это предложение одно: что тут думать о новых петлях, стеклах и ватерклозетах, когда весь ваш дом надо разбирать и строить заново». (Записки Бунакова, стр. 355. Пг., 1909.) Результаты этого выступления не замедлили сказаться: старика Бунакова лишили любимой работы, выслали из того места, где его трудом и энергией были созданы образцовая школа, библиотека, школьный музей, где он с энтузиазмом юноши создавал свой тогда еще первый в России крестьянский театр. Его сослали в захолустный городок Воронежской губернии, и так запуганы были местные обыватели, что с трудом Бунаковы могли найти себе квартиру: их боялись пускать, их боялись и навещать, и они жили в полном одиночестве. (Те же Записки Бунакова, Предисловие Л. И. Бунаковой.)

² Красный Архив, 1923. Дневник А. А. Половцева, т. 3, стр. 168.

ской степени»¹. Департамент полиции, охранные отделения — все было мобилизовано на борьбу с врагом: аресты и обыски, ссылки, закрытие обществ, книжных магазинов, издательств—все это были старые, испытанные средства, все это практиковалось в широких размерах, но не достигало цели. Один «совершенно секретный циркуляр», относящийся к этим предреволюционным годам, очень характерен: «Производившиеся за последнее время наблюдения по Петербургу за лицами, занимающимися революционной деятельностью, — читаем в этом циркуляре, — установили группу лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая участия или даже намеренно уклоняясь от активной революционной деятельности, поставили себе задачей путем устройства вечеринок, чтений, речей и рефератов на соответственные темы, а также издательством подобранной тенденциозной литературы готовить в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни одного случая для возбуждения в обществе неудовольствия по поводу разных мероприятий правительства и приготовления разных манифестаций и протестов»². Интересна характеристика, которую департамент полиции давал Московскому о-ву взаимопомощи лиц интеллигентных профессий. «Общество это является живой организованной силой, созданной и существующей не ради взаимопомощи, а «на всякий случай», всегда готовое стать оплотом всякому антиправительственному делу, почин коего возьмет на себя та или иная революционная партия»³. Хорошее знание департаментом настроения и задач этого общества объясняется, впрочем, быть может, не столько прозорливостью департамента, сколько тем, что в числе членов общества был не кто иной, как провокатор Азеф, в то время ни в ком не возбуждавший подозрений. На письменном протесте о закрытии общества, для чего мы, его члены, считали, что основания недостаточны, среди других подписей красуется и фамилия Азефа⁴. Но закрывалось одно

¹ Записка Лопухина об административной ссылке. Приведена в журн. «Освобождение», 1905, № 69—70.

² Моск. охран. отд. Дело Рубакина, № 349.

³ Моск. охран. отд. Дело об о-ве интеллигентных профессий, № 397, т. I, ч. II.

⁴ Там же.

общество — открывалось другое, и каждое, имевшее в полиции свою «книгу живота», было полно оппозиционно настроенных членов. Департамент полиции и охранные отделения вели статистику этих членов: в О-ве лиц интеллигентных профессий из 1000 членов 457 числилось неблагонадежными, в О-ве развлечений для народа из 420 про 156 было сказано, что они «скомпрометированы в политическом отношении»¹; на Пречистенских курсах для рабочих из 64 преподавателей неблагонадежных было 24 и т. д. без конца. Этим Пречистенским курсам, через которые проходили тысячи рабочих, дается следующая характеристика в тех же материалах охраны: «Пречистенские классы для рабочих, душой которых является дворянин С. А. Левицкий и жена поднадзорного публициста Н. А. Гольцева, всегда были излюбленной ареной деятельности неблагонадежного элемента и представляют удобную почву для распространения антирелигиозных и противоправительственных идей»². Наблюдение было, конечно, очень верное, и оно касалось и всего большого количества возникавших в то время школ и курсов как в Москве, так и в Петербурге и в провинции. В эти именно годы в Петербурге, например, организуются рабочие просветительные общества, в которых работает студенчество, радикальная интеллигенция, многие выдающиеся петербургские педагоги: культура, педагогика и политика связываются вместе и помогают друг другу. Таково было настроение в эти предреволюционные годы. В это же время пел свои вызывающие песни «Буревестник» Горького и говорили свои горячие речи его новые герои. В. П. Вахтеров в эти годы очень увлекался Горьким и часто цитировал его в своих лекциях. Роль горьковских рассказов будить спящих, зажигать уставших, вливать новые силы в тех, кто уже в работе, Василий Порфирьевич часто подчеркивал. Будил и зажигал сердца в эти годы и Художественный театр, который тоже звал «вперед и ввысь»; такую же роль играли и выставки передвижников, где какая-нибудь идейная картина вызывала целый вихрь настроений, о каких, быть может, и не думал художник.

Так же, как и раньше, В. П. Вахтеров работал дома над статьями, над учебниками, над обработкой школьных

¹ Моск. охран. отд. Дело об о-ве народных развлечений, № 1775.

² Моск. охран. отд. Дело о С. А. Левицком, № 1772.

материалов, выезжал иногда на лекции и призывал учительство к объединению. В положенное время, 2 раза в месяц, ездил в Тверь. В это время чаще стали появляться у нас учителя из провинции, больше и чаще говорилось о новых настроениях в обществе, в учительстве, в крестьянстве, и у молодежи блестели глаза. Охранка как будто оставила В. П. Вахтерова в покое, по крайней мере, наблюдение за ним, которое одно время очень бросалось в глаза, как будто ослабело. У нас по-прежнему бывали разнообразные и большей частью так называемые «неблагонадежные» люди. Особенно вспоминается чудесный старик Л. П. Никифоров с его седой львиной гривой, живыми, совсем молодыми глазами и отрывистой, грубоватой речью. Помню И. Ф. Арманд (впоследствии член партии большевиков), с ее точеным профилем камен, — с ней у нас были какие-то дела по устройству воскресно-вечерних школ О-ва улучшения участи женщин, председательницей которого она была. Больше всех помню учительскую публику: милого С. И. Акрамовского, который своим тихим приглушенным голосом и речью сквозь зубы производил впечатление конспиратора; седую учительницу Е. Д. Вагнер в черных очках, наезжавшую к нам из провинции, вечно волнующуюся, всегда полную каких-то проектов и систематически увольняемую со всех своих учительских мест, и саратовского учителя-трудовика Аникина, с его характерным скуластым лицом и интересными рассказами о деревне и о своей работе среди крестьян; коренастого северянина К. Н. Левина с его новгородским говором на «о», жизнерадостного, энергичного, яркого социал-демократа¹, и многих, и многих других. Иногда приносили к нам что-то спрятать «на одну ночь», иногда кого-то у нас переодевали, гримировали и увозили на вокзал для переправки за границу, иногда кто-нибудь прямо из тюрьмы приходил к нам и жил некоторое время. Считалось, что наша квартира, как квартира людей беспартийных, не опасна, мы тоже считали так, забывая даже, что в нашем доме на соседней лестнице жил участковый пристав, и, конечно, от его внимательного взора не могло укрыться все, что интересовало его в нашей жизни. Однако до поры до времени все как-то схо-

¹ К. Н. Левин после победы Великой Октябрьской социалистической революции был одним из активных деятелей Наркомпроса.

дило с рук. В материалах охранного отделения я, однако, нашла указание, что внимание к нашей квартире все же было.

С конца 1902 г. присоединилось новое начинание. Вахтеров организовал при фабрике общеобразовательные курсы для взрослых рабочих, привлекая к преподаванию на этих курсах учителей детской фабричной школы К. Н. Левина, П. Ф. Богомолова и врача фабрики Артемова. В дни своих приездов в Тверь В. П. Вахтеров тоже выступал на этих курсах с популярными лекциями-беседами то по естествознанию, то по астрономии, сопровождая их опытами и картинками волшебного фонаря. Курсы имели огромный успех, слушателей набиралось иногда около тысячи, внимание было полное, интерес исключительный: после лекций спрашивали объяснений, просили литературу. Живые беседы В. П. Вахтерова очень нравились рабочим, но самый большой успех имел К. Н. Левин с его яркими популярными историческими лекциями. Из материалов охраны видно, что уже в марте 1903 г. начальник Тверского жандармского управления доносил в Москву, что Вахтеров «читает рабочим фабрики лекции антиправительственного направления», и далее докладывает, что вообще «с назначением Вахтерова инспектором состав учителей и учительниц в школе сильно изменился и в число их стали приниматься лица политически неблагонадежные». Интересная характеристика дается в этом донесении и школьной работе вообще: «В школе главным образом, — говорится в этой бумаге, — обращено внимание не на обучение грамоте, а на развитие детей; так могу указать, что подростки знают, что во Франции избирательный образ правления»¹. Наличие такого преступления, как открытие детям тайны об избирательном правлении во Франции, конечно, не могло остаться без последствий, и внимание к школе, особенно к курсам, усиливается: в июне того же года уже последовало запрещение чтения лекций рабочим. Кажется, Василий Порфирьевич пытался что-то выяснить, ездил по этому поводу в Петербург, но из этого ничего не вышло. Были слухи, что бывший сослуживец В. П. Вахтерова по Москве, занявший после отставки его место, а потом переведенный директором народных училищ в Тверь, будучи в дружбе с

¹ Департ. полиции. Дело о Вахтерове, № 1097, ч. 1.

тверскими властями, не раз высказывал удивление, как это они «терпят Вахтерова». Один из преподавателей школы незадолго до запрещения рабочих курсов писал В. П. Вахтерову: «О наших курсах идет дело в жандармском управлении, туда вызывают слушателей для допросов». И далее о том, что упомянутый директор народных училищ (школа и курсы были в ведомстве Министерства финансов, и он лично ничего с ними сделать не мог... кроме доноса) сказал как-то: «А я думал, что вас всех вместе с Вахтеровым давно сослали»¹. Предсказание вскоре сбылось. Летом на даче у нас был очередной обыск: приезжали жандармы и, кажется, прокурор с допросом по поводу одного адресованного Василию Порфирьевичу письма. Письмо было из тюрьмы от арестованного народного учителя, сильно скомпрометированного. Он написал В. П. Вахтерову, правда совсем личное, письмо, прося послать денег его жене, оставшейся на родине без гроша. «Отговориться» Василию Порфирьевичу в данном случае было нетрудно: были тысячи учителей, которые знали его по курсам, лекциям и которых он почти не знал, а просьба о деньгах, обращенная к нему, тоже была естественна, п. ч. учителя хорошо знали его отзывчивость. Объяснениями как будто удовлетволялись и оставили его в покое². Но вот в ноябре того же 1903 г. ночью явился к нам наш сосед, пристав, жандармы, понятые, и в квартире был произведен тщательный обыск; не была забыта даже и комната мирно спавших детей. Забрали кое-какие вещи: книги, брошюры, письма, даже сломанную пишущую машинку, и, по предъявленному ордеру, В. П. Вахтеров был арестован и увезен в Таганскую тюрьму. Ордер гласил, что арест должен состояться «независимо от результатов обыска». Одновременно с В. П. Вахтеровым были арестованы в Твери и заключены в ту же тюрьму и оба преподавателя курсов Левин и Богомоллов. Всем трем было предъявлено обвинение в «систематической пропа-

¹ Письмо П. Ф. Богомоллова в Архиве Вахтерова. В книге Л. Меньщикова «Охрана и революция», ч. 2, вып. I, в главе «Культурники в провинции» есть выдержки из предназначавшейся для заграницы корреспонденции из Твери, где подробно изложена вся эта история о доносах «добровольцев» (игра слов, понятная для местных жителей); очевидно, в Твери хорошо знали об инициаторе доноса.

² Указаний на этот обыск и допрос в делах о Вахтерове я не нашла.

ганде среди рабочих социалистических идей», причем дело это (в числе первоначально к нему привлеченных были еще А. М. Суворовский и Н. В. Струве, впрочем не подвергшиеся задержанию) в бумагах департамента полиции называлось делом о «Тверском комитете». Основанием для обвинения служили показания допрошенных свидетелей — рабочих, слушателей лекций. «Из откровенных показаний допрошенных, — говорится в одной из бумаг дела, — выяснилось, что под предлогом лекций по отдельным отраслям научного знания все поименованные преподаватели вели, по предварительному между собою сговору, систематическую пропаганду среди рабочих революционных идей, возбуждая в них вражду против предпринимателей и фабрикантов и внушая слушателям мысль о необходимости свержения в более или менее отдаленном будущем самодержавной власти в России» (курсив мой. — Э. О.). В частности относительно В. П. Вахтерова было и такое показание: «По окончании лекций по астрономии Вахтеров рассказывал рабочим о порядках, существующих в иностранных государствах, хвалил заграничную жизнь и указывал, что рабочим там живется много лучше, чем в России, так как там при помощи стачек они могут добиться от фабрикантов улучшения условий труда и, участвуя через своих представителей в издании законов того, чтобы законы были одинаково благоприятны как для бедных, так и для богатых. Вместе с тем Вахтеров советовал рабочим объединяться и распространять среди рабочего населения мысль о необходимости свержения самодержавия, так как при настоящем образе правления рабочим невозможно добиться свободы и улучшения своего экономического положения»¹. Другим обвинением против Вахтерова было то, что он, присутствуя на лекциях других преподавателей, тем самым как бы одобрял и их антиправительственные выступления. Криминальным еще считалось и взятое у нас при обыске письмо народного учителя², которое ни в какой связи с делом не находилось, но где были слова, что учителя, памятуя заветы Вахтерова, воспитают в народе «горячий протест против всего, что носит харак-

¹ Департ. полиции. Дело о противоправительственной пропаганде в школе при Тверской мануфактуре, № 2629.

² Письмо учителя Симоновского (Деп. полиции, дело № 2629).

тер гнета и насилия над человеческой личностью». Только это письмо и было предъявлено обвиняемому, остальное держалось в секрете, и даже показания рабочих не были ему показаны. Во всех этих обвинениях была и правда, и ложь. Конечно, ни один из преподавателей не был так наивен, чтобы в тысячной аудитории рабочих говорить то, что ему приписывалось, тем более что всем было известно присутствие на фабрике шпионов, — ни одна фабрика не обходилась без них (вероятно, и самые показания якобы рабочих были получены именно от таких переодетых агентов). Следовательно, той пропаганды, да и еще «систематической», о которой говорилось в деле, конечно, не было, равно как и о «свержении самодержавия в более или менее отдаленном времени» (!), на лекциях, конечно, тоже не могло быть речи. К. Н. Левин, в то время член партии с.-д., конечно, не в тысячной аудитории вел свою работу. Но поводов к тревоге все же было достаточно: направление школы, настроение преподавательского персонала, оживление в рабочей среде, вызванное курсами — все это не было тайной.

Я очень волновалась за Василия Порфирьевича. Он незадолго перед этим перенес воспаление легких, и ему, тогда 50-летнему человеку, было большим риском одиночное заключение в сырой Таганской тюрьме.

Конечно, я немедленно начала хлопоты об освобождении Василия Порфирьевича и, исполняя советы друзей и знакомых, была у Лопухина и Плеве. Лопухин встретил меня необычайно сурово: жестким голосом он высчитывал мне «преступления» «издавню известного департаменту полиции» Вахтерова и грозил какими-то большими карами. Плеве, жирный, широкозадый, пристально вглядывался в меня своими пронзительными черными глазами и буркнул мне, что у них в департаменте уже есть все нити этого «Тверского комитета». Не более успешны были и хлопоты В. А. Морозовой за своих трех арестованных преподавателей. В. П. Вахтеров сидел в Таганке.

Мне удавалось доставать ему книги, он много читал и работал, мы обменивались письмами и официальными, проходившими через цензуру прокурора, с двумя переkreщивающимися желтыми чертами через текст, и тайными, через сторожей, через выходящих из тюрьмы товарищей, а также и при личных свиданиях, которые происходили в общей зале при довольно слабом надзоре.

Сидел В. П. Вахтеров в Таганской одиночке три с половиной месяца, и все мои хлопоты о досрочном его освобождении на поруки или под залог не приводили ни к чему. В воздухе уже пахло грозой, прокатывались фабричные забастовки, кое-где уже были и аграрные волнения, и власти, конечно, совсем не были расположены к мягкосердию. Оттого так суровы были репрессии и после Технического съезда: аресты и высылки целого ряда лиц были естественным завершением его¹.

Между тем здоровье Василия Порфирьевича внушало мне большие опасения. Произведенный по моему прошению медицинский осмотр Василия Порфирьевича частным врачом констатировал плохое состояние его здоровья. 12 марта состоялось распоряжение об освобождении В. П. Вахтерова из-под стражи с отдачей в Москве под особый надзор полиции впредь до разрешения дела о нем². А 22 мая была прислана бумага о высылке Вахтерова в пределы Новгородской губернии под гласный надзор полиции сроком на три года. Ликвидировав свои московские дела, Василий Порфирьевич выехал в Новгород, причем предполагавшаяся высылка его «по этапу», по его прошению, была заменена поездкой «на свой счет» по железной дороге в сопровождении городского, передетого в «вольное платье» и снабженного пакетом и приказанием сдать «государственного преступника» из рук в руки. Миссию свою он исполнил с полной добросовестностью: передал и пакет и преступника новгородскому приставу, который и выдал ему следующую расписку: «3 июня 1904 года в 11 часов вечера пакет на имя новгородского полицмейстера за № 5254 от городского (имя рек) вместе со статским советником Вахтеровым принял».

В Новгороде мы были очень приветливо встречены местной левой интеллигенцией, удобно устроились, и В. П. Вахтеров, чувствовавший себя после тюрьмы усталым и нервным, был рад отдохнуть в мирной семейной обстановке, за работой, среди своих книг и рукописей. И самый Новгород, очень тихий и, несмотря на свое историческое прошлое, очень патриархальный город, а особенно красивое имение Сперанского, где мы проводили

¹ После съезда были высланы из Петербурга Рубакин, Чарнолуский, Фальборк и др.

² Моск. жанд. упр. Дело о Вахтерове, № 249 от 1903—1904 гг.

лето, действовали на Василия Порфирьевича очень успокоительно, и после тяжелых впечатлений обыска, ареста, допросов, тюрьмы он стал быстро поправляться. Он много, по обыкновению, работал, составляя естественноисторический отдел для наших школьных книжек «Мир в рассказах для детей», и отдыхал в беседах с местной интеллигенцией, с посещавшими нас учителями, отдыхал со своими ребятами, причем этот отдых неизменно сопровождался и наблюдениями над ними: то записывал он сказочку, которую сочиняла 6-летняя дочка, то военную импровизацию ее братишки, переживавшего свой милитаристический период развития. Публично он почти не выступал, только 2 раза прочел доклады в учительском обществе на тему о детской психологии, так как именно в это время он обрабатывал свои тверские материалы, которые в виде детских тетрадок, анкет, сводок перекочевали с нами в Новгород в двух огромных корзинах.

В июле 1904 г. тихая новгородская жизнь была разбужена выстрелом Сазонова, убившего Плеве. Помню, как это известие потрясло местное общество, как все заволновались и стали ждать дальнейших событий. Война с ее ужасами, с ее катастрофическими неудачами до последней крайности напрягла нервы. И вот назначение Святополк-Мирского, слова о «доверии», слухи о «весне», о конституции, новый тон газет и новые газеты — на все это живо реагировала местная интеллигенция. Не только город, но и деревня встрепенулась, и не будет преувеличением сказать, что с лета 1904 г. явственно стало чувствоваться дыхание революции. Стали приходить вести из деревни о небывалом возбуждении; там шли речи о самом важном для нее: будет земельное «облегчение», а «то и всю землю нам отдадут». И новгородский губернатор, неумный немец Медем, как рассказывали, ездил по деревням и, успокаивая крестьян, говорил им длинные речи о том, что не надо верить смущающим слухам, что никаких перемен не предвидится и что надежды на какие-то земельные переделы не больше, как «утопия».

Крестьяне в это время теснее сблизилась с учительством и у него искали ответа на свои сомнения. В учительстве почувствовалось тоже что-то новое. Не только революционно настроенная его часть, которая уже примыкала к партиям, но и беспартийная, более инертная масса встрепенулась: «Я был очевидцем, — пишет

Н. А. Малиновский, — словно волшебного превращения учителей, раньше не хотевших слышать о революции. Все как будто забыли о себе, о своих житейских заботах, о служебных обязанностях. Настоятельным, всеобъемлющим для всех делом стала лишь революция. Каждый учитель, каждая учительница старались во что бы то ни стало разыскать и привести на собрания учителей, на крестьянское собрание революционера-оратора, организатора или, по крайней мере, человека, способного прочесть доклад о текущем моменте, о партиях, о социализации земли, о том, как организовываться крестьянам»¹.

Перемена курса облегчила положение В. П. Вахтерова в том смысле, что гласный надзор с него был снят, но высылка не была отменена, и только в августе, по случаю рождения наследника, она была сокращена на треть.

Из Москвы нам писали друзья, советовали хлопотать о возвращении, звали к работе, рассказывали о московских делах, настроениях и планах (иносказательно, конечно, ибо переписка наша всегда носила явные следы ведомственного любопытства). Не помню теперь уже, кто из учителей (не то В. В. Кирьяков, не то С. В. Аникин) приезжали к В. П. Вахтерову в качестве своего рода «делегатов» от провинциального учительства. «Теперь ваше присутствие в центре необходимо, — говорили они, — теперь объединение учительства в могучую силу — дело ближайшего будущего». Никогда не покидавшее В. П. Вахтерова желание вмешаться в «самую гущу жизни» всколыхнулось всеми этими письмами, разговорами, призывами. Возникали такие небывалые, такие заманчивые надежды! Но как развязаться с глухим Новгородом, как попасть в Москву, где затевается интересная работа: срок пребывания в ссылке исчислялся в лучшем случае 15—18-ю месяцами. Способ был один: подать прошение на высочайшее имя. Это был большой и тяжелый компромисс, и нелегко пошел на него Василий Порфирьевич, но... манила жизнь, открывавшая новые перспективы, манила работа, сулившая новые достижения. Простение было послано. Так как жизнь наша в Новгороде была очень замкнутой — никаких выступлений, кроме двух докладов

¹ М а л и н о в с к и й, Народный учитель в революционном движении, М., 1926, стр. 49.

в местном учительском обществе, Василий Порфирьевич не делал, то губернатор дал соответственный отзыв, и в конце декабря была получена бумага, освобождавшая В. П. Вахтерова от «дальнейшего отбывания определенного ему наказания». Радость получения такой бумаги, конечно, отравлялась мыслью о способе ее получения, но лучшим оправданием Василия Порфирьевича в данном случае служит то, что не ради личных выгод совершил он этот тяготивший его компромисс, а ради того дела, которому служил он всю жизнь и для которого никакие жертвы не казались ему невозможными.

Нечего и говорить о том, что мы сейчас же снялись с места и были в Москве, раньше даже, чем бумага об этом освобождении дошла до московской охранки, почему она встревожилась и потребовала объяснения от новгородских властей.

И вот мы снова в Москве. Но это какая-то совсем новая Москва, будто проснувшаяся от спячки. Кружки, группы, корпорации, союзы — все это в бурном движении, все это стремится оформиться, организовать, выявить свою физиономию. Дебаты, горячие схватки, митинги, собрания — после тихой провинции, после полной оторванности от общественной жизни это просто ошеломляло. В это время в Москве было уже не мало политических деятелей, вернувшихся из эмиграции (тайно, конечно); они выступали на митингах, скрывая свои имена, но все знали об этих выступлениях. Отовсюду шли вести о брожении, волновалась и молодежь среднеучебных заведений, и среди нее уже были свои жертвы. Городское учительство, особенно преподаватели школ взрослых при фабриках, приносили вести о том серьезном и значительном, что совершалось в глубинах рабочей жизни....

Через три-четыре дня после нашего возвращения из Новгорода было заседание Московского отделения Технического о-ва. Заседание было многолюдное, и доклады, хотя и касались просветительных тем, естественно, сводились к переживаемому моменту. Второе заседание, на котором В. П. Вахтеров должен был читать свой доклад «Народное образование и бюрократизм», уже не могло состояться — полиция запретила назначенное собрание, а о группе социал-демократов, принимавших участие в первом заседании, было возбуждено в охранке

дело под громким названием «О лицах, участвовавших в произнесении преступных речей в заседании 29 декабря 1904-го года»¹.

Под лозунгом «Долой самодержавие!» заканчивался 1904 год. Чувствовалось, что наступают новые времена, что идет гроза... Предпосылки революции были уже налицо.

1905 — 1917 гг.

1905 год начался кровавым воскресеньем — 9 января. Трагический факт расстрела мирных рабочих, шедших к царю с петицией, был тем толчком, который приблизил взрыв революции. «9 января явилось огромной прокламацией, которая облетела всю Россию», — говорит писатель Елпатьевский в своих воспоминаниях². «Царизм приговорен к смерти», — писал в это время в газете «Юманите» известный политический деятель Жорес.

Конец русско-японской войны и Портсмутский мир, отдавший Японии большую территорию, рассказы возвращавшихся с бойни солдат, массы раненых и увечных — все это лило воду на мельницу революции. Колоссальные жертвы войны усиливали брожение, возвращавшиеся войска несли домой революционные настроения. И первым признаком этой вплотную надвинувшейся революции были коллективные выступления рабочих, массовые движения в деревнях. На арену жизни выступила новая «огромная, грозная сила — народ», как незадолго перед этим писал Горький.

Этот момент властно толкал всех к объединению. Вся Россия самоопределялась. В эти дни, как и в дни молодости, перед В. П. Вахтеровым опять встал вопрос о партийности. Быть в партии — это значило иметь определенно намеченный путь, иметь круг единомышленников, сотрудников, чувствовать свою связь с другими. У Короленко в его «Воспоминаниях» рассказывается, как он в одиночестве сибирской ссылки решал для себя вопрос партийности, как он уходил куда-то на пустынную «Амгу» и там мучительно и долго думал на эту

¹ Моск. жанд. управление. Дело о Технич. о-ве, № 8, 1904.

² Елпатьевский, Из воспоминаний, журн. «Красная Новь», кн. 8, 1928, стр. 195, август.

тому. «Честность перед собой заставила меня признаться, что я не революционер», — писал он, вспоминая все случаи, когда его звали на этот путь¹. Такая «Амга» бывает, вероятно, у многих. Была она и у В. П. Вахтерова, и он тоже решал для себя этот вопрос: с кем идти. И идти ли с кем, или остаться одному? В это время как раз распадался «Союз освобождения», который до этого объединял в себе почти все либеральные оппозиционные элементы страны. Основное ядро союза складывалось в кадетскую партию. Большинство и из тех, с кем Василий Порфирьевич работал в Комитете грамотности, московские профессора, многие земцы и вообще большинство московской буржуазной интеллигенции — все шли в эту партию. Можно было ожидать, что В. П. Вахтеров тоже войдет в нее. Но он не пошел с кадетами. Ближе всех по своим симпатиям он стоял к народникам: идеология народничества с юных лет была ему наиболее родственной, но он не примкнул и к с.-р.; были у него и тут свои «но». Многие, учитывая его авторитет среди учительства, считали, что его участие в той или иной партии может увеличить ее силы большой учительской волной. Но В. П. Вахтеров не пошел ни с кем и так и остался вне партий. Но вот встал на очередь вопрос Учительского объединения, и В. П. Вахтеров с увлечением примкнул к этому движению — это было осуществлением его давнишней мечты. Идея Учительского союза, как известно, зародилась в недрах того же «Союза освобождения» и почти одновременно и в Петербурге, и в Москве. Группы Учительского союза как сплоченные организации учительства, правда, существовали гораздо раньше, они вели свою историю чуть ли не с 1896 и уж наверно с 1902 г., со времени 1-го съезда учительских обществ взаимопомощи. В Петербурге началом кампании за Учительский союз была записка о нуждах народного образования, подписанная первоначально 256-ю лицами из учителей и деятелей по народному образованию²; впоследствии к ним присоединились и другие подписи. Петербургское левое учительство орга-

¹ Короленко В. Г., История моего современника, кн. 4, М., Гослитиздат, 1948.

² Записка была составлена в двух редакциях. Одна принадлежала Рубакину. Была напечатана в газете «Новости», 1905, № 71, март.

низовало Бюро союза учителей и стало рассылать эту записку по провинции с предложением обсудить ее на местах и основывать комиссии по организации Учительского союза. Констатируя крайне низкую степень положения народного образования, малое число школ, плохую их организацию, записка кончалась целым рядом резолюций: о согласовании всех типов школ, о введении всеобщего обучения, об установлении светского общеобразовательного характера школы со свободным преподаванием на родном языке местного населения, о предоставлении заведования народным образованием общественным учреждениям с представительством учительства — и кончалась, по обычаю всех документов того времени, рядом определенных политических требований. Эта записка вместе с обращением Петербургского Бюро союза учителей (т. е. будущего союза, конечно) рассылалась по России в огромном количестве — по учительским адресам, в уездные, губернские и городские управы и проч. Это было целое наводнение, и, как можно видеть теперь по материалам департамента полиции, этот поток совершенно сбил с толку местные власти. Губернаторы из разных губерний заваливают департамент своими «совершенно секретными» донесениями. Они положительно не знают, как быть. Они или уничтожают эти «возмутительные по содержанию материалы», или отсылают их в департамент, то в копиях, то в оригиналах, и иногда успокоительно извещают, что «учителям означенная записка не сообщается»¹.

И тем не менее, хотя масса этих материалов, очевидно, и не дошла по назначению, учительство получало их, узнавало о них, само искало их, и прав был московский губернатор Кристи, когда он высказывал свое предположение в письме к Булыгину, что «рассылка подобных пакетов по всей России несомненно может повести к весьма важным и нежелательным результатам»².

В Москве союзное учительское движение началось в передовых группах московского левого учительства, в первое время тоже связанного с освобожденчеством.

¹ Особ. отд. департ. полиции. Дело об Учит. союзе, № 399, т. 1, ч. 1 (1905).

² Там же.

Сначала в отдельных кружках шли совещания о плане работы. Затем местом для обсуждения организации будущего союза было избрано Московское педагогическое о-во, которое незадолго перед этим под напором событий сменило свое старое правление и избрало председателем молодого и талантливое историка Н. А. Рожкова, члена партии с-д. большевиков. Товарищем его был М. Н. Покровский, в то время юный, приват-доцент и член той же партии с.-д. большевиков. И вот под флагом этого общества по неофициальному сговору между тем правлением и левой московской учительской группой и началась организация Учительского союза. На одном из заседаний общества, на которое были приглашены делегаты от провинциальных обществ взаимопомощи, приехавший из Петербурга В. А. Герд познакомил москвичей с организационной работой Петербурга в том же направлении, и дело двинулось вперед. Заседание это было в марте 1905 г. (записка была составлена тоже в марте — жизнь бежала быстрым темпом), и если теперь мало кто помнит о нем, то материалы московского охранного отделения могут напомнить нам, что на этом заседании присутствовало около 1500 человек, что было очень шумно и что собравшиеся «занимались разбором политических вопросов», — более определенно присутствовавший на заседании охранник, очевидно, не сумел охарактеризовать его¹. Каким-то образом до самого царя дошли слухи о том, что на этом заседании шел сбор «на пропаганду среди рабочих», и естественно, что в результате такого донесения в сферах возникает мысль о необходимости закрыть общество². И так как почва под ногами Педагогического о-ва уже колеблется (Рожкова уже вызывают для объяснений), то злободневный вопрос об Учительском союзе переносится в другое место. Это другое место — особняк

¹ Дело о Моск. педагогич. о-ве, № 60 от 1898 г. Растерянность центральной полиции, очевидно, подавленной тем, что везде что-то назревает и что с этим трудно бороться, характеризует бумага, в которой департамент полиции спрашивает моск. градоначальника, имеются ли у него еще сведения, которые могут послужить к закрытию о-ва. На полях этой бумаги моск. градоначальник делает ироническую надпись: «Кроме сведений о революционных сходках, организованных о-вом, не имеется. Я думал, что этого достаточно». И с края бумаги три внушительных восклицательных знака.

² Там же.

В. А. Морозовой. Охранка, однако, начеку, и пристав тверской части сообщает по начальству, что, «как дозволено секретно, председатель Педагогического о-ва заседания свои перенес в дом Морозовой на Воздвиженку и выдавал пригласительные билеты на 11 апреля»¹. А дальше сообщается о том, что на заседании присутствовало 300 человек и что «домовые дворники, по внушению домовладелицы, старались утаивать от полиции о собрании»². Так зафиксирован охранкой момент зарождения в Москве Всероссийского союза учителей — 11—13 апреля, когда обсуждался как устав будущего союза, так и планы его работы. Интересен факт, что, несмотря на явочный характер очень многих в то время собраний, несмотря на наличность уже многих союзов, департамент полиции очень следит за этим даже еще не оформившимся учительским объединением, и шифрованная телеграмма, посланная департаментом московскому градоначальнику, гласит: «В виду полученных сведений о собрании в Москве съезда учителей Минист. внутр. дел предлагает вашему превосходительству принять меры к недопущению такового»³. Телеграмма датирована 12 апреля, но пресекать съезд было уже поздно, так как 13 апреля он закрылся по собственной инициативе.

На этом первом совещании, на котором были представители 30 губерний, В. П. Вахтеров стоял на точке зрения той группы учительства, которая горячо защищала идею политически-профессиональной платформы союза, в противовес группе социал-демократов, предлагавших создавать чисто профессиональный учительский союз.

Бурные были заседания этого совещания, раскалена была атмосфера, горячи были схватки и непримирима позиция социал-демократической группы. Силы раздроблялись, и В. П. Вахтеров волновался этим обстоятельством донельзя.

После московского совещания в июне того же 1905 г. должен был быть съезд в Петербурге для официального уже открытия Учительского союза. Несмотря на конспирацию (впрочем, конспирация в Учительском союзе,

¹ Моск. охран. отд. Дело о Педагогич. о-ве, № 60, 1898.

² Там же.

³ Моск. охран. отд. Дело о движении среди учителей, № 787 от 1905 г.

кажется, никогда не была особенно сильна), департамент полиции уже знал о предполагавшемся съезде, и в Петербурге могло состояться только одно заседание, а затем все мы, делегаты, в особом поезде отправились в Финляндию. И об этом департамент, оказывается, был немедленно оповещен секретной бумагой Гельсингфорского жандармского управления¹.

Но это была Финляндия, а не Россия — русские делегаты были вне досягаемости. Этот учительский съезд среди суровой природы Финляндии, среди зеленых елей и серых скал (заседания происходили на открытом воздухе) надолго остался в памяти его участников. Здесь впервые можно было говорить, не оглядываясь, не скрываясь и ничего не боясь. И здесь, впервые может быть, почувствовалось, как революционно настроена учительская масса, приславшая на этот съезд своих представителей. Вновь большая часть самых страстных прений вращалась вокруг вопроса, быть ли союзу политически профессиональной или чисто профессиональной организацией, и вновь одержало верх течение сделать платформу союза профессионально-политической. После горячих дебатов была принята профессионально-политическая платформа союза (109 голосами против 40). С-д. демонстративно ушли со съезда.

Примечание редакции.

Э. О. Вахтерова и после победы Великой Октябрьской социалистической революции не поняла принципиального значения этой борьбы, которую вели революционные социал-демократы против профессионально-политической платформы «освобожденных» и эсеровских элементов Учительского союза. Она с явным сочувствием относится к тем, кто отстаивал эту профессионально-политическую платформу и не раскрывает перед читателем того факта, что на апрельском Московском съезде тон задавали эсеры вкупе с освобожденцами и что именно они добивались и добились (большинством 96 против 23) принятия профессионально-политической платформы Учительского союза. Политический смысл создания «профессионально-политических союзов интеллигенции» В. И. Ленин с предельной ясностью вскрыл в статье «Либеральные союзы и социал-демократы». По словам В. И. Ленина, профессионально-поли-

¹ «8-го июня,— говорится в бумаге,— из Петербурга последовало через Выборг на станцию Юстила около 170 человек учительского персонала для устройства в гостинице Юстила по Сайменскому каналу недозволенного собрания с целью обсуждения некоторых политических вопросов». (Особ. отд. департ. полиции. Дело об Учит. союзе, № 999, ч. 1, т. 7.)

тические союзы интеллигенции — это либеральные союзы, составлявшие ядро так называемой конституционно-демократической, т. е. буржуазно-либеральной, партии.

«При таких условиях,— писал В. И. Ленин,— вступать в либеральные союзы означало бы со стороны членов социал-демократической партии крупную ошибку, приводило бы их в крайне фальшивое положение членов двух различных и враждебных партий. Двум богам нельзя служить. В двух партиях нельзя быть членом. При отсутствии политической свободы, в потемках самодержавного строя, смешать партии очень легко, и интересы буржуазии требуют такого смещения»¹.

Э. О. Вахтерова совершенно не освещает, что многие учителя стояли на социал-демократической, большевистской позиции. Она замалчивает, что в самой Москве, уже после апрельского съезда, на митинге учителей была поддержана точка зрения большевиков и делегатами на учредительный съезд в Петербурге были избраны в значительном числе социал-демократы. То же было и в Петербурге, где на общегородском собрании учителей начальных школ прошел список, предложенный большевиками. Однако кадетско-эсеровские элементы союза, включая и Вахтерова, отстаивали политический характер союза.

На учредительном съезде союза, происходившем 7—10 июня 1905 г. в Петербурге, борьба двух линий — большевистской и кадетско-эсеровской — была весьма острой. К точке зрения большевистских делегатов Москвы и Петербурга присоединился ряд делегатов, представлявших прибалтийские губернии, Подольский, Череповецкий и другие уезды. Но в связи с тем что на съезде преобладало большинство учителей, находившихся под политическим влиянием эсеров и кадетов, большинством 110 против 40 учредительский съезд принял профессионально-политическую платформу.

О. Вахтерова почему-то умалчивает, что революционные социал-демократы, уйдя со съезда, на собрании петербургских учителей и деятелей народного образования создали в сентябре 1905 г. социал-демократический союз. По словам одного из организаторов и руководителей этого союза Л. Р. Менжинской, союз проводил большую работу среди учителей и сыграл важную роль в организации октябрьской учительской забастовки.

Нельзя не отметить, что Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию на своем учредительном съезде не объединил всего учительства. После съезда возникло много новых уездных и национальных учительских профессиональных организаций.

В продолжение всего периода революции большевики вели борьбу за освобождение учительства из-под влияния эсеров и кадетов. В результате этого уже 3-й Всероссийский учительский съезд, состоявшийся в Финляндии 10 июля 1906 г., отменил освободительно-эсеровскую политическую платформу. Борьба большевиков за влияние на учительство приняла особенно острый характер после III съезда.

На IV делегатском съезде Всероссийского Учительского союза, проходившем также в Финляндии 19—24 июля 1907 г., имела место резкая группировка делегатов по партиям. «Все почти вопросы...

¹ Ленин В. И., Сочинения, т. 9, стр. 255—256.

подвергались предварительному обсуждению на партийных совещаниях; на общих собраниях обе представленные на съезде партии — соц.-дем. и с.-р. — выступали по заранее намеченному плану, с заранее выработанными резолюциями, а иной раз выставляли даже официальных ораторов; естественно, что такой способ обсуждения вел к особенно острым столкновениям...»¹

Большевистское влияние на съезде особенно наглядно сказалось в том, что попытка с.-р. восстановить старую профессионально-политическую программу союза была отвергнута подавляющим большинством делегатов съезда.

Борьба большевиков за народное учительство в период революции 1905—1907 гг. значительно ослабила влияние на него «освобожденцев» либералов. Народное учительство, представляя собою левый фланг буржуазной демократической интеллигенции, под влиянием революции и большевиков в своей лучшей, наиболее активной части принимало участие в борьбе пролетариата и крестьянства против самодержавия, помещиков и буржуазии. Однако большинство учительства оставалось еще под влиянием эсеров и либеральной буржуазии.

Очевидно, что Э. О. Вахтерова представляет в неверном, ошибочном свете деятельность В. П. Вахтерова как деятельность исключительно прогрессивную. Она не понимает, что в это время единственно правильной и прогрессивной позицией была позиция большевистской партии. В. П. Вахтеров всегда и неизменно поддерживал народническую партию, хотя сам и оставался беспартийным, поэтому его демократизм не был последовательным и являлся прогрессивным лишь по отношению к правым партиям и черносотенным зубрам.

В Центральное бюро союза, которое должно было действовать в Петербурге, был избран ряд москвичей и в их числе В. П. Вахтеров. По возвращении со съезда началась собирательная работа на местах, и, естественно, возникала мысль о необходимости децентрализации, о необходимости организовать несколько областных центров, чтобы живее и теснее были связи с провинцией, с деревней. Первым таким областным отделом и был московский, над организацией которого немедленно же стали работать и московские члены Центрального бюро, и члены московской группы союза. Помню, с каким энтузиазмом принялись за работу москвичи. В. П. Вахтеров добыл через земства адреса деревенских школ Центральной области, и по этим адресам мы рассылали все материалы союза. Работа шла спешно: надо было подготовить к ближайшему времени съезд учителей для утверждения областного отдела. И уже целый ряд центральных губерний определенно тяготел к будущему

¹ Журн. «Профессиональный вестник», 15(28) июля 1907 г., № 10, стр. 8.

Московскому центру, и везде завязывались живые связи. В. П. Вахтеров был во главе этой работы, он увлекался ею, был завален учительскими письмами, запросами; редкий день не было у нас какого-нибудь заседания, редкий день не приезжало по несколько учителей из провинции: обсуждалось положение вещей, будущая работа отдела. И шли непрерывные сообщения о настроениях на местах. А настроения эти были очень боевыми. В делах департамента полиции есть один очень интересный документ—это телеграмма общего собрания Калужского о-ва взаимопомощи учителей, адресованная на имя министра внутренних дел. Дата — январь 1905 г., значит, еще задолго до организации союза, задолго и до знаменитой записки, начавшей в марте организацию оппозиционных сил учительства. В этой любопытной депеше, так смело адресованной в самую, так сказать, точку, указывается на необходимость «для улучшения материального и правового положения учителей и возможности нормального хода деятельности обществ взаимопомощи» (это, конечно, дипломатия, и не о своих нуждах в данном случае думало учительство), свободы слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности, участия свободно избранных путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов представителей всего народа, в издании законов, в рассмотрении государственной росписи и в управлении страной, а до выработки основного закона, который гарантировал бы вышеперечисленные права граждан, необходим созыв Учредительного собрания¹. Не то важно, что здесь сформулированы на все лады повторявшиеся требования свобод (а впрочем, для января 1905 г. и эта редакция была исключительно смелой), а важно то, что это требование послано от имени бесправного, всегда гонимого, от всех зависящего учительства. Какие кары посыпались на маленькое учительское общество за такой дерзкий поступок, я не знаю, но, конечно, они были. Вообще же и в дальнейшем даже массовое учительство выступало довольно демонстративно. Начинали с ломки «профессиональных» твердынь: в одном месте, например, самочинно провели реформу правописания, от-

¹ Особ. отд. департ. полиции. Дело о Союзе учителей, № 999, ч. 1.

менили буквы «Ѣ» и «Ѥ», сообщили об этом «по начальству»; в другом месте ликвидировали преподавание закона божия; в третьем исключили из членов общества взаимопомощи целый ряд «особ», начиная от своего непосредственного начальства, инспектора и директора народных училищ и кончая попечителем округа, а также и местных духовных лиц и даже самого Иоанна Кронштадского. Нечего и говорить о том, что везде шла широкая работа с населением, и в одной из секретных бумаг от 1905 г. начальник Новгородского жандармского управления сообщает, куда следует, что «главными и почти единственными агитаторами среди крестьян являются учителя земских школ и почти все они принадлежат к учительскому, а многие и к крестьянскому союзу». И констатируя этот факт, он указывает и на безнадежность борьбы с этим своего рода «стихийным бедствием»: «Изъятие путем ареста наиболее злостных агитаторов, — говорит он, — все-таки не уничтожает революционной пропаганды, так как ею заражен почти весь состав учителей и учительниц, исключения можно найти лишь между старыми учителями»¹. И это наблюдение было правильным, конечно, не только для Новгородской губернии, «зараза» распространилась на всю Россию. Деревня вся, до своих основ, была охвачена революционным настроением, и она звала к себе тех, кто мог бы ответить ей на ее вопросы, разъяснить ей современные события. Везде жизнь кипела как в котле. Рабочее движение с его стачками и забастовками, ставшими «бытовым явлением», крестьянские волнения, естественно, вызывали наибольшие опасения правительства, но неспокойно было решительно везде: волнения в высших учебных заведениях, в семинариях, в средних школах, вызывающие резолюции съездов, даже и таких, от которых, казалось бы, нельзя было и ждать неприятностей (например, водопроводный съезд, борисоглебская хлебная биржа — и те требовали Учредительного собрания!) — было от чего потерять голову. Но ничего, кроме своих обычных мер по изъятию людей из обращения, ничего, кроме зверского натиска черных сил, кроме волны погромов, избиений, кроме неистовства цензуры, не могло придумать правительство в ответ на ускоряющийся

¹ Дело об Учит. союзе, № 999, ч. 1 и 2.

темп революции. Так начиналась осень. События на- зревали. В такой накаленной, политически насыщенной атмосфере протекала работа по созданию московской областной организации Всероссийского Учительского союза. В. П. Вахтеров с увлечением взялся за налажи- вание этой работы. Он был неутомим. Велись постоян- ные сношения с местами. Целая лавина книг, журналов, брошюр шла из Москвы в самые глухие углы: была ор- ганизована помощь учителю в его культурной и полити- ческой деятельности в деревне. Учительские объединения в виде ячеек, групп возникали то тут, то там. И ото- всюду шли заявления о желании примкнуть к будущей московской областной организации. В разгаре этой под- готовительной работы грянула Октябрьская всеобщая забастовка. Остановка водопровода, электричества, трамваев, железных дорог, закрытые магазины и лавки, отсутствие газет, писем... Собрания, митинги, на которых присутствующие зажигали восковые свечечки, и темные университетские аудитории кажутся мрачными ката- комбами. Горячие речи, сборы денег на оружие и жуткие слухи о волне погромов, о расправах казаков... Затем Октябрьский манифест, силой вещей вырванный у на- пуганного правительства, и свежая газета Совета рабо- чих и крестьянских депутатов, в которой манифесту дается достойная отповедь: «...все дано и ничего не дано». И призыв: до установления республики не скла- дывать оружия. О борьбе за Учредительное собрание при помощи вооруженного восстания высказывается да- же мирный союз средней школы. Еще не успокоились страсти, еще не улеглось волнение октябрьских дней, еще не наладился транспорт, но 21 октября уже соби- раются провинциальные делегаты от учительства на первый подготовительный съезд московской областной организации Учительского союза. Расстроенное железно- дорожное сообщение многих из делегатов задержало, но съезд вышел все же очень оживленным. И так велико было в учительстве стремление к объединению, что че- рез месяц после первого съезда, в ноябре, состоялся уже второй, и на нем яркое, незабываемое совместное заседание с крестьянским союзом. Вспоминается эта битком набитая зала Земледельческого училища на Смоленском бульваре, пламенные речи, общее возбуж- дение, общий подъем и определенный зов крестьянства

к учительству: руководить ими, вносить культуру в их темное царство; и братское обещание поддержки и помощи в борьбе с общим врагом. «Мы вас не выдадим», — говорили они учителям, а один черниговский делегат-крестьянин добродушно конкретизировал это обещание: «Картошки у нас и на себя и на вас хватит». На втором областном съезде В. П. Вахтеров выступил с докладом об организации области. Областничество, децентрализация были всегда его излюбленными идеями, ибо здесь осуществлялась местная самодеятельность, самостоятельность и свобода. «Мысль об областных учительских организациях, — говорил он в своем вступительном слове, — вызывается самой жизнью. При наличии целой сотни народностей, населяющих Россию, широкое областное самоуправление представляется единственным средством соединить в одну семью эти разрозненные народности и дать правильное разрешение вопросам языка, культуры и народного образования»¹. И он предлагал съезду 7 организационных пунктов, единогласно принятых; в числе этих пунктов был пункт и о сношениях с учительскими союзами за границей. Итак, областной отдел сорганизовался, в него вошли 13 центральных губерний. Было избрано Областное бюро² под председательством В. П. Вахтерова и наметились первые вехи работы: книжный склад, организованный и руководимый Н. И. Поповой, лекторская комиссия с кружком докладчиков, которые выезжали на места по вызову учительских групп, с докладами как на политические, так и на общеобразовательные темы, рассылка литературы, обмен материалами местной работы. Особое значение придавалось живой связи с местами и углублению организационных задач. Связь эта поддерживалась не только письменными сношениями, не только приездами учителей на съезды и на конференции, но больше всего особой группой лиц нашего бюро, которая взяла на себя специальную функцию: ездить на места,

¹ Были, конечно, и другие средства, но о них не говорилось вслух.

² Состав Областного бюро был таков: В. П. Вахтеров, О. Н. Марковская, Н. В. Чехов, Н. И. Попова, Э. О. Вахтерова, А. Н. Проппер, П. М. Шестаков, И. Н. Сахаров, И. С. Самохвалов, Н. А. Малиновский, С. О. Серополко, Л. Рвачев, Н. А. Скворцов, Ю. А. Бунини, Г. А. Соколов. Кандидаты: М. Ф. Тихомиров, Ковальский, Ильин, Бурцев, М. Н. Попов, Вахлин.

помогать организации новых групп и связывать их с уже организовавшимися. Эта учительская разъездная комиссия (в состав ее входили Н. И. и М. Н. Поповы, Г. А. Соколов, И. С. Самохвалов, Е. С. Камраков, позднее Н. М. Губанов) особенно много сделала для углубления учительского движения. В этот первый созидательный период областной работы В. П. Вахтеров весь ушел в нее и с обычным своим оптимизмом верил, что недалеко уже тот момент, когда разрозненная учительская масса станет силой, «с которой будут считаться самые сильные партии». Октябрьские погромы, черносотенные натравливания темных масс на интеллигенцию частично докатились и до деревни, были и там тяжелые случаи взаимного непонимания, были и случаи жестокостей. Но учительство, те лучшие его представители, которые бывали на съездах, считало, что это были единичные явления, и защищало крестьянство от всяких обвинений. И когда поднимался вопрос о том, чтобы земство ограждало учителей от возможных эксцессов, учитель говорил с негодованием: «Не надо нам защиты земства, народ, крестьянство — вот наша защита». И они были правы в своих ожиданиях, потому что действительно много и много раз крестьянство защищало и спасало своих учителей¹. Декабрьские события в Москве остановили на время работу московской областной организации. Связи временно оборвались, и заседания бюро, которые происходили по большей части в нашей квартире по Трубецкому переулку или в школе городской учительницы Ольги Николаевны Марковской на Воронухиной горе, временно прекратились. В эти дни в Москве большую роль играла московская корпорация учащихся, объединившая все наиболее прогрессивное и революционно настроенное учительство, недаром московская охранка характеризовала эту организацию как «наиболее вредную и нежелательную из числа возникших после высочайшего манифеста «7 октября»².

¹ «Крестьяне в образных выражениях давали обещание прокормить и защитить учителя,— вспоминает об этом времени И. С. Самохвалов.— Вскоре им пришлось на деле показать эту готовность, и данное обещание они исполнили во многих местах по совести». (И. С а м о х в а л о в, Из воспоминаний о 1905 г., «Народный учитель», 1925, № 1.)

² Дело моск. охран. отд., № 787, лист 266.

Уже с самого начала организации Учительского союза в циркуляре министра просвещения к попечителям округов предлагалось «образумить» учительство и не допускать его вступления в союз. И принимались соответственные меры. Но «образумить» было нельзя, потому что в стремлении к объединению было нечто стихийное. Люди сами шли на жертвы. И сколько их было, этих учительских жертв! Число их уже в январе, по сведениям Центрального бюро союза, превышало тысячу человек убитыми, ранеными, сосланными и заключенными в тюрьму. А репрессии ведь продолжались не месяцы, а годы, и если прибавить сюда всех тех, кто был лишен места, то уже получалась целая армия. Отовсюду шли вести о героических выступлениях учителей. И слова современного деятеля, П. Дауге о роли латышских учителей 1905 г.¹ с полным правом могут быть отнесены к учительству и во всех других местах, и, например, геройской смертью погибший бахмутский учитель Дейнего был, несомненно, настоящим революционным вождем своего края. 23 тысячи учителей, пострадавших в революцию 1905 г., — такова цифра, которую показывал департамент полиции. Вероятно, цифра эта очень преуменьшена. В. П. Вахтеров проектировал издание особого сборника биографий учителей, пострадавших за участие в политической работе. Он придавал такому сборнику очень большое значение, хотел писать к нему предисловие и составил обращение, которое наше бюро рассылало членам Учительского союза. Союз учителей, — говорилось в этом обращении, — имеет историю коллективных выступлений учительства — съездов, конференций, собраний (имелись в виду протоколы и другие материалы. — Э. В.), но он не имеет истории борьбы и мученичества отдельных лиц из народных учителей. Выполнить эту задачу, т. е. написать историю борьбы, страданий учителей, борцов и мучеников за счастье народа, главным образом в период наибольшего общественного подъема, перед Октябрем и после него, и решило Московское областное бюро Всероссийского Учительского

¹ Учителя были главными организаторами батрацкого движения в крае, и не один десяток из их среды поплатился жизнью в этой схватке с угнетателями края, «Известия ЦИК», № 295, 1925: Страничка из воспоминаний старого партийца Дауге.

союза...» И далее просьба о присылке материалов и анкеты с вопросами к родным и знакомым сообщить известные им сведения о пострадавшем¹. К сожалению, составление такого сборника не состоялось и материалы не были собраны. Да, жертвы в армии учительства были велики, но велик был и энтузиазм среди учительства. И в середине 1906 г., когда репрессии все усиливались и напуганные ими люди все более и более уходили вправо, когда многие земства малодушно сдавали свои культурные позиции и ликвидировали свой временный либерализм, учительство в передовых своих, хотя и сильно ослабленных, кадрах было одним из тех немногих слоев населения, которые не сдавались. По-прежнему собирались его съезды, и центральные в Петербурге, и областные в Москве, намечались и новые объединения — губернские, уездные.

Усиление реакции уже стало мешать прежнему явочному порядку съездов и собраний. Собираться уже приходилось по частным квартирам и быть начеку с работой. Внимание московской охранки к московской областной организации было большое; она считала эту организацию очень зловредной и на запрос департамента полиции дает Областному бюро такую оригинальную и совершенно в духе своего чиновничьего миропонимания характеристику: «Областное бюро, — сообщает она департаменту полиции, — играет руководящую роль, и ему *подчинены* входящие в район губернские и уездные организации учителей. Оно рассылает с нарочным (очевидно, имелась в виду наша разъездная комиссия. — Э. В.) по области революционную литературу, собирает *подведомственные* ему губернские и уездные организации, разъясняет возникающие у них недоразумения и *требует беспрекословного* исполнения организациями предъявленных им от бюро *требований*»² (курсив мой. — Э. В.). И в то же время московская охранка беспрестанно попадает впросак и пропускает съезды и конференции этой организации. Так, департамент полиции сообщает ей шифрованной депешей: «Сегодня 6 августа

¹ Беру этот текст из дела департ. полиции о Союзе учителей по району, № 3010 от 1907 г. У меня этой бумаги не сохранилось

² Моск. охран. отд. Дело о Союзе учителей по району, № 3010 от 1907 г.

в 6 часов вечера в Москве состоится заседание Всероссийского Союза учителей, допущено быть не может»¹, — а это заседание, и 6-го и в следующие два дня августа 1906 г., благополучно закончило свои занятия. Или в декабре 1906 г. департамент полиции запрашивает московского градоначальника о работе союза и получает успокоительные сведения, что «после издания 4 марта 1906 г. закона об обществах и союзах означенный союз совершенно прекратил свое существование»². В 1906 г. охранка «потеряла» союз, а между тем в этом году Московское областное бюро выпустило «Сборник против смертной казни», а в марте 1907 г. в Москве был опять съезд, и на этом съезде была, между прочим, утверждена и начала свою работу московская областная касса политического страхования, потому что ко всем видам прежней работы союза присоединилась и необходимость поддержки пострадавших членов его (Центральная касса в Петербурге существовала с 1906 г.). И все это опять «прозевала» охранка³. Однако в это время, к середине 1907 г., настроение и среди учительства начало падать. Дальнейшее расширение союза приостановилось, членские взносы и взносы в кассу страхования поступали слабо — реакция сказывалась. Но долго еще, несмотря на эту реакцию, не сдавались ни петербургский, ни московский центры: продолжалась работа разъездной комиссии, продолжалась рассылка литературы, хотя она и пропадала массами в дороге, продолжалась поддержка ссыльных и безработных товарищей, и когда уже не было союзных средств, то путем частных пожертвований, устройством лекций, концертов и пр. И Московское областное бюро не прерывало

¹ Моск. охран. отд. Дело о Союзе учителей. № 3010 от 1907 г.

² Там же.

³ Впрочем, и департамент полиции «зевал» не меньше охранки. Под боком у него в Чернышевском пер., 16, где собирались члены Центр. бюро Учит. союза, всегда шла большая революционная работа, а департамент, делая свои обыски там, ничего не обнаруживал. Или очень долго он, оказывается, не умел перечислить членов Центрального бюро, хотя все они были полностью переименованы в Бюллетене Учит. союза № 1. И когда департамент, наконец, узнал эти имена, то он не умел сообщить никаких сведений о Вахтёрове, Н. М. Соколове, В. П. Кондратьевой, хотя папки с делами об этих лицах хранились в недрах того же департамента. (Дело об Учит. союзе, № 999. т. 4.)

своих заседаний вплоть до осени 1908 г., когда пришлось ликвидировать работу, сознавшись, что союза уже нет¹.

Реакция усиливалась, преследования не прекращались. В иных кругах наблюдалось определенное поправление, иные приходили к выводу, что жизнь зашла в тупик. В. П. Вахтеров получал в это время много писем от учителей, и если иные из писем все же дышали бодростью, то были и такие, где говорилось чуть ли не о самоубийстве... После пылких надежд людьми овладевало настоящее отчаяние. Революционное настроение явно шло на убыль, революционное движение замирало, союзы сходили на нет, революционные партии вновь уходили в подполье. Судьба первой думы с ее 72-дневной жизнью не внушала никакой надежды на то, что народное представительство в какой-либо мере сможет справиться с задачами, которые ставила жизнь. И опять после революционной бури начались будни культурно-просветительной работы. Иные находили, что нельзя отвлекать силы от чисто революционной работы, что нечего тешить себя иллюзией каких-либо культурных возможностей. Другие говорили, что культурная работа вообще не возможна среди ужасов реакции. Третьи считали, что все внимание должно быть направлено на ту политическую борьбу, которая развертывается вокруг думы и в политических собраниях. Однако были и люди, глубоко убежденные в том, что культурную работу оставлять нельзя. Воссоздание культурной работы в это время было крайне необходимо, так как во многих земствах очень определенно сказалось стремление бить отбой в той просветительной деятельности, которая начала было развертываться перед 1905 годом. Новые земские выборы во многих местах выдвинули людей из породы «зубров», которые без малейшего сожаления ставили крест на прежних земских начинаниях. Сокра-

¹ Об этом так вспоминает М. И. Обухов: «После 1905 г. был разгромлен Учит. союз, но Моск. обл. бюро продолжало... существовать, и это существование его чуть не до 1910 г. нужно отнести именно на счет В. П. Вахтерова, у которого все еще теплилась надежда и который никак не хотел помириться с мыслью, что учительство окончательно разгромлено, что ему пора сложить оружие. Бюро существовало на нелегальном положении и собиралось на частных квартирах. Рукопись. (Воспоминания М. И. Обухова, Архив Вахтерова.)

щались бюджет по народному образованию, закрывались культурные очаги вроде библиотек, школ взрослых, книжных складов. С восторгом рассказывали «зубры» о том, как они, «не боясь денежных потерь», истребляли книги, «хотя и легального, но тенденциозного содержания». Им усердно помогали в этом чины полиции, и часто повторялся в те времена анекдот о каком-то усердном уряднике, который, извлекая из библиотеки криминальную книгу Туна (о революционном движении в России), заодно, по созвучию фамилий, подвергал изъятию и книги Тана и Тэна. Помогали и напуганные революцией чиновники, смешивая слова «социалистический» и «социальный» и запрещая на основании этого забавного недоразумения безобидную лекцию о «социальных болезнях».

Время наступало темное, мрачное, и дарованная «свобода печати» ознаменовала свое существование сотнями закрытых газет, журналов, тысячами запрещенных книг, сотнями закрытых типографий, арестованных редакторов и т. д. Если несколько лет перед этим старик Бунаков в своей речи на сельскохозяйственном совещании говорил о том, что мы в деле просвещения «топчемся на одном месте», то теперь можно было бояться настоящего бегства назад, и вот почему нельзя было пропускать возможностей культурной работы. Нельзя было забывать и того всем известного и страшного факта, что велик еще был процент безграмотности народных масс. И, наконец, сама она, эта народная масса, определенно ставила вопрос о своем просвещении, требовала его, не забывала о нем в самые острые моменты политической борьбы. В 1906 г. возникает движение народных университетов, и в несколько месяцев они организуются в разных районах Москвы, а затем и в провинции, кладется основа вольному университету Шанявского в Москве и начинает свою работу Лига образования. Не лишним будет вспомнить, что правительственные ассигновки на внешкольное образование были прямо смехотворны: в 1908 г., например, на все внешкольное образование было ассигновано правительством только 17 миллионов. В печати этот «щедрый» дар правительства сопоставляли с 31 миллионом, который тратился на служащих в винной монополии.

Московский отдел Лиги образования сконструиро-

вался к маю 1906 г., и В. П. Вахтеров ушел в работу Лиги с головой в роли товарища председателя отдела. При московском отделе организовалось несколько комиссий по низшей школе, библиотечная, по распространению книг, по новой школе, по воскресным и вечерним школам, по устройству лекций. Намечался целый ряд заданий: курсы и лекции для рабочих, библиотеки-читальни, клубы, разработка законопроектов по реформе народного образования для внесения их в думу и т. п. Число членов непрерывно росло (к 1-му собранию Петербургская Лига насчитывала уже около 300 тысяч членов), приток средств увеличивался, и все большее количество и новых, и раньше существовавших обществ и комитетов примыкало к лиге. И отовсюду: из Серпуховского комитета, из Канавинского (Нижегор. губ.), из Изюмского (Харьковск. губ.) — шли бодрые вести о живой культурной работе: можно было ждать, что страну покроет целая сеть культурных ячеек. Деятельность Лиги до известной степени удовлетворяла Василия Порфирьевича. Но у него была и другая цель, когда он вошел в эту организацию: он надеялся использовать ее и в целях учительского движения. Среди членов Московского комитета Лиги большинство были «кадеты»; они пропагандировали «чистую» культурную работу, они не хотели «засорять» ее никакими «левыми тенденциями», и только в лице И. Н. Сахарова, который всегда был близок учительству, В. П. Вахтеров нашел сочувствие своим планам. В. П. Вахтеров всегда стремился к тому, чтобы комитеты лиги организовывались учителями, и всегда особенно усердно рассылал по учительским адресам уставы и всякие материалы лиги и радовался, когда на основе работы местных комитетов лиги опять сплачивались распыленные силы учительства. Он особенно пропагандировал «сельские комитеты» и со свойственным ему оптимизмом возлагал на них большие надежды в будущем. Но жизнь разбила эти надежды. Интересно, что, утвердив устав лиги, правительство, однако, скоро спохватилось, что сделало ошибку. Прежде всего, вероятно, бросалось в глаза то, что в центральные органы лиги вошли все знакомые департаменту лица: Чарнолуский, Фальборк, Рубакин, Калмыкова — в Петербурге; Вахтеров, Сторожев, Сахаров и другие — в Москве. Подозрительность правительства была, вероятно,

возбуждена и тем, что правые партии, реакционная печать и черносотенные члены Государственной думы самым усердным образом поносили новое общество. Особенно изощрялся в злопыхательстве известный черносотенец Пуришкевич, который нередко даже в думе находил время для филиппик против лиги, обзывая ее то «жидовско-масонской», то «кадетской», то революционной. Но хотя лига и считалась московской охранкой «как бы преемницей Комитета грамотности»¹, хотя она и сокрушалась о том, что в лигу «путем подтасовки выборных приемов проведены исключительно неблагонадежные элементы и преимущественно социал-демократической партии и левых кадетов... с давнего времени известных в охранном отделении своей неблагонадежностью»², время все же было несколько иное, и прямо закрыть лигу, как это было бы совершенно просто сделать до 1905 г., было нельзя. И, признавая деятельность ее «безусловно вредной», московское охранное отделение все же принуждено было сказать, что она еще «не дает поводов для возбуждения вопроса о ее закрытии»³. И лига до поры до времени продолжала свою работу, Петербургская — в более широком, всероссийском масштабе, Московская — в более узком, по области. Комиссия по низшей школе, председателем которой был избран Вахтеров, выпустила составленную членами комиссии Записку по организации низшей школы⁴, где излагались те принципы демократической школы, которые в это время были уже общепринятыми в либеральных и

¹ Моск. охран. отд. Дело о правлении Моск. обл. отд. Лиги образования, № 233, т. I от 1907 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Между прочим, происхождение этой Записки таково: проектировалось объединить все общеобразовательные организации Москвы для выработки общего плана реформы народной школы к предполагаемому съезду деятелей по городскому и земскому самоуправлению с особой секцией по народному образованию. Подготовка этой секции с очень широкой программой была поручена В. П. Вахтерову, и он мечтал о грандиозном всероссийском съезде, где можно было бы выявить все нужды народной школы. Одной из подготовительных работ к этому съезду и была вышеупомянутая Записка, которая была известна под именем Вахтеровской, хотя в составлении ее принимали участие все члены комиссии и только одна ее часть о всеобщем обучении была составлена единолично Вахтеровым, о чем и упоминалось в выноске.

демократических педагогических кругах. Записка была широко разослана по местам с целью вызвать отклики и в надежде привлечь к обсуждению вопросов народного образования широкие демократические круги.

В добавление к этой записке рассылалась еще другая, того же содержания, но изложенная более простым языком, и учителям предлагалось распространять ее среди родителей учеников в деревне и в городе, чтобы иметь, так или иначе, голос масс. Записка призывала «высказать свои мнения, сделать добавления, поправки... Всякое мнение, всякая поправка будут с благодарностью приняты комиссией. Наша работа только тогда будет ценной, если она будет выражать мнение страны. На основе этих мнений страны и должна строиться новая школа», так кончалось это обращение к тем слоям населения, которые в те времена еще не имели доступа на съезды.

Записка «была встречена с сочувствием, ее требовали на места, ее обсуждали в учительских и общественных собраниях, к ней слали замечания, добавления. Много писем было и лично к Василию Порфирьевичу, но, к сожалению, из всего этого интересного материала я нашла в Архиве Вахтерова только одно письмо из Рязанской губернии от какого-то канцелярского служащего, который писал, что записка захватила его и что «мысли, мнения, желания потоком хлынули в измученную голову его...» Письмо длинное, на целых шести листах, и выражает требование поставить обсуждение вопроса народного образования самым широким образом. «Вопрос народного образования, — пишет автор письма, — должен быть обработан как можно шире, как можно глубже и согласоваться с общим мнением и голосом самой страны, которая не может ошибаться, потому что она знает, где чем пахнет». Сколько миллионов крестьян читали или обсуждали вашу записку, спрашивает он и утверждает, что «все остальные мнения, будь они хоть всех учителей, ученых и общественных деятелей России, не имеют цены и представляют из себя песчинку, приставшую к мячику». Эта «максималистическая» часть письма необыкновенно понравилась Василию Порфирьевичу, и он читал его приходившим к нам, лукаво улыбаясь,

Эта записка была весьма отрицательно квалифицирована в недрах департамента полиции как очень «вредная» и «подрывающая существующие основания».

С января 1907 г. у В. П. Вахтерова прибавилось работы по лиге: стал выходить орган московского областного отдела журнал «Просвещение», и Василий Порфирьевич был избран одним из его редакторов (другим был проф. В. Д. Соколов). Уже в первых редакционных статьях этого журнала В. П. Вахтеров высказал свое намерение сделать его и органом учительства, стараясь привлечь учительство к сотрудничеству в журнале. С первых же номеров журнала открылся отдел под названием «Голос народного учителя». Самая большая часть журнального места отдавалась вопросам просвещения. В одной из первых руководящих статей «О задачах Лиги образования по отношению к школе» В. П. Вахтеров высказал свои мысли о школе, противопоставляя их тому казенному идеалу, который культивировало правительство, и призывая к работе по народному образованию всех, кому дорого это дело. И в ответ на те колебания и сомнения общества, о которых говорилось выше, он заканчивал свою статью утверждением, что «просветительная работа, достойная этого имени, еще никогда не мешала освободительному движению и никогда не оставалась для него бесполезной»¹. И нельзя забывать того, что «просвещение составляет одно из повелительнейших требований народа»². Журнал, однако, все же мог иметь лишь определенную аудиторию; упомянутая выше записка тоже в сущности шла по педагогическому руслу, и В. П. Вахтеров, любитель широких масштабов, составил особое обращение-циркуляр, который предполагалось разослать в огромном количестве экземпляров и который содержал в себе горячий призыв «всем, всем» принять участие в просветительной работе. Обращение это, однако, не увидело света: оно было изъято охранкой в типографии Вильде, где оно должно быть напечатано, и дало лишь новый повод к обвинению Московского отдела Лиги. Несколько позднее на запрос из департамента полиции о Московском комитете Лиги московский обер-полицмейстер писал по

¹ «Просвещение», 1907, № 1.

² «Просвещение», 1907, № 4.

начальству, что характер деятельности отдела лучше всего обрисовывается в этом изъятом полицией циркуляре, подписанном его председателем (т. е. Вахтеровым). Привожу несколько выдержек из этого документа, сохранившегося только в делах московского охранного отделения: «В последнее время Министерство народного просвещения составило ряд проектов о всеобщем обучении и о преобразовании разных типов учебных заведений. И есть признаки, что дело народного образования хотят всецело взять в свои руки те самые лица и органы, которые изуродовали нашу школу на всех ступенях, превратили ее в казарму и поставили нашу страну на самое последнее место в деле народного образования». После такой характеристики Министерство народного просвещения был призыв к обществу: «Чтобы спасти будущую школу от грозящего ей развращения, необходимо, чтобы все прогрессивные общественные силы взялись безотлагательно за дело народного просвещения на новых началах, противоположных тем, на которых насаждал свои школы и общеобразовательные учреждения старый строй. Эту работу необходимо начать теперь же, потому что никакая другая работа не поможет освободительному движению в такой мере, как дело просвещения на основе равенства, свободы и вообще на демократических началах. Кто хочет завоевать и упрочить в стране права человека и гражданина, тот должен стремиться к тому, чтобы права эти были написаны не на бумаге только, а в умах всего народа... Вопрос о народном образовании тысячами нитей связан со всеми главными вопросами, которыми болеет наша страна». И далее было приглашение организовать местные городские и сельские комитеты лиги с указанием, как это сделать. Циркуляр подписан: «Вахтеров»¹.

В журнале лиги, особенно потому, что при нем существовала редакционная коллегия, тон был сдержаннее, но все же и журнал был взят под подозрение и в сферах квалифицировался как орган, который «имеет задачей, согласно с целями лиги, проводить идею демократизации просвещения и свободы последнего от всякого над-

¹ Моск. охран. отд. Дело о Правлении обл. отд. Лиги образования, № 233, т. 1 от 1907 г.

зора, а в политическом отношении держится крайне революционных взглядов»¹.

Таким образом, за Московским отделом Лиги, за его бюро в особенности, несмотря на очень еще кратковременное его существование (всего несколько месяцев), велось неплохое, как видно, наблюдение и числилось уже немало грехов. Положение становилось шатким: из обозрения материалов московской охраны это теперь становится ясным, но материалы эти ведь не были известны работникам лиги и, вероятно, не раз грешили они отсутствием конспирации. Положение Учительского союза в 1907 г. уже начинало становиться все более и более безнадежным. Правда, не сдавало своих позиций наше Учительское бюро, еще созывались время от времени учительские съезды и конференции, но собираться становилось все труднее, членские взносы поступали все ту же и ту же, материалы, рассылавшиеся нами, не доходили по назначению, а помощь пострадавшим учителям все чаще зависела от случайных пожертвований. Нужны были какие-то толчки, нужно было как-то поднимать настроение, и такую роль могли сыграть учительские курсы, на которые легально можно было собрать большое количество учителей. И когда летом 1907 г. Московский комитет Лиги разослал по учительству свои приглашения на летние учительские курсы, ожидая на них до 1000 слушателей, то на эту тысячу приглашений съехалось ни больше ни меньше, как две с половиной тысячи человек. Задача курсов была двойная — и дать знания², и объединить съехавшихся учи-

¹ Интересна переписка по поводу этого журнала между попечителем округа и моск. губернатором. Попечитель на запрос о журнале, основываясь, вероятно, на полицейских донесениях, называет его «тенденциозным и вредным», а губернатор пишет на полях бумаги: «Желал бы, чтобы попечитель следил за школьно-педагогической литературой. Я не могу за всем усмотреть». (Канц. моск. генерал-губернатора. Дело № 90, т. 1 от 1907 г.)

² Программа курсов была широкая. Были объявлены лекции по химии, геологии, физиологии растений, биологии, русской литературе, политической экономии, педагогической психологии, педагогике. «Задача курсов,— говорилось в обращении от курсовой комиссии, председателем которой был В. П. Вахтеров,— заключается не в том, чтобы дать законченный цикл тех или других знаний, а в том, чтобы дать умственное возбуждение, заинтересовать предметом, возбудить стремление продолжать самообразование, дать руководящие указания...»

телей на лозунгах Учительского союза. Вторая задача, естественно, была негласной. Департамент полиции, однако, не был так прост, чтобы не проникнуть в эти «негласные» цели, о чем свидетельствует найденная мною в его делах бумага: «С самого начала оказалось, — говорится в этой бумаге, — что правильно организованные систематические курсы эти имеют в виду не столько общеобразовательные предметы, сколько вкоренение слушателям политических подтасованных идей», и дальше еще определеннее: «Под флагом этих курсов состоится съезд Всероссийского Учительского союза, делегаты на каковой съезд съехались в Москву в числе (!) слушателей курсов»¹. Наличие такой бумаги (вероятно, среди огромного количества съехавшихся было нетрудно проникнуть шпионам) уже предрешало судьбу курсов. И хотя работа как будто шла гладко, однако, очевидно, уже была организована слежка. И вот в одном из общежитий курсантов, в Московском сельскохозяйственном институте, куда пришла после лекций партия из другого общежития и куда должна была прийти, но, к счастью, не пришла, будучи предупреждена, еще вторая партия, была произведена облава. Все были допрошены, обысканы, некоторые были арестованы (в числе их и член нашего Учительского бюро Н. М. Губанов, который вел на курсах работу по объединению учительства). Допрошены были даже профессора сельскохозяйственного института, хотя они ровно никакого участия в делах курсов не принимали. И теперь, уже без всякого промедления, были закрыты (20 июня 1907 г.) и курсы, и Московский отдел Лиги, а также и журнал «Просвещение», успевший выпустить в мае свой, ставший последним, 9-й номер. Таким образом, Московский отдел Лиги образования просуществовал всего год с небольшим. «По рассмотрении протоколов заседаний Правления, — говорится в бумаге о закрытии отдела, — выяснилось, что прикрываясь утвержденным уставом, Московский отдел Лиги направил свою деятельность к объединению всех союзов и обществ, преследующих просветительные и учебные цели, и является приемницей (?) закрытого в 1895 г. Комитета грамот-

¹ Моск. охран. отд. Дело о Союзе учителей по району, № 3010 от 1907 г.

ности»¹. Это было совершенно верно, как верно было и другое умозаключение охранного отделения, констатировавшего тесную связь лиги с Учительским союзом, недаром в делах охраны о лиге фигурируют и документы о союзе, и обратно, в делах об Учительском союзе находятся материалы о работе лиги.

Заккрытие курсов, закрытие лиги очень тяжело было воспринято В. П. Вахтеровым. Терялось опять то русло культурной работы, которую он считал безоговорочно нужной, терялись вновь завязанные нити учительских связей. И опять это был удар по его оптимизму. «Общественная работа в России невозможна», — писал он мне в это время. Надо сказать, что этот именно год, единственный год нашей совместной жизни, мы прожили с Василием Порфирьевичем врозь: из-за болезни детей я весь год провела с ними в Крыму, он же оставался в Москве и только изредка наезжал к нам. И как раз этот год оказался для него исключительно тяжелым, а я издали не могла помогать ему, как это бывало обыкновенно. И он, заваленный и общественной работой — Лига, комиссии, журнал, курсы, отдельные выступления, — и текущими своими делами по переизданию книг и учебников, совершенно изнемогал. Сначала не ладилось у него дело с журналом. Начавши выходить в январе, т. е. в глухое для подписки время, журнал имел мало подписчиков, а так как средства на него давал И. Д. Сытин, то В. П. Вахтеров, исключительно деликатный в денежных делах, волновался мыслью об убытках. Но и сама по себе редакционная работа была ему тяжела. Его осаждали авторы и требовали помещения своих часто слабых статей, а он не умел отказывать. А когда плохая статья появлялась в журнале, его бранили читатели. Я жалею, что у меня не сохранилось одного его письма, где он с комическим отчаянием описывал мне один такой редакционный день, когда на него, как на бедного Макара, сыпались со всех сторон шишки: какая-то дама обругала его, что он не поставил ее фамилии в списке сотрудников, какой-то автор налетел на него с обидой за допущенные в его статье корректурные ошибки,

¹ Моск. охран. отд. Дело о Правлении обл. отд Лиги образования, № 233 от 1907 г.

третий требовал, чтобы его очень водянистая статья была помещена без сокращений, и так наседал на В. П. Вахтерова, что он не мог отказать ему, а член редакционной комиссии, по уходе автора, пробежав его статью, в свою очередь выругал Василия Порфирьевича за то, что он слишком деликатничает. Все это было описано очень комически, краски, конечно, были сгущены, но что-нибудь в таком роде могло быть, и я понимаю его настроение. «У меня голова идет кругом от этой журнальной суеты, — пишет он мне, — вот навязал себе муку. А тут еще пропущен подписной период, беда, да и только!» — «Хочу отказать от редакторства, — пишет он через месяц. — Ничего я там сделать не могу, а неприятности исходят главным образом оттуда. Отношения обостряются, и чем дольше, тем больше». Но журнал все же как-то связывал с учительством, и потому приходилось выжидать, терпеть и выносить на своих плечах все возникавшие недоразумения. В числе недоразумений немало было партийного свойства: в редакции, как и в Комитете лиги, было много кадетов, а направление и симпатии В. П. Вахтерова шли вразрез с общим тоном группы, так что работать иногда было очень трудно. И В. П. Вахтеров не выдержал, и в апреле, закончив и сдав материал майской книжки журнала, он пишет мне: «От редакторства я решил отказать безоговорочно». И как раз это решение оказалось впустую: волей судеб майская книжка журнала и вообще была последней, так как журнал был закрыт. Много волнений дали В. П. Вахтерову и учительские курсы, на которые вместо ожидавшихся тысячи человек съехалось вдвое больше, и это было целым бедствием. «Мы похожи на того средневекового монаха, — писал мне Василий Порфирьевич, — который вызвал духов и не знает, что ему делать. Так и мы: вызвали слушателей и не знаем, как быть с ними». — «Сейчас я в состоянии безумия, — пишет он мне в июне, — на 5000 заявлений на курсы мы послали 4000 отказов, а учителя, несмотря на отказ, едут, плачут, умоляют, проклинаят, грозят. И мы ничего не можем сделать. Едут из Забайкалья, из Закаспийской области, Баку, Тифлиса». ...Всем этим приехавшим из далеких окраин людям нужно было устроить ночлег, питание, аудитории для лекций, а все расчеты были только на одну тысячу человек. И случилось так, что большая

Часть хлопот и трудностей по устройству приезжих упала опять-таки на Василия Порфирьевича, и он изнемогал. Его мечтой было использовать эти курсы в целях учительского объединения, а тут на него навалились вопросы чисто практического свойства: столовые, кровати, матрацы, поиски аудиторий, сношения с начальством. Все обращались к нему, все рвали его на части, он ездил, хлопотал, волновался. И случилось так, что в это именно время он выпускал свою книгу «Предметный метод» и его заваливали корректурами и торопили с ними. «Ты и представить себе не можешь, на какие мелочи я расходую свои силы, — пишет он мне в эти дни, — я подыскиваю помещения для лекций, ночлежные для курсистов, кровати, матрацы и проч. Неужели из-за этого надо бросать все начатые работы и только потому, что матрацы — это общественная деятельность, а не кабинетная». Если бы курсы удались, настроение было бы, конечно, другое, но курсы провалились, редакционные неприятности угнетали. Лига закрылась, и в душе копилась горечь разочарования. Одна знакомая учительница как-то сказала Василию Порфирьевичу, что учительство ждет теперь от него теоретической разработки вопросов новой школы, и как ухватился он за это мнение: оно совпадало с его стремлением уйти в кабинетную работу. И у него рождался план, который он сейчас же сообщает мне: уехать в деревню и заняться вплотную литературно-педагогической работой. Этот план казался мне искусственным, надуманным, результатом временного упадка сил и настроения. Нельзя было помириться с тем, чтобы Вахтеров совершенно ушел от жизни, от людей. Я пыталась спорить с ним, предлагая компромиссное решение: на кабинетную работу пусть уходит хотя бы и большая часть времени, но все же часть должна остаться и на общественную деятельность. «С твоей дробью я согласен, — отвечает он мне, — $\frac{2}{3}$ на литературу и $\frac{1}{3}$ на общественную работу. Но как это устроить? Как устроить это мне, не умеющему отказывать никому и никогда? Разве ты придешь мне на помощь. А то я и теперь запряг себя на несколько дел на осень и зиму. Зовут меня в Петербургскую академию, зовут на лекции в провинцию, зовут в новые комиссии».

Он почти все время стал отдавать литературной ра-

боте, стал избегать людей, отказывался от заседаний в разных обществах. Он отказывался даже от курсов, и, когда я напоминала ему, какое значение для учительства имеют эти курсы и общение с ними и как сам он оживлялся на них, он с грустью и горечью говорил: «Нет у меня веры ни в курсы, ни в людей». Очевидно, было тут что-то почти болезненное. А в обществе удивлялись, почему это Вахтеров ушел от учительства, почему его нигде не видно, почему он нигде не выступает. А он переживал в этот период тяжелое настроение крушения привычного ему оптимизма. Как-то в одном из своих еще очень давних писем он говорил мне: «Видишь ли, почему я боюсь пессимизма. Я знаю, я уверен, что я не вынесу его более или менее продолжительного времени. Прямолинейный ли я человек, или люблю дело больше, чем слова, но это так: раз я буду заражен пессимизмом, песенка моя спета». И вот именно в это время эта волна пессимизма и налетела на него, — причин и общественного и личного характера было достаточно, а кроме того, подорвавшая его силы длительная болезнь (воспаление легких) и непривычный для него, вследствие долгого лежания, досуг тоже давали пищу этому настроению. Мне приходилось много и долго бороться с этой такой несвойственной ему мизантропией, убеждать его в ошибке, какую он допускал в своих обобщениях, и я сама, в сущности пессимист по природе, из протеста ли, из чувства ли страха перед какой-то душевной катастрофой, надвигающейся на близкого человека, совершенно искренно чувствовала в себе прилив оптимизма и, как умела, ободряла и успокаивала его. И в то же время не могла сознавать, что для В. П. Вахтерова, человека широкого размаха, действительно нечего было делать в серых сумерках упрочавшейся реакции.

К 1906 или 1907 г., если не ошибаюсь, относится одно совершенно удивительное событие: В. П. Вахтерова чуть не пригласили занять «правительственный пост». Правительство собиралось создать министерство из людей, «облеченных доверием страны», как тогда выражались. У Василия Порфирьевича была одна интересная знакомая из «придворных сфер» — Ю. Д. Глинка. Это была старая фрейлина царицы, жены Александра II, сохранившая свои связи при дворе вплоть до 1917 г., хотя давно уже жившая «на покое». По настроению это была

очень фрондирующая, а для своей среды очень либеральная старуха (она, например, играла какую-то роль при переговорах об освобождении Чернышевского) и с большими связями. Познакомился с ней В. П. Вахтеров еще в Смоленске, где у нее, кажется, было имение. Время от времени она писала Василию Порфирьевичу, и многое в ее письмах было не лишено интереса. Она хорошо знала двор и иногда очень метко и зло характеризовала его представителей. В числе ее знакомых был, конечно, и всесильный тогда Трепов, этот «вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждениям», как кто-то называл его, а в те дни настоящий диктатор. Старушка Глинка не хвасталась, когда говорила, что с ней советовались и по вопросу о тех лицах, которых правительство думает пригласить в кабинет. И вот как-то Глинка вызвала Василия Порфирьевича по телефону из Петербурга и спросила его, как отнесется он к предложению взять портфель министра народного просвещения. Василий Порфирьевич, не раздумывая и без малейшего колебания, отверг это предложение, а в письме к Глинке мотивировал отказ тем, что не верит в министерство, создаваемое Треповым, и не хочет быть министром «ценою проклятия потомства»¹. Я совсем забыла об этом эпизоде, если бы не нашла в Архиве Вахтерова письма Глинки, уже от 1917 г., где она вспоминает об этом обстоятельстве и об отказе Василия Порфирьевича. Переговоры о создании министерства продолжались в течение некоторого времени (кажется, это и было время переговоров с Шиповым, Милюковым, Трубецким), но создание такого министерства и вообще не состоялось. Во всяком случае, в этом вопросе, обращенном через Глинку к Вахтерову, было нечто характерное: Трепов хорошо знал Вахтерова, потому что первая характеристика его деятельности, «видам правительства не отвечающая», была дана именно им, да и в дальнейшем ряд неутверждений и преследований Вахтерова шел, конечно, не без участия Трепова. Но в то же время он знал о популярности Вахтеро-

¹ «Помните ли вы тот день в 1906 г., когда я вас по телефону вызвала из Москвы и вас спросила, приняли бы вы портфель министра народного просвещения? Я вам тогда же сказала, что Трепов меня просил вас на этот счет зондировать». (Письмо Глинки от 1917 г. Архив Вахтерова.)

ва и захотел сыграть на этом, о человеческой же психологии судил, очевидно, по себе и был, надо думать, очень удивлен отказом его от дававшейся ему возможности «реабилитироваться».

И В. П. Вахтеров все больше и больше уходил в кабинетную работу: он уже начал собирать материал для своей книги «Основы новой педагогики», набрасывал ее план, говорил о том, что это будет его педагогическое «kredo». И это время, конец 1907 и весь 1908 год, были действительно для него годами какого-то затворничества. Можно было бояться, что он совсем замкнется, совсем уйдет от людей... Но как в общественной жизни, так и в жизни отдельного человека есть, очевидно, какой-то свой «ритм», какие-то «приливы» и «отливы»... Осенью 1908 г. армавирские учителя прислали В. П. Вахтерову письмо с просьбой приехать к ним и прочесть несколько лекций. Армавир был одним из очагов революционного движения на Кубани и в то же время очень крупным культурным центром. Летом 1908 г. город был объявлен на военном положении, были произведены многочисленные обыски и аресты: революционное движение было подавлено. Но армавирские учителя не упали духом и перешли к энергичной просветительной работе по организации народного университета, общедоступных курсов и проч. Чтобы объединиться на этих начинаниях, было решено устроить съезд учителей, для этой цели пригласить Вахтерова. Вот что рассказывает об этом приглашении Н. А. Малиновский: «Нужно заметить, — пишет он, — что учебники Вахтерова в здешнем крае сделались самыми популярными, а личная его притягательность всего более возросла с организации Учительского союза. Из учителей только двое видели его самого. Тем более разгоралось всеобщее желание лично услышать и увидеть самого любимого и уважаемого человека, своего путевода, особенно в момент перелома настроений и выбора пути жизни. Написали письма, приложили намеченную программу съезда. В. П. Вахтеров приехал. Провел в Армавире оба дня съезда, сделал два доклада. Провел съезд в Лабинске и Баталпашинске. Проехал не одну сотню верст в деревенском экипаже, по грунтовым дорогам, не считая железной дороги, отклоняясь от прямого пути в стороны, чтобы посетить школы различных типов в разных селениях, в том числе и в глухом

ауле...»¹ Вот она эта волна, этот прилив, этот «ритм»: где пессимизм, где разочарование в общественной работе, где усталость? Целую неделю длится эта экспедиция, и, когда он уехал, учительство долго еще переживало полученные впечатления. И в общественной жизни усталость и разочарование начинают сменяться волной подъема. Намечается подъем и культурно-просветительной работы. Когда в 1909 г. умер Московский отдел Лиги, возобновляется ходатайство Московского О-ва грамотности о новом уставе. Старый устав, как известно, сводил на нет всякую деятельность, и к 1908 г. в о-ве оставалось только 8 членов! Идут хлопоты о новом уставе. Но департамент полиции уже чувствует, что прокладывается новый путь. «Мною получены из секретного источника сведения о том, что некое закрытое по вашему распоряжению общество в Москве, именовавшееся лигой, — пишут московскому градоначальнику из департамента полиции, — намеревается лишь фиктивно ликвидировать свои дела, предполагая в обход означенного распоряжения продолжать по-прежнему свою зловредную деятельность под фирмою какого-то вновь возникающего о-ва»². Очевидно, речь идет именно о пытавшемся возродиться Московском О-ве грамотности. И, вероятно, какие-нибудь препятствия воздвигались на пути осуществления этого проекта, потому что утверждение устава было получено лишь к 1908 г. И надо сказать, что для того времени глухой реакции это все же был не плохой устав, а для Москвы действительно это было возрождение убитой работы Лиги образования. Прочтя в «Русских ведомостях» статью о новом уставе, написанную П. М. Шестаковым³, московский генерал-губернатор выражает московскому обер-полицмейстеру опасения, не является ли, мол, означенное общество «естественным продолжением дела закрытого о-ва Лиги образования»⁴. В. П. Вахтеров довольно скептически отнесся к возрождению О-ва грамотности и не пошел даже на его от-

¹ Письмо Н. А. Малиновского (Архив Вахтерова).

² Моск. охран. отд. Дело о Правлении обл. отд. Лиги образования, № 233, т. 1 от 1907 г.

³ «Русские ведомости», 1908, № 17, ст. Шестакова «В добрый час».

⁴ Моск. охран. отд. Дело о Моск. О-ве грамотности, № 834 от 1908 г.

крытие. Первое собрание было очень скромным и благонамеренным: председатель Д. И. Тихомиров в своей речи заявил, что «общество не будет заниматься политикой», а пробравшийся на заседание полицейский чин успокоительно докладывал по начальству, что в члены были выбраны «большой частью «умеренные» и что «левые были забаллотированы»¹. Однако один из пунктов нового устава, дававший обществу право на открытие автономных отделов, возрождал надежды на восстановление провинциальных очагов культуры, и — сердце не камень — В. П. уже задумывается над этой возможностью. В О-ве грамотности предстоят новые выборы, и возникает мысль провести в правление левые элементы. Переговоры об этом ведутся в нашей квартире, и во главе опять-таки почти вся группа бывшего Московского Бюро Учительского союза. Все были увлечены этой идеей «собирания сил», вербовали членов, и в день выборов тихое за последнее время помещение О-ва грамотности наполнилось шумной толпой молодежи. Однако наш маневр почему-то не удался, намеченный нами список не прошел: очевидно, слух о наших намерениях дошел до президиума, и с их стороны тоже собралось много людей. Все же состав Правления несколько обновился, в него вошли члены бывшего комитета, состав членов тоже пополнился новыми лицами, и работать стало возможнее. В. П. Вахтеров вошел в члены Правления, и, раз войдя, он уже не мог быть только пассивным членом. Впрочем, в возможность работать верили не только такие оптимисты, каким, несмотря на все временные разочарования, всегда был В. П. Вахтеров, в нее верили и партийные люди, и, например, Ив. Ив. Степанов-Скворцов тоже вошел в члены общества: мысль об использовании легальных учреждений для революционных целей тогда была популярна среди революционеров. Сейчас же организовалось несколько комиссий: библиотечная, по всеобщему обучению, по воскресным школам и т. д. В соответствии с оживившейся работой общество получает в охранке и надлежащую характеристику: «Моск. О-во грамотности, — говорится в одной из бумаг, — известно как организация левоопозиционного направления, захваченная деятелями конституционно-демократи-

¹ Моск. охран. отд. Дело о Моск. О-ве грамотности, № 834.

ческой партии и интеллигенцией народнического лагеря»¹. Учительского союза уже не было, но Учительское бюро все же время от времени собиралось: были неотложные задачи по оказанию помощи пострадавшим учителям. Это было временем усиленных гонений на учителей, когда они буквально тысячами выбрасывались за борт жизни. Москва была переполнена ими, и приходилось, иногда с большим трудом, их устраивать. Не имея «фирмы», конечно, это было не легко. И В. П. Вахтеров указал новый путь. Он вошел в Правление О-ва грамотности с представлением об организации новой комиссии «об учащих» и предложил членам бывшего Бюро Учительского союза в нее перенести свою работу. Председателем комиссии был избран он же, и в нее полным почти составом перешло и учительское бюро бывшего Учительского союза. Официальная работа комиссии была — собирание сведений о материальном положении учителей, для чего была выработана специалистами и широко разослана по школам анкета, обнимавшая все вопросы материального быта учителей; мог получиться большой и интересный материал. Но, кроме того, в числе естественных задач комиссии была и помощь учителям, в этой помощи нуждавшимся. О тех, кого можно было назвать «безработный» и которые переполняли Москву, можно было заботиться открыто, и помощь им вылилась в организацию дешевых или бесплатных квартир, в приискании занятий, для чего комиссия вошла в сношения с земскими и городскими учреждениями². Но многих учителей приходилось, кроме того, скрывать от внимания полиции, для чего у нас в Москве были такие школы и такие квартиры. Иногда приходилось и переправлять людей куда-нибудь в безопасные места, и был тоже ряд таких адресов (дача в Калужской губернии, земская больница под Москвой, Толстовская колония), куда отправляли наших клиентов³. Это уже относилось к не-

¹ Моск. охран. отд. Дело о Моск. О-ве грамотности, № 834 от 1908 г.

² См. об этой работе в отчетах Моск. О-ва грамотности за 1908—1909 и 1910 гг. а также в ст. Э. Вахтеровой «Безработные учителя в Москве». «Вестник воспитания», 1909, № 7, стр. 159—164

³ Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях М. И. Обухов (между прочим, он состоял секретарем этой комиссии и жил в Москве под чужой фамилией): «После бегства моего из Архангельской

гласным работам комиссии, равно как и посылка денег в места ссылки и другие подобные виды помощи, для чего, когда были исчерпаны слабые средства комиссии и остатки кассы страхования, мы прибегали к устройству концертов, лекций, к разным сборам и частным пожертвованиям. Комиссия об учащих была, таким образом, как бы уголком Учительского союза, и такую свою двойственную работу она сохранила вплоть до 1917 г., стараясь не терять своих прежних учительских связей, снабжая места литературой, лекторами, содействуя учительским объединениям и пр.¹ Руководя работой комиссии, принимая участие в заседаниях Правления О-ва грамотности, иногда выступая с докладами по тому или иному вопросу, В. П. Вахтеров очень много времени отдавал и литературной работе: за годы 1907—1910 им были написаны и повторно изданы главные его педагогические книги. Первая из них «На первой ступени обучения» являлась методическим руководством к обучению чтению и письму и, кроме того, заключала в себе исторический очерк по истории методов обучения грамоте. Другая книга, «Предметный метод обучения», является горячей защитой естествознания в начальной школе, а также пропагандой активности и самостоятельности ребенка. Эту книгу с особенной любовью писал В. П. Вахтеров: ему хотелось дать в руки учителя такое пособие, которое вооружило бы его возможностью вдохнуть жизнь в школьное обучение. И, кажется, он достиг своей цели, потому что именно так и оценивало учитель-

ссылки я обратился прежде всего к В. П. Вахтерovu. И я встретил самый радужный прием. В его квартире я и укрывался в первое время, затем при его помощи я был устроен в более безопасное место, сначала в земской больнице близ Москвы, затем в хуторе одного мелкого помещика Тверской губернии. Одним словом, для того чтобы оказать мне помощь в моем трудном положении, В. П. Вахтеровым были пущены в ход все его связи и ресурсы вплоть до денежной помощи в критические моменты. Много обязан я ему и во время вторичной ссылки из Москвы в Астраханскую губернию, куда он посылал мне нередко денежную помощь. Одно время я даже прожил у Вахтеровых целое лето на даче, недалеко от Калуги». (Воспоминания М. И. Обухова, Архив Вахтерова.)

¹ Так что и правильно и неправильно было донесение моск. охранки в департамент полиции (от сент. 1908 г.), что «деятельность Всероссийск. Учит. союза в черте города Москвы не проявляется» (Дело № 787 от 1905 г.). Действительно «видимо» эта деятельность уже не проявлялась.

ство эту книгу. И третья небольшая книжка — «Спорные вопросы образования» касалась острой в тот момент темы «профессионализации» народной школы, темы по тому времени несомненно реакционной. В намерении внести в убогую программу 3-летней народной школы профессиональные сведения сказывалось стремление урезать ее общеобразовательное содержание¹.

Эта литературная работа, к которой всегда присоединялось и очередное переиздание учебников, брала и много времени, и спасала отчасти от мрачных мыслей и настроений. А для мрачных мыслей и настроений было немало поводов: политическая атмосфера была тяжелая, достаточно сказать, что это было время господства военнопольных судов, не знавших пощады.

В 1908—1909 гг. еще одно дело вклинилось в жизнь В. П. Вахтерова. Это были занятия со своими детьми до их поступления в учебные заведения. Методист, педагогический писатель, В. П. Вахтеров всегда очень любил практику педагогического дела, и, быть может, здесь уместно вспомнить о нем и как о педагоге-практике. Едва ли не с самого детства уже обнаружилась в нем эта педагогическая жилка, когда он, по воспоминаниям своей родственницы, собирал вокруг себя ребят и, сам еще школьник, учил их грамоте, рассказывал им, читал им. 19-летним юношей, добившись учительского места, он был рад ему, по его словам, «наверно, не меньше, чем какой-нибудь министр радовался полученному посту», и учительское дело рисовалось ему настоящей «миссией», чем-то вроде «хождения в народ». Школьной работой своей в Василь-Сурске, в Ардатове, в Духовщине, хотя, к сожалению, о ней осталось мало следов, он увлекался и вел ее с подъемом, а те немногие люди, которые помнят его молодым учителем, всегда вспоминают и его интересные уроки. Живое творчество учителя, индивидуализирование занятий, насколько это возможно в школе, возбуждение интереса и активности ребенка, улавливание его запросов—вот что выдвигал В. П. Вахтеров на первый план в практике учителя. Интерес—

¹ О книгах и учебниках см. главу «Литературно-педагогическая деятельность».

главный стимул успешности занятий. «Все уроки хороши, кроме скучных», — любил он говорить, перефразируя эти по другому поводу сказанные слова, и надо сказать, что те уроки, которые он давал в школах, посещая их как инспектор (в Смоленске, в Москве), позднее как лектор учительских курсов, во временных школах при курсах, обычно квалифицировались учителями как оригинальные, яркие и всегда интересные. Он не любил шаблонов, не раболепствовал перед программами, не придерживался рамок школьной книги, он на лету ловил интересы детей, прислушивался к ним и отвечал на них своими, как называли их некоторые учителя, «удивительными» уроками. Конечно, и в учительской среде бывали возражения против его уроков: иногда учителя ставили ему на вид, что он забывает о школьной действительности с ее требованиями навыков, с ее экзаменами; иногда они не соглашались с его планами, иногда утверждали, что он перегружает материалом или берет трудные темы. Но никто не говорил, что уроки его скучны, и никто не отрицал, что внимание и интерес учеников были возбуждены в полной мере. Таковы же были и его уроки в Тверской школе. Одна из его тогдашних учениц, теперь фабричная работница и мать семейства, пишет так: «Прошло почти четверть века, как я впервые увидела это дорогое лицо наставника и друга детей, а и теперь оно передо мной, как живое. Он говорил нам о великих людях — Ньютоне, Галилее, Бруно, говорил, как они были гонимы, как люди не верили в их науку, обвиняли их в чародействе, насильно заставляли отрекаться от своего учения, жгли их заживо на костре...» А вот другое свидетельство молодой женщины-астронома, В. Н. Берви-Кротковой. Она рассказывала мне, что в ее памяти ярко запечатлелся один из его уроков — о светилах небесных, который В. П. Вахтеров давал в маленькой частной школе О. В. Кайдановой-Берви. Аудитория состояла из ребят 7—10 лет, и Василий Порфирьевич сумел приноровить свою тему (наверно, не им навязанную, а ими вызванную) к их пониманию и интересу. Беседа закончилась оригинальной игрой: кто-то в центре был Солнцем, кто-то Землей, как-то по определенному пути двигались Луна и планеты, где-то вдалеке были звезды, но особенно увлекательной была роль блуждающих комет. Игра была апофеозом беседы и оста-

лась у молодой женщины, теперь уже доктора астрономии, как яркое воспоминание детства. Таким же ярким воспоминанием остались у многих уже старых учителей некоторые его уроки, некоторые проведенные им с учениками экскурсии. Дело учителя В. П. Вахтеров любил, дать урок всегда доставляло ему большое удовольствие, и даже за несколько месяцев до смерти он занимался математикой с одной нашей близкой знакомой: ей приходилось давать частные уроки, и она иногда просила Василия Порфирьевича пройти с нею тот или иной отдел. И всегда отмечала удивительную ясность его объяснений, хотя математика и не была его специальностью. Занятия с собственными детьми, конечно, очень увлекали Василия Порфирьевича. Занятия эти распались на две части. Это были уроки-беседы по естествознанию с демонстрацией опытов. Необыкновенное умение В. П. Вахтерова популярно излагать даже очень сложные вопросы науки сказалось и в этих занятиях с детьми. Наша квартира в дни этих бесед превращалась в музей и в лабораторию: по всем стенам были развешены карты, диаграммы, картины, на всех столах стояли колбы, спиртовки, разные физические приборы. Ребята бегали от одного стола к другому (на этих занятиях присутствовали и дети соседей), что-то кипятили, добывали газ и зажигали его, пропускали яйцо в горлышко графина, добывали кислород или, если на очереди была тема об электричестве, возились с электрической машиной, смотрели опыты, которые показывал им Василий Порфирьевич, повторяли их, делали сами. Стоял шум, смех, крики восторга при удаче, большое оживление и иногда большой хаос. Были, по-моему, какие-то минусы в несколько распушенной обстановке этой работы — дети нередко нарушали задуманный план, а Василий Порфирьевич не умел или, вернее, не хотел устраивать внешней дисциплины. Но если были минусы, то были и огромные плюсы, и была, несомненно, очень большая заинтересованность. И мой сын, вспоминая как-то эти уроки, говорил мне, что занятия и опыты, в исполнении которых он принимал участие, необыкновенно прочно и ярко запечатлелись в его памяти, гораздо более ярко, чем занятия естествознанием в средней школе. И даже теперь, когда его специальность артиста далеко увела его от естествознания, он не равноду-

шен к этим темам и подчас готов увлечься каким-нибудь опытом.

С обычной своей добросовестностью готовился В. П. Вахтеров к этим урокам с маленькими еще ребятами. Доставать пособия надо было в разных музеях, и накануне бесед он возвращался нагруженный свертками, папками, коробками с приборами. Увлекаясь сам, он увлекал и ребят: этих занятий они ждали, торопили их продолжение, а самый младший из «студентов», наш семилетний сынишка, не раз с нетерпением спрашивал его: «Скоро ли ты будешь показывать нам «фокусы»? Несомненно, была пробуждена любознательность, был возбужден интерес, блестели глаза, горели щеки, и в промежутки между беседами наш мальчик мастерил какие-то приборы и повторял понравившиеся ему опыты.

Общественная жизнь шла по-прежнему тускло: очень чувствовалась прочно, казалось, внедрившаяся реакция, и очень тягостны были ее впечатления. В. П. Вахтеров нередко нарушал ту условленную между нами дробь (две трети на литературу и треть на общественную работу) и начинал даже уверять меня, что он и всегда больше тяготел к писанию, что он создан для этого. Но, конечно, жизнь все же отрывала его от письменного стола. Так было в 1908 г. перед выборами в 3-ю думу, когда только что организовавшаяся партия народных социалистов упросила В. П. Вахтерова выставить от них свою кандидатуру. Василий Порфирьевич долго отказывался, он не считал для себя возможным вступать в партию. Ему говорили, что партийности от него и не требуется, и соблазняли его перспективой, работая в комиссии по народному образованию, двинуть вопрос всеобщего обучения. С думской группой по народному образованию, состоявшей из всех народнических фракций, у него были связи, он нередко виделся и беседовал с ее членами-трудовиками. Отказываться вообще В. П. Вахтеров не умел, а этот соблазн сдвинуть с мертвой точки вопрос всеобщего обучения не мог оставить его безучастным. Он дал уговорить себя. В газетах, по обычаю, появился его портрет и отзыв о нем как о человеке, которого «уважают даже и враги». На эту кандидатуру, конечно, было обращено внимание, где следует, и это внимание немедленно сказалось в том, что в квартире нашей был сделан очередной обыск по предписанию гра-

доначальника Адрианова с условным ордером об аресте «в случае нахождения чего-либо компрометирующего»¹. В нашей квартире, переполненной книгами, рукописями, горами писем, всегда было «что-нибудь», что могло бы счесться компрометирующим, но разобраться в этом море бумаги было настолько трудно, что обыски не всегда давали результаты. Так было и на этот раз, В. П. Вахтеров был оставлен на свободе². Но в думу он не прошел: силы партии были слишком невелики, и она собрала мало голосов. И, конечно, В. П. Вахтеров был только доволен «провалом», потому что, и дав согласие, он уже раскаивался в нем, а когда выяснился состав 3-й думы, он говорил шутя: «и спасла же судьба меня от кампании».

В 1910 г. истекал срок 50-летия воскресных школ в России и вместе с тем дела обучения взрослых. Не хотелось пропустить этой знаменательной даты, и Комиссия воскресных школ при О-ве грамотности, руководимая В. С. Костроминой, вошла в Правление с предложением ознаменовать эту дату всероссийским съездом по вопросам обучения взрослых. Правление сочувственно приняло это предложение. В. П. Вахтеров написал в газетах статью о задачах съезда. Комиссия разработала и разослала 2 формы анкет к учащим и к учащимся школам взрослых, и начались энергичные хлопоты в министерствах. Съезд рисовался нам как могучий толчок делу внешкольного образования. Организационный комитет под председательством Вахтерова разослал на места просьбы доставлять сведения и материалы об обучении взрослых и принять участие в съезде докладами, сообщениями. Программа была широка и интересна: она обнимала почти все вопросы внешкольного образования³. Имелось в виду собрать впервые настоящий жизненный материал по школам и курсам для взрослых, поднять все наиболее важные вопросы, зафиксировать правильную статистику и

¹ Моск. охран. отд. Дело о Вахтерове, № 272.

² Помню, как волновалась я при этом обыске: в моем кабинете в складках занавесей были зашпилены материалы по нашей работе помощи ссыльным учителям: адреса, квитанции, счета — все это, конечно, было архинелегально. Но, несмотря на тщательность обыска, на занавеси мои не обратили внимания, и тоненькие трубочки материалов остались незамеченными.

³ Программы (Архив Вахтерова).

положить начало объединению этой работы во всероссийском масштабе. Большую надежду возлагали члены комитета на ту анкету, которая была обращена к учащимся школ взрослых: разрешения привлечь их в качестве членов съезда, хотя бы в виде делегатов от школьных групп, конечно, не удалось добиться. Ответы анкет должны были вскрыть для нас запросы и желания этих взрослых учащихся. В Организационный комитет съезда¹ начали поступать материалы с мест: от земств, городов, учреждений, частных лиц, а также и от учащихся. Иные из земских материалов были интересны: после временного застоя чувствовалось некоторое оживление в просветительной деятельности. Но получались и удручающие ответы, вроде таких: «никаких учреждений для взрослых в уезде не имеется», «вопросов об учреждениях для взрослых на собраниях не поднималось» и, наконец, «лиц, интересующихся вопросами образования взрослых, не имеется». Материалы собирались, но хлопоты о съезде, как и следовало ожидать, то давали, то отнимали надежду. Ведь ответ должен был получиться, и согласованность у них во все времена была на одном только лозунге «тащить и не пущать». Галерея русских министров народного просвещения, за редкими исключениями, — это галерея ярых врагов культуры, и политика их во все времена была трогательно единодушна. Когда несколько лет спустя министр Кассо наложил свою резолюцию на ходатайство об открытии в Томске народного университета, то это, конечно, была типичнейшая резолюция для министерства, им в то время возглавлявшегося. В самом деле, здание университета было выстроено, денежная ассигновка на него Макушиным в размере 250 тысяч рублей была сделана, от государства не требовалось ни гроша, но ...это должно было быть учреждение для образования рабочих, и резолюция гласила: «Признавая учреждение подобного учебного заведения нецелесообразным и нежелательным, не считаю возмож-

¹ Состав Организационного бюро был таков: председатель В. П. Вахтеров; тов. председателя В. С. Костромина; Волкова, Гатлих, Т. Гартвиг, Алчевская, Берви-Кайданова, Звягинцев, Дущечкин, Долгоруков, Русова, Щепкина, Чехов, Чехова («Народный учитель», 1910, № 1) — члены; секретари — Астапова, Вахтерова, Зернова.

НЫМ дать ему (ходатайству. — Э. В.) дальнейшее движение».

П. И. Макушин рассказывал В. П. Вахтерову, как в частном разговоре Кассо убеждал его: «Я был бы благодарен вам, если бы вы изменили назначение вашего пожертвования. Откройте гимназию, учительский институт, только не народный университет». От таких «просвещенцев» трудно было ждать благоприятного ответа о съезде, и действительно резолюция не заставила себя ждать: «съезд не разрешен» — гласила она. Остался у нас от этого несостоявшегося съезда только интересный материал, часть которого была разработана и помещена в периодическом, выходявшем под редакцией В. С. Костроминой, сборнике «Общее дело». В частности, ответы взрослых учеников и учениц (3 или 4 сотни ответов) — этот непосредственный отклик оказался особенно интересным. Как хорошо разрешали они новые еще тогда вопросы о совместном обучении, о представительстве учащихся в школьных советах, как ярко выявлялась их заинтересованность работой. Как умно они критиковали недочеты школ и объясняли иные из неясных для нас вопросов школьной практики. По этим ответам можно было определить и запросы учащихся, и их огромную тягу к знанию, и широту их интересов¹.

В 1911 г. состоялся общеземский съезд по народному образованию, на который В. П. Вахтеров был приглашен в качестве «сведущего лица». Была ему предложена и тема доклада. Но реакция в это время была так еще сильна, так нагло попирала даже указанные права земств, что участие на этом съезде было малопривлекательно. Кроме утверждения губернатором всего президиума, даже докладчики, приглашенные специалисты и представители просветительных обществ брались под подозрение и без предварительной цензуры губернатора на съезд не допускались. «Состав съезда, несмотря на всю лояльность нашего земства, — писала одна провинциальная газета, — подвергается строжайшей фильтрации, и московским губернатором не допущены на съезд такие знатоки дела, как Фальборк, Чарнолуский и дру-

¹ «Общее дело». Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения, под ред. В. Костроминой, вып. 3, М., 1912, стр. 273—368.

гие»¹. Решающий голос на съезде был предоставлен только представителям земств и городов, а лица, допущенные с совещательным голосом, все должны были проходить цензуру губернатора, и, наконец, заседания не могли быть публичны. «Это не съезд, а какой-то полицейский участок», — с негодованием говорил В. П. Вахтеров. Особенно возмущало его то, что народные учителя, главные земские работники по народному образованию, не только были лишены решающего голоса, но и попасть на съезд могли не иначе, как с дозволения своего непосредственного начальства. И в ответ на приглашение Организационного комитета съезда В. П. Вахтеров, уверенный в своем неутверждении, послал свой отказ². Московское охранное отделение, как оказывается, сейчас же завело о съезде особое дело: «Съезд освещается присутствием на нем внутренней агентуры отделения», — успокоительно сообщает департаменту московская охранка, не замечая юмористичности этого каламбура об «освещении». Однако, судя по содержанию «дела» (в 116 листов), и охранка ничего не сумела выудить из этого выхолощенного съезда³. И действительно, под перекрестным огнем гласного и негласного надзора съезд вышел бледным. Правда, здесь все же были подведены некоторые итоги земской работы по народному образованию, здесь все же как-то сплотились земские работники наиболее прогрессивных земств и в частных совещаниях намечались планы более углубленной и широкой деятельности; но гласная, резолютивная работа съезда была все же убога. В. П. Вахтеров сопоставлял этот съезд с учительским съездом 1902—1903 гг., когда делегаты учительских обществ взаимопомощи своими учительскими голосами так ярко выявляли передовые настроения, так смело для тогдашнего времени затрагивали общественные вопросы. А бледные резолюции этого съезда, даже не резолюции, а скромные «пожелания» о том, чтобы учитель был поставлен «в независимое и равноправное с другими земскими служащими положение и чтобы деятельность его не подвергалась никаким иным ограниче-

¹ «Астраханский листок», 1911, № 177.

² Приглашение и черновик отказа в Архиве Вахтерова.

³ Моск. охран. отд. Дело об общеземском съезде по нар. образованию, 1911, № 76.

ниям и надзору, кроме установленных общими законами для всего населения», звучала до крайности робко. «И это после революции!» — с горечью говорил В. П. Вахтеров. Но бодрое впечатление производила одна из резолюций съезда, признававшая внешкольное образование «не менее ценным и необходимым, чем образование школьное», — при тогдашнем отношении правительства к этому внешкольному образованию такая постановка вопроса, прямая и определенная, имела значение. Указывала эта резолюция и на зреющие силы, и после тех ответов, которые мы год назад получили перед несостоявшимся съездом школ взрослых («интересующихся образованием взрослых в уезде не имеется»), эта резолюция давала новые надежды. И — поистине «неисповедимы судьбы прогресса русского», как говорили тогда, — этот «куцый», этот «поднадзорный» съезд вызвал в земстве большое движение, большое оживление, сплотил силы, и в работе по народному образованию несомненно произошел какой-то сдвиг. Уже одно то имело значение, что огромное большинство не только губернских, но и уездных управ начало открывать у себя отделы народного образования. Только война 1914 г. затормозила это начинание.

На Всероссийском съезде по народному образованию в 1913 г. в Петербурге В. П. Вахтеров участвовал и возлагал на него большие надежды. В газетных статьях можно было прочесть, что избрание Вахтерова товарищем председателя съезда вылилось в настоящую овацию по его адресу, а его вступительная речь была принята учительством с энтузиазмом. Но на самом съезде Василий Порфирьевич выступал мало и по преимуществу в его методической секции. Почему не участвовал он в заседаниях по всеобщему обучению? Помню, что его очень звали туда, но он за последние годы несколько отошел от этого вопроса, увлекшись своей литературной работой (именно в 1913 г. вышло первое издание его книги «Основы новой педагогики»), а просто присутствовать, не внося чего-либо нового, продуманного, ценного, он не любил. В материалах съезда не упомянуто об участии Вахтерова в «иногородческой» секции, наиболее революционно настроенной и смелой, но на некоторых заседаниях ее В. П. Вахтеров присутствовал, высказываясь за права родного языка в школах национальных мень-

шинств. «Помню вашу горячую отповедь на съезде тем, кто хотел инородческую школу обратить в мастерскую русского языка», — писал ему много лет спустя учитель Н.¹ В секции методической В. П. Вахтеров выступал с докладом о звуковом методе: среди петербургских педагогов в это время был очень модным и широко пропагандировался американский метод «целых слов». Доклад В. П. Вахтерова, защитника звукового метода, не убедил петербуржцев, как и они не убедили его, а учительство в это время еще мало знало об американском методе и мало выступало в прениях².

В другой секции, где шел ожесточенный спор об естествознании как отдельном предмете преподавания в школе и где проваливались школьные хрестоматии, которые, мол, пытаются естественноисторическими статейками заменить живое преподавание предметов (причем немало кивков было и на вахтеровские учебники и немало резких выпадов против их естественноисторических отделов). В. П. Вахтеров только присутствовал, и, так как критика минутами была не очень сдержана, он предпочитал не выступать: он не любил полемики. Принципиально он, конечно, не мог не сочувствовать преподаванию в школе естествознания как особого предмета, но в то же время он знал, что спорить о преимуществах такого отдельного преподавания естествознания в народной школе еще не пришла пора, и, как ни прогрессивно это желание, не скоро еще школа дождетя особых, подготовленных к этому преподавателей, не скоро учительство получит соответствующую подготовку. А пока естественноисторические отделы в школьных книгах представляют для учителя большое подспорье. Но неудобно было ему, автору такого отдела в школьной книге, вы-

¹ Письмо учителя Н. Интересно, что в это же время министр Кассо декларировал: «Правительство не может разрешить прохождение первого курса в низших начальных училищах на местном родном языке» (Архив Вахтерова).

² Между прочим, курьез: в газетной рецензии какого-то, вероятно, не присутствовавшего на заседании корреспондента Вахтеров изображен как «прокурор» звукового метода, а защитниками этого метода будто бы выступали учителя. Из одной газеты это сообщение было перепечатано в другие, и, помню, какой-то учитель, не участвовавший на съезде, прочитавши эту заметку, написал В. П. Вахтерovu укоризненное письмо: «Как же это вы: то защищали звуковой метод, а то ругаете его» (Архив Вахтерова).

ступать на его защиту, и он внимательно выслушал все выпады против себя, иногда очень резкие и не всегда справедливые. «Ну и задали мне баню»,— говорил он по поводу этого заседания, а в одном из своих писем Рубакин спрашивал его: «Не знаете, ли, почему Елачич так ополчился против нас с вами? Чем мы его так задели?»— очевидно, действительно «баня» была жаркая.

Съезд 1913 г. был в общем очень интересным и содержательным; особенно интересным был он по тому настроению, какое царствовало там, и по тому духу протеста, который бурлил на нем и боролся против официальной благонамеренности, усердно внедрявшейся председателем его сенатором Мамонтовым. Он волновался, останавливал ораторов, нервно звонил в колокольчик, и газета «Киевская мысль» иронически писала по поводу такого поведения председателя: «И вся многотысячная толпа на съезде узнала, что не только в Тетюшах или в Сорочинце, но и в столице России слово «право» и от него производные суть слова дерзкие, незаконные, не соответствующие объективным условиям нашей жизни».

Левые фракции Государственной думы хотели приветствовать съезд с его 6-тысячной армией учителей,— председатель испугался такого намерения и заявил, что так как фракции Государственной думы непосредственного отношения к съезду не имеют, то их приветствия никак не могут быть допущены. Мамонтову приходилось вести борьбу и в президиуме съезда, и его план закончить съезд патриотической манифестацией с гимном удался не вполне: не добившись отмены этого плана, левая часть президиума перед появлением хора ушла с эстрады. А в публике при исполнении гимна были не желавшие вставать, и в числе их московская учительница В. А. Петрова, которую пристав сейчас же и повлек куда-то и которую затем лишили учительского места. В конце съезда был еще эпизод, в котором В. П. Вахтеров вынужден был принять участие. Мамонтов, не желая совершенно испортить свою репутацию и в левых кругах, нашел выгодным для себя опереться в одном из своих выступлений на популярное имя Вахтерова. В газетной заметке он напечатал, что приглашение на общем собрании резолюций съезда вместо их обсуждения было сделано по предложению Вахтерова в Распорядительном

комитете,— этим он как бы снимал с себя, председателя этого комитета, обвинение прессы в том, что это решение комитета аннулирует работу съезда. В. П. Вахтеров не смолчал и дал в газете свое объяснение, которое совершенно в другом свете рисовало это дело. Он рассказал о положении, создавшемся в Распорядительном комитете, когда правая часть этого комитета с Мамонтовым во главе была в большинстве и безжалостно резала резолюции: «Доклад комиссии (очевидно, речь идет об инородческой секции.— Э. В.),— пишет В. П. Вахтеров в своей заметке,— был в течение какого-нибудь получаса изменен настолько, что из всего его текста осталась едва ли половина. По остроте прений для меньшинства комитета было ясно, что резолюции могут быть сведены на нет, и являлось опасение, что и по другим секциям на съезде могут быть вынесены такие же урезанные резолюции... и таким образом урезанные и измененные, они могли стать резолюциями съезда (на утверждение всех резолюций отводилось всего лишь несколько часов и для прений не было места). В таком же измененном виде эти резолюции были бы напечатаны в трудах съезда как санкционированные им, а подлинные резолюции секций, на иных из которых присутствовало до трех тысяч человек, могли бы никогда не увидеть света. И я не видел никакого другого выхода,— кончает В. П. Вахтеров свое письмо в редакцию,— как вотировать не за голосование, а лишь за оглашение резолюций, чтобы тем сохранить их в неприкосновенном виде, как подлинный результат работы съезда»¹.

Несмотря на все препоны, урезки и шероховатости, этот съезд 1913 г. все же был и ярким, и демократичным, а одновременно с ним происходивший в Петербурге 2-й съезд учительских обществ взаимопомощи — ему было присвоено имя съезда Ушинского,— идя по линии объединения учительства, готовил почву для нового Учительского союза: не зря же собрались в Петербурге эти тысячи народных учителей!² Но, конечно, не успели

¹ Оба письма в редакцию Мамонтова в виде газетных вырезок находятся в Архиве Вахтерова. Мне не удалось выяснить, в какой из петербургских газет были помещены эти письма от января 1913 г.

² На этом съезде было вынесено постановление о выработке устава Всероссийского Учительского союза, исходя из устава 1905—1907 гг.

еще кончиться съезды, как на местах всполошились власти: губернаторы выясняли списки учителей, бывших на съезде, имена тех, которые читали доклады, выступали в прениях (так было в Киевской, Черниговской губ., а, вероятно, и в других). Полтавский губернатор прямо запретил вручать учителям почтовые отправления со съезда, а земская почта задерживала эти материалы. Министерство народного просвещения не отставало в усердии и разослало губернаторам особый циркуляр, где рекомендовалась осторожность в выписке даже городскими и земскими управами трудов съезда, ибо он носил «явно тенденциозный характер». А затем обычное последствие всех съездов — ряд обысков, арестов, перемещений и увольнений учителей — наиболее активных участников съезда.

В эти годы на сцену вышла кооперация, поставившая своим лозунгом широкое просвещение масс. Благодаря своим связям с деревенским населением кооперация в короткое время развила широкую просветительную деятельность, конкурируя с земством. Борьба кооперации с земством была показателем бурно растущих сил молодой организации. Один из съездов (уже позднее, Харьковский съезд народных развлечений в 1915 г.) особенно ярко выявил эту борьбу старого земства и молодого кооперативного движения. И эта борьба, во всяком случае, шла на пользу дела и знаменовала новый подъем культурных запросов народа.

В 1912 г. истекало сорокалетие работы В. П. Вахтерова. Кто-то возбудил вопрос о праздновании по этому поводу его юбилея. Надо было знать Василия Порфирьевича, чтобы предвидеть, как он примет это. Он пришел в волнение, в ужас, в раздражение, в испуг. «Только не чествование, только не парад», только не это, тяжелое, неприятное, искусственное. Мало, пожалуй, людей, которые так боялись бы этого подчеркивания их заслуг. У Василия Порфирьевича это было вполне искренне — он так действительно чувствовал. Кто-то напомнил ему Христину Даниловну Алчевскую, которая не только не чуралась таких чествований, а, напротив, очень любила их и как-то вся расцветала на этих празднованиях. Я очень хорошо помню ее шутливую фразу на вечере ее 50-летнего юбилея: «Я и умереть-то не хочу потому, что на том свете уже не будет юбилея». Но то была одна

психическая организация, а у В. П. Вахтерова она была другой. И он безоговорочно отказался от всякого чествования и даже в газете просил не печатать об этой дате, боясь какого-нибудь импровизированного выступления. Так почти никто и не знал об этом сорокалетнем его юбилее, и только т-во Сытина, которое с 1897 г. печатало его книги и учебники, ассигновало капитал в 40 тысяч на устройство библиотек имени Вахтерова, предоставив ему право распределения этих денег. Были выработаны условия: на городскую библиотеку выдавалась тысяча рублей, на сельскую — от 250 до 500 с предложением дальнейшего содержание библиотеки по возможности производить из местных средств¹. Таких библиотек было устроено более 20 в разных местах Европейской и Азиатской России. Иногда открытие их не вызывало никаких возражений со стороны власти имущих, а иногда губернаторы вспоминали крамольное имя Вахтерова и отказывали в открытии. В департаменте полиции на запрос о Вахтерове время от времени получался прежний стереотипный отзыв: «Издавна известен своей неблагонадежностью», и такой отзыв, конечно, служил препятствием и к учреждению библиотеки его имени. Вспоминаю, что именно в 1913 г. В. П. Вахтеров не был утвержден по «неблагонадежности» даже почетным попечителем одного приюта, которым заведовал его смоленский знакомый, хотя роль «почетного попечителя», да еще живущего в другом городе, только и могла выражаться в ежегодных пожертвованиях на приют, на каковые и рассчитывал заведующий. Как бы то ни было, все же, очевидно, особой согласованности в отзывах департамента не было, или иные губернаторы были храбрее, не сносились с департаментом и давали разрешение на свой риск, потому что библиотеки все же открывались. В. П. Вахтеров очень интересовался их деятельностью, переписывался с заведующими, посылал новые книги, выписывал журналы, делал пожертвования деньгами и, по просьбе некоторых заведующих, посылал свой портрет. Число этих библиотек мне не удалось выяснить. В такой форме прошел сорокалетний юбилей Василия

¹ В. П. Вахтеров пригласил заведовать распределением денег и ведением отчетности одну московскую учительницу—Р. Д. Бурминову, которая и вела всю переписку по этим библиотекам.

Порфирьевича, и этой формой его он, конечно, был доволен. Кое-кто все же прислал ему и приветственные телеграммы.

Так шли для В. П. Вахтерова эти годы. Время от времени он выступал на тех или других съездах, изредка выезжал прочесть ту или иную публичную лекцию, причем главное значение этих выездов заключалось не в самих лекциях, а в еще частных, после лекций устраиваемых совещаниях с учителями. Приглашений на учительские курсы было много, и шли они отовсюду, начиная от городов Центральной России и кончая далекими окраинами, вроде Харбина, Ейска и т. д. Среди учительства имя Вахтерова по-прежнему пользовалось большой популярностью, и это несмотря на то, что курсов в эти годы он почти не вел. В Архиве В. П. Вахтерова можно найти немало таких приглашений, немало писем учителей, немало материалов, из которых ясно видно, каково было значение его как руководителя учительской массы. Вот, например, письмо, где учитель с юга, знающий о затруднениях с устройством курсов с Вахтеровым в качестве руководителя, просит его согласиться приехать на курсы... по шелководству. Кажется, что общего между Вахтеровым и шелководством, но учителя находят лазейку. Они постараются, чтобы на этих курсах было отведено место наглядному изучению природы, подготовке к устройству экскурсий, и решают: «Никто, как вы, не будет полезен в этом деле». Денег, правда, мало, но это не беда, и уже нашелся какой-то человек, который предлагает добавить недостающую сумму для вознаграждения руководителя, «если этим руководителем будете вы». И так хочется учительству заполучить к себе Вахтерова, что они соблазняют его и красивой местностью, и тем, что «для вашей семьи есть дача», а больше всего тем, конечно, что «вы будете вести курсы без всякой цензуры, программа всецело будет зависеть от вас». В другом письме от Херсонского о-ва взаимопомощи учителей ему пишут: «Когда учителя записываются на курсы, то первым делом спрашивают, будет ли принимать участие Вахтеров», и Правление о-ва посылает эту бумагу с подписями учащихся, которые просят Правление о приглашении его. Они согласны и на дополнительный взнос по покрытию лишних расходов. И все же В. П. Вахтеров по большей части отказывался от курсов. Иногда по болез-

ни: здоровье его действительно пошатнулось, и лекции иногда очень уж утомляли его. Но отказывался и потому, что в эти годы увлекся работой над «Основами новой педагогики» (издал первый том, он готовил материал для следующего), а главным образом потому, что департамент полиции все равно не утверждал его и у него уже не было ни энергии, ни сил опять добиваться, опять хлопотать, искать путей. Сказывались и годы — ему пошел уже 7-й десяток лет. «Департамент полиции больше заботится о моем здоровье, чем ты», — шутливо говорил он мне, когда я все же время от времени убеждала его согласиться на курсы — добиваться разрешения стали бы те, кто приглашал его. И когда он послал свое согласие, кажется, в Харбин, где интересен был и новый край, и новые типы учительства, то неутверждение не замедлило прийти в ответ на запрос местного начальства. И так, поневоле, литературная работа все же оставалась главным делом его жизни: первое издание в 1913 г. «Основ новой педагогики», журнальные статьи, переиздание и дополнение других своих книг, переиздание учебников, причем первые два года школьной книжки «Мир в рассказах для детей» дополнились годами третьим и четвертым, — таковы были эти литературные работы.

1914 год. Грянула мировая война.

Объявление войны застало В. П. Вахтерова на Кавказе, куда он поехал лечиться. Но курса лечения не успел кончить и с большим трудом, так как поезда были заполнены мобилизованными, добрался до Москвы. Нелепость этой войны, ее ужасы, ее жертвы угнетали его. Шовинизм части общества внушал отвращение. Общественная и культурная деятельность сходили на нет. Уже не было ни Учительского союза, ни Лиги образования, на ладан дышало Московское О-во грамотности, везде замирала привычная работа, подавляемая властными требованиями военного времени. Но жизнь ставила и новые задачи. Надо было защищать интересы школ, которые безжалостно ликвидировали в городах, отдавая их под учреждения военного ведомства. Надо было защищать интересы детей, которых загоняли в тесные помещения и учили в две-три смены. Надо было бить тревогу по поводу бумажного кризиса, который оставлял школы без тетрадей, без учебников, надо было напоминать об учителе, которому задерживали жалованье и чье нищенское

вознаграждение при бешеном росте цен не могло обеспечить его скромных нужд. По всем этим вопросам В. П. Вахтеров выступал в собраниях и в печати. Наконец, война выдвинула новые грозные вопросы учительской жизни — беженство и военнопленных. Беженство было настоящим стихийным бедствием. Целым потоком хлынули из оккупированных местностей в Петербург, в Москву, в провинцию толпы раздетых, разутых, измученных, лишившихся всего, людей, нередко больных и почти всегда голодных. В Москве к концу 1915 г. эта волна беженства достигала 15 тысяч человек, и среди них больше 10% были учителя и их семьи. То, что они пережили, убегая с насиженных мест под гром канонады и под градом пуль, бросая имущество, теряя в суматохе членов семьи, было невероятно. Это было целое море отчаяния, ужаса, нужды, горя. Было необходимо действовать. Первой на помощь беженцам-учащим в те дни, когда в Москве появились первые партии их, пришла Комиссия об учащих при Московском о-ве грамотности, председателем которой был В. П. Вахтеров. К нему, к Вахтерову, и пришли за помощью несколько учителей: «К кому же обратиться, если не к вам», — говорили они. Временные квартиры, организация питания, сбор платья, выдача денежных пособий из скромных средств комиссии и попытки приискания работы — вот что пришлось делать на первых порах. Но беженство росло, и на помощь ему пришли две крупные учительские организации Москвы — делегатское собрание учащих московских городских школ и старое учительство о-ва Москвы «Попечения об улучшении быта учащих». Организовалась Объединенная комиссия помощи беженцам-учащим, в которую вошли представители и от ряда других организаций: комиссия смогла поставить помощь учащим более планомерно и получала денежную поддержку от ряда учреждений (от Москов. гор. думы, от Всерос. Педагог. о-ва, от О-ва попечения о детях нар. учителей и т. п.). Эта объединенная комиссия немедленно начала свою работу¹. В совет комиссии вошел и В. П. Вахтеров, а в подкомиссию по приисканию заработка учащим-беженцам он был избран председателем и наладил ее работу.

¹ Об этом см. отчет Объединенной комиссии. «Народный учитель», 1916, № 31, 32, 33, 34.

Благодаря его связям с провинцией, с земствами, с учительскими обществами нам удавалось устраивать многих на места в провинцию, но многие оседали, конечно, в Москве, таких было большинство, и приходилось вести большую организованную работу. Упорядочив по мере возможности их бытовые нужды: кров, питание, одежду,— надо было думать и о культурных: устраивать детей в учебные заведения, добывать для них учебники и учебные пособия, а затем и для самих учителей устраивать курсы, экскурсии, посещение лекций, театров. Для тех учителей, которые хотели использовать свое невольное пребывание в столице для общеобразовательных целей, был устроен цикл лекций в университете Шанявского, всегда гостеприимно открывавшего свои двери для таких предприятий. И почти во всех этих работах, во главе которых стояло московское учительство, В. П. Вахтеров принимал деятельное участие. С октября 1915 г. в Москве открыл свои действия Московский комитет Всероссийского Педагогического о-ва (Всероссийское Педагогическое о-во в Петрограде открылось в мае того же года), и естественно, что и эта новая организация (председателем Моск. комитета был избран Вахтеров) откликнулась на те же выдвинутые жизнью нужды и требования. Надо было хлопотать о жалованье учащихся-беженцев, выхлопатывать им подъемные, отыскивать, где находятся кредиты, сноситься по этому поводу с министерствами, словом, это была большая и сложная работа.

Другой выдвинутый войной вопрос был вопрос об учителях-военнопленных. И В. П. Вахтеров опять-таки был инициатором и этого дела. Началось оно в небольших размерах, в недрах все той же Комиссии об учащихся при Московском О-ве грамотности. Еще с конца 1914 г. к В. П. Вахтерову стали обращаться семьи военнопленных, а также и без вести пропавших учителей с просьбой помочь в розысках их. В. П. Вахтеров состоял в это время представителем от России в Международном бюро учительских организаций. Он обратился к г. Отто, секретарю этого бюро в Голландии, и через его посредство получил сведения о находившихся в германском плену русских учителях. Но мало было знать, что такие учителя находятся в таком-то лагере, надо было завязать сношения с ними, а для этого предстояло снести с воен-

ным начальством и получить от него право на эти сношения. Когда русское военное начальство дало такое право, надо было добиться и того, чтобы в Германию тоже сообщали адреса немецких учителей, находившихся в плену у нас,— без этого Германия не соглашалась давать адреса наших.хлопот было немало, но в результате их все же получилась возможность связать военнопленных учителей с их семьями. Все та же наша Комиссия об учащих при Московском О-ве грамотности организовала у себя подкомиссию помощи военнопленным учителям, и первое время работала одна, а затем, когда открылся Московский комитет Педагогического о-ва, такая же комиссия организовалась и там, согласовав свою работу с аналогичной комиссией Петербургского центра. А когда в 1917 г. начал действовать возродившийся Учительский союз, все эти московские комиссии слились в одну при Учительском союзе, причем во всех трех работали почти одни и те же лица. Работа велась так: мы сообщали родным адреса пленных, печатали списки пленных в учительских органах, налаживали сами переписку с лагерями, узнавали нужды, посылали посылки со съестными припасами, позднее книги, учебники. Средства впервые взявшей за эту работу Комиссии об учащих были невелики, а потому одновременно выступала задача и о собирании денег— об устройстве платных лекций, концертов, лотерей. В дальнейшем финансовую помощь Комиссии о военнопленных оказывало Всероссийское Педагогическое о-во и особенно Земский и Городской союзы, дававшие нам ежемесячные ассигновки на продовольственные посылки и сами же рассылавшие их по нашим адресам (адресов у нас было до 600, не менее, вероятно, было и в Петербурге, в комиссии Всерос. Пед. о-ва, с которой мы всегда согласовывали работу). В деле снабжения книгами и учебниками, спрос на которые тоже был очень велик, большую помощь оказывал нам книжный отдел того же Земского и Городского союзов. И таким образом наша комиссия могла расширять свою работу и поддерживать пленных товарищей. Обширная, хотя и крайне лаконичная, благодаря военной цензуре, переписка с учителями все же вскрывала перед нами тяжесть их положения, их голодание, их бесправие, и ясно чувствовалось, что товарищеская помощь, и материальная и моральная, имела для них большое значе-

ние. Наши призывы к обществу, к учительству не оставались без отклика: некоторые учительские о-ва взаимопомощи брали на себя поддержание в плену своих членов, адреса которых мы сообщали им, некоторые частные лица брали на себя содержание нескольких так называемых «крестников» и посылали им посылки по нашим адресам; несколько сельских школ посылало через нас письма и посылки своим бывшим учителям. Случалось нам быть и передаточной инстанцией: родные пленных присылали нам деньги и посылки и находили, что при нашей помощи все это дойдет «вернее», и были правы, потому что сношения через Земский и Городской союзы были хорошо налажены¹. Московские учительские организации по делу помощи пострадавшим от войны товарищам находились в сношениях не только с петроградскими и провинциальными организациями, но и с Международным Бюро учительских союзов². Таким образом, и Педагогическое о-во в Петрограде и в Москве, и другие еще сохранившиеся просветительные общества старались поддерживать интересы культуры, объединять учительство, разрабатывать педагогические вопросы, будить педагогическую мысль: кому-то надо было напоминать, что, кроме вопросов войны, существуют еще вечные вопросы культуры и их нельзя ни забывать, ни откладывать. Впрочем, такие же вопросы властно рвались из низов: крестьянские наказания государственным думам по-прежнему ставили свои определенные требования на хорошую, всем доступную школу на всех ступенях, на широкий доступ внешкольного образования и т. д. Запросы шли и со стороны солдат. Побывавшие в других странах, повидавшие другую жизнь и более высокую культуру, они в своих письмах домой определенно требовали от своих домашних: «Учите ребят, учитесь сами, а то мы самые отсталые из всех народов». Военнопленные учителя в свою очередь вели

¹ О работе Комиссии военнопленных см. статьи в «Известиях совета Всероссийск. Пед. о-ва», 1915; в «Народном учителе», 1916, и в журнале «Учитель», 1917 и 1918.

² Состав Московского комитета: председатель — Вахтеров; тов. председателя — Чехов и Иорданский; секретари — Вахтерова и Марковская; члены — Баршева, Гречушкин, Державина, Минеев, Марченко, Попова, Смирнов, Серополко; ревиз. комиссия — Архангельский, З. Звягинцев, Сахаров, Сольдин.

на чужбине большую просветительную работу, обучая грамоте солдат, своих товарищей по плену, и наша комиссия, по их требованию, посылала в германские лагеря целые транспорты букварей, грамматик, задачник, а также и книг по самообразованию для учителей. В письмах, которые мы получали от военнопленных, гораздо чаще повторялись просьбы о книгах, чем даже о съестных посылках: «Мы продолжаем наше дело и здесь,— пишут в одном письме,— мы не выбыли из строя. С первым весенним теплом мы начали занятия с соотечественниками без книг и учебников, только с карандашом и бумажками от папиросных коробочек. Летом организовали библиотеку. За всякий учебник для школы, за всякую книжку для библиотеки будем очень благодарны». И в другом письме: «С апреля устроили обучение одних земляков первоначальной грамоте, а других по широкой общеобразовательной программе. Составили библиотечку. Нужны учебники по всем предметам». А через полгода из тех же лагерей, откуда просили букварей, идут требования на другие учебники и другие книги: неграмотных уже не осталось. Большая просветительная работа велась и на фронте: учительство и там, в дни военных передышек, устраивало школы для солдат, вело систематические занятия и достигало больших результатов. В. П. Вахтеров был в курсе и этой работы, потому что часто получал письма с просьбой то дать тот или иной совет, то прислать учебников, педагогических руководств. Московские госпитали были переполнены ранеными солдатами, иные оставались в них надолго. И В. П. Вахтеров обратился в городскую управу с предложением использовать это время и организовать при госпиталях краткосрочные курсы грамоты. Он дал расчеты, в какие сроки могла быть достигнута грамотность в таких группах, выработал программу, вычислил стоимость таких школок, предполагая занять этой работой те свободные учительские силы, которые в качестве беженцев или просто безработных учителей осели в Москве. В тех размерах, о которых думал В. П. Вахтеров, эта организация не состоялась, но в некоторых районах Москвы она все же действовала. Позднее в деле обучения раненых солдат приняли участие и учащиеся старших классов среднеучебных заведений, и дело шло очень хорошо. Но полиция заподозрила здесь

какую-то пропаганду, создала «дело», занялась доносами и обысками и прекратила это начинание, которым очень увлекалась молодежь.

В. П. Вахтеров, таким образом, делил свое время между литературной работой и общественной деятельностью, отзываясь на злободневные вопросы жизни. С большим циркуляром выступил Московский комитет Педагогического о-ва по вопросу об увеличении учительского жалованья, с подробной мотивировкой, с цифрами и фактами, неопровержимо доказывавшими, до каких грошей докатилось основное учительское вознаграждение при растущей дороговизне, с указанием на то, что и эти гроши задерживаются, и учительство бежит из школы». «Сказать тебе от души,— говорил учительнице столяр,— и чего ты дурака валяешь,— иди на железную дорогу, сразу дадут 100 рублей». Но это бегство учителей губит школу, лишает ее ценных работников, и Московский комитет обращается с соответственным ходатайством в земские и городские самоуправления, в Министерство народного просвещения, в Государственную думу: он просит учительские о-ва поддержать это обращение местными фактами, а к прессе обращается с просьбой о перепечатке и о муссировании вопроса в печати¹. Целый ряд таких злободневных тем выдвигает жизнь, и на них надо так или иначе отзываться. Надо поддерживать живые связи с провинцией, с учительскими ячейками, потому что только такая связь дает смысл работе комитета, а потому организовано ведутся разъезды уполномоченных, докладчиков, обмен материалами и пр. «На указания с мест мы смотрели, как на указания жизни»,— говорит В. П. Вахтеров в одной из своих речей, подчеркивая этими словами свою любимую общественную мысль о «служебной» по отношению к местам роли центра, ибо «центр должен служить своим филиалам, а не повелевать ими». Эта фраза была сказана как-то в момент некоторого расхождения во взглядах с Петроградским центром². Работы, как всегда, было не мало. В 1915 г. В. П. Вахтеров как представитель от России организует сбор в пользу пострадавших от войны

¹ «Народный учитель», 1916, № 25—26, и «Известия Совета Всероссийск. Пед. о-ва» за 1916 г.

² «Народный учитель», 1917, № 1, 4, 5.

бельгийских и сербских учителей в ответ на просьбу об этом, идущую из Международного учительского Бюро в Голландии. В это же время по поручению Всероссийского Педагогического о-ва он организует по области сбор однодневного учительского заработка для той же цели помощи жертвам войны.

Не прерывалась и литературная работа, и напечатанная в «Русском слове» его статья «Дорогу таланту» посвящена вопросу о том общем для всех образовании, которое должно приобщить к знанию многомиллионный народ. Вопрос одаренности этого народа, как и мечта о широкой дороге для этих скрытых в его недрах талантов,— это была одна из излюбленных его идей. Статья имела большой успех, ее читали в учительских собраниях, большие выдержки из нее перепечатывали газеты, по просьбе провинции В. П. Вахтеров прочел ее в виде публичной лекции в нескольких городах; он получал много писем — откликов на эту статью от разных читателей и преимущественно из тех именно слоев, чьи интересы он защищал в этой статье.

Написанная им в 1916 и изданная в 1917 г. книга «Всенародное образование» и была именно адресована к этому новому читателю из народа — отсюда популярность ее изложения, отсюда ее эмоциональный характер, отсюда ее простота и доступность. И эта книга нашла путь в эту новую читательскую среду и вызвала там интерес и внимание.

Много времени отнимало и переиздание книг, учебников — не было дня, чтобы нам не приносили целого вороха корректурных листов. Не забывал В. П. Вахтеров и своих научных и литературных интересов: надо было прочесть новый журнал, новую научную книгу, надо было следить за педагогической литературой, каждый день прочесть, и не одну газету,— интерес к политической жизни никогда не угасал в нем. А кроме того, большая корреспонденция, посетители по делам, за советами, с просьбами.

1916 год уже характеризуется очень заметным подъемом революционного настроения. Рабочие стачки, рабочее движение разворачиваются во всю ширь, не скрываясь, работают революционные партии, грозно, хотя еще сдержанно, бушует народное море. В интеллигентских кругах революционное настроение тоже нарастает.

Неудачи на фронте, жертвы войны, слухи об изменах и предательствах, язвы придворной жизни, распутиновщина — все это питает революционные настроения. Учительство, в котором не умирало стремление к объединению, помимо своей революционной работы среди населения, уже опять нащупывает пути к союзу. Но полиция не дремлет и зорко следит за попытками объединения. «В связи с подъемом общественного настроения, наблюдаемого ныне в Москве после бывших здесь общеземских и общегородских съездов,— читаем в бумаге московского охранного отделения,— возник вопрос об организации различных ученых и профессиональных групп и кружков на почве оказания содействия делу обороны страны и поддержки общественных выступлений, выдвинутых резолюциями названных съездов. В ряду таких организующихся групп негласные сведения отделения указывают и на группу преподавателей средних и низших учебных заведений, задавшуюся объединением для указанной выше цели»¹. И дальше конкретно: «Ходатайство г. Цветкова о разрешении ему отпечатать и распространить в количестве 3000 экземпляров обращения к учащим в начальных училищах моск. городского самоуправления, несомненно, является попыткой активного выступления в интересах приведения в исполнение задуманного объединения»². Очевидно, и флаг «обороны страны» уже не защищал от подозрений. И напуганное воображение уже заставляет бояться и съезда «Представителей мясных бирж», и общества «Изучения и использования болот» — департаменту везде грезятся призраки и подвохи, недаром зашифрованная телеграмма от апреля 1916 г. уведомляет московское охранное отделение, что «под видом кооперативного съезда в Москве предполагается съезд социал-демократов»³. Но, конечно, общественные силы, зажатые в тиски, пытались везде искать себе путей для своей работы. В частности, и Педагогическое о-во старалось находить удобные пути и дорожки по собиранию учительства. Юридическая помощь населению при посредстве учителей — таково было последнее выступление Московского комитета Педа-

¹ Моск. охран. отд. Дело о съездах и о-вах, № 472 от 1916 г.

² Там же.

³ Там же.

гогического о-ва перед революцией 1917 г. Доклад о юридической помощи населению, составленный И. Н. Сахаровым, имел в виду две настоятельно важные в тот момент цели: дать юридическую защиту населению деревни в его разнообразных правовых нуждах, связанных с вопросом войны (пенсии, обеспечение семей призванных, пайки, помощь детям-сиротам и т. д. — деревня с трудом разбиралась во всем этом), и дать некоторый подсобный заработок учительству, изнемогавшему в борьбе с дороговизной жизни. И конечно, но это уже негласно, использовать эту работу и в целях объединения учительства. Кроме того, естественно считалось, что учитель как деревенский ходатай по делам явился бы, благодаря своему знанию деревни, благодаря своим тесным связям с нею, наиболее желательным в этом деле лицом. Московский комитет Педагогического о-ва предполагал организовать при университете Шанявского краткосрочные 6-недельные курсы для подготовки учителей к этой новой роли — таких курсов в течение зимы могло бы пройти несколько. Проект этот, разосланный по земствам и учительским обществам, встретил большое сочувствие и там и тут. А университет Шанявского, всегда внимательный ко всем учительским нуждам (при нем только что прошли общеобразовательные курсы для учителей-беженцев и уже предполагались другие, для начинающих возвращаться из плена учителей), с полной готовностью отозвался на этот проект. Но курсы и не осуществились, хотя уже с мест шли запросы и записи.

Не удалось осуществиться и 3-му съезду имени Ушинского в Москве. Его организационный комитет, состоявший из 64 человек с В. П. Вахтеровым в качестве председателя (тов. председателя Цветков и Звягинцев), начал свою работу в декабре 1916 г.¹ Но уже мчался ураган революции, и естественно, что во что-то иное должны были вылиться задуманные работы.

Февраль 1917 года. Непрестанно днем и ночью звонит телефон: друзья из редакции газет сообщают о получаемых новостях. Одно событие сменяет другое: горит охранка, арестованы министры, низложен царь, декрет

¹ Состав организационного комитета и программа съезда — см. «Народный учитель», 1917, № 1.

Временного правительства... И вот по Москве идут толпы народа, развеваются красные флаги и красные знамена, звенят новые песни, раздаются горячие речи. Февральская революция свершилась. Надо обрадовать этой вестью тех, кто далеко и не скоро узнает о событии; и В. П. Вахтеров посылает телеграммы в лагеря военнопленных учителей. А затем естественная мысль об Учительском союзе.

4 марта под председательством В. П. Вахтерова состоялось собрание членов бывшего Московского областного бюро; оно обратилось к учащим с воззванием, которое было напечатано в газете: «Всероссийский Учительский союз, основанный прогрессивным учительством в 1905 г., разогнанный затем тупыми и жестокими служителями старого строя, не умер...» — говорилось в этом воззвании, и бюро приглашало учительство сплотиться, завязать немедленные сношения с Московской областной организацией и выбрать своих представителей для того, чтобы на предстоящем в Москве 3-м съезде имени Ушинского уже был бы санкционирован Всероссийский Учительский союз¹. Но съезд имени Ушинского — это была еще фикция, для организации его, согласно раньше выработанной программы, нужно было время, а кроме того, и сама программа с ее профессиональными темами уже не могла отвечать настроению. И на воззвание от Московского областного бюро начали поступать ответы с мест. Горячей телеграммой откликаются зарубежные товарищи, учителя-военнопленные. «Вы себе и

¹ В Архиве Вахтерова есть черновик, написанный его рукой, — обращение организационного комитета съезда Ушинского к учительским обществам: «Товарищи-граждане, — читаем в тексте, — организационному комитету 3-го Всероссийского съезда имени Ушинского надлежит исполнить постановление 2-го съезда о выработке устава Всероссийского Учительского союза. И комитет просит все учительские кружки и общества, как губернские, уездные, так и районные, как существовавшие прежде, так и возникшие явочным порядком, сейчас прислать своего представителя к . . . месяца сего года на заседание комитета, которое будет Учредительным собранием Учит. союза». Бумага без даты, но ясно, что она относится к февральским дням 1917 г. Председателем организационного комитета 3-го съезда был В. П. Вахтеров, но на бумаге рукой В. П. Вахтерова написана фамилия Душечкина, очевидно, предполагалось, что обращение пойдет от его имени. Не могу сказать, почему (я как раз в это время не была в Москве), тем не менее была разослана не эта бумага, а обращение от Моск. обл. бюро.

представить не можете,— пишет В. П. Вахтерову военнопленный учитель,— какое впечатление произвело на нас ваше письмо с первым известием о революции. Мы его перечитывали по несколько раз, повесили его в бараке, пересылали его в другие лагеря и говорили, говорили без конца о России, о свободном народе, о свободной школе». Горячие письма шли из провинции. Были отклики и из действующей армии, от огромного количества учительских обществ, и не только из тех мест, которые составляли район Московской области, но из Акмолинска, Терской области, Земли войска Донского. Союза еще не было, но корреспонденты уже сообщали о своем присоединении к нему. И так как съезд имени Ушинского не состоялся, то Московское областное бюро, считая себя не потерявшим своих полномочий, и взяло на себя организацию областного съезда Учительского союза, разослав по области приглашения на этот съезд на 4 апреля.

Педагогическое о-во в Петрограде в свою очередь назначало съезд делегатов на следующие числа апреля, так что московский съезд служил как бы «подготовкой» к Учредительному съезду в Петрограде. Московский съезд имел в виду собрать по преимуществу членов-областников, но на него приехали представители почти всех губерний и областей Европейской и части Азиатской России. Делегатов с правом решающего голоса было около 800 человек.

На этом первом («подготовительном» к Учредительному) съезде были выработаны резолюции, избрано бюро по Московской области, намечен ряд первоочередных работ и был временно принят устав Учительского союза 1905 г.

Шестого апреля вечером делегаты выехали в Петроград на Учредительный съезд Всероссийского Учительского союза. Этот съезд и состоялся 7 апреля в присутствии более чем 800 делегатов под председательством В. И. Чарнолуского. В. И. Чарнолуский в своей речи, обращенной к министру народного просвещения, указывал на необходимость немедленного движения вперед: «Революция произошла,— говорил он,— а в стенах школы свободы нет. Но жизнь не ждет. Формальное право должно уступить требованиям жизни. Нельзя ждать ни одного дня. Необходимо немедленно провести в жизнь

ряд реформирующих мер...»¹ Учительство чувствовало себя активным участником этих будущих реформ школы, оно рвалось к этой будущей творческой работе.

Московское областное бюро немедленно же, во исполнение постановления своего съезда, начало работу. В. П. Вахтеров, председатель Областного отдела, опять с юношеским увлечением берется за дело. Образуется при бюро ряд комиссий: литературная, лекционная, помощи амнистированным, военнопленным, по приисканию мест; приступают к изданию периодического органа (бюллетени Моск. обл. организации, позднее журнал «Учитель»). Деревня ждет возвращающихся из сибирской ссылки учителей, чтобы с их помощью разобраться в массе новых вопросов, чтобы у них спросить, какую партию им поддерживать. И опять из деревни несется клич: «Дайте книг, дайте газет, дайте ораторов, дайте знаний!» И опять «наш старик», как называют В. П. Вахтерова некоторые члены нашего бюро, на одном из ближайших заседаний уж выступает с проектом немедленной организации на местах школ грамоты для взрослого населения². Он высчитывает, во что обойдется содержание таких школ, набрасывает их программу — обучение грамоте и сообщение необходимейших политических знаний. Такие краткосрочные школки нужны сейчас, перед близящимся Учредительным собранием, когда народ должен будет сознательно принять участие в выборах и подать свой голос (путем записки) за своих кандидатов. Немедленно организуется просветительная комиссия, она входит в сношения с рядом учреждений, получает деньги и работников. О. В. Кайданова, председательница этой комиссии, выступает с докладами об этих школах и в Москве, и в провинции, она тоже фанатик просвещения, и ее призывы не остаются втуне, и вот уже целый ряд таких культурных пунктов начинает действовать.

С мая 1917 г. открывается Государственный комитет по народному образованию, который возник под непосредственным влиянием организованного учитель-

¹ Бюллетень Моск. обл. организации Всероссийск. учит. союза, 1917, № 1 (июнь).

² Бюллетень Моск. обл. организации Всероссийск. Учит. союза, 1917, № 1, и «Народный учитель», 1917, № 11—12.

ства: впервые необходимость такой организации, такой совещательной коллегии при Министерстве народного просвещения была высказана на Московском областном съезде Учительского союза в апреле 1917 г. Всероссийский учительский съезд в Петербурге оформил и детализировал этот проект, а в мае он уже вошел в жизнь. Мысль о необходимости коренных реформ всей системы народного образования, конечно, уже давно жила в общественном сознании, и в теории давно уже были выработаны, а с 1905 г. и уточнены и все детали этих реформ. Полная децентрализация дела народного образования с предоставлением самостоятельности каждой самой небольшой ячейке — вот перспектива, которая рисовалась тогда. У государства должна была остаться функция общих законодательных норм, которые, однако, не должны были стеснять местного творчества. На таких основах создавался этот орган, который получил название Государственного комитета. Число представителей в комитете намечалось около 75, причем Учительский союз и Совет рабочих и крестьянских депутатов имели наибольшее число представителей¹.

В числе делегатов в комитет от Учительского союза был избран В. П. Вахтеров. И естественно, что в этом комитете, призванном к выработке широких реформ в деле народного образования, В. П. Вахтеров опять во главе своего любимого дела: он председатель комиссии по всеобщему обучению и руководит ее работой. И конечно, увлекается этой работой. Летом из Калужской губернии, где мы жили на даче, он два раза в месяц ездил в Москву и в Петроград, а так как железнодорожное сообщение находилось в это время в хаотическом состоянии, то ему приходилось иногда, не найдя места всю ночь стоять в вагоне или спать на полу между лавками в его уже 65 лет. Но он горел желанием теперь,

¹ Представительство было таково: от Совета крестьянских и рабочих депутатов — 15, от Совета кооперативных съездов — 8, от Союза городов — 4, от Академического союза — 4, от Союза земских работников по нар. образованию — 5, от Всероссийск. Учит. союза — 15, от Всероссийск. организации проф. союзов — 4, от родительских организаций — 2, от нац. организаций — 16 и от Министерства нар. просвещения — 2. В дальнейшем пропорции эти несколько видоизменялись, но крупное представительство от Учит. союза и очень некрупное от министерства оставалось.

наконец, покончить с позорным пятном русской жизни, с роковым вопросом русской безграмотности и верил в близкую осуществимость этого: «Через пять лет,— утверждал он,— мы справимся с этим злом». В комитете ему минутами приходилось трудно: его проект всеобщего обучения на первой пока ступени признавался узким, требовали провозглашения громкого лозунга: «Всеобщее обязательное обучение на всех ступенях от низшей школы до университета». В. П. Вахтеров не меньше своих оппонентов желал этого, он всю жизнь работал для этого идеала, но он знал, что в данный момент это еще неосуществимо и вообще не может сделаться так скоро. Но скоро, немедленно можно, по его мнению, провести первый этап — всеобщее обязательное обучение в начальной школе, и на это надо направить все усилия. И он крепко держится за это и выдерживает натиск противников: его обвиняют в крохоборстве, в узости идеалов. Составленный им проект всеобщего обязательного обучения на первой ступени был принят на пленарном заседании Государственного комитета.

Кроме вопроса о всеобщем обучении, В. П. Вахтеров работает в комитете и по другим вопросам, между прочим, о жалованье учащихся, составляя мотивированную записку об увеличении его до 1200, о труде подростков, о 2-м этапе обучения — о всеобщности обучения в школах повышенного типа. Работы много — и по комитету, и по союзу. В нашей квартире помещается и канцелярия Московского областного бюро, и книжный склад, и комиссия по военнопленным, и комиссия по приисканию заработков. Целый день у нас толчея, редкий вечер нет того или иного заседания. Вскоре еще новое начинание — орган Московской областной организации Союза журнал «Учитель», под редакцией В. П. Вахтерова. Время для издания очень трудное: дорожает бумага, дорожает труд, расстроен транспорт, затруднена доставка и один за другим закрываются периодические издания. Но такой орган нужен для учительства, и В. П. Вахтеров, несмотря на нелюбовь к редакторству, берет его на себя. В первом же номере, в редакционной статье «К читателю», В. П. Вахтеров уже призывает учителя к педагогическому творчеству, убежденный в том, что «русский народ скажет свое новое слово в педагогической области» и что «если мы, русские, сделали мало в об-

ласти педагогики, то лишь потому, что в этой области мы жили под тягчайшим прессом самодержавия, с его жандармами, департаментом полиции и подчиненным ему Министерством народного просвещения. Теперь, когда разорваны цепи самовластья, пред нами открывается широкий простор для творческой деятельности»¹.

Государственный комитет в своем заседании 1 октября принял положение о Всероссийском государственном совещании по вопросам организации народного образования, которое должно было состояться в декабре 1917 г. Организационный комитет совещания постановил создать в Москве подготовительную комиссию по начальной школе, и председателем комиссии был выбран В. П. Вахтеров. А он, конечно, первым делом пригласил в эту комиссию, кроме деятелей по народному образованию, большое количество народных учителей, и была уже выработана программа работ будущей секции начальной школы.

1918—1924 гг.

После Октябрьской социалистической революции Учительский союз просуществовал еще 14 месяцев. За это время состоялись два областных и один всероссийский съезд Учительского союза; на последнем В. П. Вахтеров прочел свой доклад о национальном воспитании. В декабре 1918 г. Всероссийский Учительский союз (ВУС, как тогда начали называть его) был распущен постановлением ВЦИК за антисоветскую деятельность.

Отношение В. П. Вахтерова к Октябрьской социалистической революции было отрицательное. Он и не скрывал этого. Однажды — это было, кажется, в середине 1918 г. — он получил по телефону запрос, как отнесся бы он к приглашению вступить в какую-то правительственную семерку (или пятерку, не помню теперь) для работы по народному образованию. В. П. Вахтеров всегда боялся «постов» и никогда не чувствовал себя созданным для них, но в данном случае были и политические причины для отказа, его отрицательное отношение к Со-

¹ «Учитель», 1917, № 1.

ветской власти. В. П. Вахтеров отошел от жизни. Остался опять кабинет и книги. По вызову одного учительского общества В. П. Вахтеров уехал в провинцию. В Москве было голодно и холодно; было тяжело и неспокойно в разлуке, но иначе поступить было нельзя. Василий Порфирьевич в деревне не голодал, потому что местные крестьяне заботились о нем, приносили ему то картошку, то яиц, то лепешек, и он даже нам посылал кое-что из съестного. Человек большой выносливости, так мало придававший значения всяким удобствам, так не умевший замечать мелочей жизни, он не очень тяготился своим положением отшельника. Были у него книги, была бумага и чернила, он мог работать, и он писал нам: «Все у меня есть, еды вдоволь, не присылайте мне ничего». Он топил свою печурку, варил свой несложный обед и коротал длинные зимние вечера с маленькой коптилкой, потому что керосину почти не было. Весной я приехала к Василию Порфирьевичу. Прожили мы тихо и мирно и без всяких инцидентов до осени, а осенью вместе вернулись в Москву. Жизнь в материальном смысле была очень трудной. Денег уже почти не было, все, что можно было обменять на продукты, было обменено, в квартире стоял холод от выбитых стекол, отопление не действовало, водопровод тоже, а электричество вспыхивало на минуты и только дразнило нас. Но понемногу все стало налаживаться. Окна забили картоном и фанерой, к дверям без ручек приделали веревочные петли, для отопления и готовки сложили печурки, причем кирпичи приходилось таскать на 5-й этаж, обзавелись лампой, купили керосину... жилье готово. Затем Василий Порфирьевич начал получать академический паек, и в те дни, когда мы с ним вдвоем (дети служили) тащили этот паек, была уверенность, что будем сыты на много дней. От предложения занять место заведующего каким-то учебным заведением В. П. Вахтеров отказался и стал искать привычной ему лекторской работы. Он нашел занятия на курсах инвалидов, подготовлявшихся к педагогической профессии, на красноармейских курсах ликвидаторов неграмотности, на курсах проф. Юдина, где надо было готовить учителей 2-й ступени к обучению грамоте отсталых детей. В 1923—1924 гг. он состоял лектором на педагогическом факультете 2-го МГУ. Темы его курсов были близки ему, и он с удовольствием

вел эту работу. В этот же последний год своей жизни он увлекся мыслью провести в московских школах ряд опытов по методике преподавания. Ему хотелось расширить свою еще давнишнюю работу в Тверской школе. Мысль его была поставить очень широко этот эксперимент, проработать им всю методику обучения в школах 1-й ступени, захватить и ряд других вопросов школьной жизни, но сделать этого он не успел. Часть своего доклада об этой работе он прочел на заседании Педагогического о-ва просвещения; там же была напечатана и другая его статья о реформе правописания. Еще одна работа об американском методе обучения грамоте претерпела немало мытарств: несколько педагогических журналов под теми или другими предложениями отказались печатать ее, а в одном даже заявили, что статья эта «слишком специальна». А все дело было в том, что это был момент, когда звуковой метод, защитником которого являлся В. П. Вахтеров, был в опале. Так и не была эта последняя статья В. П. Вахтерова напечатана при его жизни, и уже в 1925 г. ее поместили в одном сборнике¹. А статья эта интересна не только как защита звукового метода, который, кстати сказать, защитила и сама жизнь, — статья эта интересна еще больше как защита учителя, защита его права на выбор метода, защита его от излишней опеки.

Другим литературным делом, которому приходилось отдавать немало времени, было переиздание учебников — букваря, пока еще не окончательно был изгнан звуковой метод, и школьных книг «Мир в рассказах для детей», которые несколько лет издавало сначала Моно, а затем Госиздат. Работа эта была нелегкая не только по техническим своим трудностям (в те годы их было немало), но и по другим причинам. Все свободное время дома он отдавал чтению, письму. Читал он обыкновенно все, что выходило нового, все, что мог достать, и по обыкновению внимательно следил за политикой. А остальное время писал. Он составил ряд детских сборников из народных сказок и песен. Любитель и ценитель народного языка, он с удовольствием вчитывался в толстые сборники русских сказок и делал из них выписки.

¹ См. ст. В. П. Вахтерова «Об американском методе», в кн. «Первые шаги обучения», М., «Мир», 1925, стр. 97—126.

Сказке он придавал огромное значение. Роль сказки в деле развития фантазии — это была тема, к которой он часто возвращался, особенно в те годы, когда на педагогическом горизонте выросла грозная туча: «поход на сказку» и лозунг «долой сказку!» Вспоминаю вечер у нас, когда случайно получилось целое «заседание», посвященное сказке: к нам пришла А. М. Калмыкова (она читала в это время лекции на библиотечных курсах) и зашло несколько провинциальных учителей. А. М. Калмыкова, фанатическая и талантливая защитница сказки — она в это время или писала, или уже напечатала свою прекрасную статью «Мировая художественная литература, как учитель жизни юных поколений 20-го века»¹, — рисовала нам целые картины своих наблюдений над ребятами, давала яркие факты глубокого влияния сказки на детскую психику, на формирование детских идеалов, а В. П. Вахтеров дополнял ее интересными соображениями о роли воображения в жизни, исходя из афоризма Гёте, что «воображение — предтеча разума», и иллюстрировал свою мысль фактами из биографий деятелей искусства и науки. Он хотел писать статью в защиту сказки, и кое-какие наброски остались в его рукописях. Остались в его рукописях и другие начатые и неоконченные работы. Собирался написать популярную педагогику для широких масс, но уже не успел. Многого не успел и многое еще мог бы сделать, если бы продлилась жизнь, потому что для него жизнь и работа были неразделимы. Приближаясь к 70-летию, он иногда говорил о смерти. И говорил, что относится к ней как-то по-новому, без того страха, который испытывал в молодости, когда была сильнее и жажда жизни, и радость труда. «Отношение к смерти у меня стало какое-то крестьянское, — говорил он, — «поработал и пора на покой». И говорил, что, хотя и любит жизнь, хотя и интересно видеть, как пойдет она дальше и что выработается из современных исканий, он боится старости, потому что боится потерять работоспособность, утратить свежесть мысли, сделаться беспомощным, сделаться в тя-

¹ А. М. Калмыкова прислала нам оттиск этой статьи с такой трогательной надписью: «В. П. и Э. О. Вахтеровым с дружеским приветом от автора, его «лебединая песнь». И действительно, это была «лебединая песнь» — очень скоро А. М. Калмыкова умерла,

гость другим. И когда мы с укором говорили ему, как, если бы и пришла беспомощность, он был бы нужен и дорог всем, он отвечал упрямо: «Для меня такая беспомощность была бы хуже смерти». И, конечно, это можно было понять. Но так не верилось в какую-то беспомощность для него, такой он был бодрый, живой, такая «молодая» какая-то была у него старость. Всем он интересовался, все хотел знать, ни на минуту не угасала его любознательность и его интерес к жизни, и всегда, как и раньше, с раннего утра сидел он за своим письменным столом за привычной работой. И когда в январе 1923 г. мы с ним «отпраздновали» нашу серебряную свадьбу, то он шутил, что и до «золотой не так уж много осталось, всего каких-нибудь 25 лет!» Увы, эта шутка ни в какой мере не оказалась пророческой. Последний год жизни он провел так же, как и раньше: читал лекции в университете и на курсах, писал статьи, редактировал наши школьные книжки. Время от времени кто-нибудь из учителей, из провинциалов, или придет ласковое письмо, или заглянет к нам, с трудом отыскав нас, потому что адресное бюро в это время еще не действовало, а на старой нашей квартире знали только, что «выселились неизвестно куда». Но вот какой-нибудь особенно энергичный учитель разыщет нашу квартиру, и Василий Порфирьевич оживится, начнет расспрашивать о деревне, о школе, об учительских делах. Заходили изредка и такие учителя, которые лично и не знали Василия Порфирьевича. Вот как один из них описывает свое посещение Василия Порфирьевича: «Темная узкая прихожая. Дверь. Я постучал. Дверь открылась, и на пороге стоял человек в сером пиджаке и в валенках. Он слегка покашливал. Спрашиваю: могу ли я видеть Вахтерова? Вместо ответа он приглашает меня войти: «Чему могу служить?» Оказалось, это и был сам В. П. Вахтеров, которого я ожидал встретить, как профессора-методиста, в блеске его величия, в богато обставленном рабочем кабинете. На самом же деле передо мной стоял человек в самой простой, скромной обстановке. Комната, в которую он ввел меня, была перегороджена ширмой на две половины. В одной стоял стол, в другой — кровать. Сели мы у стола. Времени у меня было мало, разговор велся наскоро; В. П. Вахтеров особенно интересовался жизнью провинциальной школы.

Нужно было видеть, с каким вниманием слушал он мои ответы на его вопросы и тут же делал себе в тетрадку какие-то заметки. На прощанье мы выразили пожелание еще встретиться, но, увы, это осталось пожеланием. Не прошло и года после моей встречи с Василием Порфирьевичем, как его не стало. Он умер. Умер тот, чье имя заставляло радостно биться сердце каждого честного русского учителя»¹. Было у Василия Порфирьевича один раз интересное посещение группы совсем неизвестных ему учителей откуда-то, кажется, с Дону. Они приехали в Москву на какой-то съезд и привезли с родины подарки — четверть сотового меду. И водрузили торжественно огромную бутылку на письменный стол Василия Порфирьевича к великому его смущению. А когда они стали рассказывать ему об оживлении школьной работы, он весело сказал: «Да это еще слаще меду будет». И все смеялись.

В январе 1924 г. В. П. Вахтерову минуло 71 год и одновременно исполнилось 50-летие его педагогической и литературной работы. Но время было не юбилейное, да он и не согласился бы ни на какой юбилей. Впрочем, об этой дате никто и не вспомнил тогда: В. П. Вахтеров жил замкнуто, нигде не выступал, и многие думали, что его уже и нет в живых. Василий Порфирьевич чувствовал себя относительно здоровым и жаловался только на то, что иногда «голова что-то плохо работает». И в то же время не хотел советоваться с врачами. Он почти не жаловался на сердце и опасался только воспаления легких, которое бывало у него несколько раз. «В старости мне его не перенести», — говорил он и только и берегся от простуды. Дня за два до смерти он был в Госиздате. В этот вечер мы с ним были в театре, смотрели пьесу «Двое», где артист талантливо изображал перевоплощение личности, и В. П. Вахтеров заинтересовался психологической стороной этого вопроса. Помню, как мы возвращались домой по пустынным улицам Москвы. Был апрель, наступало тепло, в воздухе чувствовалось что-то предвесеннее, и мы говорили о летних планах. Мне хотелось, чтобы он поехал на Кавказ полечиться, а он возражал, говорил о трудностях поездок и уверял, что гораздо полезнее ему будет лето на Оке на нашей

¹ Воспоминания учителя Р. (Архив Вахтерова).

даче. Когда мы пришли домой, дети ждали нас с чаем, и мы так хорошо, дружно провели вместе этот час перед сном: не всегда это случалось, потому что наша молодежь часто приходила позже или сын, который служил в театре, задерживался там, и мы встречались только утром. А тут все были дома, и было как-то особенно тепло и уютно. Прощаясь с нами перед сном, Василий Порфирьевич обнял нас сразу всех трех и сказал своим ласковым голосом: «Вот как хорошо, вся моя троица вместе!» И мы простились. Утром он чувствовал себя хорошо, и с 8 часов по обыкновению сидел за своим письменным столом. И, как всегда, будил меня, шутливо декламируя: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Я должна была пойти куда-то по делу и на обратном пути купить ему газету. Провожая меня, он сказал: «Что-то голова у меня плохо работает», но я не обратила внимания на эти слова: он часто говорил их. Часа в три я вернулась. Он лежал на кровати очень бледный и читал книгу. И сказал мне, что в мое отсутствие ему было очень плохо: «Была страшная боль в области груди и тошнота. Так было плохо, что я боялся, что умру без тебя», — это он уже сказал шутливо, но вид его мне не понравился. Позвать доктора он отказался: «Ведь все уж прошло», — лечиться он вообще не любил. И стал лежа читать газету и пересказывал мне интересные места. Но не прошло и получаса, как он вскочил и заходил по комнате: появилась также мучительная боль в груди. Почему-то он решил, что это начинается воспаление легких, и не говорил о сердце. Не понимаю, как и я не сообразила, что этот приступ боли похож на сердечный приступ. Я побежала к соседям звонить по телефону, но у них не было телефонной книжки, побежала к врачу, который жил в нашем доме, его не оказалось. А боли все усиливались, и Василий Порфирьевич, обычно такой сдержанный и терпеливый, ходил по комнате, едва удерживаясь от стонов. Пока бегали за другим врачом, Василий Порфирьевич опять лег на кровать. Он тихо стонал. И вдруг закрыл глаза, лицо стало багровое и синее, но кровь моментально отхлынула, и лицо стало белым, как слоновая кость. Он не открывал глаз и не отзывался. Вероятно, он был уж без сознания. А затем вдруг захрипел. Все было кончено. Минут через 10 пришел доктор и мог только констатировать смерть от паралича

сердца. Он тихо ушел из жизни, и лицо его сейчас же приняло выражение глубокого и мирного покоя. В. П. Вахтеров умер 3 апреля 1924 г. в возрасте 71 года и 3 месяцев.

В. П. Вахтеров похоронен на Дорогомиловском кладбище, и — удивительная случайность — могила его окружена целым кольцом маленьких детских могил, точно и после смерти он захотел быть среди детей, которых он всегда любил и о которых так много думал¹.

¹ В 1941 г. Дорогомиловское кладбище было упразднено, и прах В. П. Вахтерова перенесли на Ваганьковское кладбище.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ

В числе вопросов, над которыми Вахтеров много работал, о которых много писал, над которыми много думал, был один коренной — это вопрос о всеобщем обучении. Идее всеобщего обучения в течение всей своей жизни он отдавал наибольшую волю своего внимания и своего энтузиазма. Можно бы сказать, что он был влюблен в эту идею, лелеял мечту о всеобщем обучении как что-то бесконечно дорогое, и я вспоминаю его первый подарок, присланный мне: маленькая записная книжечка, где на главном листе он написал: «Всеобщее обучение — вот дело, которому не жаль отдать всю жизнь». Действительно, интерес к этому вопросу и работа над ним красной нитью проходят через всю его жизнь.

Проблема всеобщего обучения начала увлекать В. П. Вахтерова еще в 80-х гг.¹, когда он в Смоленской губернии занялся статистической работой, обследуя шко-

¹ Пожалуй, еще и раньше: в Архиве Вахтерова есть письмо, в котором старый учитель, его товарищ по учит. институту (значит, это относится к 1874 г.), пишет ему: «Помните, какую роль в нашей жизни играла какая-то книжка заграничного издания, откуда я помню только требование всеобщего обязательного обучения, из-за таких пустяков (т. е., очевидно, из-за хранения у себя такой книжки.— Э. В.) тогда можно было угодить в Сибирь» (Архив Вахтерова. Письмо из Сормова от учителя П.). Имелась в виду книжка Массе «Education obligatoire», Paris, 1872. Книжка сохранилась в библиотеке В. П. Вахтерова (Архив Вахтерова).

лы губернии и составляя диаграммы. Здесь же он впервые столкнулся с вопросом о школьном возрасте, исчислявшемся до тех пор в 7 лет (от 7 до 14) по западноевропейскому образцу. «Я помню, как долго колебался я отрешиться от общепринятого расчета»,—писал он впоследствии, — «когда собранные мною данные о количестве учащихся в Смоленской губ. опровергали установившиеся взгляды на способы вычисления»¹.

В 1885 г. в бытность свою инспектором народных училищ Смоленской губернии В. П. Вахтеров подошел и к практическому разрешению этого интересовавшего его вопроса. А именно, по соглашению с уездными земствами он организовал в четырех уездах Смоленской губернии целую сеть школьных отделений с юными педагогами из лучших учеников министерских и земских школ.

В. П. Вахтеров, конечно, ничуть не преувеличивал значения таких школок и никогда впоследствии в своих расчетах о всеобщем обучении не вводил их в нормальную сеть школ, но практически, когда тому представилась возможность, он провел эту организацию в четырех уездах, выхлопотал для этих школок библиотечки, увлек этой работой учителей-руководителей и их юных товарищей и с удовлетворением констатировал при своих осмотрах этих школок, что ученики их приобрели хорошие навыки в чтении, письме, счете, а главное, они получили любовь к книге, а книге в деле самообразования В. П. Вахтеров всегда отводил первенствующую роль.

Организация эта, устроенная на основании циркуляра барона Николаи от 1882 г., была, однако, недолговечна: на нее ополчилось духовное ведомство с Победоносцевым во главе, требовавшее подчинения этих школ духовенству, и школки, несмотря на борьбу земства, в которой принимал горячее участие и В. П. Вахтеров, в 1891 г. были закрыты.

¹ Эта работа была послана на Казанскую промышленную выставку, и Комитет выставки прислал В. П. Вахтерову официальную бумагу с признательностью за доставленные диаграммы по нач. образованию в селах и городах Смоленской губ., а равно и за сделанные выкладки по сравнительным расходам каждого плательщика на нужды нар. образования в России и европейских государствах (Архив Вахтерова).

Об этом опыте В. П. Вахтеров поместил в одесской газете «Школьное обозрение» свою первую статью о всеобщем обучении под заглавием «Дешевая организация всеобщего образования»¹.

В эти же годы своего смоленского периода он, будучи несколько лет негласным редактором газеты «Смоленский вестник», поместил там немало статей и заметок о всеобщем и обязательном обучении. Так, говоря, о труде детей, об эксплуатации их родителями, хозяевами, о краткости их посещения школы, об отсутствии в школах девочек, он делает вывод о необходимости всеобщего обязательного обучения². В другой статье, озаглавленной «Свобода невежества», опять горячая защита всеобщности и обязательности и под конец столь обычный ему и так часто им повторявшийся негодующий вызов: «У нас находится много денег на балерин, на цыганок, на юбилеи и на всякие другие торжества, но их нет на народное образование. Удивляться ли, что наш балет и наши цыганские хоры занимают первое место в мире, а в деле народной школы для нас пока недостижимым идеалом служат чернокожие обитатели Сандвичевых островов?»³.

В статье «Заметки о народной школе» В. П. Вахтеров упоминает об ошибке в вычислении времени пребывания ребенка в школе (не в 7 лет по заграничной норме, а в 3 и 4 года по русской действительности) и иначе исчисляет процент школьного возраста⁴.

Перейдя на службу в Москву (1890), он вскоре же по приглашению Московского губернского земства начал работать в школьной комиссии, основанной земством, где и был поставлен вопрос о всеобщем обучении. В Москве собирались и частные совещания земцев по тому же вопросу, и В. П. Вахтеров также привлекается к участию в этих совещаниях, подойдя, таким образом, еще ближе к интересовавшему его вопросу. В эти же годы он обменялся несколькими письмами с французским сенатором (и бывшим народным учителем) Жа-

¹ «Школьное обозрение», Одесса, 1880, № 16, 17, 18.

² «Смоленский вестник», 1890, № 17.

³ «Смоленский вестник», 1890. Упоминание о балете являлось на тогдашнем эзоповском языке выпадом против Победоносцева, любителя балета и ярого гонителя земской школы.

⁴ «Журнал Мин-ва нар. просв.», 1891, август.

ном Масе, фанатиком обязательного обучения и инициатором Лиги образования во Франции: по предложению Маса В. П. Вахтеров вступил в число членов этой французской Лиги¹.

В 1894 г. В. П. Вахтеров подходит к вопросу о всеобщем обучении уже вплотную, выступая с рефератом на эту тему в Московском Комитете грамотности.

Вопрос о всеобщем обучении в России, как известно, очень и очень старый вопрос, и уже с XVII в. можно начинать его историю. Здесь и мечта фанатика просвещения крестьянина Посошкова, современника Петра I, мечта о том, «чтобы и в малой деревне не было неграмотного человека», а вслед за мечтой и практическое предложение: «Поневоля, а ежели учить не будут, то какое ни есть положить страхование». Здесь и первая попытка проведения в жизнь этой мечты: указ Петра 1715—1719 гг. об обязательности «для людей всех званий» (кроме дворян, для которых были другие учебные заведения) посещать устроенные им цифирные школы. Правда, этот неудачный указ, выбросивший лозунг принуждения раньше, чем была осуществлена возможность его выполнения, ибо школ было мало, уже в 1744 г. был отменен; но тем не менее в истории вопроса этот момент не может быть забыт. И далее идет целый ряд проектов всеобщего и обязательного обучения, начиная от проекта неизвестного автора «из подлого сословия» при Екатерине, продолжая законом 1864 г., выдвинувшим на первый план частную инициативу в деле осуществления всеобщего обучения, а так как простора для частной инициативы в России тогда не было, то и из закона ничего не получилось, кроме выгоды для правительства, которое сочло себя в праве ровно ничего не делать для народного образования; а многие ведомства, освобожденные от школьных тягот, поспешили закрыть свои школы. В 1876 г. по вызову министра народного просвещения Д. А. Толстого к решению вопроса привлекается ряд «сведущих людей», и результатом их изучения материалов является убеждение, что введение всеобщего обу-

¹ Два письма Маса и присланная им книжка — в Архиве Вахтерова. Лига образования была основана в 1861 г. и с 1875 г. начала агитацию в пользу обязательности обучения и борьбу с клерикализмом в школе.

чения совершенно невозможно, ибо потребовало бы таких расходов, какие не под силу государству¹.

В 90-х гг. была доставлена и рассылалась из канцелярии обер-прокурора Синода в земские управы и училищные советы брошюра, в которой проводилась мысль о возможности осуществления всеобщего обучения только при помощи церковноприходских школ, более дешевых и якобы более близких населению. Рядом с правительством, которое «ставило вопрос и, может быть, нередко, ставя его, ничего не имело против его мотивированного провала, этот же вопрос ставили частные общества, съезды, прогрессивные земства. Еще в 40-х гг. в О-ве сельского хозяйства с докладом «О всенародном распространении грамотности в России» выступал С. А. Маслов, в 1861 г. Петербургский Комитет грамотности рассматривал доклад Рогачева на ту же тему; Московский Комитет грамотности в 1866 г. в свою очередь обсуждал вопрос об обязательности обучения. Стоит вспомнить интересные дебаты по вопросу об обязательности на 2-м съезде сельского хозяйства (1870) в Москве, где ряд ораторов (Бугаев, Менделеев, Васильчиков и др.) предлагал свои финансовые соображения, вроде внутреннего займа, специального налога, подоходного налога и проч., и где был в положительном смысле решен вопрос как о всеобщем, так и об обязательном обучении². Затем обсуждение этого же самого вопроса на 1-м Техническом съезде в Петербурге и т. д. С 1866 г. начинаются и земские работы, и земские ходатайства об осуществлении всеобщего обучения; а в 1874 г. Вятское земство, например, совершенно определенно поставило вопрос о всеобщем и обязательном обучении и его обсуждении почти во всех земствах. Были попытки и со стороны самого населения вводить у себя обяза-

¹ Интересно, что, отклоняя проект введения всеобщего обязательного обучения по ходатайству некоторых земств (эти ходатайства по поручению Дм. Толстого рассматривал А. С. Воронов), Ученый комитет нашел, что право, предоставляющее возможность отдельным земствам вводить у себя обязательное обучение, «может уничтожить равновесие между различными частями государства, давая значительный нравственный перевес одним из них перед другими». (Ст. проф. Миклашевского «Обязательное обучение в нач. школе», Юрьев-Дерпт, 1906).

² См. Миропольский, Школа и государство. Обязательность обучения в России, 1876.

тельное обучение — составлялись приговоры, и в качестве принудительной меры устанавливались штрафы. И так вплоть до 90-х гг. вопрос этот почти не уходил из поля зрения правительства, общества, прессы¹. Но, принципиально признавая желательность, важность и необходимость всеобщего обучения, все — и искренние и лицемерные друзья этого вопроса — сходились на том, что на пути осуществления этого желательного, важного, необходимого стоят неодолимые финансовые затруднения. И все учреждения, и лица, делавшие свои статистические расчеты, во что обойдется всеобщее обучение, называли умопомрачительные цифры в сотни миллионов, что при всегда жалком бюджете на народное образование, естественно, парализовало все надежды. Отсюда и ряд проектов о частичном осуществлении всеобщего обучения, например проект барона Корфа «О введении всеобщего обучения лишь в нескольких, наиболее к этому подготовленных местностях»².

Общее мнение было таково: при нашем финансовом положении введение всеобщего обучения во всей стране невозможно.

Можно было не удивляться такому отношению к вопросу со стороны правительства, которое иногда плохо и скрывало свое полное равнодушие к народному образованию. Так повелось еще с давних пор, когда Екатерина II, например, в частном письме призналась, что открывает школы для Европы, «чтобы нас там за варваров не почитали»; не удивительно такое отношение и со стороны реакционной прессы, верной пособницы правительства, недаром она на страницах своих изданий наивно недоумевала, зачем это вдруг сделалось необходимым, «чтобы ни один ребенок не ускользнул от школьного обучения, как настаивают на этом сторонники пропагандируемой меры. Откуда явилась эта государственная необходимость, чтобы сычовья всякого пастуха, всякого дровосека, всякого бурлака и всякого земледельца затерянной среди степей и дремучих лесов деревушки — чтобы они умели читать книжки, чтобы их насильно стали принуждать к этому»³.

¹ Еще в 1859 г. в «Журнале для воспитания» была статья об обязательном обучении.

² «Вестник Европы», 1876, февраль.

³ «Московские ведомости», 1895, № 285.

Но удивительно было то, что пессимистического взгляда держались и искренние друзья народного просвещения: и некоторые прогрессивные земства, и историк князь Васильчиков, и педагоги бар. Корф, Страннолюбский. Последний в реферате, прочитанном в Петербургском Комитете грамотности в январе 1893 г., пришел к такому пессимистическому выводу, что у всех заинтересованных в возможности осуществления всеобщего обучения опустились руки. Выдающийся математик и статистик, он углубленно работал над вопросом, и никто, конечно, не мог заподозрить его в умышленном запугивании. И однако выводы его были таковы: «Достижение всеобщего, правильного, начального, школьного образования при существующих условиях и затратах на народное образование,— говорил он,—невозможно даже и в бесконечно отдаленном будущем». В другом месте реферата он, как бы в утешение слушателям, смягчает призрак этого «бесконечного будущего» почтенной, однако, цифрой — в 204 года — и дает цифру в 125 миллионов ежегодного расхода, т. е. увеличения на народное образование в 14 раз!

Таким образом, при очень большом интересе к вопросу со стороны земств, общества, отдельных деятелей — по отношению к осуществимости его царяла атмосфера большого пессимизма, большого уныния.

Углубленно работали над вопросом отдельные земства, ценнейшие материалы давали статистические исследования, существенно важные данные разрабатывали школьные статистики; на основании этих материалов теоретически разрабатывали вопрос просветительные о-ва (например, Петербургский Комитет грамотности) и отдельные лица (например, Страннолюбский, Ольденбург), а веры в осуществление дела все-таки не было: всеобщее обучение продолжало казаться очень и очень далекой мечтой.

Таково было отношение к вопросу о всеобщем обучении, когда в 1894 г. в январе В. П. Вахтеров выступил в Московском Комитете грамотности с рефератом на эту тему. Московский Комитет грамотности уже не раз подходил к этой теме, и в 1893 г. один из членов комитета, Д. И. Шаховской, подал обстоятельную записку, в которой, говоря о предстоящем в 1895 г. Всероссийском съезде сельских хозяев, предлагал комитету принять

участие в этом съезде устройством на его выставке особого школьного отдела и подготовкой к этому съезду материалов и соображений «по самому важному и насущному вопросу, вопросу о всеобщем обучении в России». И реферат В. П. Вахтерова являлся как бы ответом на эту надежду Д. И. Шаховского, что «среди членов комитета и вне его найдутся силы для работы по столь важному вопросу». Реферат Вахтерова 11 января 1894 г. собрал в Комитете грамотности необычно большое общество: почти всех членов и до 200 посторонних посетителей. Гвоздем реферата было указание на ошибку в исчислении школьного возраста, ошибку, которая постоянно повторялась во всех статистических исследованиях, разделялась и министерством, и земствами, и педагогическими авторитетами, а вслед за ними и всем образованным обществом. Авторитет Западной Европы, откуда были взяты цифры школьного возраста, еще больше утверждал их незыблемость, а между тем эта ошибка имела своим последствием совершенно неверные, преувеличенно крупные исчисления расходов на введение всеобщего обучения. Правда, и до реферата В. П. Вахтерова были попытки выйти из-под гипноза этих расчетов и сократить до русской нормы этот школьный возраст, и сам В. П. Вахтеров в своей работе по школьному делу в Смоленской губернии пользовался этими новыми расчетами и в своей статье 1891 г. указывал на эту ошибку. Весьегонское земство Тверской губернии в 1893 г., именно исходя из этих же сокращенных расчетов, постановило немедленно приступить к всеобщему обучению в уезде. Этим же новым расчетом еще в 1891 г. пользовалось Московское губернское земство, этот же расчет фигурирует и в классической книге Боголепова «Грамотность детей школьного возраста в Московском и Можайском уездах Московской губернии», составленной по поручению Московской земской управы. Но эти частные и местные попытки и специальные исследования, во-первых, касались лишь отдельных губерний, отдельных уездов, и авторы их не делали из них общих выводов; во-вторых, точка зрения авторов все же была довольно пессимистической, и они мало верили в возможность всеобщего обучения при полном экономическом разорении деревни. «Московские статистики делали хорошее дело, стараясь доказать необхо-

димостью широких социальных реформ,— говорит в своей книге¹ проф. Миклашевский,— они постоянно настаивали на развитии и поддержании крестьянского хозяйства, они стояли на хорошей дороге...», но, по словам того же автора, вследствие этого их взгляд на народное образование грешил некоторым пессимизмом и односторонностью. Кроме того, все эти специальные работы были малоизвестны в обществе, об них знали только специалисты, и всеобщее обучение продолжало казаться химерой, неосуществимой мечтой. Надо было как-то «снять заклятие» с этого вопроса, вывести его из рамок специальных вопросов, надо было задеть какие-то чувства, зажечь веру в осуществимость этого дела, вызвать энтузиазм, и это именно сумел сделать В. П. Вахтеров своим рефератом. «Всеобщее обучение возможно,— говорил он,— никаких непреодолимых препятствий к его осуществлению не имеется, не надо ждать его осуществления сотни лет, не придется тратить на него сотни миллионов». «Новые ассигнования со стороны земства,— говорил В. П. Вахтеров, по-новому исчисляя количество потребных школ,— составило бы немногим более 5% сметы земских доходов последних лет; новая ассигновка от казны составила бы такую ничтожную долю обычных государственных расходов, что ее пришлось бы выразить в нескольких сотых процентов. Исчисленный нами новый расход из земских сумм составил бы менее 5 коп. на одного жителя 34 земских губерний, мирские расходы составили бы 3 коп. на десятину, а новый расход казны представил бы 1³/₄ коп. в год на одного человека. Вот во что обращаются, при внимательном рассмотрении, устрашающие сотни миллионов, будто бы потребных для введения всеобщего обучения в России»,— заканчивает он свои расчеты². Но, зная по опыту, что, как бы минимальны не были эти расходы, всегда найдутся люди, которые опять завопят о «чрезмерном напряжении платежных сил населения»,— он горячо бросает им вызов: «Странно,— говорит он,— что о напряжении платежных сил населения слышатся голоса именно тогда, когда речь идет о все-

¹ Миклашевский, Обязательное обучение в народной школе, 1906.

² Вахтеров В. П., Всеобщее обучение, «Русская мысль», 1894 (май).

общем обучении, и они умолкают, когда говорится о постановке балета и о тысяче других подобных нужд. Можно подумать,— иронизирует он,— что плательщик, молча отдавая свой рубль налога, непременно начнет жаловаться на прибавку какой-то части копейки, когда узнает, что она пойдет на обучение его детей»¹.

Ставя и обосновывая в этом реферате вопрос не только о всеобщности, но и об обязательности обучения, протестуя против «свободы невежества», отстаиваемой теми, кто во имя свободы является противником обязательности, утверждая, что обучение должно быть так же обязательно для человека, как обязательно отбывание воинской повинности и уплата государственных налогов, В. П. Вахтеров все же делает уступку времени: имея определенные цифровые данные о небольшом, сравнительно, проценте посещающих школу девочек в деревнях, автор в своих расчетах считается (временно) с обязательностью посещения школ всеми мальчиками и всеми городскими девочками, ибо объявление обязательности обучения и для всех деревенских девочек вызвало бы ропот на местах. И он в своих расчетах школьных мест в деревенских школах оставляет лишь некоторый процент для тех девочек, «которые добровольно поступят в школу». Странно, что этот чисто практический подход к делу, этот естественный учет реальных условий не только в первую пору горячей полемики с Вахтеровым, но и много позже выставлялся как крупный козырь против автора: «Вахтеров против обучения девочек». С таким же правом на основании того же реферата можно было бы обвинить его, горячего сторонника увеличения числа лет школьного курса, горячего противника церковноприходской школы, горячего критика современной ему формы заведования училищами, обвинить в том, что он исходит в своих расчетах о всеобщем обучении из современного ему 3-годовалого для земской и 2-годовалого для церковноприходской школы, со всеми их и педагогическими и организационными недостатками. А он действительно не говорил о том, что нужно все сломать, что нужны лучшие, другие школы; напротив, он, реальный политик, ради достижения по-

¹ Вахтеров В. П., Всеобщее обучение, «Русская мысль», 1894 (май).

ставленной цели готовый и на компромиссы, говорит прямо: «Чтобы мысль о всеобщем обучении нашла возможно больше деятельных сторонников, не следует связывать вопроса этого ни с реформой в распределении источников содержания, ни с преобразованием выработанной самой жизнью типа начальной школы, ни даже с реформами по заведению училищами. В противном случае простая и бесспорная мысль о необходимости всеобщей грамотности встретит много врагов только потому, что они не разделяют наших взглядов на нормальный тип школы, на порядок заведения ими и проч. ...По этим соображениям мы везде в наших расчетах брали только нормы, выработанные самой жизнью»¹.

Исходя из этих расчетов, беря за исходную цифру стоимости школы среднее число в 322 рубля на школу, он приходит к выводу, что новых школ понадобится немного больше 30 тысяч и затрачивать на эти школы придется всего 11 миллионов рублей в год. Цифры эти сейчас должны показаться совершенно фантастичными. Но, очевидно, в то время они были не так уже далеки от истины. По крайней мере, статистики, проверявшие расчеты Вахтерова, не опровергали этих цифр². В своем реферате Вахтеров не касался определенных сроков, однако возможная близость этого срока предвиделась им, потому что первый этап обучения всех мальчиков и части девочек мог быть пройден, по его словам, лет через 10—11, «когда придет пора объявить обязательным и обучение девочек».

Впечатление от реферата было большое. «Простое практическое разрешение насущного, основного вопроса и ясные логические доводы, подтверждающие его правильность, буквально ошеломили всех слушате-

¹ Вахтеров В. П., Всеобщее обучение, «Русская мысль», 1894 (май).

² На съезде сельск. хоз. в Москве (1870) этот ежегодный расход на введение всеобщего обязательного обучения исчислялся в 25 миллионов рублей. В 1894 г. после реферата Вахтерова иные считали выдвигающуюся им цифру преуменьшенной (но не очень), и, например, харьковский проф. Шимкевич увеличивал ее до 18—20 миллионов; другие (Ольденбург) находили, что при отсутствии точных цифр количества детей школьного возраста нельзя определять и точное количество нужных школ. Главным противником расчетов Вахтерова был проф. Страннолюбский.

лей», — пишет один из участников этого заседания. «Как? Что? Это не мечта, не бесплодная фантазия, не обман? На осуществление всеобщего обучения надо только 11 миллионов, т. е. гораздо меньше, чем на постройку одного броненосца... Да ведь это так легко осуществимо, да ведь так стыдно будет, если это не осуществится... Невольные сомнения ползут в душу, невольно берет боязнь поверить счастью, такому лепкому осуществлению заветной мечты... Никогда еще не уходили такими взволнованными слушатели с заседаний Комитета грамотности, как в этот памятный день. Хотели и вместе с тем боялись верить. Доклад был прочтен так просто и деловито. Ни пафоса, ни громких слов... На слушателей действовали только знание дела, логика и глубокая убежденность автора. Лишь изредка в спокойное изложение проскальзывала горькая негодующая ирония. Но все понимали, что это далеко не чисто академический доклад. Этот доклад говорил и убеждал в возможности осуществления грандиознейшего дела, заветнейшей мечты. Но и это было далеко не все. Это был могучий призыв к живым силам общества, к началу борьбы против существующего строя за освобождение и благосостояние родного народа»¹.

Под впечатлением прослушанного реферата было постановлено: 1) отпечатать его и разослать для отзыва в журналы, в просветительные общества и земства; 2) организовать при комитете специальную комиссию по всеобщему обучению, в которой подвергнуть доклад всесторонней проверке, а также собрать и изучить имеющуюся по этому вопросу литературу², снестись с земскими и городскими учреждениями, с обществами и лицами, работающими в данной области, и на основании всего этого материала подойти к решению вопроса о всеобщем обучении. В комиссию вошли, кроме докладчика, общественные деятели, педагоги, статистики³, и

¹ Из речи Гебеля (Архив Вахтерова).

² Был выписан ряд ценных материалов, напр.: Отчеты Королевской комиссии по исследованию актов элементарного образования в Англии, История народного образования в кантоне Во в Швейцарии, Отчет Американского департамента воспитания и др.

³ В числе членов комиссии были: Чупров, Милюков, Вахтеров, Каблуков, Шаховской, Ольденбург, Боголепов, Петрункевич, Григорьев, В. Петров, Калмыкова, Штевен.

председателем ее был избран А. И. Чупров, что одно уже давало основание ждать от комиссии и плодотворной и серьезной работы. И надо сказать, что работа началась интенсивно; была составлена брошюра с кратким изложением истории вопроса всеобщего обучения, с изложением реферата В. П. Вахтерова, с выяснением плана будущей деятельности, с присоединением ряда вопросов, на которые надо было получить ответы с мест. Эта брошюра была разослана в количестве 3500 экземпляров, причем к ней прилагалось сопроводительное письмо. Далее, по предложению Д. И. Шаховского, была выработана особая объяснительная записка для земских комиссий по всеобщему обучению, которые часто, приступая к работе, затруднялись в решении тех или других вопросов.

К декабрю того же 1894 г. в ответ на разосланную брошюру было получено до 100 ответов из разных мест, и в декабре же секретарь комиссии А. Ф. Гартвиц сделал доклад в Комитете грамотности на основании этих разработанных им ответов. Но ответы все прибывали, и через месяц этот доклад, дополненный еще 200 вновь полученных ответов, был издан Московским Комитетом грамотности особой брошюрой под названием «Сознана ли населением потребность во всеобщем обучении». Данные, сообщавшиеся в этой брошюре, гласили прежде всего, что потребность населения в обучении громадна и несомненна. Приводились интересные факты крупных расходов на школы, которые несли сами крестьяне (900 руб., 2000 руб., 4500 руб. — в Сосницах Курской губ.; 600 руб. — в Хорольском уезде). Подтверждался и небольшой процент посещающих школу девочек с неуклонной, впрочем, тенденцией к повышению этого процента. В числе вопросов разосланной анкеты отсутствовал вопрос об обязательности обучения, по тактическим соображениям временно снятый с очереди как второочередной при недостигнутой еще общедоступности школы, и тем интереснее было встретить в числе ответов указание на то, что обязательность, о целесообразности которой так спорили во все времена, уже сама, снизу, то там, то здесь входила в жизнь: в одном месте родители постановили штраф в одну копейку за каждый просроченный учеником день (Терская область), в другом — обязательность обучения мальчиков декретирова-

лась постановлением волостных сходов (в нескольких волостях Старооскольского уезда) и т. д. Комиссия продолжала работать и накапливала все новые материалы. Через год в ее распоряжении были горы этих материалов: тут были ответы на вопросы, анкеты и самостоятельные индивидуальные записки, и работы земств, и просто сочувственные отклики с мест. Корреспондентами комиссии были самые разнообразные лица, начиная с директоров и инспекторов народных училищ, продолжая земцами, священниками, крестьянами, учителями¹.

В периодической прессе много писали о реферате Вахтерова и внимательно следили за работой комиссии. Реферат обсуждался в земских комиссиях, в обществах грамотности. Так, в Харьковском о-ве грамотности проф. Шимков, вполне соглашаясь с основными положениями реферата, вносит лишь поправку в финансовые расчеты автора, находя, что к осуществлению всеобщего обучения «ассигновка должна быть не менее 18—20 миллионов», и утверждая, что и эту цифру, составляющую лишь 2% государственного бюджета, никак нельзя признать непосильной для государства. И проф. Шимков признавал, что во всяком случае автор реферата «стоит несравненно ближе к истине, чем сторонники громадных, могущих запугивать, цифр»². Расхождение же проф. Шимкова с автором реферата заключалось в вопросе об обязательности, каковую, признавая ее в принципе, он считал возможным осуществить лишь через 15—20 лет после всеобщности³.

Пресса, даже общая, уделяла вопросу о всеобщем обучении и, в частности, реферату Вахтерова довольно много места. Почти во всех журналах и газетах того времени мы найдем живой отклик на этот, казалось бы, специальный вопрос; даже журнал «Жизнь искусства» несколькими строками откликнулся на него. Что же касается педагогической печати, как столичной, так и провинциальной, а также земской, она была полна статьями по этому вопросу. «Вопрос о всеобщем обучении не

¹ Ответы шли из 44 губерний, 179 уездов, 86 городов.

² Отчет о деятельности Харьковского О-ва распространения в народе грамотности за 1894 г., Харьков, 1895.

³ Существенного разногласия здесь не было, потому что и Вахтеров обязательность обучения мыслил лишь после достигнутой всеобщности, хотя этот срок в 20 лет казался ему преувеличенным.

сходит со столбцов печати», — говорится в хронике журнала «Образование»¹. И это было совершенно верно: оживление было громадное. И резко определялись два противоположных направления: оптимистов и пессимистов, причем первых, кажется, было больше. «С легкой руки Вахтерова, — говорит автор статьи, — увлечение всеобщим обучением растет, и растет увлечение мечтой, будто мы накануне всеобщего образования»². И действительно, увлечение мечтой росло. Можно перечислить целый ряд авторов, и известных, и неизвестных, которые, исходя из реферата Вахтерова, соглашаясь с ним в общем и главном, вводя те или иные поправки, тем не менее стояли на точке зрения полной возможности теперь же, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу. Разногласие вызывал лишь вопрос об обязательности, который большинством авторов отвергался. «Мы глубоко убеждены в возможности и своевременности введения у нас всеобщего обучения», — резюмирует свою статью Фармаковский, цитирующий реферат Вахтерова³. Ольденбург утверждал, что Страннолюбский, «убедительный и настойчивый поборник мрачного взгляда на положение народного образования», не доказал, однако, своего положения, что нам далеко до всеобщего обучения. Песковский в своей статье «Обязательный минимум образования»⁴ тоже торопит приближение этого момента. Белоконский в интересной статье «Земство и всеобщее обучение»⁵ также утверждает, что «вопрос назрел, и чем скорее он будет санкционирован, тем лучше». В таком же смысле, и исходя из реферата Вахтерова, высказываются и Семенов⁶, и Бунаков⁷.

Оптимистическое настроение господствовало не только на страницах прессы, оно перекидывалось и в жизнь и вызывало соответственные действия. Московская комиссия по всеобщему обучению при Комитете грамотности имела постоянные сношения с земствами, а Фармаковский в своей уже упомянутой статье гово-

¹ «Образование», 1895 (февраль).

² «Образование», 1894 (ноябрь).

³ «Русская школа», 1894 (ноябрь).

⁴ «Русская школа», 1894 (январь).

⁵ «Русская школа», 1894 (декабрь).

⁶ «Русская школа», 1895 (ноябрь).

⁷ «Русский начальный учитель», 1895, № 10.

рил, что «реферат Вахтерова составляет самый серьезный вызов земству, который когда-либо был к нему обращен, и надо надеяться, что этот вызов не останется без отклика, предстоящая в декабре сессия губернских земских собраний посвятит, конечно, этому вопросу все свое внимание»¹. Так и было в действительности, и комиссии по всеобщему обучению еще с марта 1894 г., через 3 месяца после реферата, организовавшиеся при некоторых земствах, начали деятельную работу. В хронике по народному образованию журнала «Русская школа», где внимательно следили за земской работой, месяц за месяцем сообщались один за другим ряд интересных фактов: в Красноуфимском уезде Пермской губернии, например, «для введения всеобщего обучения необходимо лишь увеличить вдвое существующие образовательные средства, а так как тратится в этом уезде всего 42 819 руб., то, очевидно, удвоить эту цифру совсем не трудно». В Казанском уезде «образовательные средства надо увеличить всего лишь на $\frac{1}{3}$ », в Смоленской губернии «лишь в 2 раза с небольшим», в Херсонской губернии «обложение новым сбором, необходимым для всеобщего обучения, составит всего 3,5% существующего прямого обложения»². Упоминается о нескольких волостях Херсонской губернии, где уже практикуется всеобщее обучение в западноевропейской форме³. В отделе «Литература и жизнь» журнала «Образование» за 1895 г. констатируется, что в осенних сессиях земских собраний вопрос о всеобщем обучении занимал видное место, что земствами проводятся усиленные ассигнования на школы, что они входят с ходатайством в правительство о введении всеобщего обучения, что ведутся подготовительные работы. И перечисляется целый ряд земств, где этот вопрос из области теорий готов перейти в практику. Возникают особые проекты — ускорения дела: в некоторых земствах ради этого ускорения в сеть школ вводятся и школы грамоты, в других рекомендуется «индивидуальное обучение» с оплатой по рублю за каждого обученного (Саранское земство). К этой же категории проектов относится и план Песков-

¹ «Русская школа», 1894 (ноябрь).

² «Русская школа», 1895. Хроника по народному образованию.

³ «Образование», 1895 (октябрь).

ского¹, предлагавшего, по примеру Финляндии, сделать обязательным дошкольное обучение детей грамоте при помощи передвижных учителей, чтобы школа, освобожденная от обучения грамоте, могла бы шире и глубже осуществлять свои образовательные задачи.

С проектами всеобщего обучения выступают и официальные лица: бывший директор народных училищ Курской губернии Раев представляет в Министерство народного просвещения свой проект о введении всеобщего обучения; инспектор народных училищ Уфимской губернии вместе с председателем управы вносит в земское собрание доклад об открытии 30 новых сельских школ в видах осуществления в уезде всеобщего обучения; киевский директор народных училищ входит с ходатайством на ту же тему к попечителю Виленского округа; со своим проектом выступает и директор народных училищ Олонецкой губернии. Директор народных училищ Оренбургской губернии пишет свое донесение попечителю Учебного округа и, исходя из присланного ему из округа реферата Вахтерова, высказывает свои соображения о способах введения всеобщего обучения в Оренбургской губернии². Так, на почве оживления земской деятельности по народному образованию, на почве развившейся к этому времени земской школьной статистики, которая указывала пути этой работы, — движение в пользу всеобщего обучения растет. Несомненно, что известную роль в этом движении играл и вышеупомянутый реферат Вахтерова, давший какой-то толчок движению. Так оценивали этот реферат тогда³,

¹ «Русская школа», 1894 (январь).

² Копия этой бумаги в Архиве В. П. Вахтерова.

³ В целом ряде статей за 1894 г. можно найти такие сочувственные отклики на этот реферат, между прочим, в «Русских ведомостях» (1894, № 216). Якушкин называет его «не только интересным, но и имеющим важное значение для настоящего времени, указывая в общем правильные основания для разрешения вопроса о всеобщем обязательном обучении и убедительно опровергая недоразумения, которые до сих пор продолжали тормозить движение в этом вопросе». В известной книге Милюкова «Очерки по истории русской культуры», ч. 1, говорится о том, что вопрос о всеобщем обучении в этом реферате «является в новом освещении, уничтожившим то «заклятие», которое тяготело над ним со времени г. Дубровского». В Архиве В. П. Вахтерова есть много писем, адресов и заметок на ту же тему о реферате. И очень характерным кажется мне и тот факт, что в конце 90-х гг., когда в земствах шла усиленная

как характеризуют его иногда и теперь, много лет спустя, когда жизнь и новые условия, естественно, уже не оставили камня на камне от расчетов Вахтерова. Вспоминая об этом реферате, И. С. Самохвалов говорит, что «ему суждено было сделаться началом широкого общественного движения, заполнившего всю вторую половину 90-х гг. и перекинувшегося в 900-е годы». И он спрашивает: «В чем сила громадного успеха реферата Вахтерова?» И отвечает: «В энтузиазме, в способности синтеза, в манере широкого обобщения и одухотворенной мысли»¹. Однако этот же реферат вызвал к себе и совершенно другое отношение. Как и следовало ожидать, застрельщиком такого отрицательного отношения, и не к реферату, который просто игнорировался, а к вопросу всеобщего обучения, о котором все вдруг заговорили, явилась реакционная пресса: «Гражданин», «Московские ведомости», «Русское обозрение» — и негодовали, и недоумевали, а вопрос о всеобщем обучении называли вопросом «искусственно муссированным». «В обширности и грандиозности предприятия, — писали «Московские ведомости», — заключается весь секрет излюбленности его известной частью печати и общества: им мало, что государство примет посильный расход, им нужно вовлечь государство в расход непосильный».

работа по всеобщему обучению, люди, знавшие В. П. Вахтерова как настоящего фанатика этой идеи, выдвигали вопрос о том, не сделать ли его разъездным агитатором по земствам с целью муссировать движение. Не вспомню теперь, от какого именно земства пришло ему однажды такое предложение: «быть будильником». Но вот в материалах охранного отделения я нашла «добытую агентурным путем» выдержку из частного письма на ту же тему. «Мне кажется, — пишет А. А. Штевен одному влиятельному земцу, — что к делу возбуждения в земствах вопроса о всеобщем обучении надо бы привлечь Вахтерова. Он теперь свободен, может писать, ездить, вести переговоры, исполнять поручения земских людей, т. е. работать за них, когда они сочувствуют, но работать не хотят. А если он недостаточно земский человек, то скоро он станет им, как только ближе будет к земству. У него и знакомые везде есть, и выступать он может в качестве представителя бывшей комиссии по всеобщему обучению». (Департ. полиции. Дело П. Е. Вернадской, № 883 от 1897 г.).

¹ Об этом же говорит и Н. Н. Иорданский, когда он в своей книге, вышедшей в 1927 г., пишет: «В 1894 г. Вахтеров сделал в Моск. Ком. грам. имевший в свое время очень большое значение доклад об условиях введения всеобщего обучения». (Н. Н. Иорданский, Школоведение, 1927, стр. 74.)

Не зная как и опорочить ненавистную идею, другая газета глубокомысленно напоминала о том, что всеобщее право на обучение есть право, «впервые внесенное жиронодистами и якобинцами в декларацию прав человека и гражданина» в 1791 г.», и, утешая себя тем, что по самому существованию нашего государственного устройства такое право, конечно, можно так же легко отменить, как легко ввести, газета все же усматривает опасность в том, что «народ привыкнет к мысли, что учение производится на государственный счет и с этой привычкой нельзя будет не считаться»¹.

Но и часть прогрессивного общества заняла по отношению к реферату Вахтерова враждебное отношение. Позиция Петербургского Комитета грамотности в вопросе о всеобщем обучении была такова: он еще с 1861 г. с момента начала своей работы, отрицательно отнесся к идее обязательного обучения, по поводу представленной записки Рогачева; в 1862 г. против обязательности высказывались видные педагоги: Водовозов, Стоюнин, Погоский, Резенер. В дальнейшем, в 1893 г., был прочтен вышеупомянутый доклад Страннолюбского, отвергавшего обязательность и в очень долгий ящик откладывавшего возможность осуществления всеобщности обучения; затем в декабре 1894 г. Петербургским Комитетом грамотности были выработаны тезисы, которые гласили, что если осуществление всеобщего обучения задача и первоочередная, и вполне посильная для средств русского народа, то введение обязательности было бы «совершенно необоснованным»². И весь дальнейший период своего существования Петербургский комитет грамотности, затем Петербургское О-во грамотности (а с 1906 г. и Лига образования), неустанно работая над этим вопросом, не меняли своей резко отрицательной, по отношению к обязательности, позиции. Но, отрицая обязательность, Петербург в пылу полемики подрывал веру и во всеобщность. Уже было упомянуто, как пессимистически смотрел на этот вопрос в своем докладе 1893 г. Страннолюбский. Теперь, после 1894 г., после

¹ «Московские ведомости», 1895, № 285.

² В декабре 1894 г. Петерб. Комитет грамотности посвятил этому вопросу ряд своих заседаний и затем обратился к земствам с просьбой рассмотреть его тезисы и высказаться по ним.

реферата Вахтерова, к пессимизму присоединился полемический задор. Петербургский журнал «Образование» в течение 1894—1895 гг. не переставал нападать на Вахтерова за его наделавший шуму реферат. Нападки начались с апрельской книжки «Образования» за 1894 г., где в статье «Возможно ли у нас обязательное обучение» автор, ссылаясь на какую-то статью «Русской жизни», тоже отрицавшую обязательность, восклицает, что перед такими доводами должны смолкнуть все разговоры «о возможности и желательности обязательного обучения в России в настоящее время и при настоящих условиях». И, ссылаясь на известную книгу Боголепова, автор идет дальше, отрицая уже и возможность всеобщего обучения: «Неужели можно серьезно говорить о всеобщем обучении!» — восклицает он¹.

В 6—7-м номерах того же журнала, в примечании к статье «Всеобщее обучение», где было дано изложение реферата Вахтерова и признавалось его значение, редакция прибавляет от себя: «Не лучше ли сначала помечтать о том, чтобы существующие школы были приведены в надлежащий вид, а не об удвоении школ, из которых нищенствующие учителя выпускали бы парней с крайне сомнительной грамотностью». В сентябрьской книжке журн. «Образование», в статье «Наши увлечения всеобщим и обязательным обучением» автор иронизирует над Вахтеровым (правда, не называя его), который «совершенно свободно считает возможным ввести общеобязательное обучение, и опять упоминает о сотнях потребных для этого миллионов рублей». В ноябре новая статья «Увлечение всеобщим обучением», и рядом с констатированием, «что с лепкой руки Вахтерова мечта о всеобщем обучении все растет», пессимистическое утверждение, что «мечты, даже самые прекрасные мечты, остаются сами по себе, действительность — сама по себе. Так, вероятно, будет и с мечтами Вахтерова». А дальше идут «возражения по существу»... Первый выпад направлен на цифру 322 руб., определявшую в реферате среднюю стоимость школ. Рецензент утверждает, что такая дешевая расценка как бы узаконяет нищенское положение учителя: «Можно ли, имеется ли какое-нибудь право принимать в расчет эти цифры?» — с

¹ «Образование», 1894 (апрель).

негодованием спрашивает рецензент, упуская из виду, что эти цифры «существуют в жизни и представляют из себя простое арифметическое среднее этих жизненных цифр и что введение в свои расчеты этих средних цифр никоим образом не знаменует желанья и на дальнейшие времена остановиться на них»¹. Второе обвинение автору реферата предъявляется за то, что он в своих расчетах «вовсе не имеет ввиду девочек», а московский журнал «Педагогический листок» Тихомирова утверждал даже, что «проект Вахтерова» должен быть назван не проектом всеобщего обучения, а проектом «обучения для желающих», ибо он исключает девочек. Обвинение опять-таки не основательное, потому что Вахтеров совершенно определенно выяснил свою точку зрения на этот «женский вопрос» и врагом обучения девочек его можно было назвать только по недоразумению². Третьим обвинением было утверждение, что, исходя в своих расчетах из существующего несовершенного типа школы, он якобы считает его нормальным, хорошим, а между тем то, что дают эти школы,— это «не образование, даже неграмотность». И в этом возражении точно так же было в лучшем случае недоразумение: конечно, вопрос о реорганизации типа школы не мог стоять в плоскости доклада о всеобщем обучении сплошь неграмотной страны; конечно, это было вопросом последующего момента, и в самом своем докладе Вахтеров определен-

¹ Интересно сказать об эволюции цифры стоимости школы. В 1884 г. Центральный статистический комитет, на основании однодневной переписи 1880 г. указывал среднюю стоимость школы в 271 руб. Вахтеров, оперируя с материалами той же переписи и данными 1887 г., несколько увеличивает эту цифру до 322 руб.; в 1895—1896 гг., на основании новых данных, полученных 9-й секцией 2-го технического съезда, он увеличивает эту цифру до 530 руб. для сельской школы и 1200 руб. для городской школы. Но это пожелание, а жизнь и в 1903 г. давала такие, например, цифры учительского жалованья: 270 руб. для учителя, 252 — для учительницы и 160 руб. для помощника учителя. В Тульской губ. в это же время существовали еще оклады в 60 и 48 руб. в год.

² Между прочим, этот «женский вопрос» в таком же смысле решался и иными земствами, и, напр., Тверская комиссия по всеобщему обучению в 1893 г. имела в виду «всех мальчиков и половину девочек» (см. Бунаков, «Начальный учитель», 1898, № 3). И, конечно, не женофобство было основой для таких расчетов, а наблюдение, взятое из жизни: еще не вполне созрело сознание необходимости обучения девочек, еще не позволяли провести его экономические условия деревни.

но высказался, почему он не поднимает этих вопросов: надо было сосредоточить силы на первом этапе и не разделять их привходящими соображениями. «Простая мысль о необходимости всеобщего обучения (при условии включения вопросов о реформе типа школы.— Э. В.),— писал он в своем реферате,— встретит много врагов только потому, что они не разделяют наших взглядов на нормальный тип школы, на порядок заведения ими и пр.» Но автор-полюемист думал иначе, его требования были максимальными, и потому он говорил: «Нет, нам не надо грошовых школ с нищенствующими учителями. Нам нужны школы такие, как у соседних с нами, западных народов». Увы, требование школ таких, «как у западных народов»,— это значило в данный момент опять ставить крест на всеобщем обучении. Вообще много энергии и чернил было потрачено журналом «Образование», чтобы дискредитировать то, что он называл «модным увлечением», связывая это увлечение с именем Вахтерова. В целом ряде статей имя Вахтерова склонялось во всех падежах: то журнал упрекал серьезные органы нашей печати, и в частности «Русские ведомости», за то, что они «весьма сочувственно отнеслись к проекту Вахтерова», то, цитируя какую-то провинциальную газету, сочувственно отмечающую «простые соображения Вахтерова о школьном возрасте, которые раньше не приходили в голову», журнал в выноске иронизирует: «Простые соображения Вахтерова потому и не приходили никому в голову, что никто не думал о пародии на народное образование, а о настоящем народном просвещении»¹. Но самым сильным возражением против реферата была статья в том же «Образовании» А. Н. Страннолюбского, признанного знатока вопроса и, конечно, человека искреннего и убежденного. Эта статья под заглавием «Обязательное и всеобщее начальное образование»² явилась обстоятельным возражением главным образом против идеи обязательности обучения. Страннолюбский доказывал, что, несмотря на наличность на Западе и в Америке закона об обязательности обучения, ни одна страна, однако, не достигла всеобщего обучения; что в некоторых шта-

¹ «Образование», 1895, № 1, 2, 4, 5, 6.

² «Образование», 1895, № 1, 2, 4.

тах Америки, где проведен закон обязательности, показатель образования падает, и, наоборот, при отсутствии этого закона он вырастает. Но он опасается не только обязательности, он опасается и всеобщности. Школ настроят, а народ не пойдет в них. «Что народ наш жаждет образования, рвется в школы — это одни прекрасные слова», — говорит он¹. И он очень недоволен, что этот вопрос о стремлении народа в школы «огульно решается в положительном смысле». «Нет никакого ручательства за то, — утверждает он, — чтобы все школы наполнились бы и чтобы не было опасения, что многие школы останутся пустыми». Он запугивает еще и тем, что если бы было создано необходимое число школ, то они для своего обслуживания педагогическим персоналом поглотили бы все интеллигентные силы страны: «Так просто невозможно будет жить!» — восклицает он. Ни разу не упоминая имени Вахтерова, Страннолюбский тем не менее полемизирует именно с ним, приводя местами целые выписки из его реферата. Страннолюбский, несомненно, был горячим другом просвещения, но, как человек математического склада ума, он был чужд того эмоционального подхода к вопросу, который, наоборот, несомненно, был у Вахтерова и у людей его типа. И Страннолюбский, не менее других желавший видеть Россию просвещенной, не мог, однако, иначе, как со всей осторожностью математика, подходить к этому вопросу. Наверно, ему было неприятно, что Ольденбург назвал его «убедительным и настойчивым поборником мрачного взгляда на положение народного образования», ему хочется оправдаться от такой характеристики — и отсюда полемический, задорный тон этой статьи. «Сторонникам обязательного обучения, — пишет он, — необходимо во что бы то ни стало поразить всех страшным контрастом между грубоошибочными, по их мнению, и устрашающими сотнями миллионов рублей, будто бы потребных на всеобщее обучение в России, и теми ничтожными цифрами, в которые обращаются при внимательном рассмотрении (слова из реферата Вахтерова — Э. В.) эти сотни миллионов».

И дальше, в выноске, автор говорит, что в своем ре-

¹ «Педагогический сборник», 1895. Доклад, прочитанный в Педагогич. музее.

ферате 1893 г. он писал «не о сотнях, а об одной лишь сотне миллионов или об одном рубле на душу населения»¹.

Беда, однако, была в том, что Страннолюбский и другие, сражаясь с «мечтой» Вахтерова, сражались как бы на два фронта, и, разбивая доклад, провозглашая его выводы «нелепыми», утверждая, что обязательность нигде и никогда не достигала цели, они подрывали веру и в осуществимость всеобщего обучения. «И нам вполне доступно безграничное приближение ко всеобщему, широкому умственному образованию и нравственному совершенству, являющемуся тем конечным идеалом, в котором сосредоточиваются все лучшие идеалы людей», — заключает Страннолюбский свою статью; но столь туманная, неопределенная фраза, несмотря на все свое прекраснодушие, так мало вселяла веры в осуществимость этого идеала!

По таким двум руслам под знаком оптимизма и пессимизма за годы 1894—1896 шло движение о всеобщем обучении. Представителями оптимизма были: Московский Комитет грамотности, Комиссия по всеобщему обучению при этом комитете, московские журналы: «Русская мысль», «Вестник воспитания», а из петербургских журналов: «Русская школа», «Русский начальный учитель»; оптимистически настроена была и большая часть провинциальной прессы. Представителями пессимизма были: Петербургский Комитет грамотности, журнал «Мир божий». У пессимистов, у неверящих в возможность всеобщего обучения были и нежелательные им адепты — лагерь врагов, реакционная пресса, которая, конечно, не могла идти в счет, потому что мотивы ее были ясны всем. Оптимизм же — «оптимистический лагерь», по выражению Ольденбурга, — по-видимому, побивал рекорд: вдохновляемая им, единодушно работала большая часть прессы, и общей, и педагогической, и земской; им вдохновляемое работало и земство, и к концу 1895 г. до 30 земств готовы были практически приступить к осуществлению всеобщего обучения. Это был, несомненно, большой подъем общественного настроения. Стоит вспомнить хотя бы такой характерный

¹ 125 миллионов ежегодного расхода тем не менее нельзя было квалифицировать иначе, как сотни миллионов,

факт: учащие одного уезда Черниговской губернии поставили отчислять 1% своего жалованья на образование фонда всеобщего обучения! Если бы такой фонд был тогда организован — всеобщее обучение могло бы стать фактом жизни, так велико было общественное увлечение вопросом. Можно без преувеличения сказать, что этим вопросом были захвачены все, и только правительство упорно молчало. Прошел, правда, слух, обошедший газеты, что Министерство народного просвещения собирается организовать Комиссию по всеобщему обучению, но слух вскоре же был опровергнут. Но чем упорнее молчало правительство, тем громче поворило общество. И если бы движение в пользу всеобщего обучения можно было изобразить волнообразной линией с ее подъемами и падениями, то для XIX в. эта волна 1894—1896 гг. была одной из самых высоких. И в целом ряде причин этого подъема какую-то свою роль сыграл и оптимистический, полный веры и энтузиазма, реферат Вахтерова. И даже оппозиционно настроенный к реферату журнал «Образование» в своей статье, посвященной юбилею Вахтерова, признает, что его работа по всеобщему обучению имела громадное значение, снова возбуждив внимание русского общества к этому делу первостепенной важности¹. А в юбилейных речах и приветствиях этой роли Вахтерова в деле возбуждения внимания к вопросу всеобщего обучения было посвящено не мало места². И особенное впечатление производила речь проф. Чупрова, который сказал, что Василий Порфирьевич «сумел возбудить в земствах и обществе веру в осуществимость всеобщего обучения в России и пробудить горячую энергию в его сторонниках»³.

И когда один из ораторов на этом юбилее назвал юбиляра «дирижером», который направлял к одной цели хор голосов прессы, земства и общества, то и эти

¹ «Образование», 1897, № 3.

² В Архиве В. П. Вахтерова можно найти целый ряд писем, телеграмм и адресов, в которых ярко подчеркивается его роль в этом вопросе. Так, Одесский адрес называет его «непоколебимым борцом идеи всеобщего обучения в России», в телеграмме газеты «Волжский вестник» его реферат называют «одной из первых ласточек движения» и т. д.

³ Эта речь была цитирована в «Русских ведомостях», 1897, № 34.

фразы, при всем ее юбилейном преувеличении, все же несли в себе какое-то зерно истины: годы 1894—1895 действительно прошли под знаком всеобщего обучения, и роль В. П. Вахтерова в этом движении была достаточно заметной. И если бы в шутку взять этот термин «дирижера», то надо было бы сказать, что «дирижер» зорко следил за «оркестром», и чуть где-либо слышались колебания или фальшивая нота — он был тут как тут.

Работа над вопросом всеобщего обучения не прерывается Вахтеровым, несмотря на его официальную службу (в это время он еще был инспектором народных училищ Москвы), несмотря на широкую общественную деятельность.

В письмах ко мне эта тема занимает большое место: то он упрекает меня: «Ты еще ничего не сделала для величайшего вопроса нашего времени, нашей эпохи — всеобщего обучения. А теперь стыдно не работать для этого вопроса. И ты должна, ты обязана выступить на защиту этого вопроса». То он пишет мне о статьях провинциальной прессы, разрабатывающих этот вопрос, то посылает мне номер газеты с разносной по его адресу статьей и, сообщая мне о полемике, какую вызвал в печати его реферат, о том, как его обзывали фантазером, «беспочвенным мечтателем», он с удовлетворением пишет: «Я рад этому движению, поднятому против меня. Если бы все органы печати выразили согласие с моими расчетами, то вопрос этот был бы вполне естественно снят со столбцов периодической печати. А теперь он в этой полемике займет, наверно, еще год времени, станет будить земства, города, правительство, и, вот ты увидишь, мы с тобой доживем до всеобщего обучения». «Сегодня я делал доклад в Думе о московских школах, — пишет он в другом письме, — и закончил этот доклад требованием всеобщего обучения для Москвы». Пишет он в каком-то сборнике статью о ремесленном ученичестве, касается вопроса о переутомлении детей физическим трудом в мастерских и на фабриках и опять-таки сводит вопрос ко всеобщему обучению, указывая, что при всеобщем обязательном обучении можно было бы легко контролировать этот детский труд и уберечь детей от эксплуатации. Словом, о чем бы ни говорил, о чем бы ни писал он за эти годы — все неизбежно сводилось к вопросу о всеобщем обучении.

На 2-м съезде по техническому образованию, состоявшемся в Москве в рождественские каникулы 1895—1896 гг., Вахтеров опять выступает с докладом о всеобщем обучении, использовав для этого доклада новые материалы комиссии Комитета грамотности, земств, обществ. Я очень хорошо помню это первое общее заседание 9-й секции 29 декабря 1895 г. в битком набитом публикой зале Политехнического музея.

С упорством человека, влюбленного в свою идею, убежденного в том, что в таком первостепенной важности вопросе, как всеобщее обучение, ничто не может быть скучным, Василий Порфирьевич в двухчасовом докладе опять и опять повторил все свои основные положения, все свои выкладки, все расчеты, несколько, впрочем, измененные, на основании новых за эти годы полученных данных, включая и ответы на возражения ему, которых за эти два года накопилось не мало. И вот этот специальный, суховатый, полный цифр доклад о всеобщем обучении, совсем не эффектный и довольно-таки утомительный по длине, тем не менее поднял настроение зала и вызвал шумную овацию по адресу докладчика. По содержанию доклад не представлял существенной разницы с рефератом 1894 г.; правда, значительно, на основании новых данных, была увеличена стоимость школы, но основные расчеты потребного количества школ, при исключении некоторого процента девочек, и теперь оставались почти прежними. В вопросе о расходах на всеобщее обучение докладчик особенно настаивал на широком участии казны, утверждая, что «там, где государственный доход поднялся выше миллиарда в год, не может быть и речи о недостатке финансов на всеобщее обучение». С большей определенностью был поставлен и вопрос об обязательности. Признавая, что личная обязательность «должна быть последним звеном в системе реформ, какие необходимо предпринять в деле начального образования», он с тем большей страстностью опять и опять настаивает на обязательности общинной, т. е. обязательности для учреждений предоставлять населению определенной местности все средства, обеспечивающие обучение детей школьного возраста. Эта общинная обязательность, или эти «нормы» — по другой терминологии, ниже которых не может опускаться цифра потребных для данной мест-

ности школ, должна быть, по мнению докладчика, определена государством, определена законодательным порядком. Эта часть доклада, несомненно, вступала на скользкую почву. Докладчику пришлось сказать, что земство, при всех своих заслугах по народному образованию, все же, благодаря своему социальному составу, не всегда сочувственно относится к начальной школе, в которой не учатся дети привилегированного сословия (такие случаи, конечно, всем были известны, равно как и попытки некоторых земств передать свои школы в церковное ведомство)¹, и он, выставляя свой лозунг «вмешательства государства в дело начального образования», разъясняет это требование так: «Пусть земствам, городским и сельским обществам будет предоставлено больше прав в открытии и организации школ, библиотек, читален, музеев и народных аудиторий, но пусть будут стеснены возможные попытки к движению назад. Пусть будет предоставлен земству и обществу более широкий простор для движения вперед, но пусть будет определен минимум школ, учителей и расходов, ниже которых не должны падать ни земские, ни общественные сметы»².

В этом вопросе необычайно ярко вырисовывается В. П. Вахтеров. Здесь и объяснение, почему он никогда не мог быть партийным человеком. Он всегда был сам по себе, он защищал свою точку зрения, не считаясь с установившимися мнениями хотя бы и близких ему групп, идя иногда наперекор этим общеустановившимся взглядам и не боясь остаться в одиночестве. Так было и здесь. В сущности, нельзя было в ту минуту так говорить о земстве с его хотя бы и «куцым», но все же представительством населения; надо было во что бы то ни стало поддерживать его престиж, поддерживать, хотя и бледную тень принципа самоуправления, общественной самодеятельности. Требование «норм», вмешательства одиозной правительственной власти не могло быть поддержано и единомышленниками В. П. Вахтеро-

¹ На самом съезде один из ораторов так даже и сказал: «Большая часть землевладельцев все еще относится враждебно к просвещению народа». (См. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России, 2-й, секция 9. Общие вопросы, под ред. В. П. Вахтерова, т. I, М., 1898, стр. 186.)

² Там же, стр. 48.

ва, было не к моменту, оно, несомненно, грозило и его прогрессивной репутации (и он, конечно, знал это), но ... цель его требования для него самого оправдывала его, и он сказал то, что сказал... И, конечно, многие сейчас же выступили против него, упрекая его в «недооценке роли земства»¹.

В своих возражениях оппоненты по преимуществу касались вопроса об обязательности, причем личную обязательность, которую и сам докладчик считал вторичной задачей, не включили и в число обсуждавшихся тезисов, а обязательность общинную, горячо защищавшуюся докладчиком, приняли большинством только 13 голосов; остальные же тезисы были приняты почти единогласно. Что же касается общих расчетов числа школ, процента детей, финансового плана, то в возражениях об этом не говорилось (ожидавшийся на съезде Страннолюбский не приехал), и только Ф. Ф. Ольденбург слегка коснулся этого вопроса: он согласился с докладчиком, что расчеты Страннолюбского и других преувеличены, но он и цифры докладчика не считал верными, находя, что при данном состоянии сведений о народном образовании трудно было бы вообще иметь правильное суждение по этому вопросу. И первое заседание 9 секции, закончившееся с большим подъемом, единогласно выразило пожелание о созыве всероссийского съезда по народному образованию, о созыве ряда областных съездов, об организации подготовительного комитета по всеобщему обучению. Словом, этот вопрос захватил всех. Очень большое возбуждение царило на заседаниях этой секции, этого неожиданного как бы съезда по народному образованию, на большое негодование реакционной прессы, которая писала, что публика не посещала заседаний с серьезными докладами, а «люмилась» туда, где читали свои до-

¹ В этом смысле высказался и Н. В. Чехов: «...никакие побуждения со стороны... не должны иметь места,— говорил он,— так как это было бы покушением на принцип самоуправления, который дороже всего для нас...»—«Всякая принудительная мера по отношению к земству... умаляет общее значение школы»,—говорит Д. И. Шаховской, также высказываясь против правительственной «нормировки». (См. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 2-й, секция 9. Общие вопросы, под ред. В. П. Вахтерова, т. 1, М., 1898, стр. 192).

клады лекторы, «ищущие популярности, вроде пресловутого Вахтерова, примазавшегося к вопросу всеобщего обучения».

А «Гражданин», тоже очень неодобрительно отзывавшийся о съезде, категорически и успокоительно заверял, что «вопроса всеобщего обучения у нас нет и быть не может». Эти выпады верно отмечали тот факт, что поводом съезда был как раз вопрос о всеобщем обучении. И действительно, съезд 1895—1896 гг. является очень крупным моментом в истории этого вопроса. Так именно этот момент трактуется и в книге Чехова «Народное образование в России», упоминающего о том, что 9-я секция съезда «прямо ставит вопрос о необходимости всеобщего обучения»¹. То же говорит в своей уже упомянутой речи и Самохвалов, утверждая, что «Технический съезд еще выше поднял волну народно-просветительного движения, и с тех пор волна эта нарастала».

Отклики прогрессивной прессы на этот съезд 1895—1896 гг. были очень сочувственны, и интерес к вопросу всеобщего обучения, и вера в возможную близость его осуществления опять были как бы подогреты съездом. И действительно, опять вокруг вопроса о всеобщем обучении идет большое общественное возбуждение. Резолюции по этому вопросу выносят даже такие чисто специальные съезды, как съезды врачей, естествоиспытателей. То выдвигается вопрос о специальном, на осуществление всеобщего обучения, миллиардном займе, то перепечатывается всеми газетами проект передвижных школ в малонаселенных местностях (имелась в виду Архангельская губ.), каких-то разборных домиков, фургонов, пригодных для зимнего жилья и заключающих в себе и классную комнату, и комнату для учителя, и библиотеку, и даже амбулаторию. Все это было разборным, легко складывалось и легко перевозилось на колесах или на полозьях, и требовалось для такой перевозки всего 6 лошадей. Уже находился какой-то жертвователь, изготовивший такую школу, которая в год могла обслужить несколько селений². Проект этот интересен,

¹ Чехов Н. В., Народное образование с 60-х гг. XIX в., М., 1913, стр. 183.

² «Народное образование», 1898, № 1.

конечно, не сам по себе, а как факт упорно направленный на дело всеобщего обучения общественной мысли. В земстве продолжалась усиленная работа над тем же вопросом, и, например, Вятское земство в 1897 г. надеялось уже года через 3—4 осуществить у себя всеобщее обучение. В весеннюю сессию 1896 г. Московское губернское земство утвердило рассчитанный тоже на 3—4 года проект всеобщего обучения. В своем докладе Харьковскому губернскому собранию гласный Н. Н. Ковалевский категорически заявлял о том, что «вопрос всеобщего обучения у губернского земства должен стоять на первом месте», и в ответ на его горячую речь губернское собрание делает ассигновку в 200 тысяч ежегодного расхода на народное образование. В этой же речи, характеризуя большое оживление и интерес к вопросам народного образования во всех сферах, Ковалевский сделал исключение для Министерства народного просвещения, которое, мол, как он иронически выразился, «хранит неизменно ровное и неизменно спокойное отношение к вопросам низшего народного образования»¹. Но отношение это было ни ровным, ни спокойным, как это не замедлило и выразиться в той реакции, которая сейчас же и наложила свою лапу на это начавшееся было общественное оживление. Конечно, «тревогу» забила прежде всего реакционная пресса. Вопрос всеобщего обучения положительно не давал ей покоя². Обиженная за правительство, у которого, мол, узурпируют его права на распоряжение делом народного образования, и кто же? — земства, эти «пропедевтические курсы парламентаризма», и газета замечает, что только правительству «должно быть предоставлено право оп-

¹ Веселовский Б., История земства, т. 3, Спб., 1911.

² Курьезно, что «Московские ведомости», исчерпав все свои обычные способы воздействия на общественное мнение и на правящие сферы, т. е. передержки, доносы и пр., захотели использовать и беллетристику как способ, так сказать, эмоциональный. Они откопали где-то (а может быть, и сами сочинили) рассказ Уида, где изображена поистине трагическая судьба целой семьи, погибшей из-за... обязательного обучения: девочка, взятая в школу, умерла с горя, что не может помогать семье, мать умерла с горя по девочке и по своему разрушающемуся хозяйству, брат сделался вором, младших детей взяли в рабочий дом, словом, получилась целая катастрофа: «Так погибла некогда счастливая семья», — заключает автор свой рассказ. («Московские ведомости», 1897, № 30.)

ределять как время, так и способы осуществления всеобщего обучения, если таковое окажется действительно необходимым с точки зрения общегосударственных интересов». Не нравится, очевидно, газете и тот «спех», с которым взялось за это дело земство, и она поучает: «Только государство могло бы, не спеша, последовательно, постепенно и неуклонно, идти к окончательному решению вопроса о форме всеобщего обучения»¹. Те же «права» государства, очевидно, защищал и земский начальник Л., когда он на земском собрании Волчанского земства провалил предложения Управы употребить на нужды всеобщего обучения льготные 5 коп. с десятины, на которые был уменьшен манифестом 1896 г. поземельный налог. Интересны и меры противодействия этому предложению («клади налево,— сказал земский начальник Л. ближайшему гласному крестьянину,—и другим скажи»), интересна и его мотивировка: «Неприлично,— находил он,— таким постановлением лишить население льготы, дарованной высочайшим манифестом». Так было провалено это предложение Управы². Не нравятся и другому «литератору», Победоносцеву, эти «натверженные до пресыщения слова: даровое обучение, обязательное обучение, ограничение работы подростков». «Спору нет — ученье свет, а неученье тьма,— глубокомысленно замечает он,—но необходимо же знать меру и руководствоваться здравым смыслом, главное, не насиловать ту самую свободу, о которой столько твердят»³.

И вот в то время, когда к началу 900-х гг. значительная часть уездов земской России имела уже разработанные планы всеобщего обучения и многие готовы были приступить к его осуществлению, правительство разрешилось законом о предельности земского обложения: 3% дозволенного для земств ежегодного увеличения своего бюджета на народное образование, естественно, должны были затормозить работу по открытию новых школ. Помню, как болезненно переживал В. П. Вахтеров обнаружение этого закона. Следя за работой земств, он, по свойственному ему оптимизму, так верил

¹ «Московские ведомости», 1897, № 49 и 50.

² «Вестник Европы», 1897 (апрель). Хроника.

³ Московский сборник Победоносцева, М., 1896.

в близость осуществления всеобщего обучения. И вдруг эта глухая стена предельности обложения. Впрочем, уже и раньше начала чувствоваться усиливающаяся реакция. Преобразование комитетов грамотности отразилось на их работе; захирела после преобразования комитета и Московская комиссия по всеобщему обучению.

Реакция поднимала голову, и общественный энтузиазм угасал. «Радужное оживление поулеглось,— читаем мы в журнале «Образование»,— занялись академической работой»¹. Академической работой занялся и В. П. Вахтеров. В 1897 г. выпустил свою книгу «Всеобщее обучение», включив в нее как свои прежние статьи по этому вопросу, так и новые дополнения и работы. В 1898 г. он выпустил 2 компактных тома трудов 9-й секции 2-го съезда, редактором которых был избран. Работал он над сводкой земских материалов по школьным сетям, предполагал даже организовать справочное частное бюро по вопросам всеобщего обучения, надеясь привлечь к этому делу специалистов, но так как в это время, после своей отставки, он начал пользоваться усиленным вниманием к себе охранки, то нечего было и пытаться устроить такое бюро. Тем не менее вопрос о всеобщем обучении не ушел из поля его зрения, и, занятый другими делами и работами, он вел переписку с земствами, отзываясь на их запросы и нередко участвуя в составлении школьных сетей. Теснимая репрессиями, доносами, законом предельности обложения и т. п. «скорпионами», земская работа, конечно, все же не заглохла: она ушла внутрь, углубилась, но оттого не стала ни менее творческой, ни менее продуктивной. Это определено и выявилось на двух земских выставках (в Курске и Ярославле), когда целый ряд земств демонстрировал свои сети и планы всеобщего обучения, когда эти планы подвергались обсуждению в больших собраниях учителей и общественных деятелей, когда поднимался вопрос уже и о библиотечных сетях и т. д. Очень ясно вспоминаю, что, кажется, перед Курской выставкой костромские земцы привезли В. П. Вахтерову показать какие-то ими составленные диаграммы, в которых школьные радиусы сопоставлялись с экономиче-

¹ «Образование», 1897 (сентябрь).

ской мощностью населения. Он очень увлекся этой работой, считая ее крупным достижением, находил, что ее необходимо иметь в виду при расчетах, и каждому, кто приходил к нему, первым долгом рассказывал об этой «изумительной» работе.

Осенью 1902 г. очень большая часть сельскохозяйственных комитетов определенно и четко высказывалась на тему о том, что никакие мероприятия по поднятию сельскохозяйственной промышленности не будут иметь результатов без широкого развития народного образования, без введения всеобщего обучения¹. В. П. Вахтеров с огромным интересом следил за резолюциями этих комитетов: ведь почти в каждой такой резолюции ставился вопрос о всеобщем и даже об обязательном обучении, кроме того, на эту же тему земскими деятелями вносились в губернские комитеты обстоятельные записки. В. П. Вахтеров торжествовал, потому что это знаменовало новый подъем общественного интереса к вопросу. И очень был он доволен, когда Смоленское земство какого-то уезда прислало ему в копии резолюцию уездного комитета, где всеобщее обучение выставлялось неотложной задачей времени, а сбоку была приписка: «И вашего тут капля меду есть» (кажется, это была резолюция Духовщинского уездного комитета). И в это же время появился проект Фармаковского «Всеобщее обучение в России», напечатанный в журнале Мин. Нар. Просв. за 1902 г. и потому имевший, несомненно, тесную связь с видами правительства. Эта статья очень живо задела В. П. Вахтерова, ему казался этот проект настоящим походом на земскую школу, настоящим походом на учителя. И он готовил к 3-му Техническому съезду 1903—1904 гг. в Петербурге особый реферат на тему об этом проекте. Но в момент этого съезда В. П. Вахтеров сидел в Таганской тюрьме, а набросок его доклада был взят при обыске вместе с другими бумагами.

В эпоху революции 1905 г. вопрос о всеобщем обучении опять выплыл на поверхность и был поставлен на платформе почти всех политических партий. В январской петиции рабочих к царю стоял этот пункт всеобщего обучения, даже в каждой рабочей прокламации не

¹ Из 83 комитетов 71 высказался за всеобщее обязательное обучение.

забывали этого вопроса. Первоочередным вопросом поставила его и 1-я Государственная дума, и опять В. П. Вахтеров загорается верой в близость осуществления заветной мечты. Когда же через 72 дня Дума окончила свое существование—оптимизм его был сильно поколеблен. Веры во 2-ю Думу у В. П. Вахтерова было очень мало, и внесенный в нее законопроект Министерства он считал очень неудачным, впрочем, Дума была распущена раньше даже, чем успела рассмотреть этот законопроект. Бюджетные права Думы, как раньше бюджетные права земства, были урезаны, состав думы не давал гарантии к тому, чтобы в ее недрах вопрос всеобщего обучения получил нужное оформление, состав земств тоже оставлял желать лучшего, правительство, как скупец над сундуком, тряслось над каждой копейкой на нужды образования, — словом, обстановка была не такова, чтоб можно было смотреть на будущее с каким-либо оптимизмом. Однако, когда блок народных социалистов и трудовиков стал уговаривать его, беспартийного человека, выставить от них свою кандидатуру в 3-ю Думу, они знали, чем взять его: они рисовали перед ним работу в комиссии по народному образованию и возможность двинуть вопрос всеобщего обучения. Он дал убедить себя, кандидатура его была выставлена, но силы партии были так малы, что он, конечно, не прошел.

В 1907 г. в качестве товарища председателя Московского областного отдела Лиги образования и в качестве редактора органа этой лиги — журнала «Просвещение» — Вахтеров опять ближе подходит к вопросу всеобщего обучения. И в своей статье первого номера журнала «О задачах Лиги образования по отношению к школе» он опять выступает на защиту любимого вопроса. «Я говорю не о доступности только полного общего образования, — пишет он, — а именно о всеобщности. Если старый строй запретил принимать «кухаркиного сына» даже в гимназию, то наша цель заключается в том, чтобы все кухаркины дети без исключения прошли до окончания курса и вместе с детьми других званий ту же самую общеобразовательную школу, которую при нынешних условиях могли бы проходить только дети состоятельных родителей. И общеобразовательная школа должна быть всеобщей и равной для всех». Очень скоро при Лиге образования организовалась особая комис-

сия начальной школы, в которой В. П. Вахтеров принял деятельное участие и которая выпустила свою краткую «Записку об организации начальной школы», разосланную в тысячах экземпляров по местам и вызвавшую большой интерес. В той части записки, которая касалась всеобщего обучения и была составлена В. П. Вахтеровым, читаем: «Дело осуществления всеобщего обучения должно быть разделено на два периода: в первый период должна быть достигнута общедоступность обучения посредством устройства достаточного количества начальных школ, а затем может быть поставлен на очередь вопрос об обеспечении права ребенка на образование путем предоставления органам самоуправления права принимать меры к тому, чтобы нерадивые и невежественные родители не мешали своим детям посещать школу». Срок осуществления всеобщего обучения в смысле общедоступности школы при широком содействии казны определяется от 5 до 7 лет, по истечении которого каждый родитель вправе требовать от местных органов самоуправления, чтобы его детям была предоставлена возможность абсолютно бесплатного обучения в школе¹. Далее определяется школьный район радиусом от одной до трех верст, школьный курс в 4 года, количество учащихся на одного учителя от 35 до 40 человек; средства же, необходимые для осуществления всеобщего обучения предполагается в половинной доле получить от казны, причем, как гласит записка, сумма эта распределяется «обратно пропорционально экономической мощности отдельных губерний: земства более богатые получают меньше, а земства бедные — больше. Сверх того, казна берет на себя все единовременные расходы на постройку школьных зданий. Остальная сумма вносится губернскими и уездными земствами, мелкими земскими единицами и городами по взаимному соглашению». В этой краткой записке нет расчета, во что обойдется одна школа и каково должно быть вознаграждение учителю, а значит, и нет общей суммы того, во что обойдется всеобщее обучение. Ее цель только опять и опять поставить вопрос перед широкими массами населения. Разосланная по местам, она имела в виду

¹ «Записка об организации начальной школы на новых началах», изд. Моск. отдела Лиги образования, М., 1906.

вызвать со стороны лиц, заинтересованных вопросами просвещения, и отклики, и присылку новых материалов, причем в число тех, к кому обращалась комиссия (кроме учащихся, деятелей по народному образованию, членов просветительных обществ, родительских кружков и проч.), была упомянута и «рабочая и крестьянская интеллигенция», чей полос до тех пор не был взят на учет и кого главным образом хотела выслушать комиссия, для чего она через учителей распространяла эту записку в деревне, а в городе рассылала ее на фабрики и заводы. Однако планам этой комиссии не суждено было осуществиться, так как в конце того же 1907 г. и Лига, и все ее комиссии, и журнал были закрыты. А записка заслужила даже специальное неодобрение департамента полиции, который, цитируя ее в своем докладе, квалифицировал ее как «подрывающую существующие основания»¹. И опять в унисон с департаментом полиции вопили против всеобщего обучения и правые думцы с Пуришкевичем во главе, который утверждал, что все движение по всеобщему обучению принадлежит «бессабашной пугачевской орде лицемерных печальников о духовных нуждах народа».

В годы последующих государственных дум В. П. Вахтеров изредка выступал в печати с критикой тех проектов по всеобщему обучению, которые вносились в Государственную думу. Так, в «Русском слове» за 1909 г. он поместил статью под заглавием «Образчик бюрократического творчества», в которой подверг критике законопроекты по всеобщему обучению Кауфмана, Ковалевского и Анрепа. Утверждая, что Дума идет на «буксире у бюрократов», он заканчивает свою статью словами: «Если Дума хочет освободиться от первородного греха бюрократии, ей надо отрешиться от стремления нивелировать и приводить ко всеобщему знаменателю все безмерное разнообразие русской жизни, строить оторванные от жизни законы на основании совершенно отвлеченных допущений, стеснять самодеятельность местного населения. Она должна, напротив, предоставить возможно широкий простор местным силам, привлечь все население, а не одни привилегированные группы к учас-

¹ Моск. охран. отд. Дело о Лиге образования, № 233, т. I от 1907 г.

тию в местном самоуправлении и передать им все вопросы, с которыми, очевидно, не в состоянии справиться ни министерство, ни сама Дума, но с которыми легко и скоро справятся органы местного самоуправления, если они будут представлять интересы всего населения. За собой же Дума должна оставить обеспечение школ недостающими материальными средствами и при этом памятовать, что культурное развитие должно быть целью, а внешнее могущество лишь средством для достижения этой цели, и притом не всегда самым лучшим. Если бы Дума пришла к этому выводу, то она была бы скупее на Амурскую дорогу и военные учреждения и гораздо щедрее на школы»¹.

Внимательно следя за работой Думы по вопросам всеобщего обучения, он любил цитировать речь какого-то крестьянина на одном из заседаний: «Нам говорят, откуда взять денег,—негодующе говорил депутат крестьянин, обращаясь к правым думцам, денег, мол, много потребуется. Почему же крестьяне молчали, когда вас образовывали? На это деньги были, а когда речь идет об образовании крестьян, то говорят, что денег нет».

В 1910 г. В. П. Вахтеров по просьбе Харьковской энциклопедии в ее X томе, посвященном вопросу о народном образовании, дает статью о всеобщем обучении. Деловая часть этой статьи включает в себе материал, углубленный и дополненный работами земской школьной статистики и всем тем новым, что за годы 1906—1909 дала земская творческая мысль и земская практика в этой области. В статье — уничтожающая критика министерского законопроекта о всеобщем обучении, не желающего считаться с жизнью и представляющего из себя, по выражению автора, «одну из самых неудачных попыток канцелярского творчества». И красной нитью через всю статью проходит мысль о необходимости широкого простора для самодеятельности и творчества самого населения. И опять тот же обычный у Вахтерова припев, негодующий, пневный: позор скупиться на дело образования народа! Он иронизирует над ассигнуемыми правительством семью миллионами на дело всеобщего обучения, когда их нужны сотни; эту ассигновку из бюджета в 2¹/₂ миллиарда он называет жалкими крохами,

¹ «Русское слово», 1909, № 13.

«падающими бедному Лазарю со стола его богатого брата». Приводя цифры роста государственного бюджета с 347 миллионов в 60-х гг. до 2¹/₂ миллиардов в 1908 г., он утверждает, что 1/16 части этого прироста было бы достаточно, чтобы сделать начальное обучение всеобщим, даровым. На все нашлись деньги: ...на войны, необходимость которых едва ли можно считать доказанной... Мы провели на казенный счет такие дороги, как Маньчжурская,—пишет он далее,—построили такие города, как Дальний, создали такие должности, как земские начальники. И на все нашлись десятки и сотни миллионов. Не нашлось их только на дело народного образования. Государственный долг наш растет с ужасающей быстротой и доходит уже до 9 миллиардов: 2,3% этих займов было бы достаточно, чтобы построить недостающее число школьных зданий¹. Я нарочно привела эту длинную выдержку — она типична для В. П. Вахтерова, — может быть, и здесь можно было бы подвергнуть критике его арифметику, но горячая, заражающая читателя эмоциональность статьи, несомненно, опять и опять являлась призывом к борьбе за любимое дело.

После 1910 г. увлеченный своей работой над книгой «Основы новой педагогики» В. П. Вахтеров несколько отошел от вопросов всеобщего обучения. Он только следил за работой земств по литературе, по отчетам, находил, что работа эта идет по правильному пути, что невидная, незаметная, она неуклонно движется к цели. И он находил, что только там, в глубине жизни и может идти настоящая творческая работа. Работа в «верхах», по его мнению, по большей части работа канцелярская, кабинетная, и иметь дело с «верхами» необходимо только для того, чтобы вырвать свободу действий низам и добыть нужные государственные ассигновки. Только это и нужно, чтобы ускорить тот процесс, который уже шел в жизни: ведь уже в 1911 г. большинство земств было на пути к осуществлению всеобщего обучения, а в 1914 г. во многих земствах оно было почти достигнуто — хромало дело на окраинах, но и тут были успехи.

На общеземском съезде по народному образованию

¹ «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний», изд. Харьковского о-ва распространения в народе грамотности, изд. И. Д. Сытина, М., т. X, стр. 126—149, 1912.

в 1911 г., где всеобщему обучению была посвящена особая секция, В. П. Вахтеров не участвовал. Съезд был поставлен в очень строгие рамки, целый ряд лиц не был допущен к участию в нем, и В. П. Вахтеров только по газетам следил за его работой и торжествовал, когда была принята резолюция о всеобщем обязательном обучении. Не помню, чтобы он принимал участие и в секции по всеобщему обучению на съезде по народному образованию в Петербурге в 1913 г. Помню только, что из резолюции этих съездов он считал особенно важным требование, чтобы средства из сумм государственного казначейства, подлежащие ежегодному ассигнованию, были «зафиксированы законодательным путем на весь срок введения всеобщего обучения» и чтобы пересмотр планов введения всеобщего обучения и финансового плана был произведен «при широком участии общественных учреждений, съездов по народному образованию по школьной статистике и пр.» И очень одобрял тезис доклада Н. Н. Иорданского на этом съезде о том, «чтобы учителю в деле введения всеобщего обучения было отведено законодательным путем должное место в ряду лиц и учреждений, участвующих в осуществлении и введении всеобщего обучения».

«Свобода действия, участие общественных сил и деньги, пусть дадут только это, и всеобщее обучение будет»,—нередко говорил он.

В 1916 г. В. П. Вахтеров с интересом отнесся к проекту о всеобщем обучении, представленному в Думу новым либеральным министром, графом Игнатьевым. Несомненно, что этот проект выгодно отличался от бюрократических измышлений этого ведомства, и В. П. Вахтеров подверг этот проект рассмотрению, отметив как его сильные стороны (усиление прав земств и пород, увеличение представителей их в училищном совете), так и недостатки (отсутствие отмены вероисповедных и национальных ограничений в школьном деле, отсутствие признания прав за материнским языком, сохранение такого архаического учреждения, как училищные советы с председательством в них лиц, ничего общего не имеющих с педагогическим делом, внесение в школьную сеть церковноприходских школ, десятилетний срок для осуществления школьной сети, недостаточное содержание учащим и т. д.). «Наиболее же слабые места проек-

та,— писал Вахтеров,— это недостаточность прав, предоставляемых учащим» (говорится о представительстве в школьных попечительствах, в училищных советах и в учреждениях, составляющих постановления о введении обязательного обучения, а также в органах, разрабатывающих, рассматривающих и устанавливающих школьные сети) ¹.

В 1916 г. В. П. Вахтеров написал свою книгу «Всеобщее образование» и одну из ее глав посвятил всеобщему обучению. Глава эта являлась в то же время попыткой популяризации этого вопроса, изложенного в наиболее доступной и интересной для читателя форме. Привлечение общественности к решению задач жизни — это было всегдашним его лозунгом; ему хотелось привлечь к вопросу всеобщего обучения внимание всякого грамотного человека, а не только учителя, уже всегдашнего читателя его книг. И он был прав в своих предположениях, что читатели будут и новые, по крайней мере, именно на эту книгу у него было очень много читательских откликов и именно из среды рабочих. И бодрый

¹ Об этом законопроекте В. П. Вахтеров читал доклад в Педагогическом о-ве, он же был помещен в журнале «Народный учитель» за 1916 г., № 1.

По прочтении доклада В. П. предложил передать в совет Педагогического о-ва для передачи членам Государственной думы и министру народного просвещения следующие резолюции (приведу из них только те, которые непосредственно касаются всеобщего обучения): а) Десятилетний срок, определенный законопроектом Мин. нар. просвещения от 27 августа 1916 г. для осуществления всеобщего обучения, должен быть сокращен вдвое.

б) Законопроект этот должен быть отредактирован так, чтобы по истечении данного срока родители каждого ребенка, оставшегося за порогом школы по недостатку вакансий, имели возможность предъявить иск к учреждению, виновному в недостатке училищ.

в) Церковноприходские школы не должны быть вводимы в школьную сеть.

г) Размеры учительского вознаграждения должны быть увеличены, а минимумы их приведены в соответствие с местными экономическими условиями.

д) В училищные советы должны быть введены в качестве полноправных членом представители учащихся в числе, равном числу представителей от земства. «Независимо от вышеизложенного, я полагал бы вынести резолюцию, что в видах правильного и более быстрого осуществления всенародного дарового и обязательного обучения земское и городское самоуправление должны быть преобразованы на демократических началах». (Черновик этой резолюции находится в Архиве Вахтерова.)

оптимистический тон книги, несомненно, сделал свое дело — отклики были полны веры и желания работать. И важно отметить эту попытку автора выдвинуть вопрос о всеобщем обучении именно в гущу жизни. Вот почему эта статья написана исключительно просто и убедительно: в ней мало сухих цифр, но приведенные цифры всегда красноречивы; в ней мало сухих выкладок, но много политических выпадов, лирических отступлений, примеров, сравнений, а главное, в ней много веры в человека и много веры в прогресс. Книга вся сплошь эмоционального типа, и она воодушевляла того читателя, который, может быть, не прочел бы деловой статьи о всеобщем обучении.

В этой же статье, между прочим, популярно, убедительно ярко изложена и спорная идея обязательности обучения. Он приводит все аргументы против обязательности, горячо опровергая их, защищая свою точку зрения, оставаясь, как и всегда, реальным политиком, учитывающим действительность. «Наш идеал, — пишет он, — равное для всех общее образование... При идеальной системе образования должна быть общая для всех общеобразовательная на всех ступенях школа, считающаяся лишь со способностями и индивидуальными склонностями учащихся». Но сейчас это только идеал, и он указывает на первую задачу, задачу неотложную — «в первую очередь добиваться обязательности начального образования» (при естественной предпосылке общедоступности школы), а относительно следующих ступеней «требовать лишь, чтобы ни один подросток и юноша, стучащиеся в двери этих школ (т. е. средних и высших), не оставался бы за их порогом, если он к ним подготовлен». «Было бы вполне справедливо, — говорит он дальше, — если б каждый, оставшийся за порогом школы, вследствие недостатка вакансий, имел право предъявить иск к Министерству народного просвещения».

Февральская революция давала новые надежды на возможность осуществления всеобщего обучения. Приказный строй был уничтожен, и рисовались перспективы широкой общественной работы. И в журнале «Учитель» — органе Московского областного отдела возродившегося Всероссийского Учительского союза — уже в первом номере В. П. Вахтеров в статье от редакции с энтузиазмом говорит о том, «что мечта русских людей

о единой школе на всех ступенях осуществляется, предложено сделать обучение первых двух ступеней всеобщим и обязательным, а на высших ступенях — общедоступным».

В годы после Октября В. П. Вахтеров только раз принял участие в одной комиссии по всеобщему обучению, куда он был приглашен в качестве «сведущего лица». Это было, кажется, в 1919 г.

Не принимая активного участия в работах наркомпросовской комиссии, В. П. Вахтеров тем не менее не переставал интересоваться всеобщим обучением. В его портфеле я нашла набросок плана не то статьи, не то лекции. Первые строки этой программы или этого плана такие: «Всеобщее обучение как предпосылка трудовой школы. Связь трудовой школы со всеобщим образованием». Ясно, что зрели какие-то мысли, которые он не успел развить. И так это для него характерно — этот последний набросок о том, над чем он так много работал всю жизнь.

Как оценить значение В. П. Вахтерова в вопросе о всеобщем обучении? Современники, соратники его по этой работе до революции 1917 г., как мы видели из вышеприведенных материалов, делились по отношению к нему на два лагеря: одни считали его роль очень крупной, очень значительной, другие очень умалляли эту роль, или замалчивали о его работе, или очень выдвигали и действительные, а часто и ими же приписываемые ему ошибки. Сам В. П. Вахтеров, как справедливо сказал один из ораторов на заседании его памяти, «никогда не подчеркивал своей роли в этом вопросе...» В послереволюционное время мы встречаемся опять с теми же двумя лагерями. Иные из знавших его работу в прошлом имеют мужество говорить о ней в положительном смысле: что было, то было. Вот, между прочим, маленький, но интересный факт. В книге «Письма Гершензона», где есть беглое упоминание о Вахтерове, в выноске говорится: «Был уволен в отставку за реферат о всеобщем обучении». Сообщение это не точно, потому что отставка состоялась через 2 года после реферата, но здесь характерно вскрывается то, как прочно вопрос всеобщего обучения спаялся с именем Вахтерова, как и через 30 лет помнилась та крупная роль, какую в свое время сыграл этот реферат. И в данном случае эта маленькая неточ-

ность имеет большую внутреннюю правду, выдвигая на первый план в жизни Вахтерова именно эту большую и любимую им работу.

Думаю, что все же трудно не признать, что Вахтеров был большим знатоком вопроса, недаром его книгу о всеобщем обучении называли «настолярной», «капитальным исследованием», а его самого «занимающим самое видное место среди поборников всеобщего обучения», недаром всякий раз, когда этот вопрос вставал на очередь, его звали, к нему обращались, его привлекали к работе.

Но гораздо важнее, чем эта его осведомленность в вопросе, гораздо важнее, чем все его планы и расчеты, было его умение заражать людей силой своего энтузиазма.

Большое значение имело и то, что он сумел вдвинуть этот специальный, казалось бы, вопрос в поле зрения широких кругов, что он популяризировал его, привлекая к нему внимание общества, самого населения, укрепляя веру в возможность и осуществимость его. Очень стоит вспомнить и его позицию по вопросу об обязательности обучения, его неустанную борьбу за этот лозунг, который отвергался едва ли не большинством из тех, кто, подобно ему, работал по вопросу всеобщего обучения. Вспоминаю, что как-то раз он сделал подсчет тем аргументам, с которыми выступали противники обязательности, таких аргументов набралось что-то очень много, и против каждого из них он не уставал выступать. А противниками обязательности были не только отдельные лица, но и целые учреждения, как Петербургский Комитет грамотности, Петербургская Лига образования, а также журналы, газеты. И ни разу не сдался этот стойкий поборник обязательности, ибо считал, что обязательность есть не нарушение прав, а защита прав ребенка на образование.

Его борьба за эту убогую первоначальную грамотность была в его глазах борьбой за культурное и политическое раскрепощение даровитого народа, а школа, жалкая четырехлетняя школа, была в его представлении тем первичным кристаллом, который путем роста даст в результате то всеобщее всенародное образование от низшей школы до высшей, о чем он всегда мечтал всю жизнь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. П. Вахтеров начал свою литературную деятельность молодым 20-летним учителем. Литературная деятельность всегда привлекала его, и чем дальше, тем больше; может быть, здесь начинал сказываться возраст и некоторая усталость от жизни, а также те тернии общественной работы, которые непрестанно давали о себе знать, непрестанно ранили, заставляли отступать, лавировать, идти на компромиссы и минутами терять веру в эту общественную работу. Такие настроения у него, человека большой активности и оптимиста по природе, бывали сравнительно редко, но они все же бывали. В одном из своих писем в конце 1907 г., когда особенно ярко разыгралась реакция, он писал мне даже, что никогда общественная деятельность не давала ему того удовлетворения, какое он получает, когда ему удастся «выразить на бумаге какую-нибудь общественно-педагогическую мысль». Но был в этом и некоторый самообман: только писателем он, человек живой жизни, конечно, не мог бы быть, как не мог быть и только общественным работником, без возможности в широкую аудиторию читателей бросать свои мысли. И его общественная деятельность всегда неразрывно и тесно сплеталась с литературной работой, одна другую дополняя. В обеих областях работал он с увлечением, целиком отдаваясь тому, что в данный момент стояло на очереди, иногда умея пере-

плетать обе деятельности, иногда временно, ради одной оставляя другую, но ту и другую одинаково любя.

Первая педагогическая статья его называлась «Роль чувства в деле воспитания»¹ и была помещена в 1874 г. в «Семье и школе», тогдашнем педагогическом журнале, издававшемся Ю. Семашко. Другая тоже в это время написанная статья «Всесословная школа» была за «нецензурность» темы отвергнута журналом, а она, наверно, характерна для всей литературной деятельности В. П. Вахтерова. О бессословности школы он думал и писал с 70-х гг., а защищал эту идею всю свою жизнь.

В смоленский период своей жизни Василий Порфирьевич сотрудничает в «Журнале Министерства народного просвещения», в провинциальных газетах, в «Смоленском вестнике», где, между прочим, в 80-х гг. XIX в. он помещает заметки и статьи о всеобщем обучении. В 90-х гг. XIX в. после перевода В. П. Вахтерова в Москву его литературная работа, отражая подъем просветительного движения этих лет, вступает в новый фазис: это уже не случайные отклики на те или другие темы общественно-педагогического характера, это полный цикл статей по тем вопросам, которые в те годы выдвигала жизнь. Прежде всего это опять-таки статьи во всеобщему обучению, помещавшиеся им в ряде педагогических и даже общих журналов, и книжка «Всеобщее обучение», изданная в 1896 г. Сытиным. К проблеме всеобщего обучения В. П. Вахтеров в течение своей жизни возвращался не один раз, на эту тему им было написано много статей, и, как уже сказано выше, это была одна из его любимых тем. Другой широкий вопрос, выдвинутый в 90-х гг. XIX в. самой жизнью, было внешкольное образование, и Василий Порфирьевич в ряде своих статей и книг охватил, можно сказать, почти все виды его. В книге «Внешкольное образование народа» (изд-во Сытина, 1896) он затрагивает главным образом вопросы школ взрослых, о чем пишет и в книжке «Сельские воскресные школы и повторительные классы» (изд. Алчевской, 1896), и в сборнике «Частный почин», а позднее в «Общем деле» и в журналах. Вопросу о народных чтениях посвящена целая книга «Народные чтения», изданная в 1897 г. журналом

¹ Эту статью мне не удалось разыскать.

«Русская школа». Затем идут его статьи и брошюры о сельских библиотеках, о книжных складах. В эти же годы несколько его докладов на те же темы (народные чтения, воскресные школы, каталоги народных библиотек и т. п.) были изданы школьной комиссией при Московском губернском земстве, в которой он работал с 1894 по 1901 г. как «сведущее лицо». Педагогическая критика с сочувствием относилась к этим статьям и книгам, называла их «настолевыми» для лиц, занимающихся этими вопросами, указывала на их содержательность, на ценность заключающихся в них справочных сведений, на «искреннюю и горячую убежденность автора», на его «заражающий читателя оптимизм». Иногда, впрочем, рецензенты ставили ему в вину спешность обработки материала, недостаточную систематичность изложения. Упреки были справедливы. Но надо было знать условия работы. Вот прочитан реферат на какую-либо злободневную тему, редакция журнала просит его для напечатания в ближайшем номере, и рукопись отсылается, едва просмотренная; затем, отвечая требованиям минуты, надо соединять ряд статей в книгу и уже в процессе печатания, в корректурах, делать изменения, дополнения, перестановки. И все это между другой неотложной работой. В результате книга выходила с дефектами, на которые и указывала критика. В. П. Вахтеров, впрочем, не придавал слишком большого значения этим упрекам и к своей литературной репутации относился довольно-таки безразлично. Главное, чего он ждал от своих книг,—это чтобы они давали толчок, будили желание работать, вызывали к жизни новые учреждения и множили кадры работников. А этот результат достигался его книгами, пусть и наспех написанными, пусть иногда перегруженными излишним числом фактов, цифр, цитат. Огромный спрос на них, быстрое исчезновение их с книжного рынка, а главное, отклики читателей были тому несомненным доказательством. Общие вопросы народного образования—всеобщее обучение, внешкольное образование—это, таким образом, как бы первый этап литературной деятельности Василия Порфирьевича: своими книгами, докладами, статьями он, несомненно, внес в это дело свой не малый вклад и, что, может быть, еще важнее, он вызвал в читателе тот подъем веры и энтузиазма, которыми горел и сам. И в самом деле, у Василия Порфирьевича бы-

ло не мало писем от читателей его книг и брошюр; ему писали: «ваша книга подняла мою энергию», «ваша книга заставила меня поверить в то, что и я могу быть полезным», «ваша книга воодушевила меня». Следующий этап работы В. П. Вахтерова — это вопросы школы в собственном смысле.

Уже и в предшествующий период несколько статей на эти темы было им помещено в периодической печати, а в 90-х гг. XIX в. он все глубже и глубже уходит в школьный мир, мир начальной народной школы. Этому типу школ преимущественно и посвящена его практическая и литературная деятельность. Много статей было напечатано им в периодической прессе за эти годы: о школьных попечительствах, о школьных манкировках, об экзаменах, о методах преподавания грамоты, о правописании, о постановке преподавания русского языка, о наглядности и т. д.

Свои излюбленные мысли о воспитывающем значении школ, о роли общественности в детской жизни, о связи школы с жизнью высказал он в книжке «Нравственное воспитание и начальная школа», вышедшей в 1901 г. в издании редакции журнала «Русская мысль». Написанная просто, тепло, проникнутая горячей верой в воспитание и любовь к ребенку, книжка эта в свое время очень ценилась учительством. Были в ней уже главные, типические особенности «Вахтеровской» обработки педагогической темы. Исходя из любимого им афоризма Милля о том, что «суждение, основанное на одном личном опыте, стоит мало», он всегда старается каждое свое педагогическое положение научно обосновать и подтвердить фактами. Если надо сказать, например, что на успешность школьной работы влияет организация учебных занятий, продолжительность уроков, расположение их по часам дня, то и это простое положение он не хочет поднести учителю в виде догмата. Он подробно рассказывает об опытах проф. Сикорского, который путем сравнения детских работ неопровержимо доказал это положение: работа усталых детей на 33% слабее работ тех же детей в бодром состоянии. Но как будто и этого мало, он подтверждает это и выводами, к которым пришли другие исследователи того же вопроса, — и опять ряд цифровых данных. И только после такой подготовки дается уже обоснованный вывод, которому учитель не на слово ве-

рит, а который ему доказан. И так всегда, и по поводу целого ряда вопросов.

Надо ли доказывать значение в деле воспитания какого-либо навыка, и опять выдвигается целый арсенал научных доказательств из животного, из растительного мира, и вместо обычного в методиках «педагогического рецепта» — обоснованное и убедительное положение. Типично для В. П. Вахтерова в этой книжке и пользование наблюдениями учителя, как бы в подтверждение его всегдашней мысли о том, какую большую ценность имеют эти учительские наблюдения и как надо прислушиваться к этому учительскому опыту. Типичные и те штрихи, которые всецело рассчитаны на психологию учителя. Василию Порфирьевичу всегда было свойственно звать учителя вперед, поднимать его настроение, укреплять его веру в себя, в значение его работы. Так и здесь. Вот он бросает цитату из Спенсера: «Помните, — обращается Спенсер к читателю-педагогу, — что задача даваемого вами воспитания состоит в том, чтобы образовать существо, способное управлять собой, а не быть управляемым другими», — вот просто выписка, цитата, а как она зовет, как воодушевляет и как, идя вразрез с официальной педагогией тех лет, приобретает какой-то даже «революционный» смысл. Вот говорит он о воспитании привычки и бросает мысль о том, что прогрессивная привычка может перейти и дальше, «не только на всю последующую жизнь школьника, но и на будущие, может быть, очень отдаленные поколения». — «В убогой классной комнате, — говорит он, — скромный учитель нередко решает до известной степени судьбы тех, кто будет жить не только тогда, когда умрем не только мы, но и наши питомцы»¹. И эта мысль, что учитель в своей скромной работе в народной школе является как бы создателем личности в поколениях, — это опять призыв, опять подчеркивание важности учительского дела. Критика иногда упрекала Вахтерова за обилие в его книгах различных цитат. В этом была доля правды, он иногда действительно злоупотреблял ими, но разве слова Альфреда де Виньи, «что такое великая жизнь. Это юношеская мысль, осуществленная в зрелом возрасте» не вдохновляли на работу с юношест-

¹ Вахтеров В. П., Нравственное воспитание и начальная школа, журн. «Русская мысль», М., 1901.

вом, на бережное отношение к его психике? Вспоминаю одного молодого учителя, который говорил нам, что эта цитата заставила его по-новому пересмотреть свою педагогическую работу.

И вот именно это значение красивого образа и имел в виду Василий Порфирьевич, когда он так щедро уснащал цитатами свои книги. «Лучше поэта не скажешь», — говорил он в таких случаях. Огромную роль придавал Василий Порфирьевич общественности в деле воспитания и не раз касался этого вопроса в своих статьях, рефератах, выступлениях.

В упомянутой книге «Нравственное воспитание и начальная школа» этой теме тоже уделено свое место и намечены вехи возможного участия школьника в общественной жизни класса, школы, деревни, — для того времени (начало 900-х гг.) это были новые мысли, которые следовало пропагандировать, равно как и мысль о школьном самоуправлении, о чем он тоже говорит здесь. Интересной страничкой этой небольшой книжки является и пропаганда общественного значения игр, и попытка внести в эти детские игры новые мотивы. Автор рассказывает о своем маленьком опыте, когда он увлек ребят-школьников играми в сельский сход, в земское собрание, в земскую почту¹. Все в этой маленькой книжке нравилось учителю: и лирические отступления, и публицистические выводы, и литературные иллюстрации. И тот заключительный аккорд, которым кончалась книжка, звал учителя «вперед и вверх»: «При свете знания, ясно представляя себе общие задачи, — пишет В. П. Вахтеров, — люди будут стремиться к общей цели, заодно мыслить, а при широком развитии общественных чувств и заодно чувствовать. И это будут добровольные связи, это будет не подчинение, а свободное соглашение. Когда гений сформулирует бесспорные общественные идеалы, а всеобщее образование и воспитание сделают их достоянием всех народных масс, то каждый будет сознавать этот идеал, и он станет руководящим принципом поведения каждого. У каждого будет сознание не только своего «я», с его интересами, но и сознание целого, сознание общих идеалов, стремлений. Таким образом, каждый будет не

¹ Вахтеров В. П., Нравственное воспитание и начальная школа, журн. «Русская мысль», М., 1901, стр. 225.

только благородным свидетелем совершающихся событий, но и еще творцом событий...»¹.

Яснее выразить мысль о будущем по условиям тогдашней цензуры было, конечно, немислимо, но учитель был не младенец, он знал, что такое цензура, он умел читать «между строк». И то, что он читал «между строк» о человеке, «творце» событий, давало бодрость ему в его культурной работе и связывало скромное дело школы с большим делом человеческого прогресса. Цензурные условия мало давали простору той публицистической жилке, которая билась в педагоге Вахтерове: ему всегда хотелось широко развить мысль о том бюрократическом гнете, которым придавлены и школа, и учитель, о тех тисках, в которых зажато народное образование, о той лицемерной политике, которую ведет Министерство народного просвещения, но, конечно, в те годы только мимоходом удавалось ему бросать эти мысли, и все же он делал это и в книгах, и в публичных выступлениях. Впрочем, и в выступлениях надо было уметь лавировать и иногда прикрывать содержание лекции или доклада особым невинным заглавием. Так, реферат, прочитанный В. П. Вахтеровым в Педагогическом о-ве, носил название «День в школе», и как раз название это играло роль такого щита: можно было подумать, что доклад имеет в виду борьбу с ложью в детском возрасте, а содержание реферата было совсем другое, и, характеризуя его, профессор Сакулин писал: «Вахтеров дал мастерской анализ тех явлений, которые можно объединить в понятие «ложь в школе», и с несомненной убедительностью показал необходимость морального оздоровления школы, прежде всего путем устранения тлетворного воздействия сверху»².

После 1905 г. на эти общие темы уже можно было говорить прямо, и выступления В. П. Вахтерова в Учительском союзе, затем в Московском отделе Лиги образования, в ее журнале «Просвещение» открыто выявляли его отношение к бюрократическому правительству и его просветительной политике. И на эти общие темы народ-

¹ Вахтеров В. П. Нравственное воспитание и начальная школа, журн. «Русская мысль», М., 1901.

² «Вестник воспитания», 1905, № 3, ст. П. Н. Сакулина о Моск. Педагогич. о-ве.

ного образования им было написано немало статей в ряде как педагогических, так и общих журналов. Но и так было всегда в его литературной деятельности,— от этих общих вопросов опять переходит он к вопросам школьно-методическим. Методические темы иногда надолго захватывали его. Когда он в качестве заведующего огромной фабричной школой Тверской мануфактуры имел возможность делать наблюдения над несколькими параллельными классами с большим количеством учащихся в каждом, он впервые начал свою экспериментальную работу по изучению сравнительной ценности различных методов обучения. Эти исследования очень увлекли его, и он считал крайне важным тем же методом, каким естествознание добилось таких огромных результатов, выявить, не гадательно, а с полной определенностью, достоинства и недостатки того или другого приема обучения. Таким методом естественного эксперимента, т. е., с одной стороны, уравнивая, как обычно в опытах, все условия, а с другой стороны, не давая детям заметить, что это опыт, и, значит, не оказывая ни малейшего давления на их психику, он провел в тверской школе несколько уроков по правописанию и, статистически их разработав, изложил их в своей книге «На первой ступени обучения», вышедшей в 1903 г. и приуроченной к его, уже тогда в значительном количестве школ употреблявшемуся, Букварю. Впрочем, подзаголовок этой книги «Методическое руководство к Букварю автора», несомненно, суживает ее содержание, как это и отмечалось не раз критикой. Книга эта включает в себе и исторический очерк обучения грамоте, и горячую и обоснованную защиту звукового метода, и, наконец, содержит в себе и методические указания для учителя. Рецензия Русовой указывала на то, что эта книга была своего рода «поворотным пунктом», что после нее «невозможен целый ряд ошибочных, неправильных способов преподавания», что указания Вахтерова «имеют большую убедительность», что книга производит «освежающее впечатление» и т. д.¹ В другой рецензии подчеркивается «уважение автора к своей аудитории», стремление его «обосновать каждое свое положение» и в своих «потому» и «оттого» не столько ссылаться на свой личный опыт и на свои личные убежде-

¹ «Русская школа», 1903, № 10—11. Рецензия Русовой.

ния, сколько на труды и исследования целого ряда русских и иностранных педагогов¹. Книга выдержала несколько изданий.

К вопросу о звуковом методе обучения грамоте Василий Порфирьевич возвращался не раз. Он выступал с этой темой на съезде по народному образованию в 1913 г., он помещал статьи об этом методе в разных педагогических журналах, и даже самая последняя, уже после его смерти напечатанная заметка «Об американском методе» была посвящена этому же вопросу².

Главным доводом в пользу звукового метода для В. П. Вахтерова являлась ценность того обстоятельства, что при этом методе ученик ничего не воспринимает пассивно, ничего не берет на веру, он сам «становится» в положение исследователя и изобретателя... переживает процесс, который сопровождает всякое открытие со всеми эмоциями интереса, радости и счастья, сопровождающими всякое открытие и изобретение.

Звуковой метод, по мнению В. П. Вахтерова, дает ребенку «ключ» к чтению, открывает ему «секрет» чтения (т. е. дает ему возможность самому достигнуть этот «секрет»), тогда как американский метод целых слов долгое время держит ребенка пассивным, заставляет его бессознательно запоминать данные начертания, лишает его возможности понять, почему данную буквенную формулу надо прочесть так, а не иначе.

Звуковой метод быстрее ведет к цели: через 3—4 месяца ребенок уже читает каждую легкую статейку, при методе «целых слов» дело идет медленнее, а при краткости курса начальной школы прежних лет, конечно, и это обстоятельство не могло не иметь решающего значения в глазах педагога-общественника.

«У нас, где курс обучения в начальной школе до отчаяния краток,— пишет В. П. Вахтеров в одной статье,— вопрос о быстроте обучения имеет огромное значение. Наши народные массы не пользуются ни музеями, ни лабораториями, ни средней, ни высшей школой. Почти единственная дверь к знанию у нас пока — чтение книг.

¹ Архив Вахтерова. Отзыв руководителя учит. курсов В. А. Никандрова.

² Вахтеров В. П., Об американском методе, в кн. «Первые шаги обучения», М., «Мир», 1925, стр. 97—126.

И не удивительно, что наш школьный учитель употребляет все усилия, чтобы как можно скорее и лучше научить сознательному чтению и развить любовь к книге. Для этого он пользуется звуковым методом обучения»¹.

В числе больших вопросов школы был вопрос о правописании. На учительских курсах и в отдельных статьях В. П. Вахтеров не раз касался этого вопроса, и известный наш языковед Д. Н. Ушаков в своем возражении на одну из статей Василия Порфирьевича называет его «одним из первых, если не первым, начавшим в своих методических трудах обращать внимание на физиологию звуков речи и освобождать преподавателей от слепой веры в букву»².

В частности, касаясь вопроса трудности правописания и нелепости экзаменационных требований в начальной школе, В. П. Вахтеров давал яркие подсчеты той траты детских сил и времени, которые в ущерб общеобразовательным задачам уходят на одоление буквы «ять» и других препон русской орфографии. В те годы, когда Академия наук под давлением общественного мнения поставила вопрос о реформе русского правописания, В. П. Вахтеров подал в Академию мотивированное заявление учащихся в народных школах со множеством подписей.

За год до смерти в своей статье «Реформа правописания не окончена» Василий Порфирьевич опять возвращается к этой теме, указывая на желательность замены букв ю, я, е йотированными гласными (на эту статью в том же номере журнала и возражал ему Д. Н. Ушаков), и высказывает мысль, что жизнь заставит прийти к фонетическому правописанию³. Не оставлен был им без внимания и вопрос о преподавании на родном языке в школах национальных меньшинств, по тогдашней терминологии. Вопрос этот, естественно, всегда решался им в пользу прав родного языка. «Если есть в педагогике бесспорные принципы,— пишет он в статье для сборника «К вопросу о преподавании родного языка в малорусских школах»,— то первое место между ними должен за-

¹ «Народный учитель», 1914, № 17—18.

² Ушаков Д., Чем не закончена реформа правописания, «Вестник просвещения», 1923, № 7—8.

³ Вахтеров В. П., Реформа правописания не окончена, «Вестник просвещения», 1923, № 7—8.

нять принцип: обучение на материнском языке. Это тот принцип, к которому приводит нас школьный опыт, к которому сводятся выводы психологии, педагогики; это тот принцип, которым дорожат все национальности; это тот принцип, без которого не может быть мира между различными народностями. Это тот принцип, которому учит нас история. Это азбучная истина»¹.

Писалась эта статья в 1910 г., когда существовали строгие предписания не употреблять «в малорусских» школах родного языка, когда учителя и учительницы увольнялись, если нарушали эти требования, и когда это обучение шло таясь и скрываясь.

«Если малорусская начальная школа и делает успехи,— пишет в этой статье В. П. Вахтеров,— то лишь ценой нарушения министерских предписаний, запрещающих пользоваться материнским языком в таких школах». И когда Василий Порфирьевич на одних из руководимых им на Украине курсах поощрял уроки учителей на украинском языке в образцовой школе, из этого возник целый инцидент: был сделан донос, и на следующий год В. П. Вахтеров не был утвержден руководителем курсов. А Министерство народного просвещения продолжало стоять на своем, и министр Кассо в 1910 г. декларировал с тупоумным упорством, что «правительство не может разрешить прохождения первого курса в начальных училищах на местном родном языке». Упомянутая статья Вахтерова была переведена на украинский язык и получила горячую оценку со стороны Алчевской.

Преподавание естествознания в народных школах, хотя бы путем так называвшегося тогда «объяснительного чтения», т. е., исходя из соответственного материала в школьных хрестоматиях, в 90-х гг. еще требовало своей защиты, пропаганды и доказательств. И если средняя школа имела таких блестящих пропагандистов естествознания, как А. Я. Герд, затем сын его, В. А. Герд, если прекрасные книги Гердов и других методистов-естественников позволяли ставить этот предмет в средней школе с достаточной полнотой (в частных школах по преимуществу), то не так было в начальной школе. Был момент— 60-е гг., когда защитники естествознания в народной школе: Ушинский, Паульсен, Водовозов — ставили этот

¹ «Народный учитель», 1910, № 3.

вопрос на подобающую высоту, когда в журнале «Учитель», на учительских курсах, которые вел Водовозов, а также в его «Руководстве учителям» и в его школьных книгах естествознанию уделялось много места. Но это время прошло, и наступившая реакция стремилась задушевать, а то и вовсе убить в начальной школе этот «зловредный предмет». Были классные книги для чтения, которые игнорировали всякие сведения о природе, и были педагоги, которые проводили мысль об иссушающем влиянии естествознания на детскую душу. И начиная с 90-х гг. В. П. Вахтеров в ряде статей разрабатывает вопрос о роли естествознания в начальной школе, о наглядности в преподавании, о значении эвристического метода, о необходимости развивать в детях наблюдательность, ставить их самих в положение исследователей, об их интересе к вопросам живой жизни и о том воспитательном материале, который дает ребенку эта открытая перед ним книга природы.

Сам большой поклонник естествознания, впитавший увлечение им с годов юности под влиянием Писарева и веяний 60-х гг., В. П. Вахтеров с большой убедительностью пропагандировал этот предмет, расчищая ему дорогу в народную школу, стараясь увлечь этой работой учителей. А расчищать дорогу действительно было необходимо: по анкетным материалам, которые Василий Порфирьевич обыкновенно собирал на учительских курсах, обнаруживалось, что почти в 80% школ не разрабатывалось на уроках никаких естественноисторических тем, что с учениками не производилось никаких самых простых опытов, что в школах не было почти никаких наглядных пособий. Надо было действительно как-то восстановить права естественноисторических знаний и привлечь к ним внимание учителя. Это и поставил Василий Порфирьевич своей целью, и это было отмечено В. А. Гердом, который на съезде по народному образованию в Петербурге в 1913 г. сказал, что «Вахтеров своими горячими статьями в защиту естествознания в школе пробил первую брешь в этом деле и убедил, что это живой и интересный предмет»¹.

¹ См. доклад В. А. Герда «Выделение естествознания в начальной школе», в кн.: «Доклады, прения и постановления 2-й секции Первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования», Пг., 1915, стр. 194—197.

Не менее чем своими статьями убеждал он учительство в том же своими интересными уроками, которые давал в образцовых школах на учительских курсах, а также и самостоятельно им составленным естественноисторическим отделом в своих школьных книгах. О его уроках в познавательных школах при курсах, пожалуй, не мешает сказать здесь, в этой главе, о его литературно-педагогической деятельности: уроки эти нигде не зафиксированы им, но и в неписаном виде они, тем не менее, могут идти в актив его литературной работы. Уроки эти давались им по всему курсу начальной школы: по звуковому методу, который он, прекрасно владея им, умел делать необыкновенно интересным, по математике, по родному языку и больше всего по естествознанию.

Необыкновенной задушевностью отличались его уроки чтения статей гуманитарного содержания и производили глубокое впечатление на учеников, а впрочем, не на одних учеников: «Горячее искреннее спасибо вам за ваш урок,— читаем в записке, поданной лектору,— он воспитывающим образом действует не только на учеников, но и на нас, учителей. Это мнение не только мое, но и многих из моих товарищей»¹.

Особенно часто и охотно В. П. Вахтеров давал в таких прикурсовых школах уроки по естествознанию, и, конечно, тут был и особый умысел: пропагандировать среди учительства этот предмет. Один из таких уроков «с фотографии» («солнце-художник», как назвал этот урок Василий Порфирьевич), помню, по самой своей теме казался чуть ли не ересью в начальной школе тех годов с ее обязательными программами, с ее балластом грамматических сведений, с ее устрашающими экзаменационными требованиями. Но и самый выбор темы звал учителя на борьбу с этой школьной рутинной, а захватывающий интерес детей, их оживление, их активность, несомненно, пробужденная в них любознательность к научным вопросам заставляли и скептиков верить в ценность таких отступлений от шаблона.

Вспоминаю, как после одного из таких уроков, которые необыкновенно сближали и учителя и учеников, как будто прорвалась какая-то плотина и со стороны ребят посыпался целый ряд вопросов на самые разнообразные

¹ Архив Вахтерова. Записка лектору.

темы. Очевидно, вопросы эти, не находя удовлетворения, дремали где-то в глубине детского сознания, а тут вдруг появилась уверенность, что на вопросы могут быть даны и ответы, и со всех сторон посыпались эти «а почему?», «а отчего?», «а как?». В. П. Вахтеров предложил детям записать все свои вопросы и передать их ему на следующий день. И действительно, к следующему дню ему был передан целый ворох бумажек с детскими каракулями. Преинтересные были эти вопросы: «Если погладить кошку ночью, тогда посыплются искры, почему они сыплются? Отчего зимой не замерзает вино? Отчего керосин горит, а вода не горит? Отчего вино может гореть? Отчего оловянный шарик не проходит сквозь воск? Что такое ревность? Что такое синагога? Из чего делается грифель? Почему вода, когда она кипит, так шумит?» — и много, много других. Василий Порфирьевич расклассифицировал эти вопросы по темам, и на одном из ближайших уроков провел беседу, заключающую в себе ответы на один из отделов. Ребята были довольны, учителя также, и было решено, что в классе повесят ящик для вопросов, куда дети будут бросать свои записки. И во многих школах это привилось.

На одной из своих бесед с учителями В. П. Вахтеров, вспоминая такой тип уроков, вызванных к жизни самими детьми (между прочим, и урок «о фотографии» был вызван вопросами ребят: «Как это в ящике вдруг карточка получается?»), говорил: «Эти уроки были самыми интересными и для меня, и для учащихся: я чувствовал, что отвечаю на запросы самих детей, ближе, чем когда-либо, подхожу к их интересам, и это воодушевляло меня. Дети понимали, что здесь они играют не пассивную роль слушателей, что они не только активно принимают участие в уроке, давая реплики учителю, помогая в проведении опыта, делясь своими наблюдениями, но они как бы направляют беседу, определяют ее содержание и как бы видоизменяют до некоторой степени самую программу школы. И это сознание своей роли не могло не отразиться на их внимании, на их интересе, на их восприимчивости»¹. А один из учителей — слушателей такого урока — прямо указывал на то возбуждение, какое не только среди учеников, но и среди учителей вызывали такие уроки.

¹ Отрывок из бесед с учителями. Рукопись (Архив Вахтерова).

И это умственное возбуждение заставляло и самых косных из учителей почувствовать в себе силы на борьбу с шаблоном, с классной рутинной, а лучшие из них, передовые, только еще больше укреплялись в своей вере, что ими был избран верный путь, когда они на свой риск и страх вели борьбу с этой рутинной. Но и для передовых учителей было много нового в самом методе этих уроков-бесед: в широте захвата темы, в архитектуре материала, в широком применении наглядности опытов, картин, диаграмм и особенно в умении вызывать проявление детской самостоятельности, детского творчества¹. И это в те годы (конец 90-х и начало 900-х гг.) было несомненно настоящим новшеством для большинства учителей, и в этих зовах к творчеству, к активности, к связям уже были зачатки позднейших комплексов и лабораторных методов трудовой школы. Не осталось записей этих уроков, и это жаль, потому что было в них много яркого, оригинального, и они через много лет вспоминались теми, кто на них присутствовал.

«Никогда не забуду экскурсию, которую В. П. Вахтеров вел с ребятами на курсах в Лубнах,— говорил мне один старичок учитель,— простой овраг, который мы все тысячи раз видели и в котором ничего интересного не замечали, и вот, понимаете, ожил этот овраг и раскрыл нам настоящие чудеса». О том же вспоминает и О. В. Кайданова-Берви: «На уроках В. П. Вахтерова,— пишет она,— все жило: жили дети, оживал овраг, на котором он проводил экскурсии, и школа тесным образом связывалась с жизнью»².

Вот эту тесную связь школы с жизнью всегда пропагандировал Василий Порфирьевич, и все свои излюбленные мысли на эту тему, весь свой опыт и всю свою веру в значение «исследовательского» метода вложил он в специальную книгу «Предметный метод обучения», вышедшую в 1907 г. и выдержавшую 5 изданий³. Книга

¹ Почти всегда на следующих уроках ученики докладывали Василию Порфирьевичу о том, что они сами проделали такие-то опыты, делились с ним удачами и неудачами, задавали вопросы, намечали темы новых уроков.

² К а й д а н о в а - Б е р в и О. В., Воспоминания о Вахтерове. Рукопись (Архив Вахтерова).

³ Причем книга постепенно увеличивалась в объеме: 1-е издание имело 181 стр. и последнее в 1918 г. уже 386 стр. Незадолго до

является горячей защитой наглядного, предметного, исследовательского активного метода обучения: природа и жизнь — вот первые воспитатели ребенка, утверждает автор и зовет учителя раскрыть перед детьми эту чудесную книгу природы, — пусть она сама говорит с ними, пусть они научатся читать ее. Развивать в детях активность, самостоятельность, наблюдательность, общественные инстинкты, разумно организовывать детскую жизнь — вот к чему звала учителя эта книга. В ней масса примеров, опытов, наблюдений над детьми, экскурсии в область детской психологии.

Автор хорошо знает народную школу и ее возможности, он не переоценивает этих возможностей, не рисует недостижимых идеалов: каждая школа может так работать, может так ставить опыты, так вести экскурсии, — и это дает книге ценность реальности. Автор умеет увлечь учителя, заставляет его поверить в значение пропагандируемого метода, заставляет его желать оперировать им и сделать его основой своей школьной работы. В книге нет готовых рецептов, каждое положение обосновано научными данными, массовыми наблюдениями и потому берется сознательно, а не на веру. В ней множество практических указаний и о том, как поставить тот или другой опыт, как подготовиться и провести экскурсию, как положить основание школьному музею, как самому приготовить несложные приборы, какую популярную литературу иметь под руками для проработки той или другой темы.

Но предметный метод применим не только к естествознанию — и на других школьных занятиях ему можно найти место, — и уже по-новому рисуется школьная жизнь и учеба. «Вашу книгу о предметном методе я прочел с огромным интересом, — пишет Василию Порфирьевичу К. Н. Левин, талантливый лектор-историк и популяризатор, — дочитал ее и с грустью подумал про себя: почему не попалась мне под руку такая книга, когда я был учителем. Я без всяких преувеличений должен сказать, что ваша книга — евангелие для всех, кто хочет отдать свои силы учебному делу... Для учителя она явит-

смерти В. П. Вахтеров думал о переработке этой книги, в которой иное уже устарело, но живая тема о роли естествознания в школе и была, и осталась актуальной.

ся настоящим откровением, из нее он узнает, как нужно вести обучение, чтобы оно было одновременно и продуктивно, и интересно. Одним словом, чего не дала учителю семинария и даже сама жизнь, практика — то даст ему наша книга...»¹. Хорошие отзывы о книге давала и педагогическая критика прогрессивных журналов². А так как и практически Василий Порфирьевич и своими уроками, и отдельными эпизодическими статьями на те же темы, и своими естественноисторическими отделами в школьных книгах работал все в том же направлении, стремясь отвоевать для естествознания почетное место в школе, поставить его на высоту, привлечь к нему внимание учителя, то и книга его в свое время имела и большое значение, и большой спрос, и самая роль Вахтерова в этом движении за естествознание в школе была не малой и подтверждалась многими отзывами.

В том же 1907 г. была написана В. П. Вахтеровым небольшая книжка «Спорные вопросы образования», которая касалась профессионального уклона в народной школе и решала его отрицательно. Вопрос этот для того времени был боевым и даже, так сказать, «политическим», потому что в стремлении профессионализировать народную школу сказывались охранительные течения, желавшие убавить и без того убогий багаж общеобразовательного элемента в начальной школе. История этого вопроса имела свои корни еще в 80-х гг., когда сам Победоносцев являлся одним из инициаторов особого общества «Улучшения народного труда» с аналогичными задачами профессионализации школы (только «народной», конечно), и возникало это течение всякий раз, ко-

¹ Письмо К. Н. Левина от 1911 г. (Архив Вахтерова).

² Зато синодский орган журнал «Народное образование» метал громы и молнии. Правда, среди замечаний были и дельные (в первом издании книги было немало недосмотров и опечаток), но в общем все же это была злобная критика, которая особенно напирала на «направление». И когда В. П. Вахтеров (это уж была его всегдашняя слабость — вклеить публицистическое местечко!), упоминая о людях, «на силе которых держится вся жизнь и жизнь паразитических классов в том числе», высказывает мысль о несправедливости распределения духовных богатств, то рецензент пишет с негодованием: «Правда, в наше время часто говорят о том, чтобы передать трудящимся землю, орудия производства и политическую власть, но, кажется, никто не заходил так далеко, как Вахтеров, рекомендуя даже мысль передать трудящимся» («Народное образование», 1907, сентябрь).

гда брали верх сословные тенденции на тему о том, что всякому, мол, сословию своя порция образования.

Против этой тенденции и была направлена брошюра Вахтерова, утверждавшая положение, что «начальная школа — это общеобразовательное учебное заведение, которое не имеет другой цели, кроме целесообразного, полного, гармонического развития всех способностей, тающихся в зародыше в душе ребенка. Станет он взрослым, выберет себе известную профессию, и сама жизнь, сама эта профессия будут усиленно культивировать те из способностей, какие нужны для той или другой специальности». А до тех пор «школа не должна изображать из себя крепость, осаждаемую со всех сторон, причем осаждающие хотят сделать из ребят то пахарей, то пчеловодов, то огородников, то столяров. Для всего этого, если надо, будет время, а общее образование, в противоположность профессиональному, должно быть одинаковым для всех»¹.

В этой же книжке помещена статья «Спор между светской и конфессиональной школой» и ставится вопрос об обучении религии в школе: вопрос решается в том смысле, что преподавание вероучения не должно быть обязательным и «всего правильнее рассматривать обучение религии, как семейное дело, и преподавать его всецело только в семье и церкви»².

Так же в этот момент вопрос этот ставился и в Учительском союзе и так же решался он на съезде Крестьянского союза («Преподавание закона божия должно быть обязательным» — резолюция 1-го съезда Крестьянского союза в августе 1906 г. в Москве), но резолюции этих съездов в сущности не проникали в общую прессу, и потому книжка Вахтерова на эту тему, вышедшая в 1907 г., уже году реакционном, при широкой популярности автора, была злобно облаяна церковниками, и какой-то учитель церковноприходской школы (были такие, которые питали к Вахтерову «утаенную любовь») предупредил его, что за эту статью на него готовится донос. Возможно, что такой донос и был, но доносы в жизни Вахтерова были таким «бытовым явлением», что сведение об этом можно было спокойно игнорировать. Об об-

¹ Вахтеров В. П., Спорные вопросы образования, М., 1907, изд. Сытина, стр. 36.

² Там же, стр. 39.

ших вопросах народного образования в годы 1906—1910 В. П. Вахтеров помещал немало статей в газетах и журналах и, в частности, в редактировавшемся им органе Московского отдела Лиги образования — в журнале «Просвещение», и везде проводил он те мысли, из-за которых, как я уже упоминала в предшествующих главах, в недрах московской охранки и департамента полиции пухли папки с делами о «криминальных идеях» Вахтерова. Криминального в этих идеях ничего не было, это были мысли всей тогдашней прогрессивной педагогики, но, конечно, В. П. Вахтеров определенно, четко и со свойственным ему увлечением пропагандиста указывал на то, что в деле просвещения надо брать другой курс, идти по новому пути, ибо «только освобожденная от давления администрации наша школа могла бы быть в действительности общественной школой»¹. А заарестованный полицией циркуляр Московского отдела Лиги образования, председателем которого в это время был Василий Порфирьевич, рисовал картину этого гнета и звал к обновлению школы путем сплочения вокруг дела просвещения всех живых сил общества. В частности, «Записка Московского отдела Лиги», детализировавшая ближайшие реформы народного образования, объединяла эти силы, как ту же цель преследовала и Петербургская Лига. Но печатая эти свои статьи, выступая с докладами и рефератами и рассылая свои «циркуляры», В. П. Вахтеров не упускал из виду и чисто методических вопросов школы, внимательно в них вдумываясь. Работая над этими вопросами, он, естественно, во главу угла ставил ребенка. Ребенка В. П. Вахтеров изучал всю жизнь: дошкольный возраст он наблюдал сначала в лице своих двух племянников, а затем и уже более систематически, в лице своих собственных ребят. Он записывал их говор, наблюдал развитие их речи, образование первых понятий, суждений.

Недавно как-то один научный работник, изучающий детский язык, говорил, что в бедной русской литературе о детском языке и эти беглые то тут, то там разбросанные наблюдения Вахтерова имеют большую ценность. Книги В. П. Вахтерова пересыпаны этими наблюдениями над ребятами: тут помещены их рисунки, там импровиза-

¹ «Просвещение», 1907.

ция сказочки или стихов, здесь что-нибудь из области их вкусов, игр, интересов. «Знакомая мне девочка», «знакомый мне мальчик» так часто встречаются на страницах его книг¹.

Ребят-школьников он наблюдал и в бытность свою учителем, и на инспекторской работе, и в многолюдной фабричной школе в Твери, и в образцовых школах при учительских курсах: он изучал их вкусы, их интересы, их игры, любимые книги... Специальная анкета о детях, ответы на которую он собирал при помощи тверских учителей (1900—1903), дала ему довольно большой и интересный материал. Вопросы этой анкеты были очень разнообразны², наблюдения велись в течение нескольких лет, и выводы по отношению к некоторым детям были не лишены основания. Частично разработка этой анкеты дала возможность В. П. Вахтерову выявить несколько типов детей-школьников.

Другая им составленная и широко разосланная анкета имела в виду осветить некоторые вопросы детской психики на основании воспоминаний взрослых о своем детстве. Ту же цель осветить те или иные другие вопросы детской психики преследовало и широкое использование биографического материала, для чего им была пересмотрена вся небогатая наша биографическая литература.

Признавая особую ценность биографических материалов о «среднем» человеке, Василий Порфирьевич никогда не упускал случая собирать такие материалы и по беллетристике, и по рассказам своих собеседников. Тем не менее тема о детской психологии—любимая тема его докладов и статей. С этой темой он не раз выезжал на свои публичные лекции, а статьи «Детские мечты и идеалы», «Из психологии детского возраста» разбросаны во многих периодических изданиях. «Изучайте ребенка», уважайте его, берегите его свободу и самостоятельность, не насилуйте его воли, устраняйте то, что мешает

¹ Ребята наши ни мало не были обуреваемы честолюбивым желанием «попасть в печать» и категорически запрещали отцу писать о них: нельзя было говорить «мой сын» или «моя дочка» — отсюда и этот термин «знакомая мне девочка».

² О любимых книгах, пьесах, картинах, игрушках, играх: Кем хотел бы быть, когда вырастет? Кого считает счастливым человеком? Чего желает больше всего? и т. д. (Форма анкеты. Архив Вахтерова.)

его свободному развитию,— вот зовы, которые он бросал своим слушателям и читателям. «Индивидуальность ребенка — это святыня, которую надо развивать и оберегать» — вот мысль, которую он не уставал повторять. «Если бы мы знали природу ребенка так же хорошо, как механик знает устройство машины, — пишет он в одном месте, — то мы, может быть, и имели бы право (да и то очень сомнительное) действовать, не ограничивая своей воли волей ребенка. Но раз мы недостаточно знаем детскую природу, мы тем более должны воздерживаться от слишком частого вмешательства в детскую жизнь, должны предоставить детям возможно больше простора, ограничивая свою деятельность лишь теми приемами, которые основаны на бесспорных истинах педагогики...»

Большое значение имели все эти лозунги в те времена, когда действительно надо было очень защищать права ребенка, когда среда не только некультурной семьи, но и школы нередко топтала нежные цветы ребячьих душ; несколько позднее, к эпохе 1905 г., уже шире были распространены новые мысли, и «Век ребенка» Эллен Кей читался и в деревенских школах. А в 90-х гг. иногда еще проникали в печать сведения о том, что детей в школах подвергали телесным наказаниям. А уж об уважении к личности ребенка, конечно, следовало говорить не устанно. Вот что пишет, например, автор одной рецензии, слушатель лекции В. П. Вахтерова: «...глубокое знание детской психологии, высокая туманность и уважение к личности ученика среди нас, слушателей, привыкших видеть в местных школах индифферентное отношение к учащимся, а нередко и издевательство над ними, произвели в высокой степени отрадное впечатление... почаще бы подобные лекции освежали нашу затхлую атмосферу и будили общественное внимание к нашей заброшенной школе»¹. А в учительских адресах и письмах эта тема о том, что В. П. Вахтеров научил бережно относиться к ребенку, очень частая тема: «Вы возбудили в нас стремление внимательно относиться к запросам душевной жизни детей, изучать детскую душу, уважать в детях человеческое достоинство», — пишут ему в своем адресе курские учителя².

¹ Газета «Окраина», Минск, 1907, № 70.

² Письмо курских учителей (Архив Вахтерова).

«Ваши наблюдения над детской душой заставили нас ближе стать к детям, видеть в ребенке такого же человека, как и мы, который имеет свои права, свои понятия, свой духовный мир, который мы должны изучить и осторожно руководить этим внутренним миром»¹, — пишут ему в частном письме слушатели курсов.

О. В. Кайданова вспоминает какое-то собрание в Курске в годовщину рождения писателя Короленко, где В. П. Вахтеров выступил с характеристикой писателя как педагога. «Он коснулся, — пишет она, — всех тех произведений Короленко, в которых действующими лицами являются дети, и обрисовал отношение Короленко к ребенку. В умело и тонко составленном очерке рисовался внутренний мир ребенка и чувствовалась необыкновенная теплота и любовь к ребенку самого Василия Порфирьевича». И она вспоминает те речи, которые говорили учителя после этого доклада Василия Порфирьевича: «Вы заразили нас любовью к детям, которой так проникнут был ваш очерк», — говорили они, — вы ввели нас во внутренний мир ребенка, в детскую душу... Уважать личность ребенка, изучать ребенка — вот чему научили вы нас, и по этому пути мы теперь пойдём»². «Сердце тем не убедится, что не от сердца говорится», — сказал поэт, и, очевидно, потому, что все эти слова о ребенке говорились Василием Порфирьевичем именно «от сердца», они так и зажигали учительство. И действительно, для В. П. Вахтерова этот «детский вопрос» являлся коренным вопросом педагогики. Цитируя в одной из своих лекций слова одного из персонажей Горького о детях, В. П. Вахтеров писал: «Связывая веру в человека с заботой о детях, талантливый беллетрист выразил самую суть педагогики. Действительно, излагать историю педагогики — это значит говорить о том, как люди относятся к человеческому достоинству, к человеческой природе вообще и к природе ребенка в частности»³.

В одном из рукописных отрывков к подготавливаемой статье Василий Порфирьевич записал: «Если целью жизни служит развитие, то на земле нет ничего дороже

¹ Письмо учителей (Архив Вахтерова).

² Воспоминания О. В. Кайдановой. Рукопись (Архив Вахтерова).

³ «Просвещение». 1907, № 2.

ребенка, потому что в нем одном воплощается для нас это развитие. Он один служит для нас залогом лучшей будущности человеческой расы. Отсюда следует, что права ребенка должны господствовать над всеми остальными правами. По отношению к нему должны играть лишь подчиненную роль и права государства, и права родителей, и права школы. Ребенок — вот цель, а государство, семья, школа — только средства. И все средства должны быть направлены на то, чтобы воспитанники превзошли своих воспитателей, были умнее, энергичнее, совершеннее и в умственном, и в нравственном, и в физическом отношении, на то, чтобы каждому ребенку было обеспечено полное и гармоническое развитие всех его дарований...»¹. Итак, «ребенок сам себе цель», и В. П. Вахтеров вдумчиво, неустанно и углубленно работал над собиранием материалов о ребенке, черпая их везде и всегда, когда к этому была возможность. В частности, эти материалы о детях он использовал в самом крупном своем произведении, в книге «Основы новой педагогики», вышедшей в 1913 г. первым и в 1916 г. вторым изданием.

Над этой книгой он много работал, и она, в задуманном им виде, должна была явиться синтезом его основных педагогических идей, его, своего рода, педагогическим «кредо», в которое он вкладывал и свою веру в силу воспитания, и свои мечты о безграничном прогрессе человечества. Вышедший первый том должен был иметь продолжение, но для последующих томов были не только намечены темы и собирались материалы: в числе этих тем были: об индивидуализации воспитания, об интересе в деле обучения, об эвристическом методе преподавания, о детских играх. Одна из тем, которая должна была составить особый том, носила название «Идеалы воспитания» и осталась в рукописи в незаконченном виде. В предисловии к первому и единственному вышедшему тому «Основы новой педагогики» В. П. Вахтеров, между прочим, пишет о том, как он постепенно от вопросов просвещения, которые стояли на очереди и требовали своего практического разрешения, переходил к основным вопросам педагогики: «Мне всегда представлялось существенно важным, — говорит он, — все отдельные вопросы и части пе-

¹ Рукописный отрывок (Архив Вахтерова).

педагогике связать в одно целое». К сожалению, выполнить этого ему все же не удалось.

Вот как сам Василий Порфирьевич резюмирует основные положения своей книги: «В этой книге, — пишет он, — я исхожу из мысли, что в современной педагогике, несмотря на многие ее достоинства, не хватает единства, в ней отсутствует руководящая, общая точка зрения, в ней все бессистемно, бессвязно, противоречиво. Между тем история педагогики полна примерами, что цельное, стильное, согласованное во всех частях воспитание достигало поразительных результатов, даже тогда, когда ему ставили узкие и даже противоестественные цели (например, иезуитское воспитание). И в своей книге я хочу доказать, что все отдельные элементы педагогики удобнее всего объединить идеей развития, понимая это в самом широком значении этого слова, и как развитие индивидуума, и как исторический процесс, причем главное значение для педагога имеет развитие личности воспитанника. Но современная теория развития создана главным образом биологами, которые изучают процесс развития как внешний объект для наблюдений и опытов, независимо от внутренних душевных переживаний. Педагог же имеет дело с развитием умственным и нравственным, где необходимо пользоваться еще и психологическими наблюдениями, и самонаблюдением. Для педагога важно не только то, как идет развитие ребенка с точки зрения постороннего наблюдателя, но важно и то, что именно соответствует этому процессу в душе ребенка, какими чувствами, усилиями воли проявляется, а может быть, и вызывается процесс развития внутри самого ребенка. И я ищу в субъективной внутренней жизни ребенка то, что именно соответствует процессу развития, и указываю на стремление к развитию самого ребенка. То, что со стороны биолога есть объективно наблюдаемый факт роста развития, то с субъективной точки зрения есть стремление к развитию самого ребенка, как думающей, чувствующей и хотящей личности. Прежде психология и педагогика строились на чувстве самосохранения, но на этом чувстве можно построить педагогику консервативную, прогрессивную же педагогику следует строить на чувстве развития. С этой точки зрения интерес, которым пользуются лучшие учителя при обучении ребенка, — это прямое выражение того же стремления к развитию.

Чувство удовольствия и отвращения — это показатели, отвечает ли данное переживание стремлению ребенка к развитию. Господствующие стремления — это те этапы, через которые проходит на протяжении человеческой жизни стремление к развитию. Сама борьба за существование — это борьба за развитие»¹.

Исходя из этих общих положений, большой и разнообразный материал этой книги разнесен автором по шести главам: 1) о теории развития, 2) стремление к развитию, 3) в поисках признания, 4) роль бессознательного в стремлении к развитию, 5) упражнение как средство развития, 6) из наблюдений над развитием детей.

Развитие мышечной ткани, развитие психических способностей, развитие речи. Игры. Любовь к чтению. Влияние возраста на интересы детей. Таково содержание вышедшего в 1913 г. первого тома книги. Отзывы о ней были благоприятные. Педагог Н. Е. Румянцев указал, что книга «представляет громадный интерес для учителей и воспитателей не только как работа чуткого педагога-практика, который говорит о пережитом и передуманном за свою разностороннюю педагогическую деятельность, но еще более как чрезвычайно плодотворная попытка рассмотреть все вопросы воспитания в свете современного биологического учения о развитии, которое автор стремится положить в основу всего воспитания». Он же подчеркнул, что хотя идея развития как основа воспитания не нова (в американской и английской литературе), однако широкая и, надо сказать, талантливая популяризация этих идей чрезвычайно желательна, так как они еще далеко не сделались достоянием учительских масс»².

В другой рецензии, в противоположность утверждению Румянцева, что идея развития, положенная автором в основу его книги, не нова, напротив, указывается, что «книга Вахтерова принадлежит к числу тех редких произведений, которые прокладывают новые пути в определенной области знаний»³.

Категоричность как первого, так и второго утверждения заставляет ставить вопрос: которое же из них ближе к истине. Быть может, все же придется сказать, что хотя идея развития применительно к вопросам воспитания и

¹ Отрывок-заметка в рукописи (Архив Вахтерова).

² «Утро России», 1913, 288.

³ «Народный учитель», 1914, № 12.

встречалась в сочинениях иностранных педагогов (Балдуин, Чемберлен, Кирпатрик, Оппенгейм), но и у них не было книги, сводящей к этой идее все вопросы воспитания как к единому знаменателю, а в русской педагогике такой попытки, наверно, не было. Впрочем, для В. П. Вахтерова вопросы «первенства» решительно никакой роли не играли, и в заглавии его книги «Основы новой педагогики», конечно, не было претензий сказать, что он открывает какую-то «новую педагогику», — он хотел доказать значительность того принципа, на котором, по его мысли, должна была строиться новая, будущая рациональная педагогика.

Этот всеобъемлющий принцип, этот синтез и есть идея эволюции, идея развития, и прав автор рецензии, когда он говорит, что для Вахтерова эволюционная теория в данном случае «не просто интеллектуальное построение, а живая вера, сопровождающаяся эмоцией»¹, — вера в силу воспитания, горячо окрашенная эмоцией, действительно жила в душе Василия Порфирьевича.

«Если бы я был художником слова, — говорил он не раз, — я написал бы утопию вроде Т. Мора, Беллами, Мориса, Анатоля Франса, но в основу всего я положил бы могущество рациональной педагогики». — «Нужно, чтобы следующее за нами поколение было здоровее, умнее, могущественнее, прекраснее и счастливее нас», — мечтает он. И это тем возможнее, что ведь нет конца великому шествию прогресса: «Природу, и природу человеческую в частности, — набрасывает он свои «мечтания» в другом рукописном отрывке, — нельзя считать чем-то законченным и совершенным, природа еще строится, она еще делается и создается и потому представляется в недоделанном виде. Одни из ее частей пришли в ветхость и находятся в периоде разрушения (например, зачатки хвоста, червеобразный отросток и т. д.), другие еще целы и невредимы, но уже не отвечают современным условиям жизни (например, инстинкт страха), третьи, безусловно, полезны для данного момента и для будущего и находятся в периоде усиленного роста (например, ум, любознательность и вообще интеллектуальные ценности). Природу человека можно сравнить с вольным городом, который быстро растет. В таком горо-

¹ «Народный учитель», 1914, № 12.

де найдутся и ветхие негодные дома, обреченные на слом или разрушение, и дома, еще прочные, но старинной архитектуры, не приспособленные к современным условиям, и дома, строящиеся по последнему слову современного зодчества. Но если природа похожа на строящийся вольный город, то люди — его вольные каменщики, потому что человек в известной степени сам является творцом своей природы». Отсюда его мечты о будущей расе гениев... «Мы должны работать над созданием такого общественного строя, который сделал бы возможным в будущем нарождение не отдельных гениев, а целой гениальной расы. Мы должны сделать всю черновую работу в педагогике, в искусстве, в технике, в психологии, в социологии, для того чтобы, опираясь на нашу работу, раса будущего могла сделать гигантские шаги в никем неизведанные еще области знания и искусства, в такие сферы, о которых мы не смеем и мечтать в самых фантастических наших утопиях», — и далее, как увенчание здания, — объединение всех рас в едином коллективе — человечестве.

Конечно же, все это «не интеллектуальное построение», а горячая, пламенная, почти фанатическая вера в прогресс, в лучшее будущее, своего рода романтика, которая зажигает, зовет и увлекает читателя. И «читатель», тот, для которого писал В. П. Вахтеров, именно так и воспринимал его книгу: «Прочел вашу книгу «Основы новой педагогики», — пишет учитель Л. (подпись неразборчива), — и спешу высказать вам глубокую признательность за те радостные минуты, которые я пережил при чтении ее. Она дает не только новые педагогические знания, она будит в читателе глубокие чувства любви к человечеству и веру в его светлое будущее. А ведь в настоящее время такие книги являются большой и большой редкостью: возьмите современную нашу беллетристику, публицистику, что вы встретите — бессилие, грусть и глубокую тоску, разбитые и загрязненные идеалы, короче говоря, самый отчаянный пессимизм, прямое или косвенное отрицание жизни... и вот ваша книга является как будто из другого, неведомого мира, мира грез и мечты...»

Возражая против некоторых положений автора, учитель заканчивает так: «Ваша книга, глубокоуважаемый Василий Порфирьевич, обобщая выводы современной науки и прилагая их к педагогике, является весьма и

весьма ценным руководством не только для учителей, но и вообще для людей, имеющих дело с детьми, «настольным евангелием для педагога», как выразился один коллега. Итак, глубокое спасибо вам от мира всех интересующихся педагогикой»¹.

В таком же духе и некоторые другие учительские отклики на эту книгу. Н. А. Рубакин в письме ко мне уже после смерти В. П. Вахтерова писал: «Я считаю эту книгу такой книгой, которая как-то особенно приспособлена к психическому типу русского народного учителя: масса знаний, масса идей, настроений и всегда порыв куда-то вперед и вверх, всегда подбодрение — «при и дерзай»². И резко отрицательный, можно сказать, уничтожающий отзыв дает о той же книге синодский орган — журнал «Народное образование», как всегда подчеркивая и отсутствие «религиозной предпосылки воспитания», и «политические тенденции автора». Впрочем, в числе замечаний, несмотря на их явное пристрастие, были и верные: на некоторую невыдержанность плана указывали и другие рецензенты, на изобилие цитат обращали внимание и другие читатели, на повторения, на многословие указывал и Румянцев в своем отзыве. Со всем этим нельзя было не согласиться, хотя всему этому можно было найти и оправдание, как это и делает в своей рецензии С. А. Золотарев, который, констатируя, что, с ущербом для плана, автор нередко от научной полемики переходит в публицистику, прибавляет: «Согласимся, что это недостаток, но, увы, это для нас пока неизбежное: ведь нельзя любить педагогику, не любя детей, нельзя любить детей, не любя в них будущего своей страны и нельзя нам любить своей страны «без печали и гнева». Академического спокойствия в книге Вахтерова нет, это наша русская книга, написанная под шум нашей неурядливой жизни». И еще другое объяснение напрашивается у того, кто знал хорошо В. П. Вахтерова и его работу: всегда он торопился поделиться с другими теми мыслями и чувствами, которые владели им, некогда ему было мариновать свои идеи, некогда было отделять свои книги литературно, — иногда даже в процессе печатания делались добавления, и от этого, конечно, стра-

¹ Письмо учителя Л. (Архив Вахтерова).

² Письмо Н. А. Рубакина к Э. О. Вахтеровой (Архив Вахтерова).

дали стройность и цельность. Но ведь столько еще оставалось невысказанных мыслей, незатронутых тем, и обо всем этом надо успеть сказать учителю. Учитель — это же тот «зодчий», в руках которого, так сказать, будущее страны, учитель — это тот, кто призван защищать права ребенка на развитие. «А разве есть что-нибудь важнее этой цели,— говорит себе Василий Порфирьевич, — ведь помочь следующему за нами поколению в его стремлении к развитию составляет столь высокую задачу, что перед нею бледнеют все остальные». И вот, волнуясь и спеша, делится он с учителем дорогами ему мыслями и чувствами.

Была ли у В. П. Вахтерова особая книга об учителе? Нет, такой книги он не написал, хотя и собирался сделать это. Но и не написав такой книги, он сказал об учительстве, за учительство и для учительства очень много, и это сказанное стоит книги. Он не написал отдельной книги об учительстве, но можно сказать, что всю жизнь писал он эту ненаписанную книгу. «Учительство — самая крупная культурная сила страны», «учителя — главные архитекторы здания народного образования», «учитель — художник», «учитель — душа школы», «учитель и его нравственная личность — главное наглядное пособие для учеников» — эти мысли часто бросал Василий Порфирьевич в своих книгах, речах, беседах на курсах, в целом ряде высказываний, вот почему этот вопрос об учительстве я отношу к главе о его литературной деятельности. К учительству, к народному учительству у В. П. Вахтерова было всегда совершенно особое, необычайно любовное отношение. Юношеское представление о миссии народного учителя как об особой форме «хождения в народ» до известной степени осталось у него на всю жизнь и, конечно, стояло в тесной связи с его высокой оценкой роли воспитания и просвещения. Учительство — это была наиболее близкая, понятная и родная ему социальная группа. И когда для него довольно рано окончился период непосредственно учительской работы, он тем не менее на всю жизнь как-то сумел остаться учителем: любил практику учительской работы, носил в себе некоторые специфически учительские черты, от самых широких вопросов образования мог переходить к самым частным вопросам преподавания, каждый из самых маленьких вопро-

сов считал серьезным и важным. Потому, быть может, был он для учителей близким, своим человеком, потому так легко находили они с ним общий язык, потому так доверчиво шли к нему со всеми своими недоумениями, затруднениями и вопросами. Можно сказать, что между учительством и В. П. Вахтеровым существовала какая-то невидимая связь какая-то взаимная тяга, и, когда слушатель одних учительских курсов учитель В. В. Симоновский в своей речи сказал ему: «Мы даем вам самое дорогое для нас имя — друга народного учителя»¹, — этот термин хорошо характеризовал отношение учительства к Василию Порфирьевичу. Иногда говорили, что он ищет популярности среди учителей. Искать ее ему было не нужно, она сама шла к нему, она так естественно вытекала из его для всех видимой работы жизни, из его искренней любви к школе, к ребенку, она прочно покоилась на его мягкой, человеческой личности. Имя Вахтерова действительно было близким не только для тех тысяч учителей, которые по курсам, по Учительскому союзу или по иным связям знали его лично, но и для тех, кто никогда не встречался с ним, не зная его лично, тем не менее и знали и любили его.

Очень хорошо отметил это в своих воспоминаниях учитель Р., сказав, что имя Вахтерова «заставляет радостно биться сердце каждого честного русского учителя»². И Вахтеров, «наш Вахтеров», как иногда называли его на курсах, был действительно другом учителя, таким простым, таким доступным, таким близким. Но в то же время он был и «учителем учителей», и его авторитет был очень велик среди учительства. И это сочетание в нем умения просто, по-человечески подойти к учителю и умения зажечь его своими любимыми идеями, осветить для него по-новому его школьную работу и составляло тайну его обаяния и создавало ему действительно исключительную популярность в учительской среде. «Нет, кажется, таких твердынь, которые мы не взяли бы, вдохновляемые Вами», — писали ему в своем адресе учителя, работавшие с ним на курсах, подчеркивая этими словами тот подъем в работе и ту веру в свое дело, которое они выносили из общения с ним³.

¹ Адрес учителей Хорольского уезда (Архив Вахтерова).

² Воспоминания учителя Р. (Архив Вахтерова).

³ Адрес учителей Хорольского уезда (Архив Вахтерова).

«Дай мне обнять тебя, — говорил ему на курсах старик учитель, — я работал в школе, как ремесленник, ты разбудил во мне гражданина!»¹

«Память о вас мы передадим нашему народу, мы воспитаем в нем горячий протест против всего, что носит характер насилия над человеческой личностью», — пишет ему в письме учитель С.²

Очевидно, умел В. П. Вахтеров не замыкаться в узкие рамки чисто педагогической работы на курсах и, несмотря на соглядатайство начальства, умел задевать в учительстве гражданские струны. А вот молоденькая учительница, обмениваясь после курсов фотографическими карточками с лектором, пишет на своей: «Лучшему, добрейшему из людей», — подчеркивая этой надписью то, что, кроме В. П. Вахтерова, лектора, пропагандиста прогрессивных педагогических идей, организатора учительства, есть еще другой Вахтеров, просто отзывчивый, добрый, мягкий человек, к которому можно прийти со своим личным, который и выслушает, и подбодрит, и поможет. Что же писал Василий Порфирьевич о русском народном учителе?

Еще в самом начале своей литературной работы в одной из своих статей он выдвигает положение, что заброшенный, необеспеченный, бесправный народный учитель несет на своих плечах огромное культурное дело и что «наша школа своими успехами обязана главным образом еще недооцененной деятельности народного учителя и учительницы (в это время как-то много, затмевая скромную работу учителя, писалось о роли земства в школьном деле). И сейчас же вслед за этим указание на то, что для учительства не учреждено еще ни пенсий, ни эмеритуры³. Нет отдельных статей об учителе, но то тут, то там брошены факты, образцы, цифры, вскрывающие ту или иную сторону учительской жизни... Здесь сравнение заработка учителя у нас и за границей, там вычисление, что расходы государства на одну охотничью собаку превышают цифру, во что обходится, при нищенском жалованье учителя, содержание члена его семьи;

¹ Воспоминания О. В. Кайдановой (Архив Вахтерова).

² Письмо учителя Симоновского, взятое при обыске у Вахтерова и пришитое к его делу как доказательство его «зловредного» влияния на учителей.

³ «Журнал Мин-ва нар. просв.», 1891, № 8.

или сравнение жалованья учителя с жалованьем городского, с тем, во что обходится в конюшнях коннозаводства содержание одной лошади... Надо обосновать точными цифровыми данными вопрос о ничтожности учительского жалованья и о его недостаточности как прожиточного минимума, и, по инициативе В. П. Вахтерова, разрабатывается и широко рассылается по учительству анкета от Комиссии об учащих при Московском О-ве грамотности (1909), долженствующая дать самый свежий и жизненный материал. Вообще вопрос об учительском «жалованье» (старое, так жалко звучавшее выражение, к счастью, выпавшее из современного языка), об учительском бюджете затрагивается Василием Порфирьевичем в целом ряде его статей, докладов, обращении к земству, в письмах в редакцию газет и, конечно, больше всего в его выступлениях от Учительского союза, Лиги образования, Педагогического о-ва и, наконец, Государственного комитета. Учитель голоден, учитель не может удовлетворить ни своих материальных, ни своих духовных потребностей — об этом надо неустанно напоминать, об этом надо неустанно твердить. И в то же время он, этот голодный учитель, морально так высок: не надо забывать об этом.

В одной из своих публичных лекций В. П. Вахтеров, между прочим, подчеркивает эту удивительную черту народного учителя: «Мы все, — говорит он, — привыкли к тому, что каждый профессиональный съезд требует для членов своей профессии особых прав и привилегий, забывая, что каждая привилегия ложится лишним бременем на кого-то другого. И только бесправный учитель решительно отказался на этом съезде (имелся в виду учительский съезд 1903—1904 гг.) от всяких привилегий, соединенных с чинами, светлыми пуговицами, льготным проездом. Он отказался и от подачек, и от благотворительности. Правда, он тем настойчивее требовал себе общечеловеческих прав, прав достаточного материального обеспечения, свободы преподавания, участия в общественной деятельности и с такой страстью говорил о положении крестьян, о волостном земстве — о делах, его лично мало касающихся»¹.

¹ Из публичной лекции В. П. Вахтерова. В тексте (было время, когда текст лекций должен был представляться попечителю окру-

И о другом таком же факте бескорыстия учителя говорит В. П. Вахтеров в своей речи на каком-то заседании и пишет в журнале, цитируя постановление делегатского собрания учащихся московских городских училищ от 17 мая 1917 г., когда учителя, «имея в виду крайне затруднительное положение финансов в данный исторический момент, сочли своим гражданским долгом отказаться от немедленного проведения в жизнь изменений, не соответствующих современным условиям, штатов училищ»¹.

Правовое положение учителя, это больное место учительского быта, не раз служило темой выступления В. П. Вахтерова. На съезде учительских обществ взаимопомощи (1903—1904 гг.) он, деятельный участник правовой комиссии, участник выработки ее тезисов, и никто, по словам секретаря этой комиссии М. И. Обухова, не давал столько жизненных, ярких фактов бесправия учителя, как именно Василий Порфирьевич. Он как-то проектировал заказать картинку-плакат: учитель должен был быть изображен согбенным под тяжестью сидящих на его шее «начальников» всех рангов: во времена барона Корфа таких начальников, от предводителя дворянства до кулака-попечителя, насчитывалось, кажется, до 11, их число вряд ли уменьшилось впоследствии. Горячо ратовал В. П. Вахтеров и за право учителя участвовать в близких ему вопросах народного образования, начиная от права иметь голос в вопросах собственной школы — отсюда отрицательное отношение его к институту единоличных попечителей и защита идеи коллегиальных попечительств (об этом у него была особая брошюра) — и кончая требованием права его участия в школьных комиссиях, а в период работы в Государственном комитете при Временном правительстве и в комитетах по народному образованию. Особенно приветствовал он требование Учительского союза в 1917 г. о большом проценте представителей Учительского союза в Комитете по народному образованию, поме-

га) эти слова были вычеркнуты, но В. П. Вахтеров все же сказал их, за что получил предостережение. Относится это к февралю 1903 г. Красная отметка, вычеркивающая эти слова, принадлежит попечителю Исаенкову — характерное доказательство свободы слова и бдительности начальства! (Архив Вахтерова).

¹ «Учитель», 1917, № 1.

стив на эту тему горячую статью «Роль организованного учительства в комитетах по народному образованию» и разойдясь по этому вопросу с большинством Государственного комитета, требовавшего «не выделять учительства как особой единицы».

«Таким образом, учителя, — пишет В. П. Вахтеров в этой статье, — и вообще служащие в земстве и городе по народному образованию лица — библиотекари, разъездные лекторы и проч. — опять останутся на задворках дела народного образования. И вопросы школы могут решаться без учителей, вопросы библиотек без библиотекарей, вопросы лекций без лекторов. Они будут исполнителями чужих решений, в обсуждении которых не принимали никакого участия. Такова будет судьба 3-го элемента, если решение Государственного комитета станет законом. А между тем этот элемент был, есть и, вероятно, будет главным двигателем всего культурного дела страны»¹.

Он знал жизнь, и его требование вытекало именно из этого знания практики дела, знания сил учителя и требований культуры. И потому в ответ противникам, которые утверждали, что учительство и без определенных статей закона будет приглашаться земством, он горячо возражал, что это не одно и то же: «Одно дело — законом огражденное право участия организованного учительства в комитетах по народному образованию, и другое дело — привлечение его к такому участию по желанию органов самоуправления, ибо речь идет не о милости, а о праве»².

Итак, учительству должно быть дано и обеспечено право на решение вопросов народного образования. Но еще более учителю должно быть предоставлено право свободного педагогического творчества. «Свобода учительского творчества» — таково название одной из статей В. П. Вахтерова, посвященных этому вопросу; но и вообще эти мысли о школе как художественной студии, об учителе как художнике, которому как художнику нельзя предписывать норм, рассеяны во многих статьях, речах, беседах В. П. Вахтерова³.

¹ «Учитель», 1917, № 1.

² Там же.

³ «Народный учитель», 1914, № 1.

«Если обучение — искусство, — пишет он, — то это высшее из всех искусств, потому что оно имеет дело не с мрамором, не с полотном и красками, а с живыми людьми. И тогда школа является высшей художественной студией, и учителю как художнику должен быть предоставлен известный простор и свобода творчества. Для художника считается достаточным контроль общества, оценка товарищей по искусству и профессиональная этика: государственное вмешательство имеет место лишь в случаях злоупотребления и нарушения закона. Подобно тому и работа учителя могла бы контролироваться обществом, товарищескими организациями, регулироваться профессиональной учительской этикой. На долю же государства оставалась бы материальная помощь и наблюдение за закономерностью учительской деятельности»¹.

«Что бы сказали мы, — спрашивает он в другом месте, — если бы поэту, художнику, композитору давались начальством темы и детальные указания?» И он вспоминает предложение педагога Стоюнина — приравнять в этом отношении учителей к врачам, которым никакая административная власть не станет предписывать, какие лекарства они должны давать больному, какую диету должны назначать. «Казалось бы, в такое же положение должен быть поставлен и педагог», — говорит В. П. Вахтеров. Признавая, что метод это нечто вроде инструмента, который издает гармонические звуки в руках того, кто сам избрал его и хорошо владеет им, и будет издавать фальшивые звуки в руках того, кому его навязали, В. П. Вахтеров в самой последней своей статье, напечатанной уже после его смерти, горячо защищает это право учителя самому выбирать тот метод, который ему больше по душе, которым он хорошо владеет. Никогда не уставал он повторять, что «без простора для учителя нет творческой деятельности, без нее преподавание становится рутинным, вялым, скучным», и обличал единые обязательные программы. Придавая исключительно важную роль детской активности и самодеятельности, В. П. Вахтеров в процессе педагогической работы ставил для учителя определенные задачи: давать широкий простор этой активности и этой самодеятельности.

¹ «Народный учитель», 1914, № 1.

«Руководящим принципом в деле методов преподавания, — говорит он в одном ненапечатанном отрывке, — мы ставим самостоятельность ученика. Дело учителя — помочь ученику поставить интересную для него задачу и найти необходимые материалы для ее решения, а самый процесс решения учитель должен предоставить ему самому». Это общее положение, с которым он обращается к учителю. Но почему учитель должен верить ему? И по своему обычаю В. П. Вахтеров выдвигает ряд доказательств: «Этому учит нас, — говорит он, — история педагогики, она показывает нам, что успехи образования возможны лишь там, где существует самообразование, и лишь постольку, поскольку предоставлено простора для самостоятельности и саморазвития. Она показывает нам, что там, где подавлена самостоятельность, не может быть истинного образования, а лишь дрессировка и механическое наполнение памяти. Этому учат нас и наблюдения над детьми: они показывают, что все ценное для своего развития ребенок получает сам, он сам учится говорить, наблюдать, сравнивать, обобщать. Этому учит и биология: она показывает, что всякий организм развивается самостоятельно по своим внутренним законам, внешняя же среда дает ему только известные возбуждения и материалы, которые он перерабатывает внутри себя. Об этом говорят и психологи, об этом свидетельствуют и успехи, достигнутые самоучками. Это не значит, конечно, что учителя не нужны. Они нужны, потому что самообразование пойдет гораздо успешнее, если учитель вовремя будет доставлять ученику достаточно хорошо подобранный материал для самостоятельной его переработки. Во всем остальном его роль не должна быть больше той, какую брал на себя Сократ: быть повитухой, помогающей рождению всякой новой мысли в голове ученика»¹. Такая позиция не умаляет роли учителя в жизни ребенка. Об этом значении учителя-воспитателя не раз говорил В. П. Вахтеров в своих книгах и лекциях, называя учителя своего рода «наглядным пособием» поведения для ученика. Он хотел обосновать этот вопрос влияния учителя путем воспоминаний взрослых людей или вообще людей, прошедших школу, и в одной из своих анкет поместил соответствующие во-

¹ Отрывок из беседы на курсах. Рукопись (Архив Вахтерова).

просы¹. Ответов получил он не много, но они подтверждали, что влияние учителя часто кладет печать на всю жизнь человека. «Учитель разбудил меня от умственного сна, — читаем в этих ответах, — он (она) пробудил во мне жажду знаний, он разбудил во мне спавшие до того времени стремления, он расширил мой умственный горизонт, он дал мне почувствовать, что в жизни есть нечто, для чего стоит жить, он действовал на меня ободряюще и помог создать высшие идеалы». А с другой стороны, и отрицательные отзывы: «Он убил во мне веру в себя, он усилил и без того большую мою застенчивость, он заглушил мое стремление к самообразованию, он испортил мой вкус, рекомендуя мне плохие книги, и т. п.²

Читая мемуарную литературу, читая беллетристику, В. П. Вахтеров никогда не забывал отмечать этого интересовавшего его вопроса об учителе (была даже особая папка, к сожалению, мной не разысканная, где был целый ряд выписок на эту тему), и я вспоминаю, что за несколько дней до смерти он прочел мне только что сделанную им из какой-то книги выписку о роли педагога³.

В. П. Вахтеров хорошо знал учителя среднего, учителя массового, и он не идеализировал его. Он знал, что, «уродуя учеников, старый строй уродовал и учителя, лишая его самостоятельности, творчества и авторитета, потому что только безразличный учитель мог быть усердным исполнителем губительных требований самовластной бюрократии, исполнителем без всяких рассуждений и без всякой критики», потому-то так горячо и говорил он о правах учителя, о законности его участия

¹ В числе этих вопросов были такие: «Был ли у вас в детстве любимый учитель или учительница? За что вы его(ее) любили? Какое он оказывал на вас влияние? Как и чем достиг он этого? Не было ли таких учителей, которых вы не любили? За что вы их не любили?» и т. д.

² Многие ответы утеряны, часть их — в Архиве Вахтерова.

³ Выписка довольно интересна: «Один американский ревизор нашел школу, где практиковалась порка, а ученики стличались необыкновенной распушенностью. Ревизор указал директору на соседнюю школу, где царили мягкие, гуманные меры и ученики вели себя образцово. Директор возразил, что там другие ученики, а с такими мерзавцами, как у него, без порки не справиться. Ревизор предложил педагогическому персоналу поменяться школами. И что же. Через год образцовая школа превратилась в сброд безобразников, а распушенная школа стала неузнаваемой».

в органах, ведающих делом народного образования. «Только когда учитель будет чувствовать себя менее беззащитным, он не будет менять приемов своего преподавания с каждой переменной инспектора, директора, члена учительского совета, экзаменующего его учеников, то только тогда будет он служить делу, а не лицам», а в учительстве, как массе, это, конечно, бывало, и объяснялось всем строем народного образования, зажатого в бюрократических тисках. В. П. Вахтеров хорошо знает и другого учителя, выдающегося из массы, того, кого эта масса посылает на свои съезды, выбирает своими делегатами. Это те учителя — пусть их сравнительно еще мало, — которые за свой риск и страх борются с рутинной, ищут новых путей, рискуют своим местом и думают не об экзаменах, а о развитии детей. Об этих учителях говорит В. П. Вахтеров, когда пишет, что «все хорошее в наших школах по части приемов, методов и достижений — это то, что с риском для себя и вопреки официальным требованиям делает учитель». Он часто говорит и о тех учителях, которые уже с полным забвением себя отдаются революционной работе в деревне, и он высчитывает, что по отношению к профессиональной своей массе ни одна профессия не принесла освободительному движению столько жертв, сколько их принесло народное учительство. И это была его мысль составить сборник биографий учителей-революционеров, пострадавших за свои убеждения.

На учительских курсах он всегда старается сказать учителю, что его наблюдения, его многолетний опыт, его коллективный учительский разум — это нечто очень нужное, очень ценное, что может быть использовано и наукой. Это поднимало учителя в его собственных глазах, увеличивало его силы и веру в себя. Хорошо сказал об этом земский инспектор А. Н. Пономарев¹: «Наши учителя, шедшие до сих пор вразброд или же объединенные только на почве циркуляров и инструкций, — говорил он в своей речи после курсов, обращенной к В. П. Вахтерову, — от вас впервые услышали могучее слово, призывающее их к дружному и совместному слу-

¹ «Земский» инспектор — это особый тип инспекторов, избиравшихся земством, непохожих на инспекторов-чиновников. Одним из лучших представителей таких инспекторов был и А. Н. Пономарев.

жению делу народного образования; иные из наших учителей, быть может, только теперь услышали, что их опытом, знаниями, наблюдениями над школьной жизнью интересуются люди науки, работающие в кабинетной тиши; что добытые ими факты из школьной жизни влияют на направление в ту или иную сторону педагогических теорий». И в подтверждение действительной ценности этого коллективного учительского опыта В. П. Вахтеров в своих статьях о школе, о детской психологии любил ссылаться на него. Любил он вызывать учителей на коллективные заявления, как бы внедряя в них мысль о том, что в вопросах школы, в вопросах методических у учителя должен быть свой голос, и к этому голосу должны прислушиваться, с ним нельзя не считаться. Отсюда пропаганда и другого любимого его лозунга, для которого он и практически работал всю жизнь (в Комитете грамотности, в Учительском союзе, в Лиге образования, в Педагогическом о-ве) и который любил бросать в речах, беседах, выступлениях. Лозунг этот — «в единении сила» — призывал учительство к объединению, внушая веру, что это объединение явится огромной силой, с которой нельзя будет не считаться и которая завоеует себе все права. Но чтобы быть силою, надо еще одно условие: учителю надо быть хорошо умственно вооруженным; отсюда неустанная критика тех методов, которыми готовят учителя к своей работе, критика куцых программ учительских семинарий и защита прав учителя на широкое образование, не профессиональное только, не узко цеховое, которое, по его словам, «уводит от жизни», а широкое, как общее, так и специальное. Учитель должен сознательно идти по избранному им пути, постоянно пополняя и освежая свой умственный багаж при помощи курсов, съездов, экскурсий, как русских, так и заграничных, путем постоянного чтения и при широкой доступности для него и общей и специальной литературы. С самых первых шагов своей литературной деятельности В. П. Вахтеров ратует за широкую постановку учительских курсов, за привлечение на них лучших научных сил, за расширение их программ. Он хотел, чтобы курсы устраивались при университетах и других высших учебных заведениях, где есть библиотеки, музеи, лаборатории, где есть высококвалифицированные кадры преподавателей в лице про-

фессоров и других специалистов. «Много ли надо знать человеку, чтобы научить ребенка читать?» — с иронией спрашивали реакционеры всех рангов, из чиновников Министерства народного просвещения по преимуществу, и В. П. Вахтеров определенно отвечал им: «Столько же, сколько надо знать всякому, кто хочет считать себя образованным человеком». И он бросал им в лицо свою фразу о том, что «только глупцы могут бояться образованного учителя», фразу, которую все шпионы Учительского съезда сейчас же и отметили в своих записях для доклада начальству. В тяжелых условиях учительского существования, в глухих некультурных углах, без библиотек, без книг, но зато с циркулярами начальства, ограничивающего учителя даже в выборе журналов и газет, которые он хотел бы выписать, так легко было дать заглотнуть в себе всяким порывам к свету, и вот учителя благодарят В. П. Вахтерова за его поддержку, «за то стремление к самообразованию, которое вы в нас поддержали и укрепили», — говорят они ему в своем адресе¹. Учитель должен сознательно пролагать свой педагогический путь, дело учителя требует широты взгляда, научной подготовки, отсюда в методических книгах это стремление обосновать каждое педагогическое положение, подвести научный фундамент под каждый педагогический прием: пусть то, что делает учитель, он делает сознательно. И Василий Порфирьевич был прав в этом своем приеме: учителя ценили это, они с радостью шли за ним в его научных указаниях, учились по его книгам не только своему делу, но и учились искать ответы в науке. В одном, к сожалению, пропавшем письме учитель сообщал В. П. Вахтерову, что одна страничка из его «Основ новой педагогики» дала ему «на всю жизнь веру в прогресс». Мы разыскали эту страничку, и это было указание на то, что как в эволюционной жизни нашей планеты безмерно мал тот отрезок времени, когда человек начал мыслить и прогрессировать; какой-то ученый перевел это в цифры, и вот по сравнению с миллионами лет, прожитых Землей, эти «минуты» сознательной жизни человека взволновали учителя и зажгли в нем такую веру в прогресс, что он, этот затерянный в медвежьем углу человек, встрепенул-

¹ Адрес курских учителей (Архив Вахтерова).

ся, загорелся любознательностью, просил прислать ему книг, программ для чтения. Стоит отметить эту особенность педагогических работ В. П. Вахтерова. Как автор он внимательно, чутко относится к своему читателю-учителю, чью психологию он хорошо знает. Он не просто пишет свои педагогические статьи, он пишет их для определенной аудитории, для массового русского народного учительства, с его бедностью впечатлений, с его удаленностью от книг, от научных знаний, от живого слова. И потому его методические статьи и книги, иногда очень в ущерб их цельности, архитектуре, плану, полны и лирических отступлений, и политических выпадов, и беллетристических отрывков, а то и целых научных трактатов. Пусть иногда он, не специалист, а только дилетант в науке, допускал кое-какие ошибки, важно было то, что он будил интерес к вопросу, вызывал желание вчитаться в него. И учительство действительно ценило его статьи и за их жгучую современность, за публицистические выпады на мракобесов и хищников всех рангов, и за научные страницы, и за литературные выдержки из любимых писателей. И рубакинское утверждение, что своими книгами и статьями Вахтеров всегда звал учителя «вперед и вверх», совершенно справедливо. И еще больше, чем в чисто педагогических книгах, этот «зов» к учительству заключался в той «ненаписанной» книге, о которой я говорю, т. е. в тех по разным местам рассеянных мыслях, в лекциях, речах и беседах. Еще в 80-х гг. на страницах провинциальной газеты, рассказывая о том движении, какое было поднято во Франции в пользу всеобщего и обязательного образования, он подчеркивает, что движение это выросло из зерна, брошенного рукой народного учителя Жана Маса. И если в другом месте он рассказывал, как этот самый Жан Маса, затем сенатор Франции, любил подписываться «бывший народный учитель», в этом опять был кусочек ненаписанной педагогики для учителя. Значение народного учителя В. П. Вахтерова, конечно, защищал всеми силами, но он хотел бы дать ему иную, немилитаристическую миссию: «Если учитель мог победить, — говорил он, — то он же может склонить весы истории к миру. И мы полагаем, что работа учителя, направленная к победе, была работой отрицательной, а работа его в направлении ко всеобщему миру будет работой положи-

тельной»¹. Мысль была брошена, и дело учителя было задуматься над ней. Естественным будет вопрос, доходили ли до читателя этой «ненаписанной» книги об учителе все эти мысли о нем, все эти зовы к нему. Если рассматривать учительские отклики на эту вахтеровскую учительскую педагогику как «рецензии», то можно будет сказать, что доходили.

Вот что пишут ему в своем адресе слушатели его курсов. «Тот сравнительно короткий промежуток времени, который мы провели с вами в живых беседах по вопросам воспитания и образования, соединил нас с вами так тесно, так сердечно, как не соединяют людей иногда целые годы совместной жизни. Заброшенные по разным уголкам, одиноко мыслящие, одиноко чувствующие, в уединении создающие свои идеалы и в уединении их теряющие, мы с чувством глубокой благодарности будем вспоминать наши беседы, наполненные глубокой верой в плодотворность нашей работы на поприще образования.

Эту веру мы возродили и в душе многих из нас, ее потерявших или склонных к тому, чтобы утратить ее. И эта вызванная, возрожденная, укрепленная вами в нас вера дороже для нас даже, чем все те бесспорно ценные и полезные знания, какие мы получили на курсах...»².

Если можно возразить на это, что адреса вообще пишутся в приподнятом настроении, что они не всегда искренни или что после наступает реакция, то можно привести отрывок из письма, присланного В. П. Вахтерову до курсов: «Многие из нас, — говорится в этом письме, — приехали на курсы лишь потому, что в списке руководителей увидели Ваше дорогое имя»³. Люди приехали вторично, лишь бы еще раз иметь общение с Вахтеровым. Но, быть может, это вторичное слушание, наконец, и разочаровало их.

Однако вот еще адрес от этой группы, так сказать, «второгодников»: «...все мы стремились на курсы, все желали еще раз увидеть Вас, услышать Ваш голос, зовущий нас к свету, к правде и к нравственным идеалам. И не обманули нас наши надежды: опять увлекли вы нас

¹ Из речи. Рукопись (Архив Вахтерова).

² Адрес (Архив Вахтерова).

³ Там же.

за собой, опять давали усталым душам силу и веру в наше общее дело, опять были другом и братом»¹.

Когда В. П. Вахтеров защищал права учителя на широкое образование, он имел в виду, конечно, как самого учителя, так и дело школы, интересы детей. Но широкое образование нужно было учителю еще и потому, что, по условиям времени, он являлся почти единственным культурным человеком деревни, и только через него, говорил В. П. Вахтеров, «могут проникать в темную среду отголоски тех сфер, где исследуют, мыслят, делают изобретения, открывают новые горизонты». В. П. Вахтеров не навязывал учительству этой миссии «быть культурной силой деревни», была в педагогической литературе одно время тенденция рассматривать это, во-первых, как ущерб для интересов школы и, во-вторых, как недостаточно бережное отношение к силам учителя. В. П. Вахтеров слишком хорошо знал народного учителя, чтобы не быть уверенным в его собственном желании стать для деревни такой культурной силой, ибо кто же, если не учитель, был связан с народом и с его интересами самыми тесными связями. Недаром народный учитель С. И. Акрамовский в письме к В. П. Вахтерову из своей ссылки пишет про съезд, на котором ему не удастся участвовать: «Уверен, — пишет он, — что, говоря о себе, народный учитель будет говорить о русском народе, с которым он живет. Так было в 1903 г., так будет и теперь»². И этот призыв народного учителя к просвещению взрослой массы деревенского населения связывает высказывания В. П. Вахтерова об учительстве с другой его любимой темой о неисчерпаемой талантливости русского народа. Мысль эта повторялась им, можно сказать, на все лады. Говорит он речь учителям перед курсами — и вот образ глухого и слепого ребенка, который благодаря воспитанию смог зажечь умственной жизнью: «Народ наш тоже глух и слеп, но начинает прозревать, а когда прозреет, то выдвинет из своей среды таких деятелей, каких по гениальности еще не знала наша история: он внесет в общественную жизнь новые, более справедливые формы, он выдвинет ученых, которые

¹ Адрес (Архив Вахтерова).

² Письмо С. И. Акрамовского (Архив Вахтерова).

обогащают науку новыми открытиями»¹. Пишет он о всеобщем обучении как необходимой предпосылке широкого народного образования, и опять та же мысль: «Что сказали бы мы,—спрашивает он в одной статье,—об ювелире, который выбрасывает все драгоценные камни и оставляет у себя и шлифует только одни фальшивые стекла. Мы назвали бы это безумным разорением. А между тем именно такое хозяйство издавна ведется в нашей школе и жизни. Сколько бездарностей, сколько Молчалиных проходит через наши высшие школы и сколько талантливых, а может быть, и гениальных людей остаются совсем безграмотными». И начиная с 80-х гг., когда он впервые выступал с вопросом о всеобщем обучении, и до последних дней жизни — неустанное требование: вопросы народного образования поставить на самое первое место, впереди нужд экономики, ибо «естественные богатства страны, не использованные теперь, будут сохранены и будут использованы в будущем, а неиспользованный человеческий гений и талант исчезнут безвозвратно». Наиболее горячую защиту прав народа на широкий простор для развития гложущих в нем способностей и таящихся в нем талантов находим мы в статье В. П. Вахтерова под заголовком «Дорогу таланту», написанной в 1915 г. «Я не знаю, — пишет он в этой статье, — можно ли у нас насчитывать десятков-другой людей, беззаветно, не за страх, а за совесть преданных науке о природе и с успехом открывающих ее тайны. Слишком невелик у нас тот слой, откуда мы берем всех этих людей. Но откройте сюда доступ всему народу, и у нас будут тысячи талантливых и сотни гениальных людей, исследователей природы. Они найдут средства удешевить плодородие почвы, оросить бесплодные пустыни, осушить болота, в десятки, сотни раз увеличить производства, оздоровить и украсить страну, покрыть ее изящными, гигиеническими жилищами, облегчить труд, передать машинам все вредные механические работы. Все мы знаем, что у нас вдесятеро хуже обстоит дело в других областях, в общественной, государственной, но и здесь приток талантов из народа открывает перед нами самые блестящие перспективы. И отсюда вывод: «Преимущество школы вместе со всеобщим обучением

¹ «Просвещение», 1907, июнь.

являются самыми главными вопросами в области народного просвещения. И это не только вопрос педагогический, но вопрос экономического и культурного благосостояния страны¹. Итак, «дорогу талантам!» В тесной связи с этим вопросом о талантливых людях народа стояла всегда интересовавшая В. П. Вахтерова и часто в его книгах и статьях затрагивавшаяся проблема призвания, та проблема, без бережного отношения к которой человек рискует утратить самое ценное в жизни — любимый и соответствующий его силам и способностям труд. Горячие страницы посвятил В. П. Вахтеров теме о призвании в своей книге «Основы новой педагогики». Глава «В поисках призвания» начинается с утверждения, что «найти в жизни соответствующее своим способностям место — это значит определить свою жизненную задачу. И, быть может, нет в жизни более важного момента, как тот, когда человек намечает цель жизни, соответствующую его способностям и склонностям». Найти свое призвание, — говорит он дальше, — это значит найти свое настоящее место в мире, найти свой любимый труд, обеспечить себе наиболее успешную и плодотворную работу, найти русло, являющееся наиболее удобным и естественным для проявления нашей творческой энергии». И он цитирует своего любимого героя Брандта из трагедии Ибсена: «Есть одна вещь, которую ты не имеешь права никому дарить: это твое призвание, собственное внутреннее «я». Ты не имеешь права связывать, сковывать, останавливать потока своего призвания. Будь чем хочешь, но будь дельным, неполовинчатым, нераздробленным»². Значимость и роль призвания в жизни выдающихся людей В. П. Вахтеров иллюстрирует данными из их биографии. Для этой цели им было разработано до 200 биографий (едва ли не вся наша небогатая биографическая литература тех годов, по преимуществу жизнь знаменитых людей, изд. Павленкова) — писателей, художников, ученых, композиторов. В числе вопросов были такие: Чем увлекался раньше, нежели нашел свое призвание? Содействовала или мешала будущей профессии школа, семья, книги, товарищи? В каком возрасте определилась склонность к будущей профессии? и т. д. «При-

¹ «Русское слово», 1915, № 50.

² Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, изд. 2, М., 1916, стр. 161, 163.

звание есть Архимедова точка опоры, ось, вокруг которой движется их жизнь», — говорит В. П. Вахтеров по отношению к роли призвания в жизни выдающихся людей: здесь эта роль рисуется выпукло. Но и в жизни средних людей, у самого заурядного человека, хотя бы в слабой степени, мы видим то же самое — «средний человек хочет найти наиболее подходящее для его способностей и склонностей место в жизни». А так как жизнь создается работой именно этой массы среднего человечества, то и вопрос о призвании, о господствующих стремлениях этого среднего человека играет особо важную роль. И в анкете, которую В. П. Вахтеров широко распространял среди учителей слушателей своих курсов и лекций, и среди знакомых, имелось в виду собрать материал для освещения этого вопроса. «Какие способности преобладали у вас в детстве? В каком возрасте проявилась каждая из них? Были ли эти способности развиты или заглохли? Соответствует ли ваша настоящая профессия преобладающей вашей склонности или она выбрана случайно?» — таковы были иные из этих вопросов. К сожалению, анкету постигла участь всех анкет — лишь небольшая часть была возвращена заполненной, но и эти материалы все же имели ценность. Разработка полученных данных приводила к печальному выводу: не более 20% отвечающих могли констатировать, что их профессия соответствует их склонностям. «Нечего и говорить о том, — пишет В. П. Вахтеров, — какое это несчастье для человека — делать всю жизнь нелюбимую работу и не иметь возможности посвятить себя любимой профессии, к которой влекут и преобладающие способности, и господствующие стремления, и идеалы. Совершенно ясно также, как много теряет от такого порядка страна. И не оттого ли так нелепо подчас ведутся у нас промышленные, государственные и иные дела, что часто пирожник известной басни вынужден тачать сапоги, сапожник печь пироги, а государственные сановники готовы «идти хоть в акушеры», если выйдет на то приказание»¹. «Как обстоит дело с господствующими стремлениями в детском возрасте?» — задает себе вопрос В. П. Вахтеров и составляет другую анкету из 44 вопросов, ответы на которые исподволь, то в письменном виде от детей, то в за-

¹ Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 183.

писях учительниц, получались от 400 учеников многолюдной школы»¹. Цель вопросов заключалась в том, чтобы определить, какие наклонности и способности в детском возрасте имеют тенденцию сочетаться одна с другой и существуют одновременно, помогая друг другу, какие, в большинстве случаев, исключают друг друга и какие, наконец, безразлично уживаются рядом с другими. Анализируя ответы детей и сопоставляя ответы одного и того же ученика на разные вопросы, можно было нередко определить ту или иную способность, основную черту, господствующую склонность, которая выражалась иногда помимо сознания самого ребенка. Иногда удавалось определить, насколько прочно данное увлечение, представляет ли оно преходящее явление или же оно более устойчиво. И в результате таких исследований В. П. Вахтеров нашел возможным определить несколько довольно резко выраженных детских типов: охотничий, воинственный, научно-любопытный, нравственно-общественный, религиозный, литературный и, конечно, смешанный. Наблюдая за той эволюцией, какую претерпевают в ребенке его склонности в результате как данных самой его природы, так и условий среды, В. П. Вахтеров говорит: «Словно в ребенке заключено в потенциальной форме несколько совершенно различных «я», которые будут выходить на сцену одно за другим в известном порядке, будут теснить и ограничивать друг друга, а иногда и совсем уничтожать ... Словно природа хочет, чтобы ребенок перепробовал все свои силы, все свои возможности раньше, чем он найдет свое истинное призвание»². И отсюда, конечно, вывод о бережном, внимательном отношении к ребенку и завет учителю быть его охранителем в его стремлении к развитию. И оканчивается глава бодрыми, зовущими словами: «Переноса пружины, двигающие нашим развитием внутрь нас самих,— пишет В. П. Вахтеров,— такое учение (учение о развитии) приводит к самостоятельности, к активности, к личным усилиям в направлении про-

¹ В числе вопросов были: для выяснения обстановки — где жил до школы, возраст и грамотность родителей, число книг в семье. Для выяснения вкусов: любимые книги, картины, песни, игры и т. д. (Форма анкеты в Архиве Вахтерова.)

² Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 231.

гресса... побуждает нас к энергичному вмешательству в жизнь и к активному сопротивлению и противодействию внешним влияниям, задерживающим прогрессивное развитие... оно говорит: развивай себя сам и содействуй прогрессивному развитию ближних»¹. Материалы по вопросу о призвании не были исчерпаны В. П. Вахтеровым. В этой главе его книги он надеялся еще вернуться к ним, постоянно пополняя их; так, господствующие стремления, призвание, внутренний «зов» человека к развитию заложенных в нем способностей — это тот идеал, к которому надо идти, а печальная действительность — это огромная полубезграмотная страна в тисках режима, умышленно глушащего те таланты и гении, которые — так всегда верил В. П. Вахтеров — во множестве таятся в ее недрах, страна, в которой все еще нет всеобщего обучения для детей школьного возраста, где винных лавок больше, чем библиотек и книжных складов, где ужасающе велик процент безграмотных и где в годы войны вопросы просвещения сознательно отодвигаются правительством на последние места. И в своей книге «Всенародное школьное и внешкольное образование», написанной в 1916 г., В. П. Вахтеров опять выдвигает вопрос о всеобщем обучении, о котором в последние годы он уже не писал, опять защищает и пропагандирует общедоступную, обязательную, бесплатную школу, для всех единую, без различия пола, сословия, национальности, веры. «При идеальной системе образования,— пишет В. П. Вахтеров,— не должно быть ни низшего, ни среднего, ни высшего образования, а должна быть общая для всех общеобразовательная школа, считающаяся лишь с индивидуальными склонностями и особенностями каждого ученика. Если приказный строй запрещал принимать в гимназии «кухаркиных детей», если по заданию старого строя ученик привилегированной школы уже под влиянием самой школы чувствовал себя будущим громовержцем, а ученик народной школы будущим пролетарием, и в самой школе они уже привыкли ненавидеть или же презирать друг друга, то нашей целью должно служить, чтобы все дети прошли до полного окончания курса вместе с деть-

¹ Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916, стр. 257.

ми других сословий одну и ту же общеобразовательную школу от ее низших ступеней до высших»¹. Но в 1916 г., когда писалась эта книга, в России было самодержавие. И надо было будить инициативу общества, напоминать обо всех путях, руслах, по которым идет просвещение в массы, призывать всех и каждого к энергичной и дружной работе на просветительском фронте. Но до осуществления идеала о единой для всех общедоступной на всех ступенях школы еще далеко, и надо говорить и о школах взрослых как о суррогате правильно организованного всеобщего образования, о внешкольном образовании с его библиотеками, книжными складами, курсами, народными домами, съездами, передвижными лекциями, выставками. И В. П. Вахтеров набрасывает картину такой внешкольной работы с сетями общеобразовательных учреждений, с разнообразными формами и видами их, отчасти уже выработанными жизнью, практикой земств, кооперации, частной инициативы. Книга, лекция, курс лекций, передвижной народный университет, передвижная выставка, передвижной кинематограф — все это должно искать потребителя, идти к нему. Народному дому (в те годы это было учреждение очень близкое народу деревни, очень отвечавшее на ее разнообразные запросы и очень популярное) В. П. Вахтеров указывает и новую функцию, дает новое задание: народный дом должен иметь в своих стенах такую организацию, которая отыскивала бы людей с дарованиями, стремящихся к науке и обеспечивала бы им возможность работать в избранной ими области. «В былые времена, — пишет В. П. Вахтеров, — встречались иногда меценаты, оказывавшие помощь некоторым случайно выдвинувшимся дарованиям. Теперь эту помощь должно взять на себя общество, и такая помощь должна быть не случайной и произвольной, а планомерной, и основана она должна быть не на филантропических началах». Правильно поставленная такая организация, по его словам, даст, во-первых, целый ряд культурных работников деревни, а во-вторых, выдвинет из них ценные научные и иные силы. «Самоучка» — это тот тип культурной разновидности, которой особенно много

¹ Вахтеров В. П., Всенародное школьное и внешкольное образование, М., 1917, изд. Сытина, стр. 73.

внимания уделяет Василий Порфирьевич: его надо подбодрить, ему надо помочь, надо повесить его веру в свои силы, создать ему благоприятные условия для работы. В стенах народного дома такой стремящийся к науке самоучка должен найти и лабораторию для своих опытов, и нужные книги, и приборы. Надо издать русские и перевести на русский язык иностранные наиболее ценные научные труды, иные из них популяризировать, надо давать периодические обзоры открытий и изобретений в различных отраслях знаний, надо в центрах иметь компетентные учреждения для заочного руководства таких самоучек и вообще стремящихся к самообразованию любителей, надо издавать соответственные программы, списки книг, нужна заочная помощь и для занимающихся в лабораториях, нужно изготовление научных кинематографических фильмов. И, наконец, как пишет В. П. Вахтеров, «нужны учреждения, где начинающие изобретатели могли бы найти всестороннюю помощь и указания. Такие учреждения могли бы взять на себя рассмотрение и оценку проектов и моделей, хлопоты по выдаче привилегий на новые изобретения, по продаже их заводам и фабрикам, могли бы оказать помощь советом и делом в дальнейшей работе талантливым самородкам и проч. Наука создается не только цеховыми учеными, огромные вклады в науку делали именно эти представители «вольной науки», и в главе о внешкольном образовании В. П. Вахтеров дает целый ряд характеристик таких представителей вольной науки, начиная от гениального Коперника, Ньютона, продолжая Локком, Беконем, Лейбницем, Дидро, Руссо, Дарвином и др., никогда не бывшими цеховыми учеными. А Прудон, Фарадей, Франклин, Уатт, Стефенсон и вообще не получили систематического образования и всем обязаны только своей огромной энергии и огромной работе над собственным самообразованием. «Если бы уничтожить открытия, сделанные любителями науки,— пишет В. П. Вахтеров,— то мир погрузился бы в тьму средних веков». И еще один плюс находил В. П. Вахтеров в таких вольных любителях науки: «Если вначале, — пишет он, — они обыкновенно уступают цеховым ученым, зато потом они нередко превосходят последних оригинальностью и удельным весом своих открытий. Кроме того, они, менее связанные традициями, условностями, службой, обыкновенно от-

личаются большей независимостью суждений, среди них реже встречаются реакционеры и чаще искатели новых путей, нежели среди представителей официального учебного цеха»¹. Можно себе представить, какое впечатление бодрости производили такие строки на какого-нибудь в глуши живущего деревенского самоучку. Отклики на эту книгу, увы, исчезнувшие, показывали, что так и бывало.

Когда в 1916 г. был созван съезд по вопросам изобретательства, В. П. Вахтеров чрезвычайно заинтересовался им. Он торжествовал, узнав, что в отдел изобретений в короткое время поступило до 2000 предложений, из числа которых многие нашли себе применение как очень ценные. Но, увы, изобретения эти касались лишь вопросов военной техники, для этого и был созван съезд. Но факт оставался фактом, и В. П. Вахтеров писал: «Так велика плодовитость русского гения, что стоило на один только момент открыть для изобретателей один только клапан, да и то специальный, как сейчас же сюда хлынул целый поток оригинальных и остроумных изобретений». «Но,— пишет он дальше,— необходима не временная только, а постоянная, планомерная организация дела изобретений. И я уверен, что когда близорукая политика перестанет мешать этому делу, русский гений удивит мир в области изобретений»². В такой организации, где бы изобретатели могли найти и помощь, и необходимые указания, надо, по мнению В. П. Вахтерова, чтобы в числе ее членов было достаточное количество лиц из самих изобретателей, из числа самих самоучек. «Мы хорошо знаем, с каким высокомерием и презрением относились многие патентованные и цеховые авторитеты к открытиям и изобретениям, сделанным недипломированными любителями науки и техники,— пишет он,— присутствие среди членов достаточного количества самих изобретателей обеспечило бы беспристрастие при рассмотрении проектов». Но чтобы дойти до возможности изобретать, надо быть по меньшей мере грамотным, а к 1916 г., когда писалась книга, дела в этом отношении обстояли не блестяще. Невелик был процент грамотных

¹ Вахтеров В. П., Всенародное школьное и внешкольное образование, М., 1917, стр. 103—104.

² Там же, стр. 14—15.

школьников даже в передовых губерниях и ужасающе велик был процент безграмотных взрослых. Было от чего прийти в отчаяние. И, следовательно, опять должен был быть выдвинут вопрос о ликвидации неграмотности взрослых путем устройства воскресных и вечерних, постоянных и передвижных курсов и школ. А между тем в это время как-то больше внимания уделялось другим видам народного просвещения: лекциям, театру, народному университету. В. П. Вахтеров опять напоминает об этой первоначальной ячейке грамотности: «Пусть,— пишет он,— необходимость провести народ через первоначальную грамотность не заглушается нужными и прекрасными перспективами приобщения его к высшему просвещению». И он рисует опять (уж сколько раз в своей жизни он выступал с этими проектами)¹ схему организации обучения взрослых с привлечением к этому делу, кроме народного учительства, которое всегда считало его своим делом, и армию добровольцев: учащихся средних и высших школ, учащихся старших классов средней школы и вообще всех образованных и даже просто хорошо грамотных людей,— уж очень неотложным было это дело. В. П. Вахтеров говорит об отведении для таких занятий помещений везде, где только это возможно, об ассигновании средств на оплату учащихся, о кратковременных курсах по подготовке учителей грамоты и вообще по методике первоначального обучения, о широкой пропаганде вопроса в прессе, в земстве, в думе, в народной среде. В месяц-полтора вполне возможно обучить грамоте, т. е. чтению, письму и счету, группу в 40—50 человек, а опытный учитель, обучая по 2 часа в день в двух-трех группах и передвигаясь в пределах шести ближайших пунктов, сможет обучить в год группу до 1000 человек. И таким образом в 2—3 года можно будет, по мнению В. П. Вахтерова, справиться с первой задачей. Следующей степенью обучения взрослых (и подростков, которых тоже следует вовлечь в орбиту той же работы) будут уже другие типы учреждений, с рас-

¹ В 1893 г. в книге «Частный почин в деле народного образования», в 1896 г. в книге «Внешкшльное образование народа», затем в целом ряде журнальных статей: в 1915 г. в Педагогическом о-ве по вопросу об обучении раненых солдат, в 1917 г. в Учительском союзе с проектом об организации в деревнях сети школ для взрослых.

ширенной программой, а в качестве одного из таких типов он указывает на датские крестьянские школы-академии. Набрасывает он и общие принципы работы в школах взрослых: свободу преподавания, без обязательных программ и правил, свободу учащихся самим намечать темы занятий, свободу их переходить из группы в группу, сообразно их интересам и склонностям, гибкость программ, простор для выявления индивидуальных особенностей учащихся, их непременно участие в педагогических советах и т. д.— все это уже и было в обиходе таких учреждений, в те времена создававшихся частной инициативой, земствами, кооперативами, самими крестьянами.

Но мало иметь школы, надо и вне школы обеспечить взрослым и подросткам возможность культурного общения, возможность самостоятельной творческой работы, отсюда необходимость кружков, обществ самообразования с широкой помощью им из центров в виде заочного обучения, письменных советов, программ, книг, пособий и т. п.

Работы по просвещению в полубезграмотной стране масса, сил мало, препятствия неисчислимы, и необходимо поэтому привлечение к этому делу всех общественных групп.

Для успеха работы—это всегдашняя мысль В. П. Вахтерова—необходима наивозможная децентрализация ее. «Если вы хотите убить начатое дело в его зародыше,—пишет он,—подчините его центру, все равно, будет ли это центр земский или какой-либо иной, засыпьте его предписаниями, запрещениями, наказами, руководящими планами, и вы увидите, как быстро отойдут от дела все ценные, любящие его работники и останутся только индифферентные к нему карьеристы, которые похоронят его во славу централизации. Нет, каждый центр, и чем он крупнее, тем больше должен стремиться к тому, чтобы не приказывать и повелевать, а помогать и служить более мелким центрам. Всякий орган сверху до низу должен быть самоуправляющейся коллективной единицей, где все принципиальные и вообще важные вопросы решаются коллегиально, при помощи участия представителей от всех групп, вкладывающих в это дело свой труд. Задача центральных организаций—будить деятельность местных ячеек, а отнюдь

не рассчитывать на их привычку действовать по указанию центра. Всякие руководящие правила могут исходить только от съезда всех работников в данном деле». Таково в общем содержание этой горячо и, как часто бывает у В. П. Вахтерова, с публицистическим задором написанной книги¹.

За один год условия резко изменились, старый строй отошел в вечность, и автору пришлось сказать в послесловии, что «благодаря этой перемене многие требования, выраженные в книге, становятся скромными минимумами».

Особой страничкой в литературной деятельности В. П. Вахтерова является его работа над учебниками: составление букварей (Букварь, Новый букварь, Первый шаг) и книг для классного чтения в школах (Мир в рассказах для детей год 1, 2, 3 и 4). В начале 1897 г. В. П. Вахтеров впервые написал мне, что Сытин предложил ему составить букварь и школьные книжки: «Мысль интересная,— писал он,— надо бы во всех книгах начиная с первых шагов в школе дать ребенку хороший, доброкачественный материал». Особенно привлекательным показалось ему создать для школьника такие книги, которые ввели бы его в мир природы: в учебниках того времени отделы естествознания или вовсе отсутствовали, или, за редкими исключениями, были кратки и бледны. В одном из последующих писем Василий Порфирьевич уже писал мне, что он решил заняться этой работой, начал обдумывать букварь и, предложив мне принять участие в составлении школьных книжек, стал присылать свои соображения, планы, материалы; тогда же мы и наметили название «Мир в рассказах для детей». Первое издание Букваря вышло в 1897 г., и критик «Педагогического листка», редактировавшегося педагогом Тихомировым, дал о книжке очень суровый отзыв. Знакомые шутили на тему о том, что Тихомиров «почуял конкурента», но, конечно, это было не так, потому что и действительно первое спешное издание Букваря заключало в себе не мало погрешностей, впоследствии исправленных. Букварь был составлен по звуковому методу. В. П. Вахтеров называл этот метод «бук-

¹ Вахтеров В. П., Всенародное школьное и внешкольное образование, М., 1917.

венно-звуковым», потому что в нем отсутствовали те предварительные звуковые упражнения, которые при чисто звуковом методе довольно долгое время ведутся с детьми. Здесь же с первого урока учитель приступал к работе над выделением из фразы однозвучного слова (*a, y*), и с первого же урока ученик мог прочесть хотя бы слово *ay*. Звуковой метод, защитником которого В. П. Вахтеров был всю жизнь, считался им особенно ценным за тот элемент сознательности и активности, который он в себе заключал и который, по словам В. П. Вахтерова, давал ребенку возможность становиться «в положение изобретателя алфавита». Дореволюционная критика в общем сочувственно относилась к Букварю Вахтерова; учителя писали ему, что по этому букварю «необыкновенно легко учить», и посылали ему свои замечания и указания. Эту учительскую критику В. П. Вахтеров всегда ставил очень высоко, внимательно прислушивался к ней и нередко ею пользовался, так что повторное издание Букваря, к большому, вероятно, неудовольствию издателя, никогда не являлось простой перепечаткой предыдущего: что-нибудь исправлялось, что-нибудь вставлялось новое.

Высоко ценя народную речь, В. П. Вахтеров всегда старался дать уже в Букваре образцы народной словесности в виде пословиц, поговорок, загадок, песенок и сказок, придавая этому материалу очень большое и воспитательное, и чисто эстетическое значение. Тираж Букваря был очень велик. И если в первые годы распространение его по Курской, например, губернии выражалось в таких скромных цифрах: Букварь Баранова — 51%, Букварь Бунакова — 42%, Тихомирова — 25%, Вахтерова — 27%, то уже в последующие годы по распространению он стоял в первых рядах. «У меня меньше волос на голове, чем сколько я продал экземпляров вашего букваря», — сказал В. П. Вахтерову какой-то очень волосатый петербургский книгопродавец, отмечая этим сравнением действительно громадный тираж букваря. После Октябрьской революции букварь просуществовал до 1924 г., до года смерти автора, и за это время перенес не мало изменений.

Школьная книжка «Мир в рассказах для детей» 1-м изданием вышла в 1900 г. и была выпущена под общими нашими инициалами ВЭВ, — фамилия Вахтеровых

в те годы могла бы предрешить судьбу книжки и преградить ей доступ в школу¹.

Первая книжка была составлена по тому же плану, как и последующие части, т. е. содержала беллетристический отдел, разделенный по темам, отдел естествознания и очень небольшие отделы по истории и географии, скорее литературные иллюстрации к этим отделам. Существует мнение, не лишённое основания, что хрестоматии для классного чтения создаются больше всего «при помощи ножниц и клея». И клею и ножницам было не мало дела и в нашей работе, поскольку беллетристический отдел должен был дать лучшие образцы художественной как общей, так и народной литературы,— их брать надо было в готовом виде. Отделы беллетристики группировали этот материал по темам (семья, школа, общество, труд), стремясь дать ребенку яркие и живые образы из окружающей жизни, стремясь к тому, как говорилось в предисловии, «чтобы ребенок как можно больше пережил и почувствовал облагораживающих настроений». И должно быть целью авторов в этом смысле была все же достигнута,— об этом говорили и отзывы учащихся, и отзывы критиков. «В книгах Вахтеровых,— читаем в одной из таких рецензий,— искусно подобран наилучший для детского возраста материал, обнимающий всю гамму высоких человеческих чувств. Счастливая мысль составителей дать статьи, удовлетворяющие одновременно и нравственным, и художественным требованиям, удалась им вполне»,— и таких отзывов можно найти в тогдашних журналах довольно много. Иногда В. П. Вахтеров получал даже письма от ребят-школьников. Одно из них гласит: «Здравствуй, дорогой мой ВЭ Вахтеров, благодарю вас за самые хорошие стихи и прозы, которые глубоко проникают в детскую душу. Ваши стихи и прозы берут читать с великой охотой и радостью маленькие дети и взрослые мужчины и женщины»².

Однако не художественная часть книжек обращала

¹ Следующие издания были уже с полной фамилией авторов — В. и Э. Вахтеровы, причем 2-м автором учителя почему-то считали несуществующего брата В. П. Вахтерова и часто, адресуя ему благодарность за книгу, просили передать таковую и его «уважаемому брату-соавтору».

² Письма школьников (Архив Вахтерова).

на них особое внимание критиков, и в этом отношении прав учитель Жаров, который в своем докладе об учебниках писал: «Успехом своим книга Вахтеровых обязана исключительно своему отделу естествознания, так как все остальные отделы этих книг находятся на уровне остальных хрестоматий»¹ (он имел в виду несколько им разбиравшихся школьных книжек, имевших в то время большое распространение среди передового учительства). В другой рецензии читаем: «В отношении естествознания заслуги этой книги действительно громадны. Не боясь преувеличения, можно смело сказать, что само естествознание в народной школе создано именно этой книгой, ибо только эта книга наглядно доказала, что очень многие сведения из естествознания не только вполне возможны в народной школе, но что именно подобные сведения бывают для детей школьного возраста наиболее интересны, наиболее доступны и наиболее способствуют развитию в детях наблюдательности, самостоятельности, любознательности. Наконец, самые методы преподавания в начальной школе во многом изменились к лучшему, благодаря этой же книге... Вахтеров завоевал для опытов права гражданства в народной школе, он сделал их таким же необходимым пособием, как глобус или географическая карта»². И действительно, большой отдел естествознания, самостоятельно составленный В. П. Вахтеровым в виде простых, доступных, интересных по форме статей, был новшеством в школьных книжках. И на этот именно отдел и обрушилась первая очень отрицательная критика «Русской мысли», иронизировавшая над таинственным «ВЭВ» и над его вульгаризированием научных сведений. Были и верные указания на ошибки, но главное было в том, что автор отдела и критик стояли на двух противоположных точках зрения. В. П. Вахтеров во главу угла ставил интерес ребенка, и ради этого интереса он позволял себе своеобразный подход к теме, внося в статью много сравнений, образов: «Перед глазами его был ребенок, которого надо было заинтересовать, увлечь темой, а критик рассматривал вопрос под другим углом зрения, считая

¹ «Народный учитель», 1913, № 3, 4.

² «Вопросы и нужды учительства», Сборник статей и справок, 5, ред. Е. А. Звягинцева, изд. Сытина, М., 1910.

такой подход за профанацию науки, а вольности, которые себе позволял автор (например, «земля греет свои бока на солнце, как это делает у костра человек, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком»), искренно возмущали его, и он глумился над ними. Я вспоминаю, что на различных заседаниях того времени не раз дебатировался этот вопрос о способах популяризации научных сведений, и всегда сталкивались два непримиримых мнения: одни, во имя заинтересованности ребенка, защищали свой способ, не боясь того, что при этом могут иногда получиться некоторые ляпсусы, неточности; другие, во имя чистоты и неприкосновенности науки, с пеной у рта нападали даже на таких выдающихся популяризаторов, как Рубакин, Лункевич. Так иногда и историки резко критиковали историческую беллетристику (даже «Князя Серебряного» А. Толстого), а эта историческая беллетристика, однако, как это хорошо было известно таким знатокам читательской публики, как Рубакин, при всех своих научных неточностях и даже ошибках переводила своих читателей на рельсы чтения серьезных исторических книг. Вахтеров точно так же не считал, конечно, что его статейки в школьной книге, знакомящие ребенка с природой и ее тайнами, будут началом и концом научного багажа человека; он знал, что это ступеньки к дальнейшему чтению, но с одной ступеньки на другую перешагивают только тогда, когда заинтересуются первой, когда будет возбуждена любознательность, а этот интерес и эту любознательность, несомненно, вызвали его статейки, как об этом нам не раз рассказывали учителя. И потому В. П. Вахтеров не очень много внимания уделял этой порой очень злобной критике на его естественноисторические отделы в школьных книгах, по словам того же учителя Жарова, в журнале «Для народного учителя» за 1907—1908 гг. целые столбцы и страницы посвящены перечню вахтеровских ошибок... Некоторые наиболее ярые ревнители чистоты науки нашли многие статьи даже вредными», и были такие ритористы, которые предлагали даже «вырвать некоторые страницы в этих книгах»¹. Такие отзывы давали некоторые специалисты (вспоминаю отрицательное отношение к этим отделам

¹ «Народный учитель», 1910, № 13—14.

Елачича, Севрука), но дело в том, что В. П. Вахтеров — любитель естествознания — не мог считать себя, конечно, достаточно компетентным в научных вопросах и потому до печатания своих книг он передавал эти отделы на просмотр тоже специалистов¹ и только после их редакции считал свою работу гарантированной от крупных ошибок (мелких ошибок, неточностей, вероятно, не считали криминальными в детской книге и сами специалисты). При каждом новом издании он не забывал внимательно перечитывать именно эти научные отделы, делая дополнения и исправления на основании новых научных данных, а проверка этих отделов научными специалистами, насколько помню, была произведена не менее трех раз. И все же другие, тоже специалисты, не переставали горячо нападать на него, а он не менял своего приема, видя на практике, что его цель вызвать в ребенке интерес к природе, желание наблюдать ее и самому экспериментировать достигается. В. П. Вахтеров, кроме просмотра специалистами, проверял статьи и сам в школах при курсах, и со своими ребятами, и при помощи учителей, и на основании полученных впечатлений вновь и вновь переделывал их. Дореволюционная педагогическая критика (кроме упомянутой критики специалистов, часто тоже педагогов) относилась к этим отделам, в общем, с большим сочувствием. Справочно-педагогическое бюро Курского земства находило, что «автор занимает исключительное место, являясь творцом чрезвычайно ценного и разнообразного научного материала», и считало, что статьи этого отдела «могут служить примером того, как нужно излагать научный материал для детей начальной школы: форма изложения проста, легка, образна, изобразительна». «Кажется, никогда еще наука не являлась в нашей начальной школе в таком доступном и обаятельном виде», — говорит критик «Русской школы». Очень сочувственно отзывались о книгах и учителя. Иногда книги подвергались экспертизе учительских комиссий, которые детально изучали их, сравнивали с другими циркулировавшими в те годы учеб-

¹ Вспоминаю, что в первом, кажется, издании В. П. Вахтеров считал необходимым напечатать об этой редакции специалистов; ему казалось, что неудобно замолчать об этом; но некоторой частью критики это было воспринято как саморекламирование, и в других изданиях об этой проверке уже не упоминалось.

никами и обыкновенно давали им хорошую оценку. Вот например, как оканчивается один из таких докладов: «На своем веку я испробовал много разных книг,— говорит учитель-докладчик,— но лучше, интереснее для детей книги Вахтеровых не находил... Эта книга научила меня многому... И я уверен, что всякий из нас, кто испробует ее, уже не расстанется с нею»¹. И то обстоятельство, что школьная комиссия Ярославского земства составила особую коллекцию наглядных пособий к естественноисторическому отделу этих книг, тоже указывает на ту популярность, какую имели они в земских школах. Взрослые крестьяне и рабочие, как говорили нам учителя, тоже находили в этих «детских» книгах кое-что интересное для себя. Так, один из таких взрослых читателей пишет, что, заинтересовавшись статьями о звуке, он нашел в них пробел: «Почему ничего не говорится о том, отчего теряется звук на расстоянии». И он рассказывает о своих опытах,— едва ли это не было проблемой ловли звука в эфире, будущего радиовещания (письмо относится, кажется, к 1910 г.). Итак, у школьных книг Вахтерова были и свои ценители, и свои критики. Но если представители науки критиковали его популярные статьи во имя идеальной книги будущего, то были и другие критики, так сказать, официальные, которые заседали в недрах учреждения, называвшегося Ученым комитетом. Люди здесь сидели серьезные, шутить они не любили, и так как оценивали они учебники с точки зрения их педагогической благонадежности и пригодности для допущения в школу, то, «напрягши ум, наморщивши чело», изрекали, дабы не попасть впросак перед еще высшим начальством, обычно очень суровые приговоры. «Уместно ли естествознание в таком обширном объеме в классной книге для чтения?— спрашивает автор одной из таких рецензий.— Предусмотрены ли существующими планами такие опытные занятия в начальной школе на уроках родного языка? Отведены ли для этого особые часы? Подготовлены ли учащие для ведения наблюдения и постановки опытов?» А так как и в других отделах книги он находит дефекты («односторонность, чтобы не сказать тенденциозность подбора статей, отсутствие религиозных и церковных мотивов»),

¹ «Народный учитель», 1910, № 13—14.

то он полагает «признать книгу непригодную к употреблению в начальных училищах»¹. В таком же роде бывали отзывы и других членов Ученого комитета, и, вероятно, только дипломатия и умение издателя этих книг И. Д. Сытина, знавшего все ходы и выходы в подобных учреждениях, помогали книгам все же циркулировать в школах. Было еще, кроме Ученого комитета, особое место, где с неослабным вниманием следили за книгами Вахтерова и где отрицательное отношение ко всему, что бы он ни написал, являлось как бы предрешенным,— это был орган Синода журнал «Народное образование». В дружеском согласии с этим органом была и критика черносотенных добровольцев, которые то в специальных заседаниях, то в правых органах печати, а то даже в Государственном совете или в Государственной думе разделявали на все корки наиболее прогрессивную учебную литературу.

В своем докладе в Государственном совете член совета Говоруха-Отрок разводит настоящую панику по поводу того, что в книгах «Мир в рассказах» проводится дарвиновская теория, что в них «умалчивается о связи России с православной верой, о благодетельных реформах наших монархов, о наших святынях». Испуганный громами и молниями, которые мечет перед собранием расходившийся сановник, присутствующий на заседании товарищ министра народного просвещения барон Таубе спешит успокоить его: «На книгу Вахтерова,— говорит он,— уже было обращено внимание, специальным циркуляром она была изъята из употребления в народных училищах». И, конечно, после этого запроса правых книги «Мир в рассказах», и раньше не раз подвергавшиеся частичным запретам и изъятиям, попадают под непрерывный обстрел. Собственно криминальными считались 3-й и 4-й годы, напечатанные в одной книге, и на эту книгу главным образом и сыпались обвинения. Теперь трудно даже и поверить, что такие статьи, как «Ночной бред Грозного» из «Князя Серебряного» А. К. Толстого, как «Вечевой колокол» и «Новгород» Губера и даже толстовский рассказ о Емельяне Пугачеве приводили в ужас благонамеренных критиков из лагеря правых. И опасение опять прозевать что-либо и опять

¹ Рецензии Ученого комитета (Архив Вахтерова).

заслужить обвинения в попустительстве и недостаточной бдительности заставляли начальство прибегать к выемкам вахтеровских книг огулом, не только запрещенного 3—4 года, но и других, не запрещенных — «во избежание недоразумений», как говорится в одной из бумаг¹. Забеспокоились и попечители округов, и вот предложение попечителя, обращенное к начальникам учебных заведений и директорам народных училищ «лично» и с особой тщательностью знакомиться с применяемыми в учебных заведениях книгами для чтения, ибо «из поступающей в учебные округа переписки усматривается, что в начальных училищах и младших классах среднеучебных заведений применяются при преподавании русского языка хрестоматии и книги для чтения, хотя и допущенные Ученым комитетом народного просвещения, тем не менее, при ближайшем с ними ознакомлении, оказавшимися, по подбору материала, не чуждыми некоторой односторонности и даже тенденциозности», — и в перечне этих учебников, конечно, и «Мир в рассказах» Вахтеровых². Таким образом, целая серия учебных книг и книг, прошедших положенную и, конечно, достаточно строгую цензуру, все же оказывались неприемлемыми. И не удивительно, что еще более подчиненные агенты власти, инспектора народных училищ, например, иногда отдавали распоряжение «по вверенному участку», как тогда выражались, об изъятии из школ всех вахтеровских книг, а иные доводили свое усердие даже до ... ауто да-фе: так, в одной корреспонденции сообщалось о приказе инспектора собрать в школах все вахтеровские учебники и сжечь их³. В 1913 г. вышла симптоматическая книга под громким названием «Школьная подготовка ко второй революции». Редактором книги был известный черносотенец Пуришкевич, и посвящал он ее «благородному российскому дворянству, верному стражу русских исконных государственных начал». Книга заключала в себе ряд рецензий-доносов на употреблявшиеся в школах учебники: «Миру в рассказах», в частности, уделено не мало внимания и места. Один из авторов (все это были по большей части правые земцы, так называемые

¹ Бумага от января 1912 г. (Архив Вахтерова).

² Отношение попеч. уч. округа от декабря 1911 г. к директорам нар. училищ (Архив Вахтерова).

³ Корреспонденция из Архива Вахтерова.

«зубры») с удовлетворением рассказывает о том, как, не побоявшись убытков, они уничтожили на десяток тысяч рублей разных злокозненных книг, закупленных книжным складом для школ. «Миру в рассказах» прежде всего ставится на вид отсутствие религиозного настроения: нет статей о боге, о церкви, о русских святынях. Инкриминируется автором и «антинациональное настроение», и «благожелательность к инородцам» («самоеды, кавказские горцы, киргизы — все объемлются их любовью», — с неодобрением отмечает рецензент), и антимилитаризм («нет статей о подвигах русского оружия и есть статья об отрицательных сторонах войны»). В другой рецензии прямо указывается на стремление авторов «подорвать вооруженную оборону страны» (можно сказать, «перехватил маленько») и где-то еще на возбуждение добрых чувств по отношению к «тюремным сидельцам» (т. е. заключенным). Прелестный рассказ Амичиса «Как мальчик ухаживал за татой» тоже взят под подозрение — здесь подрываются семейные основы и проводится мысль, что «родственные чувства даже отца к сыну дело простой привычки», словом, на каждом шагу напуганное воображение критиков находит подвохи, козни, потрясение основ. «Странное зрелище, — говорит один из них, — видеть государственную школу, подготавливающую гибель своего отечества».

Естественноисторический отдел вызывает особо ярые нападки, главным образом потому, что сообщаемые сведения находятся «в непримиримом противоречии с библейскими сказаниями»: как, в самом деле, примирить дикого, звероподобного первобытного человека с библейским учением о создании человека «по образу и подобию божью». Один из авторов сборника считает книжку «Мир в рассказах» одной из вреднейших. «Науку и ее деятелей, — пишет он, — авторы стараются почти обожествить в глазах детей, и все это направлено, конечно, к тому, чтобы подорвать религиозное мирозерцание». Не оставлено без внимания и «политическое» направление книги, и эту «политику» находят даже в статье ...об удельном весе! Фраза этой статьи «царей в те времена окружали мошенники и казнокрады» (дело идет об общеизвестной легенде, как от царя хотели скрыть вес золотой короны и как это было обнаружено) кажется рецензенту очень подозрительной, и он встает

на защиту этого легендарного царя и его вельмож. В стихотворении Пушкина «Анчар» не нравится рецензенту то обстоятельство, что князь вызывает к себе отрицательное отношение читателя, а раб, наоборот, вызывает симпатию и жалость. И в заключение вывод: «Очевидно, авторы, поместив стихотворение «Анчар» и сентенцию, что царя окружают мошенники и казнокрады, считают этим вопрос о царях исчерпанным». Обо всех этих курьезах, может быть, не стоило бы и упоминать, если бы они не были типичны, если бы они не шли из года в год, из десятилетия в десятилетие, варьируя лишь с переменной политической ситуации, характеризуя иногда искреннее, а иногда и просто учебное усердие. И вот, лавируя между такими придирками, доносами, запрещениями, пробивали себе путь в школу более прогрессивные учебники: авторы и издатели отписывались, иногда поступались теми или иными статьями, чтобы спасти книгу, иногда, под шумок, в надежде, что не заметят, помещали инкриминируемый текст под другим названием: если это обнаруживалось — шли новые бумаги и новые неприятности и автору, и издателю. Все эти мытарства хорошо известны, и еще старик Бунаков писал об этом в своих воспоминаниях. Книги «Мир в рассказах» имели до революции очень большое распространение, и если, как говорится в одном докладе, были учителя, которые считали их «трудными для школы», то в большинстве случаев приходилось слышать положительные отзывы. Даже убогая церковноприходская школа, в которой употребление учебников Вахтерова было запрещено особым циркуляром Синода, и та иногда тянулась к ним: «В наших школах,— пишет В. П. Вахтерову учитель такой школы,— не разрешают пользоваться Вашими книгами, но мы читаем их и рассказываем содержание их детям после занятий и в праздники. Ваши труды не пропали даром, многие полюбили природу и наглядность благодаря Вам»¹. Тираж «Мира в рассказах» до 1917 г. был очень велик и, несмотря на все чинимые ему препятствия, прогрессивно увеличивался, с самого последнего места в момент их появления переходя на одно из первых. После 1917 г. «Мир в рас-

¹ Письмо учителя церковноприходской школы (Архив Вахтерова).

сказах» просуществовал до года смерти В. П. Вахтерова (1924), причем издавались только 3 части.

Была у В. П. Вахтерова попытка создать букварь и книжку для первоначального чтения взрослых. В 1917 г. он для этой цели переделал свой маленький 5-копеечный букварик «Первый шаг» и, как сейчас помню, включил в него тот отрывок из библии о царях, который в свое время фигурировал в прокламации Муравьева-Апостола, но почему-то этот букварь не вышел: не то началась разруха в печатном деле, не то была закрыта типография Сытина. В 1923 г., работая на красноармейских курсах ликвидаторов неграмотности в качестве лектора, В. П. Вахтеров опять нашел нужным составить букварь для взрослых с методическими указаниями к нему и подробным конспектом уроков. Такой букварь был им написан. В предисловии к методической записке В. П. Вахтеров говорил: «Ввиду того, что к обучению грамоте привлекаются неопытные учителя, автор дает в особой книжке конспекты и планы уроков, настолько подробные, чтобы грамотный рабочий или ученик 2-й ступени с конспектом в руках могли с успехом вести обучение взрослых». Идея привлечения к первоначальному обучению чтению всех грамотных людей всегда была близка Василию Порфирьевичу, и он не раз выступал в защиту ее, и потому над таким букварем и над такой методической книжкой он работал с удовольствием. Для первоначального чтения после букваря им был составлен ряд очень простых статей общепросветительного характера.

К сожалению, у меня не сохранилось этой рукописи последней работы В. П. Вахтерова над учебником. В. П. Вахтеров был хорошим популяризатором. Кроме естественноисторического отдела в школьных книжках, кроме нескольких географических статей в них же, он написал только одну популярную книжку «Небесные светила», изданную первоначально детским журналом «Юный читатель», а затем несколько раз переизданную Сытиным. Книжка написана со всеми обычными достоинствами, по мнению одних, и недостатками, по мнению других, вахтеровской популяризации: она проста, доступна, интересна, ее с удовольствием читали дети, подростки и взрослые рабочие. И опять одни хвалили книжку за то, что она просто излагала самые трудные вопросы

науки и будила желание еще читать на эту тему, а другие опять вопили о вульгаризировании науки в угоду интересам детей, о недопустимом «упрощенстве», о вольностях сравнений и т. д. «Юпитер живет не один,— пишет автор,— у него есть семья», и критик приходит в ужас от этого панибратства с Юпитером и его спутниками. «Между небесными светилами есть бродяги»,— говорит автор о кометах, и опять чопорная критика приходит в негодование и называет это «подлаживанием» к ребенку, который и без этого может понять научную статью. Быть может, кое-что и было здесь справедливым, быть может, не всегда удачны, а иногда слишком смелы были сравнения и образы, которыми пользовался автор, а все же факт остается фактом: «серьезные» книжки на эти темы не читались, а эта бралась нарасхват. И когда В. П. Вахтерову указывали на «его вольности», он шутливо отвечал: «Пусть же вульгаризированная наука будет толчком к настоящей— ведь это только и надо, а вашей науке не убудет от этого, она приобретет только нового читателя».

К литературной деятельности В. П. Вахтерова надо отнести издание им нескольких серий дешевой народной литературы: в 90-х гг. это была серия изданий «Правда», которую он составлял совместно с петербургской общественной деятельницей В. Иксуль, в 1898 г. Это было несколько дешевых книжек под заголовком «Родное слово»— вышло 4—5 брошюр, и дело заглохло из-за недостатка средств. В 1906 г. начало действовать, но в силу наступившей реакции быстро закончилось издательство «Жизнь», в котором принимали участие Гусев Оренбургский, Аникин— трудовик, депутат первой думы. В архиве В. П. Вахтерова есть письмо к нему А. М. Горького, который сначала хотел тоже принять участие в этом издательстве, но затем отказался из-за других дел и все же обещал свое содействие. Издательство успело выпустить 3—4 названия Чехова, Успенского, были сданы в набор статьи Тана, раньше не пропускавшиеся цензурой, и было предположение издать «О свободе печати» Флеровского-Берви. Но истинная «свобода печати» очень скоро дала себя знать, и издательство прекратилось.

К числу литературных работ В. П. Вахтерова надо отнести и те, которые он начал и не окончил, такова

большая рукопись с заголовком «Идеалы воспитания». Рукопись имеет пропуски, в ней нет конца, многое недоработано, многое только намечено. После смерти В. П. Вахтерова рукопись была переписана на машинке. Начата была эта работа давно, писалась урывками, и Василий Порфирьевич часто жалел, что не успеет ее закончить и обработать¹.

Собирался он писать и популярную педагогику для широких масс: он хорошо знал крестьянскую и рабочую среду своего времени и ее педагогические приемы. В одной из своих анкет о детях большой фабричной школы он получил ужасающие картины этой родительской педагогики, и ему казалось необходимым внести в эту среду здоровые педагогические взгляды и понятия. Две популярные статьи были им помещены в начале 90-х гг. XIX в. в «Журнале для всех» Миролубова, но то были случайные темы, а ему рисовался целый цикл вопросов. Две-три странички, найденные мной в его бумагах, дают образчик его намерений на этот счет: по-видимому, это должно было быть что-то вроде популярного изложения в полубеллетристической форме разных педагогических тем, вероятно, ему представлялась в виде образца книжка Песталоцци «Как Гертруда воспитывала своих детей». Перечень тем для ряда популярных статей тоже имел связь с популярной педагогикой. Темы эти таковы: Наследственность; Кто имеет право иметь детей; Воспитательная среда: природа, семья, школа, книги, труд; Общество и личность; Страх и наказания; Суеверия; Естествознание и техника; Роль слова. Осталось в его рукописях много различных вырезок и выписок из книг, из новых и иностранных журналов по педагогике, но как должен был быть использован этот материал, конечно, не представляется возможным сказать. Осталось много выписок из различных сборников народных сказок, песен, пословиц. Часть этого материала была использована для нескольких детских сборничков, представленных в какое-то издательство и отклоненных, — сказка и народная литература вообще были не в фаворе. В последнее время его снова привлек к себе вопрос о призвании. В ненапечатанной рукописи он возвращает-

¹ Сама рукопись потерялась при переезде на другую квартиру.

ся к нему,— он всегда рисовался ему одним из важнейших вопросов социальной педагогики. И тем новые искания в этой области за границей и у нас и практическое приложение их в выборе и определении профессии очень заинтересовали его. Он достал себе много книг на эти темы, но вчитаться в этот материал он уже не успел.

Из числа статей, «непринятых» к печати, помню интересную статью о церковноприходских школах, написанную на основании материалов, которые собрали хорольские учителя: это были приговоры сельских обществ о том, что бы их избавили от церковных школ («духоборини» назывались они на местном жаргоне) и дали бы школы земские. Написаны были эти приговоры удивительно сочным языком, и их было внушительное количество, а так как статья была приурочена к 25-летию церковноприходской школы, когда Синод хвалился, что получил на эти школы огромные средства, а царь всемилостивейший эти школы в лице Победоносцева приветствовал, то статья приобретала особенно пикантный характер. Помню, что фигурировала в ней и фраза какого-то «деятеля», ставившего в самый главный актив этим школам то, что они удостоились всемилостивейшей похвалы, а земские школы, хоть они и дольше существуют, никогда такой похвалы не получали. Статья, однако, не была напечатана (это было, кажется, в 1909 г., когда цензура уже держала ухо востро), и интересные приговоры хорольских крестьян так и пропали в недрах, уже не помню какой, редакции.

Вот почти все содержание литературно-педагогической работы В. П. Вахтерова — большое разнообразие тем и широкий захват вопросов. Помню, что кто-то спросил меня: кем по преимуществу был В. П. Вахтеров, какова была его главная специальность? Был ли он больше всего методистом, или его, с его глубоким интересом к ребенку, с его постоянными наблюдениями над детской психологией, так много писавшего о детях и так горячо защищавшего их права, следует признать педагогом? Или он больше всего был увлечен широкими организационными вопросами народного образования — внешкольным образованием, всеобщим обучением? Или, быть может, учительский вопрос, учительское движение, которому он отдал так много сил, было гвоздем его ра-

боты? Как объединить все это? Есть ли в этом разнообразии тем разбросанность, неумение сосредоточиться на чем-либо одном, или все это как-то сводится к одному знаменателю? Объяснение разнообразия этой работы в том, что В. П. Вахтеров был человеком живой жизни, и все вопросы, которые эта жизнь выдвигала в любимых им областях педагогики и народного образования, были ему и близки, и дороги. В. П. Вахтеров был и методистом, и педагогом, и деятелем по народному образованию.

Ребенок, школа, учитель, всеобщее обучение, внешкольное образование — вот законченный круг, и в качестве объединяющего его синтеза горячая любовь к родной стране, «нутряная» какая-то, инстинктивная любовь к родине. Он любил родину так, как любят ребенка глубокой, нежной, какой-то жалостливой любовью. Из этой любви к родине и народу вытекал и весь пафос его борьбы за просвещение. Народ — неисчерпаемая сокровищница талантов, и обязанность государства отыскать эти таланты, дать им возможность выявиться, дать возможность каждому человеку найти свое призвание. В этом заинтересованы и государство, и общество, и каждая личность, потому что «любимый труд по призванию и работа на благо общества есть главная основа и личного счастья», а В. П. Вахтеров вместе с любимым писателем своим Короленко всегда верил, что «человек создан для счастья, как птица для полета». Но надо завоевать это счастье для всех, и отсюда его борьба с правительством и его вера в революцию, отсюда его неустанная пропаганда своих идей в обществе, отсюда его постоянная упорная работа. Дело, которому он служил — просвещение народа, — было для него любимым и самым значительным, и он отдавался ему с юношеской верой. Потому-то в его работе и было так много светлого оптимизма, потому-то он умел и других заражать своими идеями и мечтами, потому-то он до конца своей жизни был так бодр и так молод душой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Ф. Ф. Королев, В. П. Вахтеров — выдающийся русский педагог-демократ и крупный деятель народного образования (1853—1924)	5
<i>В. П. Вахтеров, его жизнь и работа</i>	
Предисловие	39
Глава первая. Воспоминания из моей жизни (Нижегородский период — 1853—1874)	43
Глава вторая. Смоленский период (1875—1890)	69
Глава третья. Московский период (1890—1924)	89
1890—1896 гг.	—
1897—1904 гг.	133
1905—1917 гг.	182
1918—1924 гг.	247
Глава четвертая. Всеобщее обучение	255
Глава пятая. Литературно-педагогическая деятельность	299

Эмилия Орестовна Вахтерова

В. П. ВАХТЕРОВ, ЕГО ЖИЗНЬ И РАБОТА

Редактор Н. А. Сундуков

Переплет художника Е. М. Батыря

Худож. редактор Т. И. Добровольнова

Техн. редактор В. В. Новоселова

Корректоры Н. И. Баллод, Е. А. Блинова

Сдано в набор 11/V 1961 г.

Подписано к печати 22/VII 1961 г.

Формат 84×108/32 Бум. л. 5,75 Печ. л. 23 Усл. п. л. 18,86 У.-изд. л. 20,66

А07913

Тираж 2400 экз.

Зак. 279

Изд-во АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 8.

Типография изд-ва АПН РСФСР, Москва, Лобковский пер., 5/16.

Цена 93 коп.